

АЛЕКСЕЙ БОТЯН

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Почти вся биография полковника внешней разведки Алексея Николаевича Ботяна (1917–2020) скрыта под грифом «Совершенно секретно», но и того немногого, что мы о нём знаем, хватило бы на несколько остросюжетных книг. Он вступил во Вторую мировую войну 1 сентября 1939 года и в первые дни войны сбил три «юнкерса». Во время Великой Отечественной он воевал за линией фронта в составе оперативной группы НКВД «Олимп», принимал участие во многих дерзких операциях против гитлеровских войск и бандитского подполья на Западной Украине. Он также взорвал Овручский гебитскомиссариат в сентябре 1943 года и спас от разрушения Краков в январе 1945-го, за что дважды был представлен к званию Героя Советского Союза, но только в 2007 году получил Золотую Звезду Героя России. После войны он в качестве разведчика-нелегала работал в Европе, а затем принимал активное участие в подготовке воистину всемогущих бойцов легендарной Группы специального назначения «Вымпел».

[Адаптировано для AIReader]

-
- [Александр Бондаренко](#)
 -
 -
 - [НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ](#)

-
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
- [ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [Александр Бонадренко](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)

- [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
 - [168](#)
 - [169](#)
 - [170](#)
 - [171](#)
 - [172](#)
 - [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2056

(1856)

Александр Бондаренко

АЛЕКСЕЙ БОТЯН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Издательство благодарит А. А. Новопашина, А. Р. Петрова, Е. В. Соколова, а также ООО «Астра», «Контур» и «Контур-проект» за помощь и поддержку в издании книги.

© Бондаренко А. Ю., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*20 декабря 2020 года —
100 лет Службе внешней разведки
Российской Федерации*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ

Удивительно, но о долгой жизни Героя России Алексея Николаевича Ботяна мы на самом деле знаем совсем-совсем мало. Судите сами: единственный по-настоящему открытый период его жизни — «детство — отрочество — юность» — читателя интересует, что называется, постольку-поскольку... По-настоящему важное начинается с 1939 года, с призыва нашего героя в Польскую армию, — и эта тема совершенно открытая. Более или менее известен период начала его службы в советском НКВД и Великой Отечественной войны, однако некоторые «странички» (скорее даже — многие из них) того времени по тем или иным причинам опять-таки остаются для нас закрытыми. А уж послевоенная служба Алексея Ботяна, от старшего лейтенанта до полковника, закрыта практически напрочь и ещё очень долго — если не всегда! — будет пребывать под грифом «Совершенно секретно».

Как видите, знаем мы о его активной деятельности совсем немного. Так ведь и о том времени, когда Алексей Николаевич вышел в отставку, многого не расскажешь! Хотя вроде бы он давно уже отслужил и, как считается, «ушёл на заслуженный отдых», но ни отдыха этого, ни тем более покоя не было буквально до самых последних дней его жизни. Были встречи и контакты с различными людьми, о большинстве из которых — как людей, так и контактов — не говорилось, были поездки, места и цель которых тоже в общем-то сохранялись в тайне. Почему? Да потому, что Алексей Николаевич встречался и работал с нынешними — то есть с действующими, а потому «закрытыми», сотрудниками спецслужб, среди которых он пользовался

высочайшим авторитетом, вызывал у них огромный интерес. Причём это был не только человек-легенда, боевые операции которого ныне изучаются по учебникам (соответственно, совершенно секретным), но и живой, весьма адекватный человек — в том смысле, что не какой-то недоступный по своей высоте начальник, не некий «забронзовевший» ветеран, увешанный многочисленными юбилейными знаками и немногими наградами, а свой, близкий, понятный опер, такой же, как они. Ну, несколько постарше — но в душе столь же молодой, лихой, авантюрный, доступный в общении... В общем — абсолютно свой, надёжный и понятный!

Что же остаётся известным для нас, простых, так сказать, граждан, из ста трёх лет, прожитых Ботяном? Получается, что только лишь лет шесть-семь частично открытых, да ещё некоторые фрагменты из последующего времени. Не мало ли? Нет! Ведь даже того немногого, что мы знаем, с избытком хватит на несколько книг, на страницах которых можно рассказать о блистательных подвигах и горьких разочарования, о взлётах и падениях, о переломных моментах истории и их влиянии на судьбы мира и конкретной личности, а также — о смелых до дерзости поступках, о просто сумасшедшем боевом везении и самых настоящих, не придуманных чудесах.

И на всём этом фоне — жизнь замечательного, удивительного человека, честно и преданно служившего своему Отечеству, никогда никого и ничего не боявшегося, но при этом — оптимистичного, жизнерадостного, азартного, увлекающегося, никому не завидовавшего и очень симпатичного, безумно обаятельного. Он очень хорошо знал и понимал людей, прекрасно в них разбирался — тем более что кое с кем ему приходилось встречаться и в таких ситуациях, что, как говорится, не дай бог! — но всё равно продолжал любить людей, относился к ним с интересом, вниманием

и пониманием... И люди, в своём подавляющем большинстве, также относились к нему со вниманием и уважением. Даже с почтением и любовью.

К тому же Алексей Николаевич Ботян принадлежал к одной из самых романтических и таинственных профессий: профессии разведчика, причём к особой её элите — нелегальной разведке, окружённой легендами, загадками, сплетнями и, главное, глухой, непроницаемой тайной. Золотая Звезда Героя Российской Федерации свидетельствует о том, что в своей профессии Ботян достиг наивысшего совершенства.

...Очень надеемся, что в этой книге нам удалось нарисовать реальный портрет этого прекрасного человека, которого мы знали и очень любили и который покинул нас совсем недавно: в начале февраля високосного 2020 года, через несколько дней после своего 103-летия. Хотя казалось, что он будет жить вечно... Или просто — всем нам очень того хотелось?

Нет сомнения, что он был последним оставшимся в живых солдатом, вступившим в бой с нацизмом в самый первый день Второй мировой войны — 1 сентября 1939 года. Так что с ним вместе действительно ушла эпоха — это без всяких громких слов. Его уход оставил зарубку на сердце каждого из нас, его знавших, пусть это и звучит красиво, но это так. И книга эта — дань нашей благодарной памяти, стремление увековечить славное имя Алексея Николаевича Ботяна.

Глава первая **ДЕТСТВО В ДЕРЕВНЕ** **ЧЕРТОВИЧИ**

Можно начать рассказ с того, что родился Алексей Ботян в самое что ни на есть переломное время, да ещё и в таком месте, которое вскоре ожидали немалые потрясения. Но так как самое ценное для разведки — это подлинный документ, снабжённый соответствующим грифом, то для того, чтобы читатель видел, насколько всё серьёзно, мы предваряем наше повествование фрагментом из уникального документа, на котором стоит штамп «Совершенно секретно».

Хотя, конечно, дотошный читатель предпочёл бы получить от нас родословную с описанием рода Ботянов хотя бы до второй половины XV века — пусть и никоим образом не грифованное, ну или изображение его родословного древа, однако в белорусских лесах подобные деревья не произрастают, а своего прадеда тамошние крестьяне знают лишь по имени — конечно, ежели помнят отчество своего дедушки. Вот в результате и приходится брать документ из Архива СВР:

«Анкета специального назначения работника НКГБ

1. *Фамилия, имя и отчество:* Ботян Алексей Николаевич.

3. *Год, месяц и число рождения:* 10 февраля 1917 г.

4. *Место рождения:* БССР, Молодечинская обл., Воложинский р-н, дер. Чертовичи.

5. *Национальность, родной язык:* белорус, белорусский.

6. *Если ранее состоял в другом гражданстве или подданстве, указать, в каком именно, когда принят в*

гражданство СССР: до присоединения Зап. Белоруссии в состав Советского Союза имел польское подданство.

7. Социальное происхождение: из крестьян, служащий.

<...>

26. Служили ли в белых или иностранных армиях, в каких частях, где и когда, последний чин и должность, участвовали ли в боях против Красной Армии, где и когда, какие имели награды, за что, от кого: служил в Польской армии в 3-м дивизионе зенитной артиллерии в гор. Вильно в чине унтер-офицера. В боях против Красной Армии не участвовал...

30 июля 1945 года»^[1].

Сделаем небольшое отступление. Сегодня, очевидно, уже мало кто знает, что в Белоруссии некогда существовала Молодечинская область. Неудивительно: даже в Политическом словаре 1940 года издания, где помещена статья «Западная Белоруссия», посвящённая территориям бывшей Российской империи, только что возвращённым в состав СССР, Молодечно среди тамошних крупных городов не значится, хотя известен он был уже с конца XVI века. В знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, издававшейся на рубеже XIX–XX столетий, Молодечно именуется местечком Вилейского уезда Виленской губернии^[2] с населением 2393 жителя. Ну а к 1985 году количество таких составляло 84 тысячи.

После крушения Российской империи эта самая Виленская область превратилась в «яблоко раздора» между Литвой и Польшей, которая её оккупировала, вопреки международным договорам, и только через 20 лет, в 1939 году, город Вильно превратился в Вильнюс, столицу Литовской Республики, которая вскоре добровольно войдёт в состав СССР. Тогда Вилейка обрела вдруг воеводский или областной статус, который

сохраняла до 1944 года, когда Вилейская область и обратилась в Молодечинскую. Впрочем, ненадолго: в январе 1960 года таковая была упразднена, а её территория вошла в состав Минской области. Оно и понятно: деревня Чертовичи, в которой родился Алексей Николаевич, располагалась в 78 верстах от Минска и в ту пору примерно в десяти верстах от линии фронта, где друг против друга стояли войска кайзеровской Германии и Российской империи, доживавшей свои последние дни. Впрочем, Германская империя переживёт её всего на год.

Хотя Россия уже вступила в смутный 1917 год, но главные его события были ещё впереди, и тогда, в самом начале февраля, вряд ли кто полагал, что трёхсотлетняя история царствующей династии Романовых вплотную подошла к своему финишу.

Но всё-таки Алексей Ботян успел родиться «в царские времена» и на территории Российской империи. Однако совсем скоро эти земли временно отойдут к Польше и только в конце 1939 года будут включены в состав Белорусской Советской Социалистической Республики, одной из союзных республик великой державы СССР — Союза, объединённого вокруг России, прямого наследника империи, рухнувшей по причине бездарности своего очередного правителя. (Кто бы знал, что подобная судьба ожидает, в конце концов, и великий Союз!)

Вот какая оказалась история с географией!

«Я считаю, что жизнь моя сложилась таким образом благодаря моему отцу, Николаю Николаевичу Ботяну, за что я ему очень признателен, — рассказал нам однажды Алексей Николаевич. — Ведь если бы он рассудил так, как думало подавляющее большинство в деревне: мол, пусть сын здесь живёт и работает, то я бы получил только начальное образование и остался бы в своей

деревне, как все другие наши ребята, которые за всю свою жизнь никуда из родных мест ни разу не выезжали. А ведь время тогда было непростое, тяжёлое, к тому же образование в Польше было бесплатным только до седьмых классов, дальше нужно было платить, но отец все эти трудности преодолел. Для этого даже одну коровку пришлось продать — у нас их тогда две было. Овцы также были, куры... У нас ещё и лошадь была, очень хорошая, её даже хотели взять в польскую кавалерию, предлагали отцу за неё большие деньги, но он лошадь не отдал... Так что благодаря отцу я получил польское образование, и это мне очень помогло в дальнейшей жизни. Почему польское? Так все белорусские школы, которые были у нас в Западной Белоруссии, в 1925 году закрыли, и после того образование можно было получать только на польском языке. Лишь в одном каком-то городе, от нас не очень далеко, но не помню точно, в каком, была белорусская гимназия — и та националистического характера, антисоветского направления...»^[3]

Прервём ненадолго этот рассказ и уточним, что в 1932 году, после окончания седьмого класса, Алексей Ботян, по настоянию — или при поддержке, сейчас сказать трудно — отца поступил в педагогическое училище в городе Новогрудок.

Ну а про своего отца Алексей Николаевич рассказывал так:

«Николай Николаевич, мой отец, ещё до Первой мировой войны окончил приходское училище, поработал в Германии — наверное, батраком, потом добрался до Гамбурга, где сел на пароход и отправился в Аргентину. Там он тоже работал у каких-то хозяев — по-моему, и там это были немцы, потому что отец отлично выучил немецкий язык; он безукоризненно владел также ещё и испанским языком, не считая, разумеется, польского, белорусского и русского... Насколько я понимаю, у него

были не только способности к изучению иностранных языков, но и большой к этому делу интерес — недаром же у нас дома, в нашей избе, были различные словари. Вообще у него много книг было — он читал даже русские книги, в том числе Льва Николаевича Толстого. Иногда засидится дома за книгой, читает, а мать кричит: иди на двор, надо скотину кормить, то-другое, закрывай, мол, свои книжки! Что тут сделаешь? Он же был крестьянин, жизнь крестьянская всегда тяжёлая была...»

С Алексеем Николаевичем Ботяном мы не раз встречались в его московской квартире: обычная «трёшка» в самом обыкновенном 17-этажном панельном доме, далеко уже не новом, расположенном в районе Ясенево, что на юго-западе столицы. Квартире очень чистой и очень простой, без каких-либо элементов роскоши. Единственное, пожалуй, на что обращаешь внимание, — это некоторые сувениры с эмблемой Службы внешней разведки (интересные, но совсем не шикарные) и несколько портретов хозяина, висящих на стенах.

В то время мы с ним работали над книгой «Подлинная история «Майора Вихря» для популярной «молодогвардейской» серии «Дело №...», и Ботян много интересного рассказывал про свою долгую и бурную жизнь, при этом совершенно чётко зная, о чём говорить можно, а о чём — до сих пор нельзя. Собеседник горячий, увлекающийся, азартный, весёлый, Алексей Николаевич говорил быстро, торопливо, порой сглатывая окончания слов, смеялся заразительно и нередко, но в разговоре он ни разу не переступил некую запретную черту, ни разу не произнёс ту сакраментальную фразу, которой любят пощекотать нервы собеседника иные «посвящённые» люди: «А это не для печати!» И тут вспоминается наш журналистский опыт, когда могут такую информацию подбросить, что плакать хочется: и опубликовать её вроде нельзя — ты же согласился

выслушать то, что «не для печати», но и не рассказать обидно. Да, не зря говорят, что многие знания порождают скорби! Ботян, однако, к таким моментам в разговоре просто не подходил — не от какого-то беспамятства, которым он уж никак не страдал, даже перешагнув вековой рубеж своей жизни, и тем более не от недоверия к собеседнику. Ведь человека, которому нельзя верить, он раскусил бы сразу и на порог к себе не пустил. Просто он чётко знал, что есть «табу», есть темы, которые трогать нельзя. Служба была такая!

И ведь что поразительно: общаясь с людьми — сотрудниками той самой Службы, которые по многу лет работали с Алексеем Николаевичем бок о бок и дружили с ним не одно десятилетие, — мы постепенно поняли, что знаем о его судьбе, точнее о его работе разведчика, гораздо больше, чем каждый в отдельности. Любой из наших собеседников знал только «свой», так сказать, период, то время, когда они работали вместе, и имел представление только о том, чем они совместно занимались. Вести разговоры о том, что было раньше или позже либо в работе с другими сотрудниками, в этой среде просто не полагалось. Излишнее любопытство было чревато служебной проверкой.

Впрочем, вернёмся к рассказу самого Алексея Николаевича.

По его словам, ничего потустороннего или мистического в названии деревни Чертовичи искать не нужно — нечистая сила здесь ни при чём! Так вышло, что это довольно большое поселение, стоявшее на лесной опушке, оказалось как бы чертой между дремучим лесом и полями. Дед Алексея, тоже Николай Николаевич, как и его сын, отец Алексея, был объездчиком — вроде старшего лесничего, то есть какое-никакое, а для мужика начальство. Так что хозяйство у него было большое, и семья считалась зажиточной: был хороший участок земли, скот держали

— лошадку и пару коров, даже прислугу нанимали, чтобы скот пасти и по дому помогать. Дед был заядлый охотник, имел ружьё, что в деревне далеко не каждому тогда было по карману.

Да и тот факт, что жену он взял не из родных мест, а из довольно далёкого зажиточного села Журавцы, тоже свидетельствует о многом. Бабушку, насколько Алексей Николаевич помнил, звали Тереза — значит, была она католичкой и, очевидно, полькой, тогда как сам Николай Николаевич, белорус по национальности, был православным. Жили дед с бабкой лет до восьмидесяти, дружно и счастливо и умерли в одном и том же 1910 году — кажется, ещё до женитьбы своего младшего сына и уж точно до рождения внука, который хотя и знал их только по рассказам, но регулярно навещал родные могилы на кладбище.

От деда и шла фамилия Ботян, которую несведущие люди считают то армянской, то молдавской — из-за того, что на «ян» заканчивается. Хотя фамилия это чисто белорусская и, как объяснял Алексей Николаевич, означает она «аист», самую любимую в Белоруссии птицу, как известно — один из символов этой прекрасной республики. Кто же из старшего поколения не помнит эту песню: «Белый аист летит...»?

Второй его дед, Роман, по фамилии Малявский, жил в селе Хордынове, что в полутора километрах от Чертовичей. Была у него такая странность — как выпьет, начинал кричать: «Я — пан! Остальные — холопы!» Почему? Внук этого не знал; семья у деда была простая, крестьянская, и над дедом за эти его выходки посмеивались. Хотя ещё до Первой мировой войны его сын, а потом и дочь уехали в Москву. Сын стал инженером на железнодорожном транспорте, в 1930-е годы участвовал в строительстве московского метро, а дочь работала в Министерстве финансов. Значит, он дал им хорошее образование — может, потому и чувствовал

себя «паном»? Кстати, потомки Малявских пошли по научной линии, получили учёные степени... Алексей Николаевич говорил, что поддерживает с ними связь, хотя созванивались они нечасто.

Несмотря на то что отец Алексея поездил по миру, в совершенстве владел несколькими языками и к тому же неплохо разбирался в математике, был не только книголюбом, но и хорошим столяром — делал двери и оконные рамы, столы и табуретки, чем в основном и зарабатывал на жизнь, — семья его жила небогато, при среднем достатке. Работников уже не нанимали, по хозяйству помогали подросший сын и две дочери, Мария и Зинаида, которые сами со всем вполне справлялись. Про то, что такое голод, Ботяны не знали, но зато трудились постоянно. Отец с матерью, рассказывал наш герой, жили очень хорошо, дружно, никогда не ругались.

Детство для человека — лучшее, самое светлое время. Вот только, к сожалению, понимаем мы это с большим опозданием, уже тогда, когда вырастаем и уходим во взрослую жизнь. Конечно, оставались в памяти Алексея Николаевича и какие-то печальные, даже страшные воспоминания о тех днях. Так, с 1920 по 1925 год в их края нередко наведывались разношёрстные банды из России, вплоть до недобитых махновцев, которые бесчинствовали и грабили приграничное население. Ботян вспоминал, сколько было разговоров после того, когда большой польский отряд во главе с местным комендантом гнался за бандой и сам попал в засаду, у поляков были тогда немалые потери, погиб и сам комендант. Но в 1925 году польские власти как следует укрепили границу с Россией, и больше с тех пор никаких набегов не было. Да и на сопредельной советской стороне постепенно наводился порядок.

Рассказывать о детстве можно много, но ведь мы (к сожалению или к счастью) пишем отнюдь не «Детские годы Багрова-внука», да и не дано нам, признаемся откровенно, расписать всё так, как в своё время сумел это сделать Сергей Тимофеевич Аксаков, повествуя о своём детстве. Вот, например, как у него было написано:

«С конного двора отправились мы на родники. Отец мой очень любил всякие воды, особенно ключевые; а я не мог без восхищения видеть даже бегущей по улицам воды, и потому великолепнейшие парашинские родники, которых было больше двадцати, привели меня в восторг. Некоторые родники были очень сильны и вырывались из середины горы, другие били и кипели у её подошвы, некоторые находились на косогорах и были обделаны деревянными срубками с крышей; в срубы были вдолблены широкие липовые колоды, наполненные такой прозрачной водою, что казались пустыми; вода по всей колоде переливалась через край, падая по бокам стеклянную бахромой...»^{1}

Звучит, как музыка! Именно так и нужно описывать впечатления детства.

Ну а раз мы так не умеем, то возвратимся к нашему сугубо документальному повествованию и ограничимся, выражаясь казённым языком, необходимой информацией по данному периоду. И в этой связи возник тогда у нас в разговоре с Алексеем Николаевичем вполне логичный вопрос: его отец побывал в различных странах, прекрасно владел несколькими языками... Не мог он сотрудничать с какими-нибудь спецслужбами, выполнять их задания — ну, хотя бы на уровне курьера, связника?

Помнится, Ботян помедлил с ответом, потом сказал так: «По-моему, нет... Нет, не думаю! Тогда многие простые люди из Восточной Европы вот так же по миру ездили, и без языка им было нельзя! А вот зато во время Великой Отечественной войны, когда на территории

Белоруссии действовали различные партизанские формирования, он был связан с нашим омсбоновским отрядом Морозова. Это не удивительно — он ведь был членом компартии Западной Белоруссии».

Сколько интересной для нас, просто потрясающей информации сразу!

Во-первых, обратим внимание на прозвучавшую здесь аббревиатуру ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. О том, что это такое, мы объясним немного позже, ведь именно в составе этого легендарного соединения Алексею Николаевичу придётся потом воевать.

Во-вторых, принадлежать к коммунистической партии Западной Белоруссии, которая находилась на нелегальном положении, а в 1939 году вошла в состав белорусской компартии, было делом весьма опасным. Про отношение гитлеровцев к коммунистам уже и не говорим, но ведь эту организацию стремились уничтожить ещё и поляки, так что действовала она в глубоком подполье. Алексей Николаевич рассказывал, что соседом у них был их однофамилец, тоже Ботян, соответственно, и он был коммунистом. Поляки внедрили в их организацию свою агентуру; сосед был арестован и отсидел лет пять в тюрьме где-то под Брестом. Там он заболел туберкулёзом, умер вскоре после освобождения... Всё же компартия продолжала борьбу, так что Николай Николаевич не раз прятал в своём доме товарищей, которые скрывались от поляков.

Завершая рассказ о старшем Ботяне, мы обязательно должны вспомнить один боевой эпизод: произошло это уже в годы Великой Отечественной войны, в то время, когда гитлеровские оккупанты развернули тотальную борьбу с партизанами, которых они, как известно, именовали «бандитами». При этом сами же гитлеровцы боролись с партизанами — точнее, против всего мирного населения — истинно бандитскими, зверскими

методами. Ведь за годы войны немецко-фашистские оккупанты сожгли на территории Белоруссии около 9200 деревень, уничтожили более миллиона 400 тысяч мирных граждан и свыше 800 тысяч военнопленных; около 380 тысяч людей трудоспособного возраста и детей было угнано на работу в Германию. Сегодня кое-кому хотелось бы про это забыть, однако все преступления гитлеровцев зафиксированы не только в людской памяти, но и в документах Нюрнбергского процесса!

Конечно, даже в этом бандитском истреблении мирного населения была своя жестокая логика: в первую очередь уничтожались деревни, расположенные по соседству с лесом, — то есть те, которые могли служить пунктами снабжения и перевалочными базами для партизан. Таким образом «партизанский край» как бы ограждался выжженными, опустошёнными землями, эдакой «полосой отчуждения».

Действовали гитлеровцы методично, так что вскоре очередь дошла и до деревни Чертовичи, до той самой «черты», что пролежала между полями и лесом. Каратели нагрянули затемно, когда деревня уже погрузилась в сон и все были на местах, каждый у себя дома, в кажущейся безопасности, обеспеченной тщательно запертыми дверями и наглухо закрытыми ставнями. Немцы быстро и тихо окружили Чертовичи плотным кольцом оцепления. Потом, внезапно и одновременно, со всех сторон вспыхнули фары грузовиков, в чёрном небе расцвели осветительные ракеты, озаряя землю мертвенным светом, загремели автоматные очереди, веерами рассыпая над крышами трассирующие пули, остервенело залаяли рвущиеся с поводков овчарки, а по дверям и по ставням загремели приклады винтовок, раздались отрывистые команды на русском и немецком языках: «Вставай! Schnell!^[4] Выходи!» Испуганные полуодетые люди — старики и

старухи, женщины, в основном немолодые, и дети выскакивали из домов, торопливо шли и бежали в указанном карателями направлении; некоторые успевали прихватить с собой свёрточки и узелочки с каким-то добром и теперь смущённо прятали их за спину, большая же часть жителей выскочила из домов ни с чем... Поёживаясь от страха и ночного холода, люди сбивались в тесную кучу; кто-то тихо всхлипывал, кто-то молился, кто-то шёпотом пытался успокоить плачущих детей. Вопросов о том, что будет дальше, ни у кого не возникало: даже в этих отдалённых малонаселённых краях слухи и вести распространяются быстро, так что о судьбе других подобных деревень тут уже все узнавали. Те, кто хотел и мог, давно уже ушли в лес; кто не смог — уповали либо на милость Божью, либо на всемогущее «авось», памятуя, что «дома и стены помогают»...

Перед толпой, окружённой автоматчиками, появился немецкий офицер. Он повелительно поднял руку, и люди затихли; резкие голоса солдат в отдалении, чьи-то редкие всхлипывания только подчёркивали гнетущую тишину, которая в любую секунду могла разорваться выстрелами.

— Вы все — партизаны! Вы — бандиты! Если вы сами не партизаны, то вы помогаете партизанам! — заговорил офицер на довольно чистом русском языке. — А значит, всё равно вы — бандиты и должны быть за это наказаны! Так?

Риторический вопрос подчёркивал неумолимую логику германского офицера, «сверхчеловека». Хотя, возможно, глядя на жалких перепуганных детей и стариков, плачущих женщин, немец в первую очередь убеждал себя самого, что это — враги, с которыми следует поступать в соответствии с жестокими законами военного времени, что жалеть их нельзя.

Минутная пауза должна была оборваться вынесением «приговора», неизбежного за риторическим

вопросом, на который никто не мог или не смел ответить, а тем более — возразить. Но тут, поспешно раздвинув замерших односельчан, из толпы вышел невысокий плотный мужчина шестидесяти с лишним лет — Николай Николаевич Ботян и, остановившись в нескольких шагах от начальника карателей, обратился к нему на прекрасном немецком языке:

— Herr Offizier!^[5] Я жил в Германии, я хорошо знаю немцев, я очень уважаю вашу прекрасную страну и её замечательную культуру! Я никогда не думал, что вот так оно всё получится. Вы видите, господин офицер, что сейчас, когда вы пришли к нам и наставили на нас свои автоматы, — мы вам безропотно подчиняемся, мы не можем поступить по-другому! Но, господин офицер, подумайте, когда вот так же ночью из леса приходят... — Ботян запнулся, подбирая слова. — Приходят те самые люди... и у них тоже есть автоматы и винтовки, то тогда мы точно так же подчиняемся им. И они сами забирают у нас всё то, что мы не смогли, не успели спрятать. А что можно сделать против вооружённых людей, господин офицер?! Мы простые люди, мы не солдаты, мы не бандиты, война для нас — большое несчастье! Поверьте! Чем мы виноваты, если наши дома стоят у самого леса? Ведь так их поставили ещё наши прадеды. Мы здесь живём, потому что больше нам жить негде! Так что же нам делать, чтобы ни те, которые приходят из леса, ни вы нас не убили?! Мы можем только подчиняться и молиться!

Немец внимательно, не перебивая, слушал этот взволнованный, несколько сбивчивый, но убедительный монолог, смотрел на человека, внешне никак не походившего на «народного мстителя», пособника бандитов. Это был самый обыкновенный белорусский крестьянин, но он так хорошо говорил на немецком языке! И ведь действительно были, наверное, в душе офицера какие-то сомнения, потому что терпеливо

дождавшись, пока Ботян замолчал, он, ни слова не сказав ни ему, ни встревоженным, сбившимся в кучу крестьянам, явно не понимающим того, о чём говорил их односельчанин, отрывисто скомандовал своим солдатам строиться. Через несколько минут гитлеровская колонна покидала оцепеневшие от ужаса, но не тронутые карателями Чертовичи.

«Во второй половине июля с. г. немецкие отряды СС проводили очистку от партизан территории Воложинского района. При этом отрядами были заживо сожжены вместе с постройками жители деревень Першайской волости: Доры, Дубовцы, Мишаны, Довгалёвщина, Лапинцы, Среднего Села, Романовщины, Нелюбы, Палубовцы и Макричавщины.

Отряды СС никакого следствия не проводили, а только сгоняли жителей, преимущественно стариков, женщин и детей, в отдельные строения, которые потом зажигались.

В Дорах жители были согнаны в церковь и вместе с церковью сожжены»^[2].

Чертовичи тогда находились в Воложинском районе и вполне могли войти в это донесение начальника «белорусских частей самообороны» Франца Кушеля^[6] генеральному комиссару Белоруссии Вильгельму Кубе^[7], написанное 6 августа 1943 года. И хотя автор этих строк — гитлеровский прислужник из местных коллаборационистов, но даже в его сухом докладе чувствуется некоторое возмущение. Ведь как бы там ни было, но Кушель сам был по национальности белорус, к тому же — русский офицер в прошлом, и это был его народ...

Сегодня в нашей памяти осталась только сожжённая Хатынь, а ведь таких деревень и сёл были тысячи. К реальной войне происходившее отношения не имело: это был геноцид.

«Прожил отец не так много — семьдесят пять лет», — рассказал нам Алексей Николаевич, бывший к тому времени уже на 20 лет старше своего отца.

Как часто случается, в рассказах разных людей какие-то события из жизни нашего героя получили свою интерпретацию, точнее — оказались немного искажены. Несколько человек с полной уверенностью говорили мне: «А вы знаете, что Ботян голыми руками зайцев ловил? Догонял и хватал! Представляете?»

Нет, не представляю, потому что на самом деле всё было не совсем так и поймать зайца ему прежде всего помогали всё-таки не ноги — погоня получалась короткой, стремительной, — а ловкость, реакция и точный расчёт, чтобы встретить косога в том самом месте, где он изо ржи выскочит, изловчиться и схватить. Тут ещё и про то забывать не следует, что заяц — всё-таки животное дикое, он сопротивляется, его ещё и удержать нужно. Было одно лето, когда у Ботянов на чердаке жили три зайца, в разные дни пойманные Алексеем на ржаном поле, и зайцы эти громким своим топаньем по ночам мешали людям спать. Ещё Алексей наловчился ловить уток на озере, осторожно подныривая к ним.

Зато с реализацией первого своего «коммерческого проекта» он тогда чуть было не погорел по-крупному. Было ему лет семнадцать, и он очень хотел иметь велосипед. Алексей Николаевич, как известно, всю свою жизнь был человеком очень спортивным, а тогда, в далёкой юности, когда он увидел людей, катавшихся на велосипедах, то буквально потерял покой и сон — в полной мере сказались азартность и нетерпеливость его натуры. Но ведь велосипед — удовольствие дорогое, так сразу им не разживёшься.

Это сейчас, как правило, подобные задачи решаются просто: ребёнок произносит волшебную фразу: «Папа-

мама, хочу, купи!» — и вскоре получает желаемое. А вот Ботяну на велосипед надо было зарабатывать самому, что в деревенских условиях оказалось совсем нелегко. Чертовичи жили бондаркой, то есть крестьяне делали на продажу бочки, вёдра и кадушки, но на этом много и сразу не заработаешь. Народ в округе жил небогатый, без крайней надобности никакой товар не покупали. Алексей также выучился от отца столярничать, но опять-таки деревенские жители совсем не часто меняли двери, рамы или мебель. В общем, стало ясно, что честным трудом быстро не разбогатеешь. Первый урок политекономии, так сказать.

Вот тогда-то он и решился на реальное уголовное преступление: договорился с одним из своих приятелей самогон гнать. Ведь в «панской Польше», как обычно называли страну в соседней Советской России, была на это дело государственная монополия — и для того, чтобы доходы от продажи алкоголя шли только в государственную казну, и затем, чтобы граждане всякую, как это у нас теперь называется, «паленку» не пили, здоровье своё не гробили. Государственная монополия существовала и на табачные изделия, а потому если у тебя найдут табак-самосад, то наказывали очень строго. А уж за самогон — тем более! Но понимал Алексей, что иным путём на велосипед не заработаешь. Велосипед ему очень хотелось!

Хорошо зная, на что они идут, парни продумали всё до мелочей. Был у Ботяна двоюродный брат, который жил на хуторе, километрах в пяти от Чертовичей, там рядом пуща^[8] была, места вроде и глухие, но уже облюбованные соседями-самогонщиками, там даже соответствующее оборудование стояло... К этому двоюродному брату Алексей и завёз необходимое сырьё. О том, где и как оно было получено, история умалчивает.

И всё, казалось бы, складывалось удачно, да только каким-то образом о их намерениях узнала местная

полиция. Может быть, кто-то из соседей испугался конкурентов и сообщил? Сложный вопрос.

«Была там такая небольшая возвышенность, вокруг — болото, пройти туда не так-то легко было, — с удовольствием вспоминал об этих приключениях Алексей Николаевич. — Помогал нам сосед, он всё сделал, наладил, потом мы с братом бочки заправили; когда всё наладилось, брат ушёл, а я стал огонь поддерживать. И вдруг слышу — трещит что-то! Думаю: какого чёрта? Вдруг с двух сторон нападают на меня полицейские! Но я одного оттолкнул — прямо в грязь, он туда упал, а я убежал. Жалел потом здорово, что пистолет у него не отобрал, пока он из грязи вылезал! А второй выстрелил, то-другое, стой, кричит! Ну, куда там, ночью-то кого-то ловить? Пробежал я по кочкам, прихожу к двоюродному брату, говорю: «Не повезло...» Они, полицейские, конечно, всё там забрали. Но это ладно — по-настоящему не повезло тому из соседей, который самогонку гнал постоянно, о чём все в округе знали. Раздосадованные своей неудачей полицейские пришли тогда к нему — и нашли бутылки с самогонкой, на продажу приготовленные! За эти запасы он тогда шесть месяцев и отсидел... Так что если бы меня поймали, то я, во-первых, тоже бы отсидел, а во-вторых, был бы мне ещё и штраф большой. Но я сбежал оттуда, потому что бегал я очень быстро — догнать меня было невозможно!»

Велосипед Алексей себе потом всё-таки купил — немецкий, подержанный. Исхитрился он как-то там, заработал, но своего добился, не отступил. Упорство и настойчивость были неотъемлемыми чертами его характера.

А замечательная машина была, говорил Ботян, он на этом велосипеде потом всю округу объездил. Кстати, хотя потом он стал «автомобилистом», но и на

«двухколёсном друге» ездил лет до девяноста с лишним, пока врачи не запретили.

Вообще, судя по его рассказам, жизнь деревенская интересная была, гораздо разнообразнее, нежели в городе. Хотя тогда он завидовал своим городским соученикам по педагогическому училищу: они-то летом могли отдыхать, гулять и даже куда-то ездили. Он же всегда оставался в деревне и помогал отцу: нужно было бондаркой заниматься, столярничать, в огороде работать, за скотиной ухаживать. На охоту также ходили — разумеется, браконьерским образом, рыбу ловили, да мало ли чего можно было летом придумать! Тем более что друзей-приятелей у него было пруд пруди, он ведь всегда оставался человеком очень компанейским и притягательным для окружающих. Те, кто жил рядом, — те между собой и общались, дружили, вне зависимости от национальности и прочих условностей. Отсюда, кстати, и прекрасное знание сразу нескольких славянских языков, на которых приходилось общаться с окружающими. С друзьями-поляками Алексей нередко за компанию заглядывал в костёл и, обладая прекрасной памятью, быстро выучил наизусть многие молитвы, что очень пригодилось ему впоследствии...

...Можно без всяких натяжек утверждать, что деревенская жизнь послужила подготовительным классом для той школы, которая превратила Алексея Николаевича в первоклассного диверсанта и разведчика...

Глава вторая

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

В 1935 году Алексей Ботян окончил педагогическое училище, в котором получил специальность учителя начальных классов. В школе, однако, он почему-то работать не стал, а вернулся в родные Чертовичи, где и трудился, как написано в той самой его анкете, что приведена в начале предыдущей главы, сельскохозяйственным рабочим. Точнее — работал на отцовском наделе, то есть у себя дома. По какой причине так получилось, Алексей Николаевич в разговоре с нами не уточнял, да и мы особенно не выспрашивали.

Через четыре года Ботяна призвали на военную службу в ряды Польской армии. Пусть не смутит читателя солидный возраст новобранца — 22 года, потому как в Польше тогда призывали после двадцати одного. Придумали это отнюдь не поляки: такое правило издавна существовало по всей Российской империи, в состав которой почти до самого 1918 года входила и по законам которой жила Польша.

Кстати, в этой связи нельзя не умилиться, читая «Воспоминания и размышления» Георгия Константиновича Жукова, где будущий прославленный советский военачальник с понятной печалью пишет о своём призыве в царскую армию:

«В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведён досрочный призыв молодёжи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, ещё не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь»^{3}.

Легендарный «маршал Победы» словно бы и позабыл, что в Великую Отечественную войну на фронт

отправляли восемнадцатилетних ребят, а то и ещё моложе...

«Я вообще считаю, что это неправильно — в восемнадцать призывать, — рассуждал Алексей Николаевич как старый, опытный солдат. — Пацаны они ещё, никакого опыта не имеют, физически по-настоящему не развиты, должной сообразительности нет. Зато форсу и ненужной бравады — хоть отбавляй! Я ж по войне помню: как молодых привезут, так они сразу, по сути дела... — Ботян вдруг оборвал фразу, обречённо махнув рукой. — Соображают и реагируют на происходящее не так быстро, как необходимо, и даже прятаться как следует не умеют. Не знаю, почему у нас до сих пор призывают в армию с восемнадцати лет! Что это за солдаты?! Вот с чего бы военную реформу начинать надо!»

Поразительно, но интерес к жизни, острую реакцию на всё происходящее, свою точку зрения — всё то, что когда-то было наречено «активной жизненной позицией» — Ботян сохранял до самых своих последних дней. Он был именно Гражданином, а не обывателем, живущим в соответствии с присказками «моя хата с краю» и «день прошёл, и слава богу», — как, к сожалению, живёт сегодня большинство из нас.

Итак, 10 февраля 1939 года Алексей скромно отпраздновал своё 22-летие, а уже 14-го числа родные провожали его на военную службу. К этому дню Николай Николаевич, мастер на все руки, изготовил для сына чемоданчик — вместительный, добротный и красивый, а Евдокия Романовна положила туда добрый кусок сала, ещё какой-то деревенской снеди, бельё — то есть всё самое необходимое для обычного солдата, вне зависимости от армии и национальности (за исключением сала, разумеется). Уехал он на следующий день, утром 15 февраля, и, как было предписано, вскоре самостоятельно прибыл в часть, что находилась

неподалёку от города Вильно, теперь, как мы знаем, именуемого Вильнюсом, в каком-то местечке, название которого стёрлось из памяти нашего героя, потому как пробыл он там недолго. В местечке этом был расположен военный аэродром.

В тот же день Алексей Ботян был зачислен в Польскую армию.

Что запомнилось из первых дней в армии? В части встретили нормально, и земляки нашлись, а это всегда облегчает службу.

«Дедовщина», в нашем понимании, была и там. Солдаты старших призывов могли обидеть молодых, и порой очень даже серьёзно. Особенно доставалось тем, кто не был подготовлен к службе и с трудом одолевал азы армейской науки: не умел ходить в строю, не считал нужным как следует затягивать ремень и застёгивать все пуговицы, вечно куда-то опаздывал или что-то терял — этих гоняли в поте лица и командиры, и старшие сослуживцы, и даже товарищи по призыву, которые порой сами страдали от таких нерадивых солдат.

Случалось, например, что вечером старшина даёт команду «отбой», и на то, чтобы её выполнить — раздеться, аккуратно сложить обмундирование и лечь в кровать, на набитый соломой матрас, — отводились считанные секунды. Все быстро ложатся, радуясь, что пролетел очередной день службы и наконец-то можно отдохнуть... Но тут многоопытный старшина идёт по проходу между кроватями и кое у кого из солдат приподнимает одеяло. И ведь не зря, потому как видит, что нерадивый боец лежит в носках: решил схитрить и сэкономить время при раздевании. Ну а дальше следует неотвратимое возмездие, причём не только для провинившегося. Старшина даёт команду «подъём!», и всё подразделение, уже одетое, соответственно, по полной форме, выстраивается на плацу. Зимние ночи

особенно холодны, но вместо того, чтобы спать в тёплой казарме, бойцы дружно маршируют по плацу.

— Равнение! Чётче шаг! Выше ножку! — Старшина, соответственно по-польски, подаёт «интернациональные» команды, хорошо знакомые каждому служивому. — Отставить разговоры в строю! — покрикивает он, слыша недовольное бурчание.

А чего солдаты бурчат? Объяснять вроде и не надо: прежде всего, они ругаются на старшину, который ни за что ни про что гоняет безвинных людей, тех, кому давно уже положено спать; во-вторых, они костерят своего нерадивого товарища, что так по-дурацки их всех подставил. Впрочем, его, который теперь изо всех сил отбивает на плацу строевой шаг, словно бы этим как-то возможно загладить вину перед товарищами, не очень-то и ругают, ему, кажется, даже сочувствуют, и это усыпляет бдительность несчастного...

Зато потом, когда маршировка заканчивается, вновь звучит команда «отбой» и старшина, не отказав себе в удовольствии опять пройтись по проходу в поисках самых хитрых, покидает казарму и усталый народ наконец-то засыпает, приходит долгожданный час возмездия. Ночную тишину вдруг разрывает вопль ужаса. Вспыхивает свет, и все видят совершенно ошалевшего, дрожащего крупной дрожью бойца — того самого увальня, что вечером улёгся спать в носках, — на него, только-только уснувшего, кто-то вылил ведро ледяной воды...

Такие вот были нетоварищеские методы «товарищеского воспитания».

Алексей Ботян в подобные «переплёты» не попадал. Несмотря на свой небольшой рост, физически он был очень хорошо развит, так что мог дать отпор любому. К тому же характером обладал смелым, решительным, что называется лидерским, сказывались и полученное образование, и природная смётка.

«Ну вот, например, выведут наше подразделение на плац за чью-либо провинность и гоняют бегом туда-обратно. Одни из кожи вон лезут, стремятся впереди быть и скоро выдыхаются, другие отстают, их старшина поторапливает, заставляет быстрее бежать, может даже взыскание объявить, — усмехаясь, рассказывал нам Ботян. — А я всегда старался быть посредине — так меньше бегать нужно было, когда команда «кругом» звучала! Вот это она и есть, та самая «солдатская смекалка»! Вообще интересно у меня служба прошла...»

В коллективе Алексей явно выделялся, сослуживцы относились к нему с доверием и уважением, и всё это вскоре определит его дальнейшую армейскую судьбу.

Но вот о чём ещё нелишне сказать: каких-либо конфликтов на национальной почве у них в подразделении не случилось. Конечно, за всю Польскую армию мы говорить не будем, но в данном конкретном случае что было, то было. На военную службу в Польшу призывали всех, вне зависимости от национальности. Вот и в его подразделении на равных правах служили не только поляки, но и белорусы, и украинцы, и евреи, без разницы, разве что военную присягу каждый солдат принимал при посредничестве своего священника, в зависимости от собственных религиозных убеждений. У Ботяна, как и у других белорусов и украинцев, был православный священник, у поляков — ксёндз, евреи давали присягу на Торе, в присутствии раввина.

И вот, кстати, ещё доказательство того, что «национальный вопрос» большой роли не играл: прослужив буквально месяц, Алексей был замечен начальством и направлен на курсы младших командиров — это называлось «подофицерской школой» (по-русски её называли бы «унтер-офицерской», теперь — «сержантской»). Там же, где есть приоритет «титულიной» нации над всеми прочими, любая командирская должность, от сержантской до

маршальской, занимается исключительно её гордыми представителями.

Между прочим, не грех напомнить, что и в России подобной «монополии» на чины и должности не было. Недаром же, вспоминая свою службу в Кавалергардском полку, первой по статусу из кавалерийских частей Российской императорской гвардии, генерал-лейтенант Советской армии граф Алексей Алексеевич Игнатъев^[9] писал в знаменитых мемуарах «Пятьдесят лет в строю»:

«Латыши, самые исправные солдаты, — плохие ездоки, но люди с сильной волей, обращались в лютых врагов солдат, как только они получали унтер-офицерские галуны»^{4}.

Нет смысла уточнять, что солдаты в своём подавляющем большинстве были русские и малороссы. Но это информация, как говорится, для общей эрудиции читателя.

«Подофицерская школа», где продолжил службу Ботян, готовила младших командиров, говоря по-нашему — сержантов, для зенитной артиллерии. Курсанты проходили подготовку на 40-миллиметровых автоматических пушках «бофорс» («Vofors») — зенитных орудиях шведского производства образца 1936 года. Этим пушкам, которые тогда состояли на вооружении армий многих стран мира вплоть до Великобритании и Соединённых Штатов Америки, вскоре суждено было стать в один ряд с самыми известными зенитками Второй мировой. Более того, они не только числятся среди наиболее удачных моделей зенитных орудий за всю историю войн, но и до сих пор кое-где ещё не сняты с вооружения, относясь, таким образом, к самым «долгоиграющим» ствольным артиллерийским системам нашего времени.

В школе служба у Ботяна пошла очень даже успешно, так что ещё до окончания обучения Алексей

досрочно получил первое унтер-офицерское звание — капрал — за реальную боевую работу и отличную выучку.

В июне 3-й дивизион зенитной артиллерии, в котором он числился, выезжал на полигон, километрах в 15-20 от Вильно, где проводились учебно-боевые стрельбы по воздушным целям. В любой армии такие учения — главное испытание для зенитчиков, они наиболее объективно показывают уровень их подготовки к действиям в боевых условиях. Каких-либо «беспилотников» или ракет-мишеней тогда, разумеется, не было, и стрельбы проводились простым, но достаточно рискованным способом: в воздух поднимался самолёт, который тащил за собой на длинном тросе мишень — большой матерчатый конус. По нему, соответственно, и надо было стрелять. Однако не всё было так просто, как кажется, — это же не неподвижная мишень на удалении в полусотне метров, в которую можно неторопливо прицелиться и выстрелить. Чтобы попасть в воздушную цель, нужно произвести ряд расчётов: определить и учесть скорость и высоту полёта мишени, силу ветра и ряд иных параметров. А ведь самолёт летит высоко и на довольно большой скорости, так что противовоздушный бой всегда получается весьма скоротечным; разумеется, номера орудийных расчётов во время боевой стрельбы волнуются, к тому же выучка у солдат, как и уровень общего развития, реакция и сообразительность разные. Вот иногда и случалось, что поспешивший, растерявшийся, утративший взаимопонимание и запаниковавший расчёт вдруг открывал огонь не по буксируемому конусу, а по самолёту-буксировщику. Иногда даже весьма «результативно»... В общем, зенитные стрельбы — испытание серьёзное и ответственное.

Но тут всё прошло без сучка без задоринки. В том бою Алексей уверенно и хладнокровно руководил

действиями орудийного расчёта, который под его командой работал дружно и слаженно: полное взаимопонимание, быстрота действий без суеты — ни одного лишнего движения. Уверенность волевого и жёсткого командира передавалась каждому из номеров, так что никого из них не обескуражило то, что два первых снаряда прошли мимо цели. А чего тут удивляться или расстраиваться, когда в реальном бою на то, чтобы сбить всего один самолёт, в среднем уходило порядка 450 снарядов? Зато осколки уже третьего снаряда (обычно снаряд зенитного орудия разрывается в воздухе, в непосредственной близости от цели, поражая её своими фрагментами) угодили точно в мишень-конус. Вот здесь-то и есть чему удивиться: расчёт молодой, по-настоящему «не сколоченный». Ещё более удивительным было то, что и следующие снаряды точно поражали мишени.

Командир 3-го дивизиона зенитной артиллерии майор Блоцкий был очень доволен такими результатами и по окончании стрельбы тут же на позиции поблагодарил Ботяна и его расчёт. Через несколько дней Алексею было досрочно присвоено «подофицерское» звание.

Это было уже начало лета 1939 года — самый канун Второй мировой войны, которую в Европе как бы и ждали, но старались о ней не думать, уподобляясь тому милому ребёнку, что крепко зажмуривает глаза и считает, что он надёжно от всех спрятался. Или знаменитому страусу, засовывающему голову в песок. Польское правительство очень рассчитывало на Францию и Англию — как уверенно говорили поляки, «английска крулева» поможет! Впрочем, эту фразу мы слышали от Ботяна, и тут кто-то ошибался — либо поляки, либо Алексей Николаевич, потому как в ту пору на Британском престоле восседала не «крулева», а, говоря по-польски, «круль» Георг VI, отец ныне

царствующей Елизаветы. Но это не суть важно, потому как всё-таки более всего ошибались поляки, считавшие, что «круль» или «крулева» — без разницы! — спит и видит, как бы помочь замечательному Польскому государству и защитить его от соседей с запада и с востока.

Ага, как бы не так! Тому в подтверждение — уничижительная оценка из сообщения, как он обозначен, «*серьёзного польского источника*», которое ещё 1 апреля 1935 года А. Х. Артузов^[10] направил И. В. Сталину:

«Официальные круги Лондона... относятся к Польше с недоверием. Они считают, что польское правительство ведёт детскую политику престижа, мешающую упрочению мира в Европе и не соответствующую ни политическому, ни военному и ни финансовому значению Польши...»^{5}

Польское руководство целиком полагалось на Англию и Францию, зато не верило России — точнее, не доверяло большевикам, которых боялось. Поэтому ещё в 1938 году, когда Чехословакия подверглась нападению Германии, Польша не допустила прохода Красной армии через свою территорию. Высказывались сомнения: а вдруг русские, придя на помощь чехам, вздумают на обратном пути надолго задержаться на польской территории?

Хотя русских, как таковых, уважали. В 3-м дивизионе даже служил один русский офицер, из бывших белогвардейцев, который теперь был капитаном Польской армии. Большевиков же считали врагами — таково было не только «официозное», но и народное настроение.

«Если я хотел человека оскорбить, — усмехался Алексей Николаевич, — я мог ему сказать: ты злодий, вор... Но это было не то! А сказать: ты ж, курвин сын, большевик... Вот так было очень обидно!»

Между тем до в общем-то внезапного обострения отношений в марте 1939 года Польша самозабвенно следовала в фарватере германской политики, фактически превращаясь в профашистское государство и теряя ощущение объективной реальности.

По сообщению разведки, например, — это было ещё до подписания Мюнхенских договорённостей, в начале 1938 года, — советскому руководству было известно, что «германское правительство просило полковника Бека^[11] довести в категорической форме до сведения Франции, что в случае, если она нападёт на Германию, для того чтобы прийти на помощь Чехословакии, польское правительство будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из франко-польского союза».

Очень интересная просьба, если вдуматься.

Когда же Франция на Германию нападать не стала, то Польша, верная гитлеровская прислужница, переключилась на Советский Союз — на ту единственную страну, что была готова прийти на помощь Чехословакии, преданной западными союзниками. Конечно, «история не знает сослагательного наклонения», но исследователь обязан анализировать каждый возможный вариант развития событий. Думается, что удар советских войск по гитлеровским агрессорам, безбоязненно (в Мюнхене ведь разрешили!) вторгшимся в Судетскую область, мог если не предотвратить Вторую мировую войну, то хотя бы оттянуть её начало. А этого руководство рейха очень опасалось, что подтверждал источник разведки НКВД во французском МИДе: «...ввиду усиления французских, британских, американских и советских вооружений, а также ввиду прогрессивного и непрерывного истощения сил Германии, Италии и Японии, время играет на руку странам, стремящимся к миру».

Но у польской стороны были другие устремления. В сентябре 1938 года итальянский посол в Варшаве

сообщал в своё министерство иностранных дел: «С целью пресечения каких бы то ни было попыток СССР послать через Польшу войска в помощь Чехословакии, Польша с целью демонстрации начала 15 сентября манёвры на Волыни и под этим предлогом сконцентрировала там нужное количество войск».

Красиво — до невероятности! Так и представляешь, как гордые шляхтичи неколебимо встают на пути «московитских орд»; лихие уланы самоотверженно атакуют и обращают вспять советские танки Т-26 и БТ-7; в польских городах и сёлах вспоминают далёкие 1830 и 1863 годы, повсюду звучит гимн «Аще Польшка не сгинела!» и раздаются патриотические призывы, главным из которых является требование не дать осквернить польскую землю ногой иноземного солдата! (К сожалению, весьма скоро тем самым уланам действительно пришлось атаковать в конном строю танки — но только немецкие, однако их клинки и пики оказались бессильны перед бронёй Т-II и Т-III.)

О том же, что в 1938 году соседняя Чехословакия отдавалась на растерзание Гитлеру, в Польше ещё мало кто думал. Хотя кое-кто в тамошней «верхушке» не без оснований рассчитывал, что немецкие союзники отблагодарят Польшу за её «принципиальную» антирусскую позицию. Действительно, от гитлеровских щедрот Польше вскоре перепала Тешинская область фактически развалившейся Чехословакии. Правда, «подарок» этот был дан ненадолго, до сентября 1939 года. Но вряд ли кто в польском руководстве мог предположить, что принесёт Польше тот роковой сентябрь...

Если же несколько «открутить» время назад, то можно понять, что польское руководство не просто рассчитывало получать какую-то выгоду от дружбы с возрождающейся Германией, но и просто-напросто использовать её в своих целях, на правах чуть ли не

старшего партнёра. Тому свидетельство — опять-таки в сообщениях советской разведки:

«Военный атташе во Франции полковник Блешинский в узком кругу говорил, что «польско-немецкий союз преследует более серьёзные цели, чем нормализацию польско-немецких отношений. Старый игрок, как назвал Пилсудского^[12] Блешинский, не даст себя обмануть молодому Гитлеру, и он его использует для крупной политической игры, о чём мы только в будущем узнаем». Эти слова Блешинского были поняты в том смысле, что польско-немецкие отношения скреплены военным союзом, за которым скрываются агрессивные планы обоих союзников по отношению к восточным соседям»^[6].

Но «старый игрок» вскоре скончался, а «молодой Гитлер» не только не пошёл на поводу у польского руководства, но даже не признал в Польше партнёра.

Впрочем, если говорить честно, то и сам первый маршал Польши и начальник Польского государства^[13] признавал, что взаимоотношения польского и немецкого народов характеризовались как «тысячелетняя ненависть» (подчеркнём: данное чувство было взаимным!) и, чтобы она оказалась забыта, должно пройти немало времени. Признавал он это с горечью, так как сам являлся сторонником сближения Польши и Германии. Однако расстояние между общественным мнением и польской внешней политикой было слишком велико, и «низы» трезвели гораздо быстрее «верхов», которые почему-то — везде и всегда — считают, что они лучше всех остальных знают и понимают, в чём именно состоит народное счастье и каким путём следует вести страну. Вот и вели — в кильватере германской политики. А ведь источник, находящийся в посольстве Финляндии в Варшаве, информировал свой МИД (а заодно и советскую разведку) о том, что «отношение польской общественности к Германии... до некоторой степени

переменилось. Главная причина этого, несомненно, кроется в боязни того, что после Чехословакии наступит очередь Польши».

Отрезвление «на высшем уровне» пришло слишком поздно, когда в марте 1939 года немцы потребовали от Польши вернуть им так называемый Данцигский коридор.

Сегодня, однако, мало кто знает, что это за «коридор» и куда он ведёт, а потому не лишним будет уточнить, что Данциг — это современный Гданьск, полумиллионный польский город, промышленный центр и крупный порт, расположенный в дельте реки Вислы, которая через 15 километров впадает в Гданьский залив Балтийского моря. В XII–XVI веках Данциг входил в состав Ганзейского союза городов, а потом стал «Королевским Польским Городом Данцигом», сохранив особые права и привилегии.

Затем, согласно Версальскому договору 1919 года, он был даже признан самостоятельным государством под названием «Вольный город Данциг», но в общем-то под польским протекторатом. К тому же Польше было предоставлено право преимущественного использования Данцигского порта. Но главное, что Польша вдобавок получила хотя и узкий, но открывший ей доступ к Балтийскому морю кусок германской территории, спешно наречённый поляками Померанским воеводством, также его называли «Польский коридор», и этот «коридор» отрезал Восточную Пруссию (ныне Калининградская область Российской Федерации) от остальной Германии.

Это был весьма щедрый подарок для Польши (за какие такие заслуги в сражениях Первой мировой войны?!) и оскорбительная, более того — унижительная потеря для Германии. Можно ещё понять и как-то стерпеть, что в 1919 году к победившей Франции отошли извечно спорные Эльзас и Лотарингия, но

отдавать Данциг и часть балтийского побережья той самой Польше, которая давным-давно утратила своё былое величие, превратившись в европейскую приживалку? Кажется, что кем-то очень коварным и расчётливым в условия Версальского мирного договора, завершившего Первую мировую войну, намеренно закладывались те положения, что вскоре спровоцируют начало Второй мировой.

А далее, если открыть Политический словарь 1940 года, в котором эта информация являлась весьма современной и, так сказать, животрепещущей, то можно узнать, что «весной 1939 года Германия потребовала от Польши возвращения ей Данцига, а также Польского коридора. Возникший в связи с этим конфликт привёл 1 сентября 1939 г. к войне между Германией и Польшей...»^[7].

Заметим, как сдержанно написано о начавшейся Второй мировой: «война между Германией и Польшей». Но дело в том, что, как указано в выходных данных, редакционная работа над Политическим словарём была закончена 2 декабря 1939 года. Так что фактически новый мировой пожар тогда ещё не разгорелся, хотя Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Канада, Южно-Африканский Союз и ряд других экзотических государств уже объявили Германии войну. Однако все боевые действия на тот период ограничились разгромом Польши, после чего Гитлер подписал декрет об упразднении Польского государства, да ещё в октябре того же 1939 года немецкая подводная лодка потопила в шотландской гавани Скапа-Флоук британский линкор «Ройял Оук» — при этом погибли 833 человека... Вот и вся Вторая мировая война на тот исторический период! Так что ещё оставались надежды, и немалые, что далее этого дело не пойдёт.

Итак, когда весной 1939-го Германия потребовала возвращения Данцига, Польша решительно воспротивилась этим притязаниям, уповая на свои соглашения о взаимопомощи с Францией и Англией. Поляки были уверены в союзниках, искренне надеялись, что те не дадут их в обиду. И всё же на всякий случай в Польше был проведён призыв резервистов.

Хочется уточнить для современного читателя — без каких-либо далеко идущих выводов! — что город Данциг, давно уже именуемый Гданьском, то есть то самое «яблоко раздора», спровоцировавшее начало Второй мировой войны, до сих пор остаётся на территории Польши.

Алексей Николаевич вспоминал, что в те времена офицеры периодически, хотя и нерегулярно, проводили у них в подразделении что-то типа политинформаций о международном положении. К тому же многие солдаты и сами стремились получать сведения о событиях, происходящих в мире. Как он выразился: «Два еврейчика у меня были, они регулярно покупали газеты — и я читал вместе с ними». Забота о командире, всё правильно!

Обстановка в Польше в те месяцы уже была такая, что чувствовалось: война на пороге. И она будет не с русскими, не с большевиками. Опасность грозит с запада. Эх, пан Пилсудский, первый маршал, начальник Польши, до чего же ты доигрался, «старый игрок», куда завёл свою страну?!

«Поляки не трусливатый народ, и патриотизм у них в крови! — так высказался Ботян. — У них в школах всё преподают в патриотическом духе: с кем и когда поляки воевали, что завоёвывали, какая храбрость у них удивительная... Вот только гонору у поляков, скажем честно, излишнего много, так что в описании своей истории — а я знаю историю Польши, изучал её как будущий школьный учитель, — они эту свою храбрость просто перебарщивают. Очень они любят вспоминать

про Костюшко, который против России восстание поднимал, про других таких же своих героев, про короля Стефана Батория, который походами на Россию ходил. Помнят и про то, что Смоленск некогда входил в состав Польши...»

Но только ведь и немцы прекрасно помнили, что всего 20 лет назад, а также на протяжении многих веков до этого польский город Гданьск был немецким Данцигом.

Вот что писал в своих мемуарах, пафосно названных «Утерянные победы», гитлеровский фельдмаршал Эрих фон Манштейн, считавшийся лучшим стратегом Третьего рейха:

«Польша была для нас источником горьких чувств, так как она по Версальскому договору приобрела немецкие земли, на которые она не могла претендовать ни с точки зрения исторической справедливости, ни на основе права народов на самоопределение. Кроме того, этот факт для нас, солдат, в период слабости Германии был постоянным источником озабоченности. Любой взгляд на географическую карту показывал всю неприглядность создавшегося положения. Какое неразумное начертание границ! Как искалечена наша родина!»^{8}.

Далее автор утверждает, что «ОКХ^[14] до весны 1939 года никогда не имело в своём портфеле плана стратегического развёртывания с целью наступления на Польшу. Все военные приготовления на Востоке носили до этого момента чисто оборонительный характер»^{9}.

Если было именно так, то нельзя не отметить оперативности и эффективности действий гитлеровского командования. До весны 1939 года оно не имело никаких планов, а уже к ближайшей осени «для войны с Польшей Германия выставила основную и наиболее боеспособную часть своих сухопутных и военно-воздушных сил: 62 дивизии, в том числе 7

танковых и 8 моторизованных, и одну кавалерийскую бригаду, в которых насчитывалось более 1,8 миллиона человек, около 3200 танков, 6000 орудий и миномётов, до 2100 боевых самолётов»^{10}.

«Польша в ходе оборонительных сражений смогла противопоставить противнику 36 пехотных дивизий, 2 моторизованные, 3 горнострелковые и 11 кавалерийских бригад, общей численностью 1 миллион человек, около 600 танков, 4500 орудий и миномётов, примерно 400 боевых самолётов». Далее в этой же книге дается следующая оценка: «На состояние польских вооружённых сил отрицательно влияла общая экономическая отсталость Польши. Они уступали противнику не только в количественном, но и в качественном отношении. Подавляющая часть танков и самолётов, находившихся на вооружении, была устаревшей конструкции. В войсках не хватало транспортных средств, бронетанковой техники, средней и тяжёлой артиллерии, особенно зенитных и противотанковых орудий»^{11}.

Поэтому в августе 3-й дивизион зенитной артиллерии перебросили на западную границу — куда-то в район Познани, уже в качестве боевого, а совсем не учебного подразделения.

Там, на польско-германской границе, и началась для Алексея Ботяна война, которая продлится почти шесть лет. Воевать он начал капралом в польской зенитной артиллерии, никоим образом, разумеется, не предполагая, кем и где будет ему суждено эту войну закончить.

Предположить то, что произойдёт впоследствии, не помогла бы нашему герою даже его весьма богатая и дерзкая фантазия.

Вечером 31 августа 1939 года эсэсовцы инсценировали нападение поляков на радиостанцию

приграничного города Глейвиц — со стрельбой у микрофона, ультиматумом на польском языке и расстрелянными немецкими уголовниками, переодетыми в польскую военную форму... Так сказать, «террористы, уничтоженные на месте преступления» — то есть «вещественные доказательства».

Германия тут же дала «адекватный ответ».

«1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут немецко-фашистская авиация нанесла удары по аэродромам, узлам коммуникаций, экономическим и административным центрам Польши. Германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн», заранее прибывший к польскому побережью, открыл огонь по полуострову Вестерплатте. Сухопутные силы вермахта перешли границу и вторглись в Польшу с севера из Восточной Пруссии, с запада из Восточной Германии и с юга из Словакии»^{12}.

«Вскоре после того как армии 1 сентября 1939 года на рассвете перешли границу, завязались ожесточённые бои, в ходе которых противник был сбит с занимаемых им позиций...

Решающее значение для боевых действий в первую неделю войны имели, по-видимому, два фактора, которые впервые выступили в этой кампании.

Первым из них был прорыв фронта противника нанёсшими глубокий удар в тыл танковыми соединениями, для одновременного следования с которыми, однако, пехотные дивизии должны были напрячь все свои силы.

Другой фактор состоял в том, что вражеская авиация в результате успешных действий немецкой авиации была почти полностью парализована, что относилось также и к управлению, связи и средствам сообщения...»^{13} — вспоминал всё тот же Манштейн.

Отметим, что эта тактика, показавшая свою эффективность в самый первый день Второй мировой войны, впоследствии применялась германским

командованием неоднократно. Военные теоретики считают, что выдержать подобный удар опытного и отлично подготовленного к боевым действиям агрессора, отразить его, а затем сразу же перейти в контрнаступление — невозможно. Подвергшаяся нападению сторона неизбежно будет вынуждена отступить, но в каком порядке она это сделает, как и насколько отойдёт — это уже в большей степени зависит от самой обороняющейся армии, а не от противника.

Αpropos^[15], а вы-то где, друзья-союзники? Так сказать, старшие товарищи легкомысленной Польши? Совсем ведь ещё недавно, в апреле всё того же 1939 года, в Лондоне были подписаны англо-польский договор о взаимопомощи и секретный к нему протокол^[16].

В статье 1-й договора было недвусмысленно сказано: «В случае если одна из Договаривающихся Сторон будет вовлечена в военные действия против европейской державы вследствие агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, ведущей военные действия, поддержку и помощь всеми силами...»^{14}.

В протоколе следовало необходимое пояснение: «Польское правительство и правительство Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии договорились о следующем истолковании Соглашения о взаимопомощи, подписанного сегодня, как единственно достоверном и обязательном:

I. Под выражением «европейская держава», употребляемом в Соглашении, следует понимать Германию...»^{15}.

Ваше величество, «английский круль», где же вы? Где же ваша обещанная помощь, джентльмены?! Ну а куда же подевалась галантная Франция, давний «друг»

поляков, не раз, кстати, натравливавшая Польшу на Россию и даже в 1812 году водившая её солдат под наполеоновскими орлами^[17] в Москву? Да там же, где и Великобритания.

А ведь приди они, как и обещали, на помощь Польше — и вся мировая история пошла бы иным путём. Не было бы катастрофы Дюнкерка, захвата Бельгии и Нидерландов, массированных бомбардировок Лондона и парада гитлеровских войск на Елисейских Полях в Париже... Обо всём прочем мы и говорить не будем!

С тем, что в то время мировую войну ещё можно было остановить, согласны и историки.

«Польское правительство тщетно призывало западных союзников развернуть активные военные действия против Германии. В те дни 85 французским дивизиям, в составе которых насчитывалось 2200 танков, на западном фронте противостояла немецкая группа «Ц». В её состав входила 31 дивизия, из которых только 11 были кадровыми, а остальные — слабо обученными и плохо вооружёнными формированиями. В этой группе армий не было ни одной моторизованной части, ни одного танка. Наступление войск англо-французской коалиции при таком соотношении сил могло бы поставить Германию на край катастрофы. Однако этого не случилось. Согласно планам англо-французского командования, широкое наступление на Германию с запада должно было состояться лишь в отдалённом будущем, когда Англия и Франция сумеют заполучить себе в союзники США. Растрачивать силы ради спасения такого «малоценного» союзника, как Польша, они не были намерены»^{16}.

Лишённая какой-либо помощи, Польская армия неизбежно отступала. Германская наземная операция сочеталась с воздушной: самолёты люфтваффе бомбили польские военные объекты и мирные города, колонны войск на марше и толпы обезумевших от ужаса

беженцев. Бомбили безжалостно и страшно! Гитлеровцы стремились не только разгромить, но и психологически подавить своего противника. Это им удавалось: среди мирного населения была большая паника, люди бросали всё, что у них было, и бежали прочь от границы, от наступающих германских войск. Очевидно, в памяти у многих всплывали картины немецких зверств, совершавшихся во время Первой мировой войны, после которой прошло-то всего два десятилетия.

Под натиском невиданной ранее силы отступали и польские войска. Отходили в основном организованно, останавливались, пытались отразить наступление врага, нередко даже контратаковали, но снова вынуждены были ретироваться.

«Я воевал, как солдат, — с уверенностью в своей правоте говорил Алексей Николаевич. — Не разбирался, что я белорус, а там — бои за Польшу. Это была моя земля, моя страна, моя Родина!»

...Потом, но очень ещё не скоро, найдутся у нас, к сожалению, такие, что попытаются поставить в вину старому солдату эту его службу. Но мы об этом скажем уже в заключительной главе нашей книги...

Зенитчики 3-го дивизиона приняли бой в первый же день войны, когда в небе над ними внезапно появились немецкие бомбардировщики с чёрными крестами на крыльях и фюзеляже и свастикой на хвосте. Орудия были немедленно установлены на огневых позициях, развёрнуты и подготовлены к стрельбе.

Тут уже Алексей выполнял обязанности не только командира орудия, но и наводчика — самые ответственные из всех номеров расчёта. Неподалёку от каждой батареи, метрах в двадцати пяти — тридцати, стоял ПУАЗО, прибор управления артиллерийским зенитным огнём, — кстати, цейсовского, немецкого, производства, который помогал определить высоту и скорость полёта боевой машины, именуемой у

зенитчиков «целью». Солдат-дальномерщик, дежуривший у ПУАЗО, кричал: курс такой-то, высота такая-то, скорость такая-то! Наводчику нужно было моментально выставлять эти данные, проводить соответствующие расчёты — и стрелять.

Дело это знакомое, до автоматизма отработанное и в учебных классах, и на полигоне во время тренировок и учебно-боевых стрельб, однако теперь условия выполнения «упражнения» были совершенно иные. Самолёты, в отличие от мишеней-конусов, не пролетали где-то высоко, но с громким, нарастающим воем пикировали прямо на батарею, пытаясь разбомбить зенитные орудия, поливали их пулемётным огнём. Конечно, поначалу было безумно страшно. Казалось, что каждая бомба летит именно сюда, на позицию, на твоё орудие, на тебя и что пикирующий самолёт так и будет падать до тех пор, пока не вобьёт тебя в землю, но в горячке боя этот страх исчезал довольно скоро. Откуда-то появлялось осознание, что если ты будешь делать всё быстро и правильно, то успеешь сбить этот проклятый самолёт раньше, нежели он разбомбит тебя. Такая вот простейшая, но жизнеутверждающая философия. Да и понятно было, что лётчику, по которому бьёт столько зенитных орудий и пулемётов — и одиночными выстрелами, и очередями, а потому буквально окружённому разрывами снарядов и пулемётными трассами, очевидно, ещё страшнее, чем солдату на земле. В неё, матушку, ведь спрятаться можно, зарыться с головой, забиться в траншею, земля всех укроет, а в воздухе у лётчика одна надежда на дюралевый самолёт, довольно хрупкий, который для зенитчиков — «цель», и они все вместе, дружно лупят по ней с остервенением и боевым азартом.

Наверное, именно тогда Ботян и усвоил простейшую, но столь необходимую для солдата истину: врагу в бою тоже страшно, и этим надо уметь воспользоваться.

Поначалу гитлеровские асы то ли недооценивали противника, то ли излишне уверовали в свою неуязвимость. Уж больно нагло они действовали, слишком низко и неторопливо пролетали над отступающими польскими войсками, над перепуганными беженцами, очевидно, наслаждаясь мнимым своим всевластием. А может, им также не хватало опыта и боевого мастерства? Случилось же, о чём писал тот же фельдмаршал фон Манштейн, что во время проведения больших учений 15 августа 1939 года, то есть всего за две недели до начала войны, целая эскадрилья немецких пикирующих бомбардировщиков впечаталась в землю из-за неправильного расчёта высоты выхода из пике. Всё-таки та большая война, в первые годы которой гитлеровская армия казалась своим противникам непобедимой, только ещё начиналась...

Итак, орудия установлены, развёрнуты и подготовлены к бою. Вот в направлении на позицию дивизиона появился очередной «юнкере». Дальномерщик прокричал данные летящего самолёта: курс, скорость, высота... Алексей бешено закрутил рукоятки прицельных приспособлений... Потом раздалась команда на открытие огня, и тут же загрохотали орудия, в небе вспыхнули разрывы зенитных снарядов. «Юнкерсов» было много, они неумолимо приближались к цели, но всё-таки Ботян был уверен — он это точно увидел! — что именно снаряды его орудия встретили низколетящий, приближавшийся к позиции бомбардировщик, который вдруг вздрогнул, окутался чёрным дымом, попытался повернуть в сторону, чтобы выйти из зоны обстрела, но не смог и, резко снижаясь, полетел к земле. Выпрыгнуть из самолёта с парашютом никто не успел, слишком низко было. Почти сразу раздался взрыв разбившейся о землю машины, а затем — радостные крики зенитчиков и всех других очевидцев этого боя.

Так был открыт его боевой счёт. Конечно, радости предавались недолго, потому как на позицию «бофорсов» шли уже другие самолёты, и опять падали вокруг орудий бомбы, разрывали землю снаряды, впивались в неё пули крупнокалиберных авиационных пулемётов, а значит, нужно было отвечать огнём более плотным и частым, отражать воздушного врага.

Потом, когда налёт завершился, вдруг поступила команда сниматься с позиций и продолжать отступление — приближались немецкие танки, возникла опасность окружения...

Нечто подобное наблюдалось каждый день: отходили, останавливались, стреляли по воздушному противнику, затем поступала команда, и опять надо было уходить. Да, они отходили, но не бежали. Они честно выполняли свой солдатский долг, а потому за время отступления зенитная батарея, в которой служил капрал Ботян, сумела сбить три немецких бомбардировщика. Алексей Николаевич уверен, что это — успех именно его орудия, расчёт которого считался в подразделении лучшим.

К ежедневным бомбёжкам и обстрелам, к ранениям и потере боевых товарищей привыкли довольно быстро. Но так вот сложилось, что хотя Алексей Ботян от бомбёжек и обстрелов никогда не прятался — у зенитчиков это вообще невозможно, ибо тогда нужно бросать оружие и оставаться беззащитным, — ранен он не был ни разу. Не только в эти самые первые дни, но и за всю свою долгую последующую войну, которая лично для него закончилась гораздо позднее 1945 года. Один только раз пуля, пройдя у самого виска, обожгла кожу — и всё! От этого ожога на виске у Алексея Николаевича на всю жизнь остался шрам. А ведь отклонись пуля всего на миллиметр-другой — и конец, прямо в голову. Но повезло! Значит, так ему было на роду написано: воевать с первого дня, оставаясь живым и невредимым.

Может, и правду гласит поговорка, что «смелого пуля боится»? Хотя сколько по-настоящему отважных, бесстрашных людей не вернулось из своего первого и единственного боя! Не говоря уже о том, сколько замечательных людей не вернулось с той войны...

Между тем 17 сентября, как было официально объявлено, «в связи с развалом Польского государства, ускоренным военным столкновением между Польшей и Германией, Правительство СССР... решило принять под свою защиту угнетённое единокровное население Западной Белоруссии и Западной Украины»^{17}.

Сколько, однако, мерзких политических спекуляций вызвало впоследствии это решение! Стремясь дискредитировать Советский Союз, иные «историки» сегодня утверждают, что его руководство «под шумок» воспользовалось фашистской агрессией, чтобы быстренько «оттяпать» кусочек сопредельного государства, поставив затем фюрера — ну и заодно «всё прогрессивное человечество» — перед свершившимся фактом. Отнюдь нет!

«В присутствии наркомов иностранных дел и обороны — В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова — в 2 часа ночи 17 сентября 1939 года Сталин официально проинформировал германских дипломатических представителей в Москве о том, что подразделениям РККА отдан приказ через четыре часа перейти государственную границу. Их задача взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно, во избежание нежелательных инцидентов, он потребовал, чтобы было остановлено наступление германских войск в восточном направлении, отвести вырвавшиеся вперёд, на линию Белосток — Брест — Львов, части вермахта и запретить германской авиации совершать полёты восточнее этой линии. Причём германским представителям ясно дали понять, что в случае невыполнения этих требований

германские части могут попасть под бомбовые удары советской авиации»^[18].

Руководитель великой державы говорил с позиции силы, и всем было ясно, что он поступит именно так, как обещает. Многословная суетливость наших последующих «вождей» была ему чужда.

Действительно, как и было сказано, «17 сентября 1939 г. части Красной армии вступили на территорию Польши и через несколько дней дошли до «линии Керзона» — линии, которая была в декабре 1919 г. рекомендована Верховным советом Антанты в качестве Восточной границы Польши»^[19]. Историческая справедливость была восстановлена.

Обращаем внимание ещё раз: та самая «линия Керзона», а лорд Керзон^[18] — отнюдь не деятель III Интернационала или какой-то социалист-утопист! — была рекомендована Верховным советом Антанты. То есть прежде всего руководством Великобритании и Франции, трепетно (правда, как оказалось, на словах) возлюбивших в то время ещё новорожденную Польшу. И кто-то ещё говорит про «заговор двух диктаторов»? Простите, но товарищем Сталиным была выполнена рекомендация руководителей ведущих стран Запада!

А выполнял он эту рекомендацию по-мужски жёстко. Известно, между прочим, что тогда, в сентябре 1939-го, кое-где произошли первые боестолкновения между советскими и фашистскими войсками — подразделениями тех двух армий, которые спустя два года начнут многолетнее сражение не на жизнь, а на смерть.

Но жёстко — по отношению к перспективному, так скажем, противнику. Недаром же в докладах сотрудников спецслужб, в частности — оперработников военной контрразведки, входивших на польскую территорию вместе с передовыми подразделениями, — говорится о том, что местное население в подавляющем

большинстве восторженно встречало Красную армию. Так ли было на самом деле? Именно так! В засекреченных документах таких организаций, как разведка и контрразведка, обычно не врут: обман может стоить слишком дорого, поэтому за него приходится отвечать по всей строгости...

Зато гитлеровцы жёстко вели себя по отношению к местному населению. И вот тому подтверждение:

«15 августа 1939 года Абвером из членов ОУН было создано диверсионное подразделение под кодовым названием «Bergbauernhilfe». Общая численность подразделения составляла около 600 человек, которых возглавил один из членов Главного провода ОУН полковник Роман Сушко.

Задачей подразделения должны были стать организация антипольского восстания на Западной Украине и очищение территории от «нежелательных элементов». Согласно показаниям начальника 2-го (диверсионного) отдела Абвера Э. фон Лахузена на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, 12 сентября 1939 года соответствующее указание было сделано начальнику Абвера адмиралу Канарису министром иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропом. «Смысл приказа или указания, — рассказывал Лахузен, — был таков: необходимо было связаться с украинскими националистами, с которыми разведка имела уже соответствующий контакт в военном отношении, для того, чтобы вызвать повстанческое движение в Польше, которое имело бы своим следствием истребление поляков и евреев в Польше. Об этом говорилось Риббентропом лично Канарису. Когда говорили «поляки», то подразумевали интеллигенцию и те круги, которые выступали в качестве носителей национального сопротивления...
«[{20}](#)».

Итак, 17 сентября начался Освободительный поход Красной армии. Войска Белорусского и Киевского особых военных округов, превращённые в Белорусский и Украинский фронты, перешли советско-польскую границу, чтобы — это тоже официальная формулировка — «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Как мы уже говорили, подобные формулировки сегодня «модно» подвергать сомнению. Следуя логике таких сомневающих, было бы лучше, если бы вся Польша оказалась тогда под сапогом «цивилизованного» немецкого солдата. Однако известно, что «уже 8 сентября начальник абвера адмирал Канарис сообщил оберквартирмейстеру генералу Штюльпнагелю, что руководство СС похвально тем, что ежедневно расстреливается не менее 200 поляков, причём никакого судебного разбирательства не производится. Жертвы в основном евреи, дворяне и священники...»^{21}. Вскоре вышеприведённая цифра увеличилась во много раз. «Историк Мартин Броскат^[19], анализирующий немецкую политику в Польше, отмечал, что только за первые месяцы немецкого господства число жертв там достигло нескольких десятков тысяч человек»^{22}.

А ведь хотя советские войска и вступили на реально вражескую территорию — отношение польского руководства к СССР известно, и некоторые «перегибы» во взаимоотношениях как с польскими властями, так и с местным населением были неизбежны, — однако подобных зверств, да ещё в таких масштабах, не было и быть не могло. За восемьдесят с лишним прошедших лет не найдено ни одного документа, свидетельствующего о чём-либо подобном...

Когда стало известно, что на территорию Польши вошла Красная армия, то отступающим польским частям была дана команда уходить в Румынию. Хотя ближе, чем Румыния, была Венгрия, но она находилась под сильным

влиянием Германии и Италии. Гитлер даже пожаловал своему союзнику венгерскому диктатору Хорти^[20] южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением в миллион человек, ранее входившие в состав Чехословакии, — так же, как, одновременно, он «подарил» Польше Тешинскую область. Высоким доверием фюрера нужно было дорожить, а «подарок» следовало обрабатывать. Так что если бы польские войска только сунулись на венгерскую территорию, они были бы немедленно разоружены и превращены в военнопленных. Другой кратчайший путь в Румынию лежал через Чехословакию, но она была ещё раньше оккупирована гитлеровцами. Поэтому для отступающих поляков оставалась лишь одна дорога: по территории Западной Украины — через Львовскую область, в пределы которой в это время уже вступили части Красной армии. Конечно, при встрече с советскими военнослужащими поляки подверглись бы всё той же участи разоружения и пленения, но думается, что советский плен для большинства польских солдат был предпочтительнее гитлеровского лагеря смерти. Но всё-таки оставалась ещё надежда на то, что им удастся оказаться в Румынии, проскочив между войсками двух наступающих навстречу друг другу армий. Польское правительство успело заключить с румынами договор о взаимопомощи, новообретённые союзники обещали принять у себя польские войска.

Только на подходах к городу Львову зенитчики в конце концов увидели немцев уже в качестве не воздушного, а наземного противника. Гитлеровские сухопутные подразделения догнали отступающих и попытались их задержать, так что произошло несколько стычек, которые закончились не в пользу германцев. Когда зенитные орудия бьют по наземным целям — это страшная сила! Несколько гитлеровцев были даже взяты в плен, но как-то не осознали своего недвусмысленного

положения и повели себя так агрессивно и дерзко, что одного из них, для острастки всем прочим, расстреляли. Тогда же Ботян впервые встретился с агентурой противника: полякам удалось поймать одного «сигнальщика», который ракетами и карманным зеркальцем наводил на цель немецкие бомбардировщики — указывал, где проходила отступающая колонна, чтобы её бомбить. Не каждый знает, что безобидный «солнечный зайчик» заметен издали, а обнаруженное у кого-то в кармане зеркальце, в отличие от ракетницы, подозрений не вызывает — «ношу, чтобы бриться», — так что пока «сигнальщика» не возьмут с поличным, то есть в самый момент подачи сигналов, ничего не то что доказать, но даже и предположить невозможно.

Однако этого агента солдаты засекли на месте преступления, а потому не раздумывая расстреляли.

Вот так и шли, увозя свои орудия, из которых отражали нападения воздушного и наземного противника. Случайным образом польские зенитчики получали отрывочную информацию о том, что гитлеровцы повсеместно наступают и что уже с 8 сентября идут бои за Варшаву. Поляки спешили, очень надеясь достичь румынской территории. Однако не успели.

«Отступая, хотя вроде и не битые, мы дошли до Львова, где сдались Красной армии», — подвёл итог своего участия в первом периоде Второй мировой войны Алексей Николаевич.

Он рассказал, что когда до заветной цели, румынской границы, оставалось не более полусотни километров, зенитчики наткнулись на красноармейские подразделения. Конечно, и русские и поляки взялись за оружие и немного друг в друга постреляли — не то для острастки, не то просто для очистки совести. Одни — чтобы не сдаваться совсем без боя, другие — в ответ.

Хорошо, что поляки не стали приводить в боевое положение свои зенитные орудия, понимая, наверное, что это неминуемо обернулось бы большой и напрасной кровью. Всё равно пробиться через окружившие дивизион советские войска реальной возможности не было.

К счастью, в скоротечном боевом столкновении с обеих сторон обошлось без убитых. В числе немногих раненых оказался командир дивизиона майор Блоцкий, который, кстати, уходил от немцев вместе со своей семьёй — женой и дочерью. Ему, как и другим раненым, тут же оказали необходимую медицинскую помощь. Вообще, как вспоминал Ботян, никакой злобы, даже простого недоброжелательства со стороны красноармейцев польские солдаты не почувствовали — словно бы никто ни в кого и не стрелял. Будем считать, что именно поэтому в своей «Анкете специального назначения работника НКГБ», отвечая на вопрос пункта 26: «Служили ли в белых или иностранных армиях, в каких частях, где и когда, последний чин и должность, участвовали ли в боях против Красной Армии, где и когда, какие имели награды, за что, от кого», Алексей Николаевич с чистой совестью написал: «Служил в Польской армии в 3-м дивизионе зенитной артиллерии в гор. Вильно в чине унтер-офицера. В боях против Красной Армии не участвовал».

Действительно, можно ли считать «боем» эту в полном смысле слова формальную перестрелку? Хотя, как свидетельствует опыт, в несколько иных обстоятельствах кое для кого одного такого «боя» было бы вполне достаточно, чтобы считаться ветераном войны со всеми вытекающими отсюда последствиями и льготами.

Итак, перестрелка быстро закончилась, окружённые польские солдаты побросали оружие, советские санитары оказали медицинскую помощь раненым,

которых после этого отправили в лазарет, а всех остальных построили в одну колонну и под небольшим конвоем повели в наскоро оборудованный полевой лагерь для военнопленных.

Что можно рассказать о пребывании в подобном лагере? Ничего интересного. Алексей Николаевич запомнил только один эпизод, который нам и поведал.

«Два еврейчика, как я говорил, у меня были, ну мы все вместе в плен и попали, — усмехнулся он. — И очень скоро один из них пропал — нет его, как не бывало! Вдруг, на второй день, что ли, я вижу, что этот мой подчинённый уже стоит за забором. Он меня первым заметил, кричит: «Ботян! Хочешь хлеба?» — и бросает мне кусок хлеба из-за забора... Хороший человек! Но, я думаю, как же так?! Только что в плен вместе попали, оба мы польские военнослужащие, а он уже там ходит? Русского языка он точно не знал, ничем особым не выделялся — как же это?! А потом я всё понял. Подошёл к входу и вижу, что там, у ворот, стоит красноармеец той же национальности, с треугольничками на петлицах — сержант, значит. Вот как они друг другу помогают! Позавидовать можно! Нам бы так!»

Некоторое время пленные польские военнослужащие сидели в лагере, а потом их стали отправлять, как предполагали сами солдаты, в Советский Союз. Хотя куда именно, никому известно не было, но тут же пронёсся слух, что всех посылают в Сибирь... Сначала от лагеря шли пешком, колонной, потом на какой-то железнодорожной станции пленных стали усаживать в теплушки. При этом, как заметил Ботян, охрана была минимальной. Один красноармеец с винтовкой дежурил у дверей, другой находился где-то в конце вагона. Вскоре так и поехали.

«Э-э-э! — подумал тогда Алексей. — Как-то бы бежать надо!» Перспектива убирать снег в Сибири его явно не привлекала — ведь повезли действительно на

восток, что он понял по тому, как светила луна. Хотя, конечно, до этой самой страшной Сибири могли и не довести...

Мысль работала мгновенно и очень чётко; хитрости ему было не занимать. Дождавшись, когда поезд замедлил ход на очередном подъёме, Ботян подошёл к часовому у дверей, сказал негромко, испуганно оглядываясь в темноту вагона: «Солдатик, там дерутся! Успокой их! Пожалуйста!» Вид маленького польского капрала, говорившего по-русски, вызывал доверие, а потому встревоженный красноармеец сразу отошёл от двери, пошёл вглубь помещения; но только лишь он отвернулся от Алексея, как тот ловко выпрыгнул из вагона, каким-то чудом сумел удержаться на ногах и стремительно бросился в кусты, опасаясь, что могут стрелять вслед. Но всё было тихо. Вряд ли, конечно, побег унтер-офицера остался незамеченным — скорее всего, пленные польские солдаты особого интереса для Красной армии не представляли. Одним больше — одним меньше, что с того?

Пройдя километров пять-семь, он дошёл до какой-то станции. Спросил у железнодорожника, когда пойдёт поезд на Барановичи. «Садитесь скорее, сейчас пойдёт!» — махнул тот рукой в сторону состава, стоящего под парами. Радостный Алексей поднялся в вагон и застыл в оцепенении: большинство сидящих здесь пассажиров оказались красноармейцами. Появление польского унтера в полном, хотя и изрядно потрепанном обмундировании для них также оказалось неожиданностью, но меньшей, а потому Ботян был тут же задержан вновь, и находившийся в вагоне командир поручил одному из солдат его охранять.

Однако великое дело — знание языков! Напомним, что Алексей не только говорил на родном белорусском языке, на государственном — польском, но ещё и свободно изъяснялся по-русски и по-украински.

Немецкий язык, которому выучил его отец, тут, конечно, был не в счёт, в данный момент его вообще следовало напрочь позабыть, чтобы не вызвать вдруг лишних вопросов. А ведь известно, что человек, знающий твой родной язык, обычно вызывает доверие, — вот и красноармейцы, такие же простые деревенские парни, как он сам, совсем скоро считали его за своего, охотно с ним разговаривали по-русски, дали чего-то перекусить. Так что когда унтер сказал своему конвоиру: «Я схожу водички напьюсь...», это не вызвало никакого подозрения. Ну а дальше — снова прыжок из поезда в ночную тьму.

На следующий день Алексей был дома. Нельзя не сказать, что в деревню он прибыл достойно, в полном своём солдатском обмундировании, с нашивками капрала. Мог бы, наверное, где-нибудь по дороге сменить свой добротный, но столь приметный мундир на штатские обноски, тогда и «приключений» было бы меньше, но какой уважающий себя «дембель» будет так позориться!

Уже дома Алексей узнал, что 28 сентября пала Варшава — её оборона продолжалась 20 дней, а 8 октября германский фюрер подписал декрет о ликвидации Польского государства... Таким образом, как тогда думалось Ботяну, и закончилась для него война. На самом же деле она только ещё начиналась.

Глава третья

ДИРЕКТОРА ЗАБРАЛИ В НКВД

«Ну вот, приехал я домой и думаю, что же мне делать дальше? — вспоминал, рассказывая нам о своей судьбе, Алексей Николаевич. — Дома было хозяйство нормальное, отец и мать здоровы, есть две сестры-помощницы, Мария и Зинаида. Лошадь у нас была, и весь скот... Можно бы и мне опять хозяйствовать, но я решил поехать в район — посмотреть, что там такое творится. А там, как оказалось, набирали «новую советскую интеллигенцию». В частности, приглашали учителей на переподготовку. Так как у меня было польское среднее учительское образование, то я пошёл, записался — и меня приняли моментально».

Итак, уже в октябре того же 1939 года недавний польский военнослужащий был зачислен на курсы советских учителей, открывшиеся в городе Воложине. А ведь, казалось бы, если верить столь популярным сегодня рассказам о «зверствах НКВД на вновь присоединённых территориях», его должны были замучить проверками или, скорее всего, просто замучить, возвратив для этого в лагерь для военнопленных, — он ведь совсем не скрывал своего недавнего прошлого, в анкетах, как мы видим, всё было указано.

Кстати, на этот эпизод с созданием учительских курсов стоит обратить особое внимание. Сейчас на так называемом «постсоветском пространстве» иные политиканы очень любят порассуждать о некой «советской оккупации». Но хороши были «оккупанты», которые сразу же озаботились развитием образования, подготовкой учительских кадров на, так сказать, «оккупированных территориях»! Не сокращали

количество учебных заведений «в целях экономии средств», не пытались перевести школы на самоокупаемость, сделать учебные заведения платными и хозрасчётными, да и людям образованным не предлагали переквалифицироваться в какие-нибудь «челноки», чтобы обеспечить себе более-менее сносное существование. Наоборот, стремились к увеличению количества образованных — то есть мыслящих! — людей, обеспечению всеобщей грамотности населения.

Зато «цивилизованные» немцы, гитлеровцы, считали уничтожение местной интеллигенции одной из своих первых задач. Кстати, через два года подобное произойдёт на Западной Украине, в захваченном немецкой армией Львове, когда гитлеровцы, точнее их «мисцевые»^[21] приспешники из батальона с поэтическим названием «Нахтигаль»^[22], расстреляют цвет интеллектуальной элиты этого старинного города: 45 выдающихся учёных и общественных деятелей, некоторые из них — с мировым именем... И это будет лишь первый шаг самоутверждения новой власти.

Одной из наиболее известных акций уничтожения, проведённых формированиями ОУН, стала так называемая «львовская резня», начавшаяся 30 июня 1941 года. События «львовской резни» достаточно хорошо описаны историками; насколько можно понять, сформированная ОУН милиция в первую очередь приняла участие в уничтожении львовских евреев, тогда как убийства польской интеллигенции по большей части осуществляли боевые группы, выделенные из укомплектованного украинскими националистами разведывательно-диверсионного батальона «Нахтигаль».

События во Львове были только началом; убийства «враждебного элемента» проводились украинскими националистами повсеместно. В донесении начальника полиции безопасности и СД от 18 августа 1941 года

ситуация описывается следующим образом: «Украинская милиция не прекращает разорять, издеваться, убивать... Поляки приравнены к евреям, и от них требуют носить повязки на руках»^{23}.

Но пока что был 1939 год, Львов отошёл к Советскому Союзу, и такой беды там конечно же не ждали. «Советские оккупанты», как любят сейчас называть воинов Красной армии и представителей той новой власти, что именовалась «народной», не делили мирное население по национальностям и никого не заставляли носить жёлтые повязки на руках или шестиконечные звёзды на груди.

По свидетельству Алексея Николаевича, его земляки встречали приход Красной армии с большой радостью.

«Некоторые сейчас утверждают, что, мол, тогда повыселяли многих, в Сибирь отправили, — как всегда торопливо, говорил он. — Да, и это было, были такие случаи. Но не многих отправили! Кстати, не тронули ни одного инженера, ни одного врача... Даже польских полицейских, которые у нас в районе были, и тех никого не арестовали. Зато забирали тех, которые были связаны с «двуйкой», то есть с контрразведкой польской; брали активных антисоветчиков, а также тех, кто воевал против советской власти в 1920 году, — тех людей действительно повывозили отсюда. Может, это и правильно было, потому что не знаю, как бы повели они себя в начале будущей войны. Но никаких репрессий, расстрелов не было, абсолютно! Просто сажали людей в вагоны и отправляли. Куда именно, мне не известно. В общем, я вам так скажу: поверьте, органы знали, кого забирать!»

Действительно, в отличие от своих немецких «коллег», с которыми их так пытаются уравнивать сегодня, советские спецслужбы не стремились создавать на вновь присоединённых территориях атмосферу тотального террора и ужаса. Выполняя нелёгкую свою

миссию, они работали профессионально и конкретно, что не вызывало особого противодействия местного населения.

И вот — подтверждение тому с достаточно неожиданной стороны:

«Доклад Белорусского НКВД от 12 сентября 1939 года о положении на бывших польских территориях показал, что единственная «партизанская» активность, которую они ожидали, происходила от батраков, которые пытались организовать группы с намерением громить помещичьи имения, кулаков и коммерческие учреждения. Каких-либо проявлений со стороны антисоветских националистических организаций, которые могли бы создать проблемы, сходные с теми, с которыми столкнулись на Западной Украине, вообще не было»^[24], — писал в своей книге «Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса» весьма объективный и вдумчивый исследователь, знаток истории советских спецслужб Дэвид Э. Мерфи, в прошлом — один из руководителей ЦРУ США^[23]. А уж этого человека заподозрить в ностальгии по «советскому прошлому» никак нельзя.

Далее автор уточнял, что к началу Великой Отечественной войны НКВД СССР всё-таки «смог в некоторых деталях описать историю и деятельность крупных антисоветских организаций в западных областях Белорусской ССР». Все они, начиная от самой большой организации — «Громада» («Товарищество»), уходили своими «корнями» на польскую территорию. Как раз «Громаду» и можно назвать самым показательным в этом смысле явлением: «Эта организация была создана в 1920-е годы польской разведкой как прикрытия для вербовки агентуры из числа белорусов для засылки в Советскую Белоруссию. Но вопреки желаниям поляков «Громада» выросла в огромную организацию с количеством более 100 тысяч

членов, особенно из числа сельских жителей. Боясь потерять над ним контроль, польская разведка распустила общество»^[25].

Вот она, изнаночная сторона любой «националистической оппозиции». Недалёким, так скажем, патриотам-боевикам хочется «самостийности» со всеми вытекающими отсюда благами, но зарубежные «хозяева» беззастенчиво используют националистов в своих корыстных интересах, да ещё и «втёмную». При этом, однако, националистическое руководство, более осведомлённое, нежели его боевики, и пользующееся зарубежной помощью и поддержкой, само стремится «кинуть» своих, что называется, «хозяев». Им ведь лишь бы до «кормушки» добраться, а там... Тому известно достаточно исторических подтверждений.

События на возвращённых землях развивались настолько стремительно, что даже весьма добросовестный историк из американского ЦРУ (говорим без всякой иронии!) это развитие как следует не уследил.

«К 28 сентября было возможно организовать выборы в Народное собрание, которое 2 ноября проголосовало за вхождение «освобождённых территорий» в Белорусскую ССР»^[24], — писал, в частности, Дэвид Мерфи.

На самом же деле ещё «29 октября 1939 г. Народное собрание Западной Белоруссии, избранное на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, выражая единодушную волю освобождённого народа, провозгласило на всей территории Западной Белоруссии установление Советской власти и постановило просить Верховный Совет СССР и Верховный Совет Белорусской ССР принять Западную Белоруссию в состав Советского Союза и Белорусской ССР. Внеочередная V Сессия Верховного Совета СССР 2 ноября 1939 г. приняла закон о

включении Западной Белоруссии в состав Советского Союза с воссоединением её с Белорусской ССР»^{26}.

Итак, 2 ноября 1939 года Западная Белоруссия с населением 4 миллиона 800 тысяч человек (три миллиона белорусов, остальные, в подавляющем своём большинстве, — поляки и евреи), проживающих на площади 108 тысяч квадратных километров, уже де-юре вошла в состав СССР.

Новые власти делали всё возможное, чтобы жители возвращённых территорий как можно скорее почувствовали себя по-настоящему советскими людьми. Алексей Николаевич вспоминает, что по радио — у него был приёмник — из столицы Советской Белоруссии, Минска, велась очень серьёзная пропаганда. Пожалуй, её даже можно сравнить с последующей работой знаменитых «вражьих голосов» — Би-би-си и «Голоса Америки»: много привлекательной музыки, оптимистичная информация о родной стране и, соответственно, разоблачение идеологического противника, то есть в данном варианте «проклятых капиталистов».

«У меня просто тяга была к Советскому Союзу — и очень большая! — вспоминал Ботян. — Я интересовался тем, что там делается, был в курсе всего, там происходящего. Очень любил советские песни — песни ведь замечательные тогда были, согласитесь! И я просто почувствовал себя русским, советским... Всё-таки здесь, в Польше, определённые притеснения для белорусов были».

Разумеется, он был такой не один. Вот что засвидетельствовано в сообщении НКВД БССР об обстановке на сопредельной территории, то есть тогда ещё в Западной Белоруссии, переданном в союзный наркомат 12 сентября 1939 года — за неделю до ввода Красной армии: «Настроение белорусов и батрацко-бедняцкой части польского населения характеризуется

выражением симпатий к СССР, нежеланием служить, воевать, стремлением сдачи в плен, бежать в СССР... В пограничных уездах Виленского воеводства, в Докшицкой, Парафиевской волостях отмечаем попытки организации партизанских групп с намерением разгрома имений, кулаков, учреждений»^{27}.

То есть почва была подготовлена, а реальные преимущества социалистического строя, каковые сразу же почувствовали трудящиеся люди, ещё более усилили эти симпатии. Да и отношение новых властей к местному населению было совсем иным, нежели у гитлеровских захватчиков на оккупированных польских землях, — а ведь люди, безусловно, знали о том, что творилось за новой границей, разделявшей теперь Советский Союз и гитлеровский рейх.

Вот всего лишь один пункт из Директивы НКВД СССР, подписанной наркомом Лаврентием Павловичем Берией, — в целом она посвящена работе органов на освобождённых территориях, но в ней нашлось место и для следующего указания:

«16. Конфискации фуража и продовольствия у населения избегайте. Необходимый фураж и продовольствие покупайте у населения за наличные в советских рублях, объявив населению, что стоимость (курс) рубля равняется стоимости (курсу) злотого»^{28}.

Нет смысла объяснять, что для подавляющего большинства населения областей, присоединённых к Советскому Союзу, уже один тот факт, что продукты и товары, произведённые руками трудящегося человека, у него будут покупать, а не изымать, значил гораздо больше, нежели дарованное конституцией право «избирать и быть избранным». Да и многие иные так называемые «политические», «демократические» права и свободы вызывали реальную симпатию к новой власти.

Неудивительно, что у Алексея возникла идея создать на педагогических курсах, где он обучался, комсомольскую организацию. Он сделал это буквально в первые дни после начала занятий и тотчас развернул активнейшую общественную работу, не дожидаясь официального оформления как своего членства в ВЛКСМ, так и регистрации самой первичной организации, обязанности секретаря которой он исполнял с огромным желанием. Энергия была ключом, и её вполне хватало как для успешной учёбы, так и для активного участия в комсомольской работе. Благодаря своей общественной деятельности он, кстати, быстро сумел познакомиться со всеми районными властями.

Официально Ботян числился членом ВЛКСМ с мая 1940 года, но уже в праздничный день 1 Мая, во время демонстрации трудящихся, он, как опытный унтер, выстроил всех своих комсомольцев — слушателей педагогических курсов — в колонну по ранжиру и, чётко вышагивая впереди, провёл их чуть ли не строевым шагом мимо трибуны, на которой стояли местные руководители и передовики производства. Известно, что обычно трудящиеся на демонстрации движутся «организованной толпой», так что парадное прохождение будущих педагогов, как, разумеется, и отменная выправка их руководителя были, безусловно, отмечены местным начальством, причём кое-кто всерьёз, как говорится, положил на Алексея глаз...

После этого «парада» Ботяна неоднократно приглашали на беседу к различным местным руководителям — к кому и зачем, он не знал, ибо в те строгие времена что-либо объяснять «нижестоящим» было не принято. А может, и специально не хотел знать: из того, что нами уже рассказано, можно понять, что крестьянский сын Алёша Ботян был очень непростым парнишкой и чётко ориентировался во всём происходящем. Было бы иначе — сидел бы он, наверное,

тогда в лагере для военнопленных польских солдат, если таковые к тому времени ещё оставались.

Первая официальная встреча, на которой ему что-то объяснили, произошла в Минске, в Управлении госбезопасности республиканского Наркомата внутренних дел. Разговаривали с ним строгие товарищи с «ромбами» на петлицах. Один «ромб» носил майор госбезопасности, а звание это соответствовало армейскому полковнику. Два «ромба» — старший майор, звание приравнялось к генерал-майору. Уровень приличный, что свидетельствовало и о немалом интересе, проявляемом «компетентными органами» к скромному слушателю учительских курсов.

Ну, тут уже, в общении с большими воинскими чинами, Алексей продемонстрировал всю свою армейскую выучку: строевой шаг, чёткий доклад о прибытии, повороты строго по уставу. На все вопросы Ботян отвечал по-военному лаконично, чётко и точно, ничего не утаивая, — понимал, что любая ложь или недомолвка может слишком дорого стоить. Хотя и скрывать-то особо было нечего: семья трудовая, воевал он только против немцев, даже три фашистских самолёта сбил; то, что из эшелона бежал, — так ведь домой хотелось, да и глупо было бы не убежать, если такая возможность представилась из-за ротозейства сопровождающих; к тому же при побеге он физического сопротивления не оказывал, никому никакого вреда не нанёс. Алексей говорил откровенно, не лукавя, что учиться на педагогических курсах ему нравится, что он мечтает работать в школе, обучать и воспитывать своих земляков — юных строителей коммунизма и что по выпуске ему уже обещаны неплохие перспективы на этом прекрасном пути...

Но руководящие сотрудники НКВД, которым приглянулся этот недавний польский унтер-офицер — уже обстрелянный, неплохо для того времени

образованный, инициативный, толковый и сообразительный, решительный и смелый, привычный к тяжёлому крестьянскому труду, хорошо развитый физически, свободно разговаривающий на четырёх славянских языках, да ещё и владеющий немецким, — определили для него совершенно иную судьбу.

Поэтому Алексей был направлен на соответствующую медкомиссию, очень строгую, после чего прошёл ещё несколько бесед с какими-то весьма ответственными товарищами и возвратился к себе в Воложин с предупреждением, чтобы никому ничего о своём пребывании в Минске не рассказывал, а ждал и продолжал спокойно учиться. Чего именно ждать — не объяснили. Но он, думается, сам обо всём догадывался, только вида не подавал. Зачем? Пусть всё идёт своим чередом...

Каждому человеку жизнь постоянно предлагает альтернативы, и каждый из нас несёт ответственность за принятые решения. Сейчас с полной уверенностью можно считать, что, поступая на учительские курсы, Алексей Ботян избрал для себя совершенно верный путь, — все последующие события его жизни идут как бы в развитие этого. Но ведь изначально были у него и другие возможности, о которых он сейчас просто не вспоминает. Подтверждая это, приведём документ, датированный как раз тем временем, о котором идёт наш рассказ, и подписанный опять-таки наркомом Берией:

«4 апреля 1940 г.

По делам ликвидированных в западных областях УССР и БССР контрреволюционных организаций польских националистов устанавливается, что наиболее активную и во многих случаях руководящую роль в этих организациях играет подофицерский состав бывшей

Польской армии (капралы, плютуновые, сержанты и т. д.).

В связи с этим предлагаю:

1) Всех лиц из числа подофицеров бывшей Польской армии, проводящих контрреволюционную работу, арестовать.

2) Взять на оперативный учёт подофицерский состав бывшей Польской армии: капралов, плютуновых, старших сержантов, сержантов, хорунжих и подхорунжих, использовав для этого проходящую в западных областях УССР и БССР паспортизацию и учёт военнообязанных.

3) По мере выявления подофицерских кадров бывшей Польской армии сомнительный и подозрительный элемент из них обеспечить агентурным наблюдением.

4) О результатах сообщать в НКВД СССР»^{29}.

Очень интересный документ. «Проводящих контрреволюционную работу» — арестовать; «сомнительный и подозрительный элемент» — проверить. Всё чётко, всё конкретно — ничего лишнего и никаких перегибов. Любая нормальная спецслужба работала бы точно так же.

Но вот ещё какой важный для нас момент... Знал ли Алексей Ботян о существовании подобных подпольных организаций? Спрашивать его об этом нам было бы бесполезно: настоящий разведчик умеет не только хранить тайны, но и забывать ненужное. Вполне возможно, что к бывшему капралу, человеку, которого товарищи уважали и любили, с которым вместе довелось повоевать, предпринимались, что называется, «подходы» — то есть приходили недавние сослуживцы, могли с ним о чём-то разговаривать, что-то ему рассказывать, делать какие-то предложения. Причём довольно откровенно: понятие воинской чести и армейского братства для людей служивых значит очень

много, а потому боязни, что товарищ донесёт, не было. В худшем случае он может сказать: «Ребята, я вас не видел, вы меня не знаете!» — и распрощаться навсегда. Но в райотдел НКВД с информацией точно не пойдёт, хотя знает, что рискует головой, если о подобном визите к нему станет откуда-нибудь известно «компетентным органам»...

Было так или не было, но в том Алексей Николаевич никогда бы не признался. Не его это тайна! Не важно, что кости людей, ему доверившихся, давным-давно покоятся в какой-то близкой или далёкой земле.

Всё-таки предположим, что подобные контакты были, но разговор не получился, и бывшие сослуживцы навсегда ушли от него в ночную темноту. А наш герой спокойно продолжал свою учёбу на учительских курсах.

Учиться оставалось недолго: уже в августе Ботян окончил курсы и был назначен заведующим начальной школой (тогда директорская должность называлась именно так) в село Ровковичи Воложинского района. И тут время его жизни буквально пустилось в карьер, настолько захватила и увлекла Ботяна новая работа.

«Не успел я приехать начальником в школу, как мне говорят — сдать школу и отправляться в Минск», — говорил нам Алексей Николаевич.

Но всё произошло совсем не так, ибо заведующим начальной школой Ботян стал в сентябре 1940-го, а сдал её только в мае 1941 года. То есть он отработал в школе почти полный учебный год, мгновенно, как видим, пролетевший.

Кстати, отметим, с каким уважением относились в Советском Союзе к вопросам образования. Ведь директора школы не «сорвали» с места посреди учебного года — понятно, что в подобном случае ему пришлось бы искать срочную замену, а всей школе перекраивать учебные планы, — при том что такая

могущественная организация, как НКВД, вполне могла бы это сделать, не беспокоясь о последствиях.

Нет сомнения: Алексей Николаевич был бы прекрасным учителем, он мог бы стать и известным организатором народного образования, и знаменитым учёным, да только судьба в лице «компетентных органов» распорядилась иначе. Как мы уже сказали, в самом конце учебного года Ботян был вызван в Минск. Наверное, дети, его маленькие ученики, были этим очень расстроены и провожали своего директора со слезами: он ведь был такой весёлый, компанейский, спортивный, «заводной», для всех совершенно доступный — ничего «начальственного», и все они его за этот год очень полюбили и совсем не хотели отпускать.

...Кто бы тогда мог подумать, что многим, очевидно даже — большинству из этих малышей оставалось жить на белом свете совсем недолго: тогда был май 1941 года, а уже в августе вся территория республики будет оккупирована немецко-фашистскими войсками.

Глава четвёртая **«МОСКВА ЗА НАМИ!»**

В Минске Алексей получил предписание: прибыть в Москву, на учёбу в Высшую школу НКГБ СССР^[25]. Явиться следовало немедленно, так что не успел ещё закончиться месяц май — и соответственно, в школе ещё не прозвенел последний звонок, а Алексей уже сам сидел за «партой» в «школе без вывески», располагавшейся в те времена в Кисельном переулке, неподалёку от площади и улицы, носивших имя основателя ВЧК Феликса Дзержинского^[26], поляка из родной Ботяну Виленской губернии. Земляка, в общем.

Причём поначалу слушателям пришлось усиленно заниматься именно «школьными» предметами: им преподавали русский язык, историю России, точнее — историю СССР, ну и историю уже, так сказать, «для взрослых» — историю ВКП(б). Это делалось не для проформы и совсем не в соответствии с некими «образовательными стандартами», столь модными сегодня. Просто большинство слушателей приехали в Москву из вновь присоединённых к Советскому Союзу территорий: из Западной Украины и Западной Белоруссии, из прибалтийских республик и Молдавии. Для работы в территориальных органах необходимо было набирать и готовить кадры, знакомые с местной и национальной спецификой; ну а если насчёт кого-то у начальства были иные планы — к примеру подготовка к службе во внешней разведке, то об этом самих слушателей пока ещё не информировали. (Поэтому когда сегодня пишут, что Алексея Николаевича сразу же послали учиться «на разведчика», это не так.) Все поступившие, в том числе, разумеется, и Ботян, направлялись на учёбу от имени своих райкомов партии.

Обучение должно было проводиться по сокращённой программе: оперативные сотрудники были необходимы на местах как воздух, да и о том, что приближается война, говорили в открытую, к ней в органах государственной безопасности готовились всерьёз.

Поэтому довольно быстро слушателей начали знакомить с «агентурной грамотой»: обучали, как подобрать нужный «объект» для разработки, как подходить к людям, как с ними знакомиться, вызывать их доверие, как узнать, что на самом деле представляет собой человек. В общем, они начали получать оперативную подготовку... Однако занятия в школе закончились гораздо раньше, нежели это предполагалось учебными планами.

«22 июня началась Великая Отечественная война, и в этот же день у нас в школе, как, наверное, во всех воинских частях, военно-учебных заведениях и учреждениях, состоялся митинг, — вспоминал Алексей Николаевич. — Конечно, все сразу же попросились на фронт, и, разумеется, в ответ нам было сказано: «Подождите, ваше время придёт!».

Так, наверное, отвечали всем и везде. Это уже потом, несколько месяцев спустя, на фронт будут безжалостно бросать даже курсантов военных училищ — почти готовых командиров, чтобы они умирали в качестве рядовых, но остановили, задержали врага на последних возможных рубежах. А сейчас, в первые дни войны, отправлять на передовую чуть-чуть обученных, но хорошо проверенных и отобранных оперативных сотрудников НКВД было ещё слишком большой роскошью. К сожалению, пройдёт совсем немного времени, и некоторые даже опытные сотрудники областных управлений и районных отделов, офицеры внутренних дел и госбезопасности, уходящие с оккупированных территорий, окажутся в дивизиях НКВД

на положении рядовых. Никто не проводил таких крамольных параллелей, но это было очень похоже на офицерские полки белой армии, в которых в солдатском строю шли поручики и штабс-капитаны, а ротами нередко командовали полковники и генералы. Такая же судьба ожидала и слушателей Высшей школы НКГБ, но этого пока ещё никто не знал и даже не мог себе предположить...

Тем временем структуры наркоматов внутренних дел и государственной безопасности спешно и чётко перестраивались на военный лад. К начавшейся войне эти ведомства оказались гораздо более подготовлены, нежели вооружённые силы. Не прошло и месяца, как все органы НКВД оказались сведены в единый «кулак»: в состав наркомата возвратились структуры, ранее выведенные в НКГБ, а военная контрразведка, в начале года разделённая между армией и флотом в качестве Третьих управлений НКО и НКВМФ, опять стала единым Управлением особых отделов НКВД СССР.

Профессионалы считают: «В условиях начавшихся военных действий, наших неудач на фронте такая централизация функций по обеспечению госбезопасности страны и охраны общественного порядка была оправданной»^{30}.

Ну что ж, даже при том что образ тогдашнего наркома НКВД Лаврентия Павловича Берии принято рисовать исключительно чёрными красками, не будем забывать, что это было его ведомство, и, значит, в том есть его личная заслуга.

Некоторые важнейшие организационные решения принимались в НКВД и гораздо раньше июля.

«В первый же день войны мне было поручено возглавить всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии по линии советских органов безопасности, — вспоминал под конец своей долгой жизни генерал-лейтенант Павел Анатольевич

Судоплатов^[27]. — Для этого в НКВД было сформировано специальное подразделение — Особая группа при наркоме внутренних дел...

Главными задачами Особой группы были: ведение разведопераций против Германии и её сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника»^{31}.

Но самые, безусловно, важные сведения относительно отбора сотрудников в эту группу Павел Анатольевич изложил не в первой своей книге «Разведка и Кремль», а в следующей, которая называется «Разные дни тайной войны и дипломатии»:

«Особая группа формировалась на базе Первого (разведывательного)^[28] управления НКГБ — НКВД. Костяк её составляли оперативные сотрудники, имевшие опыт разведывательной работы за рубежом и партизанских действий во время гражданской войны в Испании»^{32}.

Тут, конечно, необходимо сказать о том, что в состав Особой группы вошли: легендарный разведчик Яков Исаакович Серебрянский^[29] — он был спешно освобождён из тюрьмы, где ожидал расстрела по ложному обвинению; такие асы советской разведки, как Наум Исаакович Эйтингон^[30], Зоя Ивановна Рыбкина^[31], Станислав Алексеевич Ваупшасов^[32]; впоследствии ставшие легендарными Николай Иванович Кузнецов^[33], Вильям Генрихович Фишер^[34], более известный как Рудольф Абель, Африка де Лас Эрас^[35] и многие другие, в том числе те, чьих имён мы никогда не узнаем — не потому, что они забыты, но потому, что они никогда не будут рассекречены.

Здесь мы и остановимся, ибо к нашему герою, которому тогда, разумеется, не восстановили даже его польский унтерский чин и он был просто рядовым, эти замечательные люди не имели абсолютно никакого отношения — они были офицерами (за очень небольшим исключением), опытнейшими сотрудниками, легендарными личностями. А он? Да, он служил вместе с ними в рядах Особой группы, но в других её структурах, так что не только никого из них не мог лично знать, но даже ни о ком из них ничего не слышал... Или — почти ни о ком. Но этот вопрос мы уточним несколько позже. Зато сейчас мы со всей уверенностью можем сказать, что Алексей Николаевич Ботян давно уже принадлежит именно к этой когорте замечательных людей разведки и имя его произносится в профессиональной среде с таким же громадным уважением, как и те легендарные имена...

...Между тем обещанное «время» пришло неожиданно быстро: уже 15 июля Алексей Ботян, как и его сослуживцы по Высшей школе, был зачислен в одно из войсковых подразделений, подчинённых Особой группе.

«Первоначально войска Особой группы включали в себя две бригады, состоявшие из батальонов, которые делились на отряды, отряды — на спецгруппы. В октябре 1941 г. были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) в составе двух мотострелковых полков: четырёхбатальонного и трёхбатальонного со специальными подразделениями (отрядами спецназначения, школой младшего комсостава и специалистов, сапёрноподрывной ротой, авторотой, ротой связи)»^{33}.

Генерал Судоплатов в своём рассказе не совсем точен, но принципиального значения это не имеет: «Мы сразу же создали войсковое соединение Особой группы — отдельную мотострелковую бригаду особого

назначения (ОМСБОН НКВД СССР), которой командовали в разное время Гриднев^[36] и Орлов^[37]. По решению ЦК партии и Коминтерна всем политическим эмигрантам, находившимся в Советском Союзе, было предложено вступить в это соединение Особой группы НКВД. Бригада формировалась в первые дни войны на стадионе «Динамо». Под своим началом мы имели более двадцати пяти тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. В нашем распоряжении находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и по лёгкой атлетике — они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага»^[34].

Удивительно, но даже сам Павел Анатольевич не избежал в рассказе об ОМСБОН шаблонной оценки, хотя, скорее всего, тут виноваты литзаписчики и редакторы его мемуаров, к которым и без этого предъявляют немало обоснованных претензий. Можно назвать многолетней традицией такую практику, что когда говорили об ОМСБОН, то прежде всего вспоминали имена знаменитых спортсменов, воевавших в его рядах: заслуженного мастера спорта по боксу Николая Королёва, одного из сильнейших в то время штангистов мира Николая Шатова, рекордсмена страны по барьерному бегу Ивана Степанчёнка, легендарных легкоатлетов братьев Георгия и Серафима Знаменских... Мол, это и была основа бригады особого назначения.

Ботян же рассказывал нам несколько иное. «Да, действительно, были у нас знаменитые спортсмены, рекордсмены и чемпионы, — лукаво усмехался он. — Звучит это, конечно, здорово! Но жизнь вообще-то не на знаменитостях держится, а на мужиках, на тех, что из глубинки, из деревень, кто сызмала к труду и к лишениям привычен. Спортсмены, они что? То один в

ночном зимнем лесу простынет, то другой на марше ногу натрёт — они ж, чемпионы разные, к такой жизни не были приучены... Так что, поверьте, лицо ОМСБОНа определял именно тот народ, который был попроще и к земле поближе! Хотя, конечно, без спорта там было никак нельзя... Тут нет никаких возражений!»

Нелепо было бы считать, что устами Алексея Николаевича глаголет некая зависть «чёрной кости» к «белой». Мы никоим образом не сомневаемся в подвигах выдающихся советских спортсменов, героически вставших на защиту Родины и отдававших за неё свои жизни. Но всё же и в ОМСБОН, да и во всей Красной армии основную тяжесть войны вынесли на себе самые обыкновенные мужики — от рядовых солдат до Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, который также происходил из народных низов, именно «от земли».

Кстати, в своей следующей, посмертной уже книге (собранной её составителями на основе дневниковых и магнитофонных записей Судоплатова уже после его кончины) автор выглядел не столь плакатно-категоричным: «При наборе людей мы пошли по пути, подсказанному опытом финской войны — задействовали спортивно-комсомольский актив страны. ЦК ВЛКСМ принял постановление о мобилизации комсомольцев для службы в войсках Особой группы при НКВД. Мы мобилизовали выпускники Высшей школы НКВД и разведчиков Школы особого назначения, а также молодёжь из органов милиции, пожарной охраны... В наше распоряжение по решению ЦК ВКП(б) перешёл весь резерв боеспособных политэмигрантов, находящихся на учёте в Коминтерне.

Кроме того, Особая группа пополнялась, что было очень важно, военными служащими войск НКВД в ходе боевых действий».^{35}.

Заметим, что ни про какой «спортивный костяк» здесь уже нет ни слова.

И тут возникает вопрос: а почему такое подразделение пришлось создавать столь спешно? Ответ обескураживает: «К началу войны органы НКВД — НКГБ не располагали собственной разведывательно-диверсионной службой, единым руководящим центром этого профиля, не имели чёткого плана работы в тылу вражеских войск. Помимо этого, по известным причинам, органы госбезопасности к 1941 году остались без подготовленных кадров»^[36].

Возвращаясь к принципам формирования ОМСБОН, повторим слова генерала Судоплатова, что в ней оказалось немало сотрудников НКВД. Это были как молодые, подобные Ботяну и его однокашникам, товарищи, только начинавшие службу, так и опытные оперативники-территориалы, такие как, например, майор Евгений Иванович Мирковский^[38], который вскоре станет командиром партизанского отряда имени Дзержинского и в 1944 году будет удостоен звания Героя Советского Союза. Были здесь и участники боёв с фашистами в Испании, с японскими самураями — на Дальнем Востоке, участники Освободительного похода на Западную Украину и в Западную Белоруссию, а также — участники Финской кампании. Ну а кроме этого «костяка» в бригаду были зачислены присланные по комсомольским путёвкам рабочие многочисленных в ту пору московских заводов и фабрик, студенты и прочий молодой народ, горевший желанием драться с фашистами, защищать Родину. Всех их, вне зависимости от предыдущих должностей и уже имеющихся воинских или специальных званий, зачисляли в ОМСБОН рядовыми.

«Званий у нас в этом дурацком ОМСБОНе никаких не было — все мы были рядовые красноармейцы, и всё!» — как-то в сердцах заявил нам Алексей Николаевич.

Кто бы другой так обозвал легендарный ОМСБОН! Да его историки и ветераны спецслужб за такие слова тут же бы с потрохами съели! Ботян, однако, имел право на самые резкие оценки — он не только это право выстрадал, но и лучше, чем кто бы то ни было сейчас, знает предмет, о котором говорит. К тому же если ветеранов ОМСБОН сегодня можно перечесть буквально по пальцам, то Герой России Алексей Николаевич Ботян вообще был один такой единственный, другого, ему подобного, не было и быть не могло. А ко всем известным нам его качествам мы можем добавить, что человек он был прямолинейный, в оценках резкий, порой грубоватый. Ну и замечательно! Не всем же миндальничать и говорить только правильные вещи, полностью совпадающие с «официальной позицией»...

Наш собеседник так объяснял сказанные им слова — про «дурацкий ОМСБОН»:

«Представьте себе, тогда даже майор Мирковский попал в рядовые, без всякой на то своей вины! Но с ним потом скоро разобрались и звание ему вернули. А ещё я помню: хороший парень такой у нас был, Анатолий его звали, мой одноклассник, до войны служил оперуполномоченным в Воронеже. Ходил он там с двумя «кубиками», назывался «сержант госбезопасности», что равнялось армейскому лейтенанту. Пришёл он в ОМСБОН и стал рядовым — да так почти всю войну рядовым и прошёл... Мне присвоили офицерское звание в августе 44-го года, и ему, по-моему, тоже примерно тогда. Потом, когда мы вернулись сюда, Судоплатов вручал нам награды — ордена Красного Знамени. И вот тут он Толянчика моего поздравляет ещё и с присвоением офицерского звания. Мол, вам высокая оказана честь — вы теперь офицер госбезопасности, а тот в ответ и говорит: извините, пожалуйста, товарищ генерал, но я ещё в 41-м году был офицером госбезопасности! И все про это забыли! Представляете?!»

Никому до этого дела не было! Ну, тогда ему сразу же дали старшего лейтенанта...»

Командирами подразделений — взводов, рот и батальонов — в ОМСБОН назначили пограничников как офицеров войск НКВД; к тому же большинство из них уже имели достаточно солидный боевой опыт, полученный при охране наших беспокойных границ. Недаром же в Политическом словаре 1940 года — издании, позволяющем понять многие реалии тогдашней жизни, — о службе пограничников было сказано так: «Чекисты-пограничники самоотверженно, в трудных условиях несут важнейшую и почётнейшую службу по охране границ СССР от шпионов, засылаемых иностранными разведками на нашу территорию, от вооружённых налётов банд и регулярных войск капиталистических государств»^{37}.

Свою высокую боевую выучку, отвагу и пламенный патриотизм пограничники успели показать и теперь, в самые первые дни Великой Отечественной войны, встретив и задержав на срок от нескольких часов до многих дней и даже недель наступающие гитлеровские войска ещё на самой линии границы. Кстати, для германского командования это явилось очень неприятной неожиданностью: по плану, на то, чтобы подавить сопротивление советских пограничников, германским частям отводилось около пятнадцати минут.

В то самое время, когда официально была создана ОМСБОН, Особая группа претерпела свою первую реорганизацию. Её бессменный начальник писал:

«В октябре 1941 года Особая группа в связи с расширенным объёмом работ была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД...»^{38}.

В приказе НКВД СССР № 001435 от 3 октября 1941 года было указано: «Для выполнения специальных оперативных задач сформировать 2-й отдел НКВД СССР

с непосредственным подчинением народному комиссару внутренних дел СССР»^{39}.

Понятно, опять-таки, что нашего героя все эти изменения, происходившие в верхах, фактически не затрагивали. Он ведь тогда был занят повседневным солдатским делом: «учился военному делу настоящим образом», если вспомнить очень популярную в то время в вооружённых силах формулировку.

Конечно, программа подготовки бойцов «спецназа» — назовём их этим современным термином — существенно отличалась от курса обучения в Высшей школе НКГБ. Каждый день начинался пятикилометровым кроссом, да ещё и с преодолением препятствий. Основными учебными предметами были стрельба из различных видов оружия — этим делом бойцы занимались на стрельбище общества «Динамо», что находилось около Мытищ, инженерная подготовка — в основном подрывное дело и, разумеется, физическая подготовка. Не оставлены были без внимания и разного рода оперативные премудрости: бойцов готовили не просто к боям, но к разведывательно-диверсионной работе за линией фронта, на территории, временно оккупированной противником.

«Подготовка у нас была довольно хорошая, — вспоминал Ботян. — Вот, диверсионная работа: нас учили, как подготовить взрывчатку, заряд, как туда капсулю вставить, как рассчитывать мощность заряда, как его закладывать, когда и как будет больший эффект от взрыва... Кстати, эта подготовка была у нас непосредственно в Москве. Но часто проводились и такие тренировки, когда мы уходили в лес с полной нагрузкой, взрывчатку с собой брали и за ночь проходили километров сорок, не меньше. Даже без привалов — редко когда в тепле был какой-то привал. У нас, кстати, очень хороший физрук был, так его по-нашему называли, Соловьёв, даже помню его фамилию.

Гонял он нас здорово, и это очень помогло: и опыт какой-то был, и выносливость. А когда человек тренируется, это в дальнейшем всегда пригодится! Вот так я попал в ОМСБОН, и с этого времени вся моя дальнейшая судьба оказалась связана с нашей службой...»

Связана настолько прочно, что Алексея Николаевича ещё при жизни нарекли «легендой спецназа». Как сказано в книге «Спецназ КГБ», изданной несколько лет назад: «Среди чекистов — асов разведывательно-диверсионной деятельности Алексей Ботян занимает особое место. Он один из немногих партизан с Лубянки, кто после окончания Великой Отечественной войны продолжил сражаться на тайных фронтах «холодной войны»^{40}.

Всё правильно! Хотя насчёт «одного из немногих» можно и поспорить...

Не имеет смысла подробно рассказывать о том, как с каждым днём лета и осени 1941 года ухудшалась обстановка на советско-германском фронте. Особая группа — 2-й отдел НКВД одну за другой направляла в тыл противника свои оперативные группы. Да вот только — чего у нас долгое время почему-то старались не признавать — гестапо и абвер были более чем достойными противниками, а не дурачками из «шпионского» кино...

«Нас же в первые годы войны немцы переигрывали!» — говорил нам как-то человек, которого мы можем назвать Валентином Ивановичем.

Друг и коллега Алексея Николаевича Ботяна, только лет на двадцать его моложе, профессиональный диверсант, «боевой пловец», обладающий уникальнейшим опытом, он сейчас преподаёт в одном из «закрытых» высших учебных заведений. С ним мы ещё

не раз встретимся на страницах этой книги. Итак, Валентин Иванович рассказывает:

«Гитлеровцы по-настоящему подготовились к контрпартизанской борьбе, у них была прекрасно налажена контрразведывательная работа, а потому противник нас поначалу чётко переигрывал. Ведь и Кудря, и Молодцов, и Лягин погибли из-за того, что немцы очень «красиво» сделали подставу или перевербовку. Мужественные они были люди, держались до конца, но...»

Как известно, отряды сотрудников внешней разведки Ивана Даниловича Кудри (1912–1942), Владимира Александровича Молодцова (1911–1942) и Виктора Александровича Лягина (1908–1943), поначалу успешно действовавшие в Киеве, Одессе и Николаеве, были раскрыты контрразведкой гитлеровцев. Их руководители, впоследствии ставшие Героями Советского Союза (посмертно), казнены после долгих и мучительных пыток.

Боевой опыт оплачивался кровью. Пройдёт время, немало времени, и тогда уже советские спецслужбы будут начисто переигрывать гитлеровцев.

Ну а пока же спецслужбы учились воевать, а в Великой Отечественной войне всё чётче обозначался один главный фронт — тот самый, что всё ближе и ближе подходил к Москве. Вскоре рядовой Ботян окажется именно на этом фронте.

«К моменту подхода немецких войск к Москве Особой группе — ОМСБОН было поставлено задание: предпринять организационные действия по немедленному отпору врагу на наиболее опасных направлениях. Это означало, что следовало перекрыть и вести заградительные работы на танкоопасных направлениях — дорогах, ведущих к столице, на канале Москва — Волга, по реке Сетунь, в Переделкино и

Чертаново. Здесь работали 300 отлично подготовленных сапёров.

На всём пространстве Московского сражения действовало 68 разведывательно-диверсионных групп ОМСБОН. Их работа — это 14 тысяч фугасов, 50 тысяч мин, 94 километра завалов, километры взорванного шоссе и 95 подорванных мостов...»^{41}.

Противник очень скоро почувствовал, как нарастает сопротивление в его тылу. Тому подтверждением — очень интересный для нас приказ генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау, командующего той самой 6-й германской армией, что «прославится» в Сталинграде зимой 1943-го. Но пока ещё шла осень 1941 года, приказ был отдан 10 октября:

«По вопросу отношения воинских частей к большевистской системе существуют ещё неясные представления. Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром их окружённых сил и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед воинскими частями ставятся задачи, выходящие за пределы прежних солдатских задач. На Восточном фронте солдат является не только воином по правилам военного искусства, но и носителем народной идеи и мстителем за зверства, причинённые немцам и родственным им народам.

Поэтому солдат должен иметь полное понятие о необходимости строгой, но справедливой кары еврейским подонкам человечества. Дальнейшая задача — это уничтожить в зачатке восстания в тылу армии, которые согласно опыту затеваются всегда евреями...»^{42}.

Можно сказать, что это — ярчайший пример того, как идеология торжествует над здравым смыслом! Кто же и где, позвольте спросить, набрался такого сомнительного опыта?! Однако война эта в полном смысле слова была

«идеологической», две общественно-политические системы столкнулись, чтобы уничтожить друг друга, а потому ряд изначальных «установок» представлялся незыблемым. Впрочем, для нас в этом документе всего важнее упоминание о «восстаниях в тылу армии». Понятно, что это не «восстание» в чистом виде — не революционное возмущение трудящихся или же захват немецкого концлагеря его взбунтовавшимися узниками. Тут имеются в виду или партизанские действия, или диверсионные акции, проводимые советскими оперативными группами за линией фронта.

«Где-то, наверное, в начале ноября мы начали проводить рейды по тылам противника в районе Яхромы. Ходили группами, по восемь-девять человек, — вспоминал Алексей Николаевич. — Хорошо было то — это у меня в памяти осталось, что мороз был очень сильный, градусов за тридцать было. Но у нас были телогрейки, валенки, маскхалаты. Когда на задание ходили, то брали автомат и 200 или 400 патронов к нему, уже не помню. Взрывчатка была. С таким грузом никак не замёрзнешь! Тем более мы хорошо ходили на лыжах, а немцы окопались, мёрзли и никуда не выходили. Сидели они в блиндажах или окопах и только бросали осветительные ракеты, чтобы к ним не подошли. Ну, когда ракета горит, мы в снег ложимся, погасает — двигаемся. Заходили с тылу, незаметно к ним подходили, брали языков, пленных живьём забирали. А кого взять не получалось, тех убивали, как уж там выходило. Результаты хорошие были! Но я в то время был солдатом, не командиром, ничего особенного о себе рассказать не могу. Честно скажу, сколько раз вот так к фашистам в тыл ходили, уже и не помню. Не один раз, конечно, несколько — до тех пор, пока немцев от Москвы не отбили».

Можно представить себе такую картину: морозная ночь, чёрное небо буквально усыпано огромными

мерцающими звёздами, и стоит пронзительная тишина. Это редкая ночь, когда почти совсем не стреляют — только расчёты дежурных пулемётов время от времени, для острастки, проходят по передовой противника очередью трассирующих пуль. Немецкие окопы, ломаными линиями прочерченные на какой-нибудь господствующей над местностью высоте, отгорожены, защищены от противника рядами заиндевевшей «колючки» и плотным минным полем. Над добротными сделанными блиндажами вьётся дымок «буржук», конфискованных у местного населения. Солдаты, набившиеся в блиндаж, к раскалённой печурке — благо сухих дров крестьянами соседней деревни было запасено для себя предостаточно, — заняты тем, чем обычно занимаются любые солдаты на постое: кто спит на нарах, заполнивших пространство в несколько ярусов, кто доедает остатки пайка, кто разговаривает с товарищами, а при этом, чтобы не сидеть без дела, чистит автомат или зашивает очередную прореху на обмундировании... Ругают русскую зиму и самих русских, которые до сих пор почему-то не сдаются, гадают, когда, в конце концов, будут дома... Если среди солдат есть ветераны, которые поучаствовали в боях на Западном фронте или входили в Польшу, то неизбежны сравнения прекрасного французского или польского климата с ужаснейшим здешним — ну и какие-то воспоминания о тамошней «весёлой жизни». Зато про то, что было здесь — например, про вынужденную остановку в районе Смоленска, когда гитлеровские войска оказались скованы боями на целых два месяца и понесли серьёзные потери, предпочитают не говорить. Ни генералов, ни тем более фюрера никто пока ещё не ругает, но и восторженных слов в адрес руководства теперь уже не слышно...

В общем, большинство из тех, кто волей судьбы оказался собран в этом блиндаже, уверены, что война

скоро закончится и для них это, очевидно, уже последняя остановка на русской земле. Как же они были правы, сами того не подозревая! Вот только вряд ли кто из них мог догадаться, что их война завершится уже в ближайшие минуты.

Часовой замер в углу окопа и с вожделением глядит на дымок, медленно вьющийся из трубы, выведенной в смотровую щель блиндажа. Смотреть в сторону противника не имеет смысла: там «колючка», там мины. Всё закрыто самым надёжным образом, без долгой артподготовки не пройдёшь. Со стороны тылов можно опасаться только начальства, но кто из больших штабных начальников решится гулять по позициям ночью и в такой мороз? Свои же командиры сидят по блиндажам на позициях и носа на мороз не кажут. Время от времени, через чёткие интервалы, в небо поднимаются шипящие ракеты, а затем медленно опускаются, разбрасывая вокруг себя гаснущие искры. Высота, лес в отдалении, полусожжённая деревня — всё озарено мертвенно-бледным светом и видно как на ладони. Нигде ни движения, никаких признаков жизни... Солдат прекрасно знает, что если забиться в угол окопа и не шевелиться, то будет не так холодно. Одет он явно не по погоде: пилотка натянута на самые уши, под тонкую шинель поддета женская кацавейка, которую удалось прихватить где-то по дороге. Хуже всего ногам: сапоги от холода кажутся каменными и ступни, несмотря на газеты, которыми они обёрнуты поверх носков, давно уже болят от холода.

Часовой смотрит на светящиеся стрелки наручных часов: до смены ещё целых 24 минуты. Взлетела ракета, потрещала в чёрном небе и погасла, погрузив мир в темноту, которая всегда кажется более глубокой после яркого света. Глаза солдата ещё не успели привыкнуть к темноте, как вдруг на него обрушился сокрушительный удар, мгновенно вычеркнувший его из списков живых.

Часовой уже не мог видеть, как белые призраки стремительно врывались в блиндаж...

Как раз где-то в эти дни командующий 9-й германской армией генерал-полковник Адольф Штраус отдал приказ: «Даже если армия вынуждена будет всю зиму пробывать в обороне, то, учитывая ожидаемое весной возобновление наступления, нужно сделать всё, чтобы поддержать в войсках прежний наступательный дух. Частые разведпоиски, высылка дозоров и проведение незначительных наступательных операций с ограниченной целью по этой причине крайне необходимы. При всех обстоятельствах нужно не допустить того, чтобы войска впали в тупую зимнюю спячку...»^[43].

Почему мы даём приказу такую оценку? Да как-то уж слишком недооценил тёзка фюрера своего противника. Обеспечить гитлеровцам спокойный сон бойцы ОМСБОН, конечно, могли, но только — вечный...

«ИЗ ВЕЧЕРНЕГО СООБЩЕНИЯ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО 29 НОЯБРЯ 1941 г.

Получено сообщение о большом успехе партизан, действующих в оккупированных немцами районах Московской области. 24 ноября несколько партизанских отрядов под командованием товарищей Ж., К.^[39], П., В., объединившихся для совместных действий против оккупантов, совершили налёт на крупный населённый пункт, в котором расположился штаб одного из войсковых соединений немецко-фашистской армии. Ночью после тщательной разведки славные советские патриоты обрушились на ничего не подозревающего врага. Прервав сначала всякую связь немецкого штаба со своими частями, партизаны затем огнём и гранатами уничтожили несколько больших зданий, в которых располагались воинские учреждения фашистов. Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные

документы. Отважные бойцы-партизаны перебили около 600 немцев, в том числе много офицеров, и уничтожили склад с горючим, авторемонтную базу, 80 грузовых машин, 23 легковые машины, 4 танка, бронемашину, обоз с боеприпасами и несколько пулемётных точек.

При подготовке этой операции разведкой партизанского отряда был разгромлен карательный отряд гестапо. Гитлеровцы потеряли при этом убитыми и ранеными около 40 солдат и офицеров. Разведка партизан расстреляла десятника лесничества Батана, сообщавшего гестапо о местах расположения партизан в лесах»[{44}](#).

Оперативные группы НКВД, действовавшие во вражеском тылу, партизанами не были и таковыми реально не назывались, разве что в сводках Совинформбюро да в официальных немецких документах. Поразительное единодушие по совершенно разным причинам! Вообще, кажется, для гитлеровцев партизаны становились уже истинным кошмаром. По крайней мере фрагмент из приводимого ниже приказа рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции Генриха Гиммлера, подписанный 18 ноября 1941 года, буквально проникнут навязчивой «партизанофобией». Его 5-й пункт, озаглавленный «Общие выводы», гласит:

«Особое значение для задержания партизан имеет установление и проверка личности. Необходимо проверять личность каждого встречающегося за пределами населённого пункта. Подозрительными являются все лица с коротко остриженными волосами, не имеющие личного удостоверения, так как они, как правило, являются служащими Красной армии. Подозрительными являются также лица, выдающие себя за политических заключённых. Они чаще всего бывают красноармейцами, имеющими задачу присоединиться к партизанским отрядам, действующим в немецком тылу, или образовать самостоятельные отряды. Внимания

заслуживают также лица, которые согласно удостоверению личности являются «рабочими». В данном случае это чаще всего руководящие партийные работники, которые направляются для подпольной деятельности среди населения оккупированных областей. Особое внимание нужно уделять женщинам и детям, так как именно их предпочтительнее всего используют для передачи военных донесений. В их обязанности также входит поддерживать связь между отдельными партизанскими отрядами и извещать о готовящихся против них операциях»^{45}.

Если проанализировать этот текст, то получается, что подозрительными являются все коротко стриженные мужчины (а в СССР тогда патлатыми не очень-то ходили) плюс к тому — все рабочие и репрессированные. А также женщины и дети. Кто же оставался вне подозрения? Только крестьяне и служащие, если, конечно, они как следует обросли волосами. И, очевидно, самыми из всех благонадёжными представлялись гитлеровцам священники — не даром же издавна у служителей культа было мужицкое прозвище «долгогривые»! И как это называть, если не «партизанофобия»?

А ведь для гитлеровцев на советской земле всё ещё только начиналось!

Вот ещё одна оценка происходящего — так сказать, «свидетельство с места», как раз всё того же времени. Это строки из письма немецкого солдата, старшего ефрейтора Хертшбека. Очевидно, до адресата оно не дошло: «...Обстановка на фронте всё сильнее накаляется. Роты слились в маленькие кучки, люди пали духом. Ко всему прочему ещё наступили страшные холода. Русские применяют современное оружие, что просто поражаешься»^{46}.

Правда, здесь не о партизанах, а вообще о происходящем вокруг. И всё равно для немцев — ничего хорошего!

Обстановка под Москвой в ту пору оставалась очень сложной — гитлеровский меч ещё нависал над советской столицей.

«После захвата Клина и Солнечногорска враг сделал попытку развить свой удар северо-западнее Москвы. В ночь на 28 ноября ему удалось небольшими силами переправиться на восточный берег канала Москва — Волга в районе Яхромы севернее Икши... Ставка Верховного Главнокомандования и командование Западного фронта принимали срочные меры для ликвидации создавшейся опасности. В район Крюково, Хлебникове, Яхромы перебрасывались резервные соединения и войска с соседних участков...»^{47}.

«Спецназ действовал самоотверженно. Когда противник прорвался к Яхроме и начал переправлять танки на восточный берег, а разведывательно-диверсионные подразделения Абвера (переодетые в красноармейскую форму, хорошо знавшие русский язык) захватили мосты, ситуацию удалось исправить только с помощью бойцов спецназа, которых бросили в бой у Дмитрова при поддержке бронепоезда № 73 войск НКВД. Спецназ отбил мосты у противника, подорвал их и тем самым заблокировал движение немецкой танковой колонны»^{48}.

В то же самое время подрывники ОМСБОН минировали сначала ближние подступы к Москве — Ленинградское, Дмитровское и Волоколамское шоссе, а потом и важнейшие объекты и сооружения в самом городе на тот случай, если бы гитлеровцам удалось ворваться в советскую столицу. В такой ситуации бойцы ОМСБОН должны были сражаться и умирать на московских улицах. Каждый из них получал тогда свою позицию, оставить которую не имел права ни в коем случае.

Ветераны Управления «В» — о том, что это такое, мы подробно расскажем в своё время, — уверены, что омсбонцам Алексею Ботяну и Евгению Телегуеву была отведена позиция на Красной площади — на самом Лобном месте, то есть как раз у ворот Спасской башни. Нам Алексей Николаевич об этом не говорил, да и никому ничего подобного не рассказывал. Он ведь в то время был всего лишь одним из тысяч рядовых бойцов ОМСБОН. Несомненно, из лучших бойцов, но и лучших там были многие сотни. Так что подходить к Ботяну с вопросом, было такое или не было, представляется просто наивным...

Но вот что вспоминал теперь уже ушедший из жизни генерал-майор Евгений Алексеевич Телегуев (1924–2012), в прошлом — начальник управлений КГБ СССР по Амурской области и Хабаровскому краю: «Ситуация на фронтах становилась всё хуже. Мы рвались в бой, но наши просьбы даже не рассматривались. В середине октября бригаду ночью привезли в город и расположили в центре Москвы. Наши подразделения стояли в Доме Союзов, на Малой Бронной, в ГУМе, у Белорусского вокзала.

Бригада стала готовиться к оборонительным боям, причём допускалась возможность и уличных боёв»^{49}.

Омсбонцев тогда разбивали на «тройки», выдавали им десятидневный запас питания, немереное количество патронов и распределяли по пустующим квартирам в центре города, вдоль основных магистралей. Приказ был тот самый: «Ни шагу назад!» — по смыслу и словам, разумеется, потому как одноимённый приказ № 227 будет подписан наркомом обороны Сталиным 28 июля 1942 года. Но сути дела это не меняло: нужно было стоять насмерть — Москва была уже не позади, а вокруг.

По словам генерала Телегуева, его позиция находилась на верхнем этаже одного из домов

неподалёку от Белорусского вокзала, на улице Горького, по направлению к центру, к Красной площади. Внизу стояли противотанковые заграждения, так что гитлеровцы неминуемо бы тут остановились и попали под огонь снайперов... В ожидании прорыва немцев бойцы дежурили здесь около недели, по очереди отдыхая и не имея никакой связи с внешним миром — переносные радиостанции тогда ещё были большой роскошью. Поэтому молодые солдаты ждали появления гитлеровцев буквально каждую минуту.

Точно так же дежурил где-то на ближних подступах к Кремлю и Алексей Ботян. Безусловно, его более молодым товарищам очень повезло — опытный воин заявил им без тени сомнения: расслабьтесь и не волнуйтесь, фрицы так сразу не появятся, услышим, другие наши ребята у них на пути встанут и ещё такой «фейерверк» устроят, что не проспим! Конечно же, всяких разговоров, позволяющих скоротать время томительного ожидания, велось у них тогда немало и баек было много рассказано. Тем более что Ботян — человек словоохотливый, остроумный, увлекающийся, ему уже тогда было что вспомнить, о чём рассказать. Так что вряд ли бойцы его группы просто сидели в напряжении, мучительно прислушиваясь к далёкой канонаде и гася в душе тайные свои страхи. Думается также, что Алексей непременно нашёл возможность как-то разнообразить скучный армейский паёк — на то она, солдатская смекалка, и существует, чтобы голодными не сидеть. Может, он и водкой где-нибудь разжился (центр Москвы, магазинов вполне достаточно; только не надо думать, что Ботян тогда выстаивал очередь к кассе, сжимая в потном кулаке мятую «трёшку») — глоток перед боем, как подсказывает опыт, не помешает; а если боя не будет, так это и вообще сам Бог велел, чтобы ожидание скрасить, напряжение сбросить, да и согреться в холодной квартире...

В общем, недаром говорят: «старый воин — мудрый воин»! И сам не пропадёт, и товарищам поможет. Вот так Ботян и ждал прихода гитлеровцев в Москву, понимая, разумеется, что никогда они сюда не придут. Но было приказано — а приказы он всегда выполнял неукоснительно.

Как же тогда, из чего возникла легенда, которая к тому же соединила двух прославленных ветеранов ОМСБОН? Очевидно, из общей уверенности его учеников, воспитанников и младших товарищей в том, что если бы Алексею Николаевичу поручили позицию даже у самого входа в Кремль, то он бы и её удержал. Скажем так: из безоговорочной веры в Ботяна!

Людей, о которых при жизни рассказывают легенды, совсем немного. Даже хорошую сплетню о себе (такую, чтобы самому можно было втайне гордиться тебе приписываемым) услышит далеко не каждый. А вот Алексей Николаевич — человек легендарный, к тому же рассказы о нём охотно тиражируются пишущей братией. Например, к периоду одной только московской битвы относятся целых три легенды. Первую мы уже знаем, вторая о том, что в то время он уже командовал разведывательно-диверсионной группой, ну а третья — что Ботян участвовал в историческом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, в день празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Нет, не участвовал и участвовать не мог! И не только потому, что скорее всего находился на боевой службе...

Если кто бывал на торжественном прохождении войск в каком-нибудь захолустном гарнизоне, то знает, какое радостное оживление в рядах зрителей вызывают самые последние шеренги. Только и слышно: «Ой, смотри, какой маленький! Гляди, как идёт, как старается! Забавный такой...»

Ничего подобного на параде 1941-го допустить было нельзя, а потому на Красную площадь отбирали самых высоких бойцов. Вот и весь сказ!

Ну, то, что Ботян не вышел ростом, — не секрет, зато «отсутствующие» сантиметры он тысячекратно компенсировал многими другими своими качествами, а потому нимало по этому поводу не комплексовал, ничего подобного мы от него никогда не слышали. Ведь именно про таких людей, как он, говорится в народе: «мал золотник, да дорог». И пословица «мал, да удал» — тоже как раз про него. В общем, не всем же правофланговыми на параде шагать, есть в жизни и иные приоритеты.

А легенды — так кто же против? Пусть будут! Всё равно никто и никогда (кроме тех немногих, кому это официально положено) не узнает всей правды о жизни, службе и боевой деятельности Алексея Николаевича Ботяна.

Недаром же девизом нелегальной разведки являются слова «Без права на славу, во славу державы». Жизнь Ботяна вполне этому девизу соответствует: от всей причитающейся ему славы Алексей Николаевич получил лишь маленький кусочек. Ведь, как известно, одних лишь нереализованных представлений на присвоение ему звания Героя Советского Союза было несколько, за разные подвиги. Но... не судьба!

Вот, пожалуй, и всё, что можно рассказать об участии Ботяна в обороне Москвы. Сам же Алексей Николаевич подводил, помнится, такой итог: «Я участвовал в боях в районе Яхромы. Как я мог тогда отличаться? Воевал, как все. Но не скажу, что я был из трусливого десятка, а самое главное — я никогда в жизни не терял самообладания. Это очень важно, потому что когда моменты критические бывают, когда думаешь, что тебя убьют или захватят, — то прежде всего не надо терять самообладания. Тогда всегда

можно выйти из положения. Как понимаете, выходил. Так я и воевал. Как все...»

За свои тогдашние подвиги Алексей Николаевич был награждён скромной медалью «За оборону Москвы», которой очень гордится. А ещё он получил за это время громадный боевой опыт разведывательно-диверсионной деятельности.

Какие-то другие итоги его тогдашней боевой работы мы подводить не будем, не решились в своё время и спрашивать, чего и сколько записано у него на личном счету. Настоящих бойцов такие вопросы раздражают. Зато скажем, что «общая оценка военного командования Красной Армии деятельности ОМСБОН в период разгрома немцев под Москвой с осени 1941 по февраль 1942 года *<такова>*: усилиями спецгрупп удалось замедлить темпы наступления фашистских войск на Москву»[{50}](#).

Глава пятая

ПОДГОТОВКА К ПОДВИГАМ

Битва за Москву ещё продолжалась, можно даже сказать, что по времени она была в самом разгаре, ведь официальной датой её окончания считается 20 апреля 1942 года, когда структура, в которой служил Алексей Ботян, претерпела очередную реорганизацию. 18 января 1942 года нарком внутренних дел подписал приказ № 00145:

«Для проведения специальной работы в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожения промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, угрожаемой противником, приказываю:

1. Организовать 4-е Управление НКВД СССР.
2. Расформировать 2-й отдел НКВД СССР, обратив его штаты и личный состав на укомплектование 4-го Управления НКВД СССР...»[\[51\]](#)

Так было создано то самое Четвёртое управление НКВД, которое вошло в историю Великой Отечественной войны как легендарное разведывательно-диверсионное управление генерала Судоплатова. Нередко оно также называлось «Партизанским управлением» или просто — «Судоплатовским».

1942-й — тяжелейший год как для сражающейся Красной армии, так и для всей нашей страны. А ведь не только советские люди, но и наши союзники встречали его наступление с огромным оптимизмом, вызванным разгромом гитлеровских армий под Москвой. Ещё и в первомайском приказе 1942 года Верховный главнокомандующий товарищ Сталин, чуть ли не

извиняясь, обещал: «Ещё полгода, ещё, может быть, годик...»

Но вместо ожидаемой победы пошла череда поражений: оставление Крыма, провал наступления под Харьковом, трагедия 2-й ударной армии, прорыв гитлеровцев к Волге и Кавказу — и так фактически до самого 19 ноября 1942 года, когда под громовые залпы тысяч орудий Красная армия перешла в контрнаступление под Сталинградом...

Изо дня в день вся страна с волнением слушала сводки Советского информбюро — вести с фронтов. Линии этих фронтов многие отмечали на картах красными флажками. Но был и ещё один фронт, очертания которого никто и никогда обозначить не мог, а сводки с которого хотя также звучали в сообщениях Совинформбюро, но крайне редко, весьма скупо и очень неконкретно.

Это был фронт тайной войны, где полководцами были почти совершенно неизвестные народу генералы, причём не в самых высоких генеральских чинах: Судоплатов, Абакумов^[40], Ильичёв^[41], Пономаренко^[42]... Пожалуй, «первую скрипку» среди них по роду и масштабам выполняемых задач играл тогда Павел Анатольевич Судоплатов, несколько позже — Абакумов, но это будет уже после создания легендарной контрразведки Смерш.

Начавшийся 1942 год памятен для Четвёртого управления многими славными делами. Это бой у деревни Хлуднево 21-22 января, когда дрались и погибли в окружении 22 героя-лыжника (все они были посмертно награждены орденами Ленина), а двадцать третий, комиссар отряда Лазарь Хаймович Паперник (1918-1942), последний оставшийся в живых, подорвал гранатой себя и гитлеровцев — ему присвоили звание Героя Советского Союза. Отряд «Неуловимые» уничтожил нефтебазу в белорусском Полоцке. Весной

1942-го началась операция «Монастырь», которая продлится до лета 1944 года. Каждый из этих боевых эпизодов достоин отдельного рассказа, но ведь их было великое множество...

В Москве, на станции метро «Партизанская», открытой, что мало кому известно, в январе 1944 года (тогда она называлась «Измайловская», позднее стала «Измайловским парком», а в 2005 году обрела нынешнее своё название), есть символическая скульптурная композиция: могучий старик с автоматом, юноша в ватнике и солдатской пилотке с трёхлинейкой в руках — не то допризывник, не то «окруженец» из новобранцев, и немолодая женщина, тоже с ППШ. Именно такими мы изначально представляли себе «народных мстителей» (как называли партизан Великой Отечественной войны) того времени, когда на борьбу с гитлеровскими захватчиками поднялись, как говорится, и стар и млад.

Но ведь были у нас и совсем другие партизаны, о которых после войны почти ничего не говорилось, — партизаны из того самого «Партизанского управления».

«Всё это не совсем точно, — поправляет Валентин Иванович, который уже появлялся в предыдущей главе нашей книги. — Это были не партизанские отряды, а оперативно-боевые группы, нелегальные резидентуры... Хотя в обиходе и даже в официальной истории — они как бы и партизаны. У Четвёртого управления в этом плане было четыре, так сказать, основных направления деятельности, по которым оно работало до самого конца войны...»

Во-первых, как рассказывает Валентин Иванович, в тыл противника направлялись такие оперативно-боевые группы, которым разрешалось расти, то есть увеличивать свою численность за счёт приходящих туда людей. В составе группы обязательно был чекист, контрразведчик, отвечавший за фильтрационную работу, тщательно проверявший каждого приходящего.

То есть всё было совсем не так, как показывают в иных фильмах, когда пришедшему в отряд добровольцу сразу же дают винтовку и бодро говорят: «Проверим тебя в бою!» В качестве примера такой группы, вскоре превратившейся в настоящее боевое соединение, наш собеседник привёл бригаду «Местные», которой командовал Герой Советского Союза Станислав Алексеевич Ваупшасов. Находясь за линией фронта, опергруппа увеличила свой состав до трёх с половиной тысяч человек, вошедших в 16 партизанских отрядов. На счету бригады 187 взорванных эшелонов с боевой техникой и живой силой противника, свыше 14 тысяч уничтоженных гитлеровских солдат и офицеров, 57 крупных диверсий...

Во-вторых, в тыл противника направлялись разведывательно-диверсионные группы. Такие, например, как легендарная группа Бориса Галушкина^[43]... Четыре человека из подобных групп были удостоены звания Героя Советского Союза. В состав такого подразделения входило не более двадцати человек, и принимать туда «чужих» было запрещено: эти группы берегли для особых заданий. С «инициативниками», то есть добровольцами из числа местных жителей, бойцов Красной армии, выходящих из окружения, и другими желающими поступить в отряд, общаться было можно — а как иначе получать информацию? — но далее следовало направлять их в другие отряды.

«Третьим направлением, — продолжает рассказ Валентин Иванович, — были нелегальные резидентуры. Все, наверное, знают: Герои Советского Союза Кудря, Лягин, Молодцов... И ведь знаем их потому, что они героически погибли. Ну а про тех, кто не погиб, рассказывать как-то не принято. Нелегальные резидентуры были практически в каждом занятом гитлеровцами областном центре. Только широкой, так

сказать, публике про это неизвестно. Ну и последнее направление — индивидуалы. Думаю, тут не нужно объяснять, кто это такие. Семь человек из них получили звание Героя Советского Союза...»

Всего же по подсчётам Валентина Ивановича звания Героя Советского Союза были удостоены 24 сотрудника «Партизанского управления», 11 из них — посмертно. Двое, Юрий Антонович Колесников^[44] и Алексей Николаевич Ботян, стали Героями России.

Герой Советского Союза Кирилл Прокофьевич Орловский^[45] в 1958 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

«Могу сказать с болью, что большинство этих героев теперь незаслуженно забыты, — заканчивает рассказ Валентин Иванович. — А ведь какие люди были! Командир партизанской бригады «Дяди Коли» Пётр Григорьевич Лопатин (1907-1974; Герой Советского Союза. — А. Б.) — он завербовал полковника Вернера, который дал информацию по подготовке гитлеровским командованием Курской операции. Николай Приходько^[46] — разведчик и связной отряда «Победители». Был настолько здоровый парень, что под пальто носил пулемёт, так что когда попал в облаву, имея при себе те документы, которые никак не могли оказаться у гитлеровцев, то сразу же уложил порядка десяти карателей, а потом и ещё шесть. Но силы были очень неравны, и, понимая, что пробиться он не сможет, Николай успел уничтожить документы, а последнюю пулю направил себе в лицо, чтобы его не могли опознать. Мужественная Татьяна Мариненко^[47], выдержавшая нечеловеческие пытки, но не сказавшая, где находится отряд... Вот какие это были люди, какие герои! О каждом из них можно написать книгу, но у нас, к сожалению, устанавливается такая система: есть несколько известных персонажей, перечислив имена которых, обычно говорят «и другие...». А вот узнать, кто

такие эти «другие», копнуть, что называется, дальше — никто уже и не удосуживается».

Сказанное историком подтверждают ветераны бригады. Первый командир ОМСБОН полковник Михаил Фёдорович Орлов писал: «ОМСБОН, формируя для заброски во вражеский тыл оперативно-разведывательные и диверсионные отряды и группы, не называл их партизанскими. Мы говорили о них как о группах или отрядах специального назначения, присваивали им обычные кодовые названия, например — «Олимп», «Борцы», «Славный», «Вперёд».

В то же время в фашистском тылу в разных местах и разными путями партийные и советские органы создавали отряды, которые все называли партизанскими, а мы к такому определению добавляли ещё слово «местные». Зачастую эти местные отряды, особенно на первых порах, самым тесным образом взаимодействовали с омсбоновскими группами и отрядами, а иногда и сливались с ними»^{52}.

В одном из документов, который мы в более полном объёме приведём несколько позже, есть такая фраза: «Сами немцы говорят, что на одного партизана нужно 10-15 немецких солдат». Для человека непосвящённого, представляющего партизан теми самыми «народными мстителями», это утверждение кажется надуманным. Но нам, уже кое-что знающим о легендарной ОМСБОН и подвигах её бойцов, понятно, что это действительно было так. Спецназовцев, опять назовём их современным термином, готовили очень серьёзно.

Достаточно объективную оценку этой подготовке давал неприятель: «Немецкое командование было вынуждено издавать специальные директивы с указаниями по подъёму боевого духа в войсках. Одна из них была разработана в штабе 2-й танковой армии 14 апреля 1942 г. В документе довольно точно отражены

причины, влиявшие на настроение военнослужащих Группы армий «Центр» весной 1942 г.: «Продолжительное пребывание в обстановке выжидания, изнуряющей партизанской войны, малой войны с ежедневными жизненными неудобствами без ярко выраженных успехов...»^[53].

Не стоит, однако, думать, что создание войсковых партизанских формирований — это «придумка» генерала Судоплатова, наркома Берии или даже Верховного главнокомандующего товарища Сталина. Нет, это — творческое обращение к историческому опыту, который первоначально, вскоре после событий 1917 года, у нас, как и многое другое, постарались перечеркнуть и забыть. Насколько помнится, во время Гражданской войны в СССР термин «партизанщина» являлся ругательным словом, синонимом анархии и безвластия, так что комиссары всячески старались таковую искоренять. Разве что на Дальнем Востоке, как о том пелось в песне, «партизанские отряды занимали города». То есть там партизаны были подлинными народными героями, о них слагали стихи и песни. Но мы можем несколько переиначить известные слова вождя пролетарской революции: «Дальний Восток край нашеньский, но он далеко»^[48] — и тогда без труда признаем, что в тех землях были свои особые правила. Однако к концу 1930-х годов, когда в мире ощутило запахло «жжёным порохом» — так некогда выразился знаменитый поэт-партизан Денис Давыдов, реабилитировали не только «партизанщину», но заодно и самого генерал-лейтенанта Давыдова (к сожалению, опять-таки посмертно), которого советские литературоведы уже изрядно потрепали за «гусарщину» и всякие прочие «нездоровые настроения», неизбежно присущие представителю «чуждого сословия». Это же и про него писалось: «Давно потускнел романтический

ореол, прикрывающий «полководцев», занесённых в «анналы» русских военных побед 1812 г.»^{54}.

Но тут, слава богу, вспомнили, что Денис Васильевич не только писал стихи про «саблю, водку, коня гусарского» и «службу царскую», но и был глубоким военным теоретиком. В частности, он, один из первых практиков партизанской войны в 1812 году (как известно, партизаны были и во многих предыдущих кампаниях), впоследствии разрабатывал теорию партизанских действий. Вот что писал Давыдов в статье «О партизанской войне»:

«Односторонний взгляд на предмет или суждение о нём с мнимой предусмотрительностью есть причина того понятия о партизанской войне, которое не перестаёт ещё господствовать. Схватить языка, предать пламени несколько неприятельских хранилищ, недалеко отстоящих от армии, сорвать внезапно передовую стражу или в умножении партий видеть пагубную систему раздробительного действия армии — суть обыкновенные сей войны определения. И то и другое ложно! Партизанская война состоит ни в весьма дробных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает всё протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение её войсками, пропитанием и зарядами, через что заграждая течение источника её сил и существования, она подвергает её ударам своей армии обессиленную, голодную, обезоруженную и лишённую спасительных уз подчинённости. Вот партизанская война в полном смысле слова!»^{55}.

Думается, что неустаревающий смысл этого рассуждения достаточно важен для понимания сути нашего рассказа.

Отметим, кстати, что книга Дениса Давыдова, по которой мы процитировали этот текст, была издана в Советском Союзе менее чем за год до начала Великой Отечественной войны. То есть — в преддверии. Не просто так!

Однако война закончилась, опыт был использован и развит, а потом, десятилетия спустя, теперь уже легендарный советский «Диверсант № 1» Илья Григорьевич Старинов^[49] с горечью писал: «Россия, которая в своей истории не раз имела развитое партизанское движение, к сожалению, пока не сумела обобщить свой громадный опыт в этом плане. Нужен центр с небольшим количеством глубоких специалистов, которые могли бы не только осуществить эту благородную миссию, но и готовить для руководства страны прогнозы, связанные с особенностями вооружённых конфликтов современности»^{56}.

Оставим эту мысль без комментариев, чтобы ненароком не сказать лишнего...

А чем же в 1942 году занимался наш Алексей Ботян?

Учился. Проходил специальную подготовку. Возвратившись на базу сразу после того, как враг был отброшен от Москвы, он и его товарищи продолжали боевую учёбу, несмотря на все трагические перипетии лета — осени 1942 года, когда на фронт, чтобы остановить рвущихся к Волге и Кавказу гитлеровцев, вновь бросали в качестве рядовых курсантов военных училищ... Его время придёт потом. И придёт пока ещё не очень скоро.

А пока, наверное, самое время разобраться с событиями, разворачивавшимися тогда в мире — особенно с теми, которые в скором времени будут иметь непосредственное отношение к рядовому Ботяну. Это сейчас он один из тысяч таких же и даже не предполагает, что скоро окажется на острие

политической борьбы и будет причастен ко многому происходящему...

Свой «политический экскурс» мы посвятим событиям, происходившим на Западной Украине, — впрочем, не так давно это тоже была Польша. Начнём с событий, несколько отдалённых по времени:

«После заключения 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора между Советской Россией, Советской Украиной и Польшей к последней отошли западные районы Украины... В этих районах главным образом и развёртывалось движение украинских националистов.

Руководили украинскими националистами четыре центра: Украинская военная организация (УВО) в Берлине, Гетманский центр также размещался в Берлине, Петлюровский — в Варшаве, Львове и Луцке, Эсеровско-эсдековский находился в Праге.

Наиболее активной была УВО, однако под влиянием внутренних противоречий она распалась в 1928 г. Уже в 1929 г. бывшие деятели УВО, а также «Украинской националистической молодёжи», «Легиона украинских националистов» и «Ассоциации украинской националистической молодёжи» образовали Организацию украинских националистов (ОУН)»^{57}.

«Для западноукраинского населения самым главным врагом являлись поляки, — вспоминает ветеран Службы внешней разведки и профессиональный литератор Георгий Захарович Санников. (Можно уточнить, что в далёкие теперь уже 1950-е годы он начал своё знакомство с теорией и практикой западноукраинского национализма в прикарпатских лесах, отслеживая его «адептов» через прицел автомата.) — Ведь поляки гнобили Украину целых четыреста лет! Украинцы для них были «быдло» и «хлопы». Даже на угольные шахты, на добычу нефти возили рабочих — поляков и украинцев — в отдельных вагончиках. Как в своё время в США негров. В смысле, афроамериканцев! Западноукраинское

население ненавидело поляков, и между ними в конце концов началась самая настоящая убийственная гражданская война... Россия для украинских националистов тоже была врагом, но как бы на вторых ролях».

Всё в жизни развивается в ту или иную сторону, и вскоре западноукраинские националисты, а вернее — их руководители, нашли себе хозяев.

«С приходом к власти национал-социалистов ОУН активизировала свои контакты с немецкими спецслужбами. Отныне вся деятельность ПУН^[50] и ОУН на территории Германии финансировалась и контролировалась немцами. Абвер взял на себя подготовку военных отрядов из числа членов ОУН, координируя эту работу со специально созданным военным штабом ОУН... Военный штаб поставлял Абверу для обучения в разведшколах тщательно отобранные кадры. Вся деятельность ПУН и ОУН финансировалась и контролировалась Абвером»^{58}.

Ну а у гитлеровцев был свой серьёзный враг — Советский Союз. Была, конечно, ещё и Польша, не желавшая возвращать Германии её исконные земли — Данциг с прилегающим к нему коридором, но это, понятно, не враг, а так, непомерно самолюбивый вражонок. Претензий к руководству Англии и Франции, снисходительно взиравших на рост германского военного, экономического и прочего могущества, германское руководство, разумеется, тогда вообще не имело.

Как мы сказали, «ОУН финансировалась Абвером», то есть военной разведкой и контрразведкой рейха, ну а, как известно, «кто платит, тот и заказывает музыку». В данном случае — направление работы. С подачи «хозяина», то есть адмирала Канариса, ОУН начала всё активнее работать по СССР.

Ох, зря они взялись за это неблагодарное дело! Недаром же в своё время Алексей Ботян пел с друзьями-товарищами такую очень популярную в советском народе песню: «Нас не трогай — мы не тронем! А затронешь — спуску не дадим!» И действительно не дали...

«Укрепление антисоциалистических позиций ОУН за рубежом, проникновение на территорию Советской Украины с помощью немецких спецслужб с целью сбора разведывательной информации и создания националистического подполья для вооружённого восстания в будущем в случае войны вызывали серьёзное беспокойство Советского правительства. Необходимо было принимать меры по пресечению активной деятельности этой набирающей силу организации»^[59].

НКВД ударил по самой верхушке ОУН. Как известно (об этом немало написано, повторяться не станем), 23 мая 1938 года будущий руководитель Четвёртого управления НКВД СССР Павел Судоплатов уничтожил в голландском Роттердаме руководителя ОУН Евгена Коновальца^[51], бывшего офицера австро-венгерской армии и бывшего же командира корпуса «Сичевых стрельцов»^[52].

Дальше произошло то, что и должно было произойти. Как метко подметил Юлиан Семёнов, «зверь рождает зверя. Гитлер как политическая личность породил в Европе целый ряд подражателей»^[60]. То есть, как говорится, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Вот и на вакантное место руководителя ОУН сразу же выискалось несколько доморощенных «фюреров», вследствие чего пресловутая организация вскоре развалилась на несколько новых, всё под тем же названием, но с прибавлением ещё одной буквы. В результате ОУН-М возглавил Андрей Мельник, ОУН-Б — Степан Бандера, а кто встал во главе ОУН-Р

(революционеры) — уже и не вспомнить... Вместо сжатого кулака получились растопыренные пальцы. И всё же если изначально ОУН состояла из несколько сотен членов, то перед Второй мировой войной их уже было порядка двадцати тысяч. В общем-то немало.

Но вот что интересно: украинские националисты добровольно загнали себя в ту же ловушку, что и правительство Польши! Помните рассуждения польского военного атташе во Франции относительно переговоров маршала Пилсудского с германским фюрером: «Старый игрок... не даст себя обмануть молодому Гитлеру, и он его использует для крупной политической игры»? Вот так же и Коновалец, а затем и его преемники сами себя насадили на подобный «крючок», тоже считая, что они гораздо умнее немцев и видят их насквозь, зато немцы безусловно выделяют их — таких во всех отношениях замечательных, культурных и самых умных! — среди прочих восточных народов.

«Образованные, владеющие иностранными языками, в частности немецким, руководители ПУН и ОУН... не только читали, но тщательно изучали «Майн Кампф» Гитлера. Ну и что же? Это всё политические уловки, полагали оуновцы. Обыкновенная политическая игра на национальных чувствах немцев. Так надо. Это чётко продуманный ход фюрера. Мы сами такие. Не будет Гитлер уничтожать украинцев. Мы ему нужны как буферное государство между Новой Европой и разгромленной немцами Россией... Мы верим в расовую теорию немецкого фюрера. Мы хотя и славяне, но ближе русских к европейской культуре, западному духу. Мы ближе к западным ценностям. Нет, Гитлер будет не только нашим союзником в войне с Советами. Он станет нашим помощником в создании нужной ему, пусть на первых порах и условно суверенной, но возрождённой Украинской державы. Мы станем надёжной защитой от

влияния русских. В любом случае, отбить от Советов Украину без помощи Германии не удастся»[{61}](#).

Правда, вскоре гитлеровцы окатили своих «близких к западным ценностям» западноукраинских «союзников» холодной водой — если не просто помоями.

«Неожиданные перемены в судьбу Западной Украины внёс советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. В секретном приложении к этому документу (называемом также «пактом Молотова — Риббентропа»...) предусматривалась передача Восточной Галиции в сферу интересов Советского Союза.

1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял решение о включении Западной Украины в состав СССР, с воссоединением её с УССР...»[{62}](#).

Получилось, что немцы просто проигнорировали своих преданных «союзников» или кем они их там считали. А ведь УССР — это совсем не та «самостийна» Украина, которой оуновцы грезили! И самое главное, ни для каких ихних (слово нелитературное, но уж больно подходит в данном случае) бандер там руководящих постов не предвиделось!

Так что оуновцам только и оставалось ждать, когда новые хозяева начнут свой обещанный «крестовый поход» против большевизма и понесут свои «западные ценности» на территорию «варварской» России...

Прошло два года, и они, как известно, дождались! Почувствовав себя первыми если не после Бога, то уж точно после гитлеровцев, своих хозяев, и где-то даже им равными, оуновцы с дурьей башки ворвались во Львов впереди немецких войск и, подавив сопротивление разрозненных подразделений Красной армии, обеспечили беспрепятственное вступление в город передовых частей вермахта. Слово лакеи, открыли дверь и спешно выстелили перед господами ковровую дорожку...

Подобное сравнение можно бы назвать нетактичным, однако сами гитлеровцы весьма скоро указали своим «союзникам» на полагающееся им место.

А пока они это сделать не успели, оказавшиеся во Львове оуновцы тут же созвали своё так называемое Национальное собрание, «делегаты» которого — активные члены ОУН и сторонники других близких им по духу националистических группировок — торжественно и радостно объявили о воссоздании независимого Украинского государства. Был, соответственно, составлен Акт провозглашения Украинского Государства. Особого интереса этот документ для нас не представляет, за исключением его третьего пункта:

«3. Восстановленное Украинское Государство будет тесно взаимодействовать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создаёт новый порядок в Европе и мире и помогает Украинскому Народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национальная Революционная Армия, которая создаётся на Украинской земле, будет бороться в дальнейшем с Союзной Немецкой Армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый порядок в целом мире...»^[63]

Вдумайтесь в эти строки! Самозванное «Украинское Государство» решает «тесно взаимодействовать» с «Национал-Социалистической Великой Германией», а некая «Украинская Национальная Революционная Армия» ни-чтоже сумняшеся объявляет непобедимый вермахт своим союзником! В соответствии с этим документом «Великая Германия» имеет как бы две равнозначные задачи: «создавать новый порядок в Европе и мире» и... «помогать Украинскому Народу»!

Нет сомнения, что в этой связи германские знатоки украинской жизни (в абвере и в VI Управлении^[53] таких, безусловно, было немало) на все лады повторяли

избитую плоскую шутку, что «рогули»^[54] на радостях «горилки облились и сала объелись»... Проще говоря, идея украинской «самостийности» гитлеровцам не слишком понравилась.

«В Берлине пришли в бешенство, и оттуда сразу же поступило указание оккупационным властям запретить самовольные действия ОУН. Созданное ОУН правительство немцы объявили незаконным и приказали распустить, сопротивлявшихся тут же арестовали, демонстрируя, кто здесь хозяин. Часть актива ОУН была расстреляна»^{64}.

Даже не смешно.

«Надежды украинских националистов на помощь оккупантов в деле создания «независимой Украинской державы» и при расправах с «враждебным элементом» не оправдались. В июле 1941 года немецкими властями были задержаны руководители ОУН-Б Степан Бандера и Ярослав Стецко. Им объяснили, что ни о какой «независимой Украине» речь идти не может, что Украина должна стать немецкой колонией... В августе 1941 года Абвер принял решение прекратить поддержку ОУН-Б. Об этом Бандере сообщил курировавший его сотрудник диверсионного отдела «Абвер-II» Эрвин Штольце. «Когда я на встрече с Бандерой объявил ему о прекращении с ним связи, он очень болезненно реагировал на это, так как считал, что его связь с нами рассматривается как признание его в качестве руководителя националистического движения», — рассказывал впоследствии Штольце. ОУН-Б тем не менее продолжала заявлять о поддержке нацистских властей. 1 августа 1941 года Ярослав Стецко призвал украинцев «помогать всюду Немецкой армии разбивать Москву и большевизм». Аналогичный призыв был издан им 6 августа»^{65}.

Видимо, лишь теперь оуновцы поняли, что сами себя перехитрили. С одной стороны, стало ясно, что все

надежды, возлагаемые ими на Германию, были напрасны и, более того, что гитлеровцы объективно являются их врагами.

Но, с другой стороны, «бандеровцы понимали, что проводившаяся годами пропаганда среди западноукраинского населения о необходимости дружбы с Германией как гарантом борьбы за независимость может дезориентировать народ и показать несостоятельность политики ОУН, так неожиданно призвавшей к борьбе с немецкими оккупантами»^{66}. Ведь немцы ещё совсем недавно считались освободителями, сторонники «незалежности» и отделения Украины от России встречали их на границе хлебом-солью!

Есть версия, что борьбу с немецко-фашистскими оккупантами начали тогда организации ОУН на низовом уровне и что, по некоторым данным, за период оуновско-гитлеровского противостояния немцы потеряли убитыми около тысячи военнослужащих.

«В архивах вермахта не указано ни одного солдата, убитого украинскими националистами», — уверенно возражает Георгий Захарович Санников.

Впрочем, и это «противостояние» не будет таким уж долгим. Борцы за «незалежность» довольно скоро сообразят, что без «хозяина» им нельзя и что строгие «хозяйские» требования надо выполнять неукоснительно. Да и гитлеровские «союзники», увидевшие впоследствии, что «блицкриг» не получился, решат «поослабить вожжи», коими сдерживали «патриотические порывы» своих верных холуев. Но это произойдёт несколько позже.

Пока же «в октябре 1942 г. была создана Украинская повстанческая армия (УПА), начальником Главного военного штаба которой вскоре стал Роман Шухевич...»^{67}.

«В октябре 1942 года во Львове была собрана первая военная конференция ОУН-Б, по итогам которой было решено подготовить программу военной деятельности организации... Составление программы действий заняло у них около двух месяцев.

К настоящему времени военная программа ОУН-Б опубликована лишь частично. Судя по опубликованным отрывкам, в программе намечалась подготовка к вооружённому восстанию. В ходе этого восстания предполагалось радикально разрешить проблему «национальных меньшинств»:

«Главная военная команда требует от краевых военных команд: с началом военных действий за независимость ликвидировать любой ценой вопрос национальных меньшинств. А чтобы этот вопрос ликвидировать, нужно нацменов — врагов народа — уничтожить.

1. Русских нацменов вообще нужно оставить в покое, потому что они на Украине сжились с народом и не представляют никакой угрозы. Они вместе с украинским народом (главным образом крестьяне) переживают всякие политические события. Русских же активистов, борющихся против украинцев, необходимо уничтожать, предварительно взяв их всех на учёт, главным образом в маленьких городах, т. к. они являются врагами украинцев.

2. Евреев не следует уничтожать, но выселить их с Украины, дав им возможность кое-что вывезти из имущества. Считаться с ними нужно, потому что они имеют большое влияние в Англии и Америке.

3. Поляков всех выселить, дав им возможность взять с собой, что они хотят, так как их также будут защищать Англия и Америка. Тех же, которые не захотят уезжать, — уничтожать. Активнейших врагов и среди них всех членов противукраинских организаций уничтожить в день перед объявлением мобилизации. На

учёт они будут взяты заблаговременно районными и уездными военными командами. Уничтожением будет заниматься жандармерия и в отдельных случаях «СБ»^[55]. Использовать для этого бойцов армии запрещается.

4. Магьяр, чехов и румын не трогать, помня про ликвидацию Западного фронта.

5. Других нацменов СССР не трогать. Армян трактовать так же, как и евреев, учитывая, что они — преданные России люди»^{68}.

Вроде бы, по всей логике, вышеупомянутое вооружённое восстание должно было быть направлено против немецко-фашистских оккупантов. Однако, хотя в тексте документа обозначены многие нации, гитлеровцев — простите, немцев — среди них нет. В общем, можно с большой долей уверенности предполагать, что оуновцы представляли серьёзную опасность для всех народов, живущих на территории Украины или по соседству с ней. Кроме, разумеется, великой и сильной германской нации.

В этой связи особо отметим, что «Военная программа» ознаменовала новый этап планов ОУН-Б относительно поляков на украинских землях. Идея насильственной ассимиляции поляков была отброшена как невыполнимая в ходе войны; на смену ей пришла концепция этнической чистки»^{69}.

Зато оказавшееся в изгнании польское руководство стало смотреть на жизнь гораздо более реалистично. Польский верховный вождь — как же они возлюбили громкие титулы! — генерал Сикорский^[56], премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне, буквально наступил на мозоль союзникам, ребром поставив вопрос об открытии второго фронта. В своей записке министру иностранных дел

Великобритании Идену от 9 марта 1942 года он честно и откровенно писал:

«С самого начала войны Германии против СССР я не разделял широко распространённого тогда мнения, что сила сопротивления Советского Союза будет крайне незначительной. Сегодня, однако, это не даёт мне права переоценивать последние успехи Красной армии в зимней кампании. У меня нет свидетельств, что Германии нанесено решающее поражение. Причина русских успехов кроется прежде всего в суровых зимних условиях, к которым германское командование оказалось не готовым. Кстати, в этой связи хочется заметить, что поджоги польскими подпольщиками германских складов с зимней одеждой, которую немцы уже собирались отправить на Восточный фронт, несомненно, оказали существенную помощь наступлению Красной армии.

Зима, однако, подходит к концу, и всё свидетельствует о том, что германские войска готовятся к новому наступлению...

Если открытие второго фронта на Западе Европы в настоящее время невозможно, то в целях оказания Советскому Союзу непосредственной военной поддержки необходимо расширить число диверсионных операций на континенте.

Относительно возможности открытия второго фронта в Европе, я хотел бы добавить следующее: опасения, что произойдёт новый Дюнкерк^[57], в настоящее время безосновательны. Четыре пятых всей германской армии находится сейчас на Восточном фронте, оставшаяся на Западе одна пятая её часть распределена на огромной территории. Более того, по своему боевому качеству германские дивизии, остающиеся сейчас на Западе, не идут ни в какое сравнение с теми, с которыми союзники столкнулись в период Дюнкерка. Они также намного слабее

соединений, задействованных сейчас на Востоке. В основном на Западе остались сейчас одни резервные дивизии, личный состав которых составляют солдаты старших возрастов, не получившие должной военной подготовки...»^[70].

«Верховный вождь» очень точно сказал о перспективах развития событий на Западном фронте, а заслугам отважных польских подпольщиков в деле разгрома гитлеровской армии под Москвой мы можем только громко аплодировать. Но в то же время представляется, что Польша предпочитала таскать каштаны из огня чужими руками, не подвергая своих сынов особому риску. Ведь именно в то самое время армия Андерса^[58] эвакуировалась из России на Ближний Восток. В марте — апреле 1942 года в Иран выехали 43 тысячи военнослужащих, в подавляющем своём большинстве сухопутчиков, так как лётчики и моряки отправлялись в Великобританию. В июле — августе 1942 года, когда уже началась битва за Сталинград, прошёл второй этап эвакуации. Всего уехало из России более 114,5 тысячи военнослужащих и членов их семей, так что к концу года армия Андерса была полностью выведена на Ближний Восток. Стоило кормить эту ораву нахлебников!

Между тем к концу того же 1942 года польское руководство несколько осмелело и вознамерилось ещё до окончания войны решить под шумок свои корыстные вопросы — кажется, не слишком честным путём. Вот выдержка из письма, поступившего из НКВД в адрес высшего руководства СССР в самом начале 1943 года:

«Резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил следующие агентурные данные:

«Министерство иностранных дел Англии предложило Галифаксу^[59] обратиться в государственный департамент и непосредственно там выяснить, что именно Рузвельт^[60] обещал Сикорскому во время их

недавней беседы и на каких именно основаниях Рузвельт утверждал, что Советский Союз якобы согласился отказаться от Литвы, Вильно, Львова и Буковины в пользу Польши. Галифаксу было предложено также напомнить американскому правительству, что английское министерство иностранных дел рассчитывает на получение от США полной информации по поводу их обязательств перед теми или иными союзниками в отношении послевоенных границ.

В своём ответе Галифакс сообщил, что он беседовал по этому вопросу с Уэллесом^[61], который категорически отрицал, что Рузвельт в беседе с Сикорским якобы высказался в том направлении, как ему приписывает Сикорский. Сикорский видел президента только один раз, причём при этой встрече присутствовал Уэллес. Галифакс, ссылаясь на Уэллеса, отмечает, что Сикорский, вероятно, сам высказал предположение, что Советский Союз готов отказаться от Львова, Вильно, Буковины и Литвы. Рузвельт якобы в связи с этим только заметил, что существовавшее до войны положение с польским коридором и Данцигом было явно неудовлетворительным и союзники, очевидно, должны пересмотреть весь вопрос о Восточной Пруссии заново.

По заявлению Уэллеса, вполне возможно, что президент увидится с Сикорским снова после возвращения последнего из Мексики.

В отношении англо-американской консультации по вопросам послевоенных границ Уэллес заявил, что американское и английское правительства ещё ранее договорились не брать на себя во время войны никаких определённых обязательств в части пересмотра границ в Восточной Европе.

Галифакс со своей стороны отметил, что Ретингер^[62] якобы заявил об отсутствии у Польши всяких надежд на готовность Америки и Англии когда-либо воевать с Россией из-за польских границ, но что англичане и

американцы поддержат в Москве польские требования, которые они сочтут обоснованными. На это Уэллес сухо ответил, что, по его мнению, Ретингер, видимо, значительно ближе к Советскому правительству, чем это представляет себе Сикорский»[\[71\]](#).

Как видим, поляки, опять-таки без особых заслуг, готовились погреть руки на очередной мировой войне...

Только не подумайте, что за этими грандиозными событиями мы можем позабыть про нашего героя! Дело всё в том, что пройдёт не так уж много времени и ему самому придётся оказаться в центре некоторых интриг, которые закручивались в 1941–1942 годах, проникать в хитросплетения польской политики и исправлять некоторые ошибки при помощи оружия и... оперативного мастерства.

Что ж, такое было ещё во времена знаменитого д'Артаньяна, когда солдат оказывался в центре политических событий и успешно со всем справлялся.

Но это, повторяем, ещё впереди. А пока же в общем-то рассказывать о нём особо и нечего. Даже когда в апреле 1965 года ветераны Четвёртого управления в очередной раз обратились к руководству КГБ СССР с просьбой о присвоении Алексею Николаевичу Ботяну звания Героя Советского Союза, то весь 1942 год был уложен всего в один краткий абзац: «Гитлеровцы отброшены от Москвы, А. Ботян упорно готовится для борьбы с врагом в глубоком тылу. Наряду с изучением сил, вооружения, тактики противника, деятельности вражеской разведки и контрразведки А. Ботян осваивает практику партизанской борьбы в современных условиях и минно-подрывное дело».

И вот — наглядное тому подтверждение:

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА[\[63\]](#)

Ботян Алексей Николаевич рождения 1917 года по национальности — белорус, по происхождению из крестьян-середняков, социальное положение — служащий. Кандидат в члены ВКП(б) с <мая> 1942 года. Семейное положение — холост. Уроженец Барановической области Воложинского района деревня Чертовичи. Образование среднее.

За время пребывания в группе т. Ботян показал себя примерным дисциплинированным бойцом, политически развит, идеологически устойчив, к службе и учёбе относится добросовестно, преданный делу партии Ленина — Сталина.

Имеет показатели в личной подготовке:

1. Политическая подготовка — отлично.
2. Стреляет из личного оружия — хорошо.
3. Тактическая подготовка (разведка) — отлично.
4. Военная топография — отлично.
5. Подрывное дело — хорошо.
6. Знание матчасти оружия — хорошо.
7. Физически развит — хорошо.

Тов. Ботян является групповодом политических занятий, со своими обязанностями справляется хорошо, сообразительный, инициативный, пользуется авторитетом среди личного состава группы, с товарищами общается, в обращении тактичен, принимает активное участие в партийно-массовой работе. Волевыми качествами владеет. Взысканий не имеет, имеет ряд поощрений.

В прошлом т. Ботян являлся слушателем ВШ НКГБ, школу не закончил в связи с войной, как разведчик т. Ботян вполне может быть допущен с группой для выполнения боевого задания.

Командир группы капитан Пегушин.

Характеристика эта датирована 25 августа 1942 года. Но время нашего героя ещё не пришло — продолжалось обучение, и, насколько мы знаем, продолжалось успешно. Достаточно сказать, что за оставшиеся полгода Алексей выучился стрелять мгновенно и без промаха. А то ведь в представленной здесь характеристике стоит отметка «четыре»...

Тогда же, а точнее 5 сентября 1942 года, нарком обороны СССР Сталин подписал приказ № 00189 — о задачах партизанского движения. Там были пункты, непосредственно касавшиеся сотрудников и бойцов Четвёртого управления НКВД СССР (разумеется, открытым текстом этот «адресат» не указывался, но было понятно всем, кому адресовывалось). В частности, пункт восьмой гласил:

«8. Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснять, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения; кто и как их охраняет»^{72}.

Именно эту задачу Алексею Ботяну впоследствии предстояло выполнять на практике.

Глава шестая **«УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ...»**

В разведке спешить не принято. Бывают, конечно, исключительные обстоятельства, когда всё следовало сделать «вчера», но гораздо предпочтительнее, чтобы каждая 98 операция была продумана заранее и подготовлена самым тщательным образом. Именно это обеспечит её успех и во время войны сведёт к минимуму потери. В мирное время потери вообще недопустимы.

«Прежде чем перейти к массовой заброске отрядов и групп ОМСБОН в тыл врага, нужно было выяснить обстановку на оккупированной территории: как организована у гитлеровцев охрана тыла, какого рода поддержка нужна советским патриотам, ведущим борьбу с захватчиками. Отрывочных сведений, которые приходили из-за линии фронта, было явно недостаточно. Требовалась полная квалифицированная информация»^{73}.

Оперативная группа «Олимп», в состав которой был включён Алексей Ботян, готовилась к выходу на территорию Украины, на Волынь.

«Почему именно туда? — отвечал на наш вопрос Алексей Николаевич. — Когда немцы пришли в Белоруссию, то там моментально возникли очаги сопротивления. На Украине этого не было, здесь немцев на границе встречали хлебом-солью. Они хотели сразу же отделиться от России. Особенно — западники. Но немцам, как вы знаете, никакая «самостийная Украина» не была нужна. А наша задача была, скажем так, «оздоровить обстановку»...»

И действительно, уже «к концу 1942 года оперативная обстановка на Волыни радикально изменилась. На территорию региона начали выходить советские партизаны...»^[74].

В конце января 1943 года группа, которой командовал капитан госбезопасности Карасёв, прибыла в район Старой Руссы — старинного города в Новгородской области. Уточним, что специальные звания для сотрудников госбезопасности, когда сержант соответствовал армейскому лейтенанту, а майор — полковнику, к этому времени уже были отменены, так что приставка «госбезопасности» теперь обозначала лишь принадлежность к ведомству.

АНКЕТА^[64]

1. *Должность:* нач. отделения УНКВД; подразделение УНКВД г. Москва и МО.

2. *Воен, специальность:* общевойсковой командир.

3. *Ф.И.О. и военное звание:* Карасёв Виктор Александрович — капитан.

4. *Год, м-ц и число рождения:* 26 марта 1918 г.

5. *Месторожд.:* г. Елец Орловской обл.

6. *Национальность:* русский.

7. *Родной язык:* русский.

8. *Какие языки знает кроме родного (хорошо, слабо):* нет.

9. *Соцпроисхождение:* рабочий.

10. *Соцположение:* в/служащий.

11. *Партийность и стаж:* кандидат ВКП(б) 1941 г., май.

Далее следуют вопросы о принадлежности к другим партиям, службе в белой армии и нахождении в плену — все ответы отрицательные.

21. *Образование:*

- а) *общее* — среднее
- б) *специальное* — техн. ж. д. транспорта
- в) *партийное* — нет
- г) *военное* — норм, военное училище
- д) *чекистское* — курсы чекистов.

22. *Специальность основная:* командир погранвойск.

23. *Правительственные награды:* орден «Ленина».

24. *Когда призван:* 1935 год.

25. *Каким РВК призван:* Мичуринским РВК по спецнабору.

26. *Участие в боях:* Польская кампания, Финский фронт, Отечественная война.

Далее следуют вопросы о семейном положении и составе семьи; Карасёв на то время был холост — все ответы отрицательные.

В заключительном разделе анкеты — «трудовая деятельность» — наибольший интерес представляет последний пункт:

«1941-1942 гг. — командир истребительного батальона, командир партизанского отряда, начальник отделения».

Местом работы указано «УНКВД МО Угодскозаводского района (Угодский завод); 3-й специальный отдел УНКВД МО (Москва)».

Дата заполнения анкеты — 26 сентября 1942 года.

Даже по этой скупой информации можно понять, что Виктор Александрович был командиром обстрелянным, с богатым боевым опытом и немалыми заслугами. Ну а то, что он был удостоен высшей государственной награды, ордена Ленина, свидетельствует, что руководство его ценило. Впоследствии Карасёв будет удостоен звания Героя Советского Союза.

Алексей Николаевич охарактеризовал его так: «Замечательный парень, смелый, в военном отношении грамотный, принимал очень хорошие, правильные решения».

За время подготовки к заброске во вражеский тыл Алексей Ботян совершил не менее двадцати пяти прыжков с парашютом. Однако полученные навыки негодились: 20 января (по другим документам — 10 февраля; вряд ли кто сейчас решится совершенно точно отстаивать ту или другую дату) 1943 года отряд «Олимп», состоявший из трёх разведывательно-диверсионных групп, перешёл через линию фронта на лыжах и начал свой долгий и нелёгкий путь по оккупированной врагом территории.

Группой, в которую входил Ботян (десять человек, один из них — радист, ещё один — оперработник Иван Таранченко), командовал капитан-пограничник по фамилии Пегушин. Толковый, хороший мужик, по отзыву Алексея Николаевича, он встретил войну на западной границе и отступал с боями чуть ли не до самой Москвы.

Известный нам уже ветеран ОМСБОН генерал-майор Евгений Алексеевич Телегуев писал в своих воспоминаниях:

«Каждый боец при выходе за линию фронта нёс на себе личное оружие, 300 штук патронов, 5 гранат, финский нож, взрывчатку, запасную пару белья, кусок мыла, запас продуктов на десять дней и ещё с десятков мелочей, таких как котелок, фляга (полная), компас и т. п. В общей сложности это был груз килограммов в 25–30. И это на лыжах, по целине, часто ночью, по лесу.

Такую нагрузку могли выдержать только физически подготовленные люди. Мы выматывались до предела, особенно в первые дни, когда стремились побыстрее удалиться от линии фронта. И всё это при отсутствии нормального питания. Десятидневный запас мы растянули на двадцать дней, а затем голодали»^{75}.

Правда, Телегуев уходил в немецкий тыл в составе отряда специального назначения «Неуловимые», но никакой существенной разницы в действиях всех этих отрядов на первых порах не было. И экипированы все

подразделения были одинаково, и задачу вначале решали одну и ту же: побыстрее удалиться от линии фронта, выйти в заданный район.

«Ботян ведь как ушёл в немецкий тыл в сорок третьем, в феврале месяце, так и оставался там почти до самого конца войны! — рассказывает опытный диверсант Валентин Иванович. — В доме, под крышей, на кровати с чистыми простынями, он, наверное, за всё это время ни разу не ночевал — только в лесу, или в землянке, в каком-то ещё замкнутом пространстве... Еда там была скудная, в лучшем случае на костре приготовленная. И так — целых два года! Я уж не говорю про постоянную опасность, про сложнейшие оперативно-боевые задания, которые следовало выполнять! Даже нам сейчас подобное очень трудно представить — по сравнению с ними, мы находимся в комфортных условиях!»

На наши вопросы, как ему удавалось выдерживать такие огромные физические нагрузки и жизнь в сложнейших условиях, Ботян отвечал с удовольствием — он очень любил вспоминать себя молодого, при том что даже и в сто лет стариком себя не считал: «С детства я был физически выносливым — не силачом из тех, что поднимали гири и другие тяжести, но я никогда не уставал. И не болел. Вот что интересно! Казалось бы, мокрый, простынешь, в снегу спишь — всё равно! Может быть, моя детская деревенская закалка сказала? Детство у меня было не то что тяжёлое, но всё же в деревне и зимой босиком приходилось ходить, ну и всякое такое, что пригодилось в дальнейшем. Поэтому я за всю войну — хотя условия, как понимаете, были очень тяжёлые — ни разу ничем не болел. Не всем так удавалось! Наверное, я счастливым был...»

Вот уж действительно — ни разу не был ранен, ни дня не проболел — хотя пол войны провёл не то что на передовой, а скорее на лезвии бритвы. И врагов он

своими руками столько уничтожил, что так и хочется сказать Алексею Николаевичу словами из известного фильма: «Ты, Ботян, целого взвода стоишь! А может — и роты...» Правда, если легендарный товарищ Сухов скромно ответил: «Эт точно!» — то легендарный товарищ Ботян вполне мог возразить: «Или батальона!» — и был бы прав, даже если бы шутил. Но ведь не даром же, напомним, его представляли к званию Героя Советского Союза за два различных подвига, совершённые в 1943 и 1945 годах. И при этом Алексей Николаевич, вполне знавший себе цену, относился к себе с определённой иронией и мог сам над собой пошутить, и чужую шутку в свой адрес принимал абсолютно спокойно, что дано, к сожалению, далеко не каждому.

Они шли целый месяц, по многу дней не встречая людей, не видя жилья — разве что укрытые пушистыми снежными сугробами остовы сожжённых домов, над которыми возвышались печные трубы. От соседства с гарью снег казался ещё более белым, и на него было больно смотреть, даже слёзы наворачивались на глаза. А может, это были слёзы пока ещё бессильной ярости. Каждый боец отряда понимал, какие трагедии разворачивались здесь, в этих некогда мирных и тихих деревушках, где жили люди, растившие хлеб и никому не желавшие зла... Безумно хотелось не то что отомстить за этих людей — им-то уже ничем не поможешь, а просто уничтожать врага, стирать его с лица земли, чтобы спасти от него других, так же ни в чём неповинных, как и те, погибшие от его рук. Смертная казнь — не мера воспитания, но самый надёжный способ защиты мирных граждан, всего общества от разного рода нелюдей, насильников и убийц... Хотя, конечно, это и лучшее предостережение для тех, кто по каким-то причинам желал бы помогать

оккупантам, — таких прихвостней, к сожалению, тогда было немало.

Однако бойцам «Олимпа» пока что следовало не воевать, а всё глубже и глубже уходить в немецкий тыл, двигаться по временно оккупированной территории, оставаясь незамеченными.

Они шли по незнакомой местности, но по маршруту, очень добросовестно обозначенному на карте. Их путь оставлял далеко в стороне вражеские гарнизоны, тщательно охраняемые противником железнодорожные узлы и крупные населённые пункты; не пришлось также пробираться через лесные чащи или карабкаться по склонам оврагов. Главную трудность представлял глубокий нехоженный снег, и особенно тяжело приходилось первому, который по целине прокладывал лыжню всему отряду. Бойцы, идущие в голове колонны, менялись достаточно часто, но нет сомнения, что среди тех, кто прокладывал лыжню, нередко бывал неутомимый, не знающий усталости Ботян.

Пройдя незамеченным по территории оккупированных гитлеровцами Новгородской и Псковской областей, «Олимп» вышел на землю Белоруссии. Там уже произошло несколько стычек непонятно с кем — что за вооружённый народ в войну по лесам скитается, поди пойми, — но всё ограничивалось краткими перестрелками, и потерь при этом отряд не понёс.

Читатель может задать вопрос: а что, если бойцы отряда перестреливались с партизанами? Ответ прост: ну и что? Хотя бы и с партизанами. Во-первых, «Олимп» ни перед кем не должен был себя обнаруживать. Во-вторых, в лесу не так просто разобраться, что это за партизаны. Партизаны тоже ведь бывали разные.

Тому подтверждением — ориентировка НКВД УССР № 172/сн об организации оккупантами лжепартизанских отрядов. Датирована она праздничным днём 8 марта

1943 года, то есть тем самым временем, когда «Олимп» приближался к назначенному месту:

«Отмечаются случаи, когда немецкое командование перед отступлением своих частей организует для подрывной деятельности на оставляемой немецкими частями территории лжепартизанские отряды из числа предателей, изменников и другого антисоветского элемента.

Так, по сообщению Особого отдела Воронежского фронта, в результате успешного продвижения частей Красной Армии в м. Красноуфимск Сумской области организовался партизанский отряд в количестве 400 человек. В составе этого отряда находилось много старост, полицейских и другого враждебного элемента...»[{76}](#).

Гитлеровцы не брезговали никакой сволочью. Так, например, одним из лжепартизанских отрядов в той же Сумской области благополучно руководил некий Семён Барановский-Блюменштейн (явно ведь, что не совсем ариец!), который перед тем, при немцах, разумеется, даже возглавлял полицию Краснопольского района. Сотрудники НКГБ попытались использовать его в последующей оперативной игре, для чего даже вывели на территорию Польши... Но предоставленным ему шансом реабилитироваться Барановский-Блюменштейн не воспользовался: он решил дурить своих новых «хозяев» и постарался установить связь со старыми. В результате его расстреляли по приговору военного трибунала в 1945 году.

И вот ещё одно авторитетное подтверждение, записанное со слов Ильи Григорьевича Старинова: «Лжепартизанские формирования, создаваемые из уголовных и антисоветских элементов, пытались разведать места базирования партизан, занимались грабежами, убийствами, насилием, провоцируя местное население на враждебное отношение к партизанам.

Чтобы разоблачить перед населением гнусную провокацию гитлеровцев, партизаны после ликвидации лжепартизанских отрядов предавали суду захваченных в плен пособников нацистов. Суды, как правило, проводили в селениях, где раньше бесчинствовали фашистские банды. Состав суда избирался общим сходом жителей. По решению этих судов все лжепартизаны предавались публичной казни. Такие суровые, но справедливые меры получали полное одобрение местного населения.

Подобным образом, — отмечал Старинов, — партизаны боролись с националистическими бандами, которые, сотрудничая с нацистами, причиняли немало вреда партизанам»^[77].

Исходя из всех этих свидетельств, как бы в доказательство «от противного», можно прийти к выводу, что партизаны очень досаждали оккупационным властям. Недаром в то же самое время, 27 апреля 1943 года, Гитлер лично подписал приказ о «противопартизанской войне»:

«Русские всё интенсивнее развёртывают борьбу посредством бандитизма. Они назначают командирами банд генералов, организовали систематическую связь и снабжение с помощью курьеров, радио и авиации; члены банд даже вывозятся самолётами в отпуск.

В составе банд, функционирующих в районах боевых действий, насчитывается, по имеющимся данным, около 80 тыс. человек, исключая многочисленные отряды на Западной Украине, в Белоруссии и в Прибалтике.

В последнее время банды причинили серьёзный вред железнодорожному транспорту и сельскому хозяйству, нарушили сплав леса по рекам и т. д.

Исходя из этого, мы должны вести борьбу против бандитизма ещё более интенсивно и продуманно, тем более что в районах боевых действий для этих целей

выделены крупные силы (приблизительно также 80 тыс. человек, в том числе 35 тыс. немцев).

Я приказываю:

1. Считать борьбу с бандитизмом равнозначной боевым действиям на фронтах. Ею должны руководить оперативные отделы штабов армий и групп армий. Эта борьба должна вестись систематически.

2. Все пригодные для данной цели силы должны быть использованы. Там, где таких сил недостаточно, необходимо, смотря по обстоятельствам, создавать сводные части, в течение определённого времени использовать их для борьбы с бандитизмом. Это послужит и целям боевой подготовки, повышению боеспособности вошедших в них подразделений...

8. В ходе борьбы с бандитизмом необходимо беспощадно карать его пособников. Бандитизм — это такой враг, который применяет в борьбе любые средства, и только такими же средствами при равнозначной ожесточённости он может быть разгромлен.

9. Необходимо использовать все средства обмана и маскировки. Оправдала себя организация лжеотрядов из местных жителей, находящихся на службе у немцев и действующих под их руководством. С помощью таких отрядов можно собрать важные сведения и накопить соответствующий опыт...

10. Я направляю особых уполномоченных, которые проверят проводимые на местах мероприятия по борьбе с бандитизмом и доложат о результатах проверки мне лично.

11. ОКХ будет систематически издавать «Сообщения о борьбе против бандитизма», которые будут содержать все данные о действиях банд, полученные из собранной информации...

Адольф Гитлер

Верно: Ратгенс, подполковник службы генерального штаба»^{78}.

Читая этот документ, особенно его преамбулу, понимаешь, что Гитлер не то что сильно нервничает — его состояние близко к истерике. Да, неспроста советская пропаганда окрестила Адольфа Алоисовича «бесноватым фюрером»... Между тем впереди оставались ещё два года войны — что-то с ним будет к победному маю сорок пятого?!

Но, несмотря на всю «бесноватость» приказа, гитлеровцы предпринимали против партизан очень и очень серьёзные меры. Уж если борьбу с ними признали «равнозначной боевым действиям на фронтах», то, значит, в своих тылах немцам приходилось воевать по-настоящему. Народ-то они добросовестный.

«Почти месяц продолжался этот почти двухтысячекилометровый переход по территории, занятой врагом. Прошли его, не обнаружив себя, без боёв, без потерь. Выполнена первая главная задача. «Олимп» достиг заданного квадрата, полностью сохранив свою боеспособность...»

Обрываем цитату, чтобы выказать некоторые сомнения: получается, что в день проходили вёрст по семьдесят — пусть и на лыжах, но по целине, да ещё и с грузом. И так, без отдыха, без роздыха — каждый день, на протяжении месяца. Вряд ли... Всё-таки вернее информация из письма ветеранов 4-го Управления, приведённого несколько ниже. Там и срок «похода» дольше, и протяжённость маршрута меньше...

Однако продолжим прерванную цитату, информация там интересная:

«...Базу построили в вековом лесном массиве, недалеко от сёл Москалёвка, Ничипоровка, Нижние Мальцы, Журба и Выступовичи. Местное население настроено к партизанам очень доброжелательно. В 35-

ти километрах на левом берегу реки Норынь — город Овруч, где размещается гебитс-комиссариат со всеми службами, карательными отрядами и полицейским управлением.

База — это семнадцать жилых и три больших землянки, в которых располагались штаб, столовая и санчасть»^{79}.

Только не надо думать, что оперативная группа спряталась в каком-то укромном месте. Немцы превратили заштатный Овруч, про который и сейчас-то мало кто знает, в областной центр; Овручский район стал именоваться «гебитс», что значит область, и там был учреждён гебитско-миссариат — нечто типа «областной администрации», то есть оккупационные власти областного уровня. Естественно, при властях была и соответствующая охрана: оккупанты всегда очень беспокоятся за свою драгоценную жизнь и обожают «беспрецедентные меры безопасности».

Свидетельством тому — разведывательная сводка, относящаяся к чуть более позднему времени, к концу весны 1943 года: «По данным на 20 мая, численность гарнизона в Овруч — 10 тыс. чел. В том числе 4 полка мадьяр. Все части и штаб гарнизона размещены в казармах в районе аэродрома на с.-в. окраине города. На аэродроме базируются 7 самолётов»^{80}.

Солидно. К тому же хотя мадьяры и хорошие ребята, но во время войны они, как известно, были похуже немцев.

В общем, спокойным выбранное место назвать нельзя, но, значит, отряду следовало располагаться именно там — и это подтвердят последующие события. Вернёмся, однако, к нашему герою.

«В январе — марте 1943 года на 1500-километровом марше по тылам противника А. Ботян показал себя неутомимым, смелым, умело и правильно ориентирующимся в обстановке разведчиком. Мужество

и отвага, проявленные в многочисленных схватках с врагом, готовность помочь товарищу в трудную минуту уже тогда вызывали у боевых друзей чувство уважения к А. Ботяну» — так писали ветераны Четвёртого управления, обращаясь к руководству КГБ СССР с просьбой о присвоении Алексею Николаевичу звания Героя Советского Союза.

Ну а сам он вспоминал так: «Как я сказал, задача наша была выйти на Украину и там создать очаги сопротивления. И вот в 43 году, в январе, мы доехали до Старой Руссы, а потом прошли через всю Белоруссию и вышли на территорию Украины, Киевской и Житомирской областей, и стык Украины с Белоруссией — в этих самых местах. Это был район так называемых Мухоедовских лесов — такие серьёзные, массивные леса. В феврале месяце мы перешли реку Припять, она уже стояла; организовали базу. Там, кстати, действовали некоторые небольшие местные группы... Начали мы с того, что стали ходить в разведку: что и как немцы, как местное население к Красной армии относятся? Некоторые наши товарищи, которые оставались на оседание в ближайших населённых пунктах, пошли на связь — то есть на встречу с нашими людьми, но там предатели оказались, и они были арестованы... Командиром у нас назначен был Карасёв — смелый, толковый пограничник. Сколько я с ним был, он всегда, чуть что надо — «Ляксейка, со мной!». Хотя у него ординарец был, но без меня он не обходился: я знал языки и польский, и украинский. А потому я делал разведку, принимал решения и, по сути, не ошибался...»

То есть рядовой Ботян изначально выполнял обязанности помощника командира оперативной группы «Олимп».

«Хорошо вооружённые группы партизан «Олимпа» стали наносить ощутимые удары по мелким гитлеровским гарнизонам и полицейским участкам»^{81}.

«По прибытии отряда в Мухоедовские леса (на границе Белоруссии и Украины) и создании базы А. Ботяну было поручено изучить участок сёл, создать там из местных патриотов силы сопротивления. С этой задачей т. Ботян успешно справился, порученный ему участок сёл стал подлинно партизанским» — так писали ветераны Четвёртого управления, обращаясь к руководству КГБ СССР.

Совсем скоро группы подрывников отряда буквально оседлали железнодорожные магистрали Житомир — Овруч, Овруч — Мозырь, Мозырь — Пинск, Олевск — Киев, Калинковичи — Гомель; диверсанты пожгли все деревянные мосты, располагавшиеся на шоссейных дорогах и реках Норин, Припять, Желонь, Словечно, Уж, Тетерев. Большая часть «неприятностей» для немцев происходила по ночам, так что в конце концов были отданы приказы, запрещающие движение по шоссейным и железным дорогам в ночное время. И это несмотря на то, что охрана всех коммуникаций была усилена самым серьёзным образом.

А ведь именно в тот период гитлеровское командование готовилось к реваншу за свой Сталинградский разгром! Местом для такового «реванша» был выбран Курский выступ — район южнее Орла и севернее Белгорода, который советские войска заняли в ходе прошедшей зимней кампании. «Выступ» этот, имевший протяжённость по фронту порядка 550 километров, вклинивался в немецкие боевые порядки на глубину свыше 150 километров. Оценив обстановку, гитлеровцы не удержались от очевидного соблазна попробовать нанести два сходящихся удара под основание этой дуги, чтобы отрезать и окружить вклинившиеся в их оборону советские армии, чтобы в итоге «закипятить» здесь огромный «котёл» почище Сталинградского.

Подобное вполне могло бы получиться в 1941-м, да только трагический этот год давно прошёл, и советское командование уже без особых трудов разгадывало гитлеровские планы. Прежде всего о них сразу по нескольким своим каналам узнала советская разведка. Разведчики из отряда Петра Лопатина умудрились похитить немецкого полковника Курта Вернера, сообщившего о наступлении, намеченном на 4 июля. Легендарный Николай Кузнецов сообщал о том, что в этом наступлении будут в большом количестве использованы новые тяжёлые танки «Тигр» и «Пантера». Ценнейшая информация о готовящемся немецком наступлении пришла из Лондона, от агента «Карел» или «Мольер» — Джона Кернкросса, одного из членов легендарной «Кембриджской пятёрки»...

Но и военные не дремали! В Оперативном управлении Генштаба давно уже были сделаны соответствующие выводы. Ведь после того, как в начале Второй мировой войны гитлеровцы в прямом и переносном смысле поразили всю Европу своими танковыми клиньями и тому подобными «новациями» с использованием современной техники, советские генштабисты постепенно поняли, что немцы воюют по шаблонам, по своим уже не раз апробированным «рецептам». Оценив стратегическую обстановку, в Генштабе пришли к однозначному выводу, что следует ожидать удара под основание Курского выступа, а значит — готовить оборону именно там. Откроем военную тайну: если бы тогда гитлеровские стратеги рискнули отойти от шаблона и просто, как сейчас говорится — «тупо», ударили бы в лоб, они могли бы иметь гораздо больший успех, потому как в центре позиции оборона была ослаблена, войска оттуда перевели на предполагаемые угрожаемые участки.

Курская битва начнётся 5 июля, гитлеровцы, как и ожидалось, ударят под основание Курского выступа, но

советские войска выдержат первый мощнейший удар противника, выстоят в обороне и 12 июля перейдут в наступление, которое в конечном итоге будет безостановочно продолжаться до самого Берлина...

Всё это ещё впереди. А пока, для того чтобы раскрыть планы немецкого командования, чтобы хоть как-то ослабить готовящийся противником мощнейший удар, трудились советские разведчики — как непосредственно за линией фронта, так и в далёком Лондоне; работали подрывники оперативных групп, чтобы как можно больше гитлеровской техники не дошло до полей будущих боёв, чтобы у фашистов оказалось как можно меньше снарядов, патронов и горючего, чтобы немецкие солдаты и офицеры обрели «вечные квартиры» задолго до решающего сражения.

Весна 1943 года — это время больших перемен как в наших вооружённых силах и спецслужбах, так и по всей Советской стране.

Про вооружённые силы особенно распространяться не будем — тема в данном случае не наша, хотя можно рассказать о многом. Ограничимся тем, что помимо всего прочего Красная армия надела погоны и коренным образом изменила свой внешний вид. Всем стало понятно, что это уже совсем не те войска, которые гитлеровцы теснили аж до самой Москвы. НКВД вновь претерпел реорганизацию: во-первых, из него были выведены и переданы Наркомату обороны и Наркомату ВМФ органы военной контрразведки, превратившиеся в легендарный «Смерш» — лучшую спецслужбу Великой Отечественной войны; во-вторых, из состава НКВД вновь были выделены и опять превращены в самостоятельный наркомат подразделения, обеспечивающие государственную безопасность.

Понятно, что эта реорганизация не могла не коснуться ОМСБОН. «После разделения Наркомата

внутренних дел на НКГБ и НКВД в апреле 1943 г. 4-е управление было передано в Наркомат государственной безопасности и под тем же номером просуществовало до октября 1946 г.»[\[82\]](#).

Вряд ли такое известие особенно взволновало нашего героя (впрочем, мы даже не знаем, сообщалось ли об этих новациях в оперативные подразделения, находившиеся в тылу врага), тем более что ОМСБОН такая «передача» пока ещё не коснулась, и до октября 1943 года она относилась к войскам НКВД СССР. Но для полноты картины об этом упомянуть надо.

Нет смысла объяснять, что многое менялось и в стане противника, который пока ещё не почувствовал, что военная удача переместилась на другую чашу весов и что боевой перевес уже на советской стороне. В частности, немцы постоянно усиливали контрпартизанскую борьбу. Партизаны, употребим этот общеизвестный и обобщающий термин, казались гитлеровцам гвоздём, вдруг вылезшим из подмётки их идеально начищенного сапога и очень болезненно их тревожившим. Требовались радикальные меры!

Вот выдержки из докладной записки НКВД Украинской ССР в НКГБ СССР, датированной 10 мая 1943 года:

«Контрразведывательные органы немцев... в массовом порядке насаждали свою агентурную сеть для вылавливания советской агентуры, партизан, коммунистов и вообще «неблагонадёжных» элементов.

Агентурно-следственными материалами, а также рядом захваченных нами немецких документов директивного порядка установлено, что немецкие контрразведывательные органы организационно значительно перестроили свою работу на оккупированной территории.

Вместо немедленного уничтожения выявленной нашей агентуры, коммунистов-подпольщиков и

партизан, как это почти везде практиковалось в первый год войны, контрразведывательные органы немцев, перестроившись, стали рассматривать каждого разоблачённого нашего агента и коммуниста-подпольщика с точки зрения конкретного использования на определённом этапе своих интересов... Из этих агентов создавались шпионские резидентуры, действовавшие под видом партизанских отрядов или подпольных комитетов и организаций. Через них немецкая контрразведка проводила работу по вскрытию партизанских групп, партизан-одиночек, а также коммунистов-подпольщиков и осуществляла мероприятия по парализации попыток к каким-либо организованным действиям в тылу оккупантов.

При посредстве таких резидентур, функционировавших под вывеской подпольных партийных органов, контрразведка немцев принимала меры к продвижению своей агентуры в вышестоящие партийные и советские органы, а также в штабы соединений Красной Армии...»[\[83\]](#).

Кроме оперативных методов гитлеровцы использовали и карательные. Разумеется, на борьбу с нашими, то есть омсбоновскими, «партизанами» направляли не каких-нибудь полицаев из числа уголовников или стариков-резервистов, а по-настоящему серьёзные силы.

«Отметим и возросшее боевое мастерство омсбоновцев. Например, с 23 по 29 июля 1943 г. под г. Овруч отряд В. А. Карасёва, не насчитывавший и батальона, противостоял почти целой бригаде гитлеровцев, которой были приданы 3 самолёта и тяжёлая артиллерия. Постоянно маневрируя, организуя засады, выводя противника на ложные объекты и непрерывно атакуя его с тыла и с флангов мобильными группами, бойцы Карасёва победили превосходящие силы немцев. В результате боёв гитлеровцы потеряли

убитыми и ранеными 289 человек, 3 орудия и штабную машину. Потери отряда оказались минимальны — двое убитых и трое раненых»^{84}.

В том, что «отряд В. А. Карасёва не насчитывал и батальона», авторы совершенно правы — оперативная группа «Олимп» изначально равнялась взводу, а теперь, даже со всеми к ней приставшими людьми, ещё вряд ли намного превышала численность стрелковой роты. Но, постепенно увеличиваясь, присоединяя к себе другие отряды, эта группа разрослась до целого партизанского соединения. По этой причине своё энергичное имя «Олимп», вполне подходящее для отряда спецназа, подразделение Карасёва в будущем сменит на «более солидное»: «партизанское соединение имени Александра Невского». Звучит, однако!

Какую роль сыграл в тех боях Алексей Ботян, сказать трудно, но нет сомнения, что он в них участвовал, и участвовал достаточно активно. Не тот это был человек, чтобы в тылу прохлаждаться, если, как говорил уже другой герой всё того же упоминавшегося нами прекрасного фильма, «стреляли»! Понятно и то, что первоначальное расположение, «семнадцать жилых и три больших землянки», давным-давно было оставлено, и отряд вёл кочевой образ жизни, особенно долго на одном месте не задерживаясь.

Но ведь стреляли не только советские бойцы по фашистам и, соответственно, немецкие солдаты по красноармейцам. Разномастные мелкотравчатые «фюреры», проросшие на временно оккупированной гитлеровцами территории, также вели свою войну — и по преимуществу не с оккупантами.

«Одновременно украинские националисты воевали с поляками. Эта вражда отличалась особой жестокостью: только с 10 по 15 июля 1943 г. отряды УПА на Волыни убили более 12 000 человек мирного населения»^{85}.

Речь идёт о так называемой «Волынской резне», произошедшей летом 1943 года. Но это уже было в полном смысле слова «обострение».

«Кто начал эту драку — до сих пор неизвестно, — рассказывает Георгий Захарович Санников. — Поляки говорят: украинцы, оуновцы; украинцы говорят: поляки начали. Но была аллея — украинцы оправдываются, что это было сделано в ответ на польские зверства, — где к деревьям были прибиты гвоздями польские младенцы! Ещё и венки были повешены! Это сделала УПА, повторю — Украинская повстанческая армия. Во время всех этих украинско-польских «разборок» было убито, по свидетельству польской стороны, 60–80 тысяч их соотечественников, мирных граждан! Но по данным, которыми я располагал, убито было до 200 тысяч поляков! Но и поляки убили не меньшее количество украинцев...»

Перед приведёнными цифрами — даже в первом варианте — бледнеет всякая Катынь. Ведь, по официальным данным, там было расстреляно 22 тысячи польских офицеров. Вопрос, кем именно расстреляно, не прояснён до конца, как бы ни старались каяться перед польской стороной иные наши политические деятели, принимая на себя — точнее, навешивая на наше государство, — все подлинные и мнимые ошибки и преступления 1930—1940-х годов.

Так что, кажется, есть необходимость подробнее рассказать о произошедших событиях.

«Весной 1943 года на Волыни, оккупированной немецкими войсками, начались масштабные этнические чистки. Эту преступную акцию проводили не нацисты, а боевики Организации украинских националистов, стремившиеся «очистить» территорию Волыни от польского населения. Украинские националисты окружали польские сёла и колонии, а затем приступали к убийствам. Убивали всех — женщин, стариков, детей,

грудных младенцев. Жертв расстреливали, избивали дубинами, рубили топорами. Потом трупы уничтоженных поляков хоронили где-нибудь в поле, грабили их имущество, напоследок поджигали дома. На месте польских сёл оставались лишь обгоревшие развалины.

Уничтожали и тех поляков, которые жили в одних сёлах с украинцами. Это даже легче — не было нужды собирать большие отряды. Группы оуновцев по несколько человек проходили по спящему селу, заходили в дома поляков и убивали всех... Так было убито несколько десятков тысяч человек, вся вина которых состояла лишь в том, что они родились поляками и жили на украинской земле»^[86].

В малоизвестной среди широкого круга читателей книге «Забытый геноцид. «Волынская резня» 1943–1944 годов. Документы и исследования» (а чего эту книжку знать-то? Разве можно сравнить изложенные в ней факты с весьма сомнительными «разоблачениями» пресловутого Виктора Богдановича Резуна, осквернившего фамилию Суворов?!) приведены архивные документы, подтверждающие всё вышесказанное. Нам, к сожалению, заполучить эту книгу не удалось, а потому цитируем её по публикациям фрагментов в другой книге.

Приведём несколько представленных там документов, чтобы не было лишних вопросов о достоверности этого рассказа.

Из протокола допроса боевика УПА Ивана Гриня 1 марта 1951 года:

«Будучи в бандбоёвке^[65] ОУН бандгруппы коменданта Оранского С. У., я выполнял все приказания и распоряжения коменданта как непосредственного своего начальника, а именно: по заданию коменданта бандгруппы Оранского я участвовал с оружием в руках против мирного населения польской национальности.

Начиная летом, примерно в начале июля м-ца 1943 года, я участвовал в массовом расстреле польского населения.

Было так, что в село Павловку приехала бандгруппа из леса Иванчевского р-на примерно до 40 человек, и местной боёвки было до 12 человек, которой тогда командовал Оранский С. У., и соединились вместе. Имел тогда станковый пулемёт (русский) и два миномёта малого калибра. Ночью подготовились, и на другой день вся бандгруппа, в том числе и я, в дневное время напали на польский костёл, а в то время шло в костёле богослужение, где находилось граждан польской национальности до 200 (двести) человек старых и малолетних детей, костёл был окружён, и началось уничтожение граждан, был открыт огонь из пулемёта в центральные двери и в окна, после чего было много уничтожено тогда граждан и детей, а которым удалось убежать, то их догоняли и убивали на ходу.

Потом, после расстрелов в костёле граждан польской национальности, начался погром по селу Павловке отдельных семей бандбоёвкой Оранского, где я также находился в данной бандбоёвке и вместе выполнял все указания своего непосредственного начальника. Всё это длилось с лета 1943 года и до осени 1943 года...

Вопрос. Где закопаны трупы гр-н польской национальности, в расстрелах которых вы принимали непосредственное участие?

Ответ. Где я участвовал в расстреле польского населения, например, до 200 человек похоронили в селе Павловка Иванчевского р-на, возле польского костёла. На это мобилизовали местных жителей, выкопали большую яму с западной стороны костёла и туда сносили из костёла трупы. Их там закапывали всего на расстоянии от костёла до 25-30 метров. Также я участвовал в расстреле семьи Стажинских на хуторе Голяндерня с. Павловки, когда их расстреляли, то было

также местным жителям приказано, чтобы трупы их закопали, но я сразу после расстрела оттуда ушёл, место, где похоронена семья Стажинских, я не могу указать, а также там расстреляли старика и старуху, я после расстрела ушёл оттуда... После мы с группой банды порас-стреливали, в том числе и я принимал участие в расстреле, Бурчак Антонину и её мать-старуху, они были убиты на хуторе Михаловка с. Павловки»^[87].

(Оригинал допроса хранится в Государственном архиве Службы безопасности Украины.)

Из спецсообщения Четвёртого управления НКГБ СССР:

«Агент группы КУЦ, возвратившийся из гор. Владимир-Волынска, сообщил, что 18-го июля с. г. [1943] был очевидцем массового истребления украинскими националистами-бандеровцами польского населения, проживающего в гор. Владимир-Волынке.

Во время богослужения в костёлах бандеровцами было убито 11 ксёндзов и до 2000 поляков на улицах города. Немецкий гарнизон, полиция и казаки в количестве до 600 человек не приняли никаких мер против расправы над поляками, и лишь после расправы немецкое командование вывесило объявление, призывающее поляков вступать в жандармерию для борьбы с бандеровцами.

Многие поляки, боясь репрессий, ушли на службу к немцам»^[88].

(Оригинал документа хранится в Центральном архиве ФСБ России.)

Из протокола допроса командира четы^[66] УПА Степана Редеша 21 августа 1944 года:

«*Ответ.* Я лично принимал непосредственное участие только в одной операции против польского населения, которая имела место в августе месяце 1943 года. В этой операции принимали участие более двух куреней^[67] в

составе 500 человек с оружием и более 1000 человек из подполья ОУН, вооружённых топорами. Мы окружили 5 польских сёл и на протяжении ночи и следующего дня сожгли эти сёла и всё население от мала до велика вырезали — в общей сложности более двух тысяч человек.

Мой взвод принимал участие в сожжении одного большого села и прилегающего к этому селу хутора. Мы вырезали около 1000 поляков.

Вопрос. Каким образом вы убивали поляков?

Ответ. Многих поляков — мужчин, женщин, стариков и детей — мы бросали живыми в колодцы, затем добивали их выстрелами из огнестрельного оружия»^{89}.

(Оригинал допроса хранится в Государственном архиве Службы безопасности Украины.)

Хватит? Или ещё не убедило? Тогда — последний документ, чтобы действительно по нервам ударило. Есть ведь такое очень жёсткое изречение, что смерть одного человека — трагедия, а тысячи — это уже статистика.

Из протокола допроса боевика УПА Владимира Дубинчука 6 августа 1951 года:

«Когда мы обратно возвращались в с. Свичев, то не помню, кто-то нам сообщил, что в доме Сошинского Антона укрываются его дети. Бандит Лупинка дал мне распоряжение убить этих детей. Когда соучастники находились около подводы, я вбежал в дом Сошинского Антона и расстрелял ребёнка примерно пяти лет. В комнате было ещё два ребёнка, но у меня оставшийся один патрон дал осечку. После этого я вышел из квартиры и доложил об этом Лупинке Иосифу, который дал мне два патрона и распоряжение убить этих детей. Я вторично зашёл в комнату и расстрелял второго ребёнка возрастом примерно два года. В это время зашёл в квартиру Лупинка Иосиф и в моём присутствии

расстрелял третьего ребёнка, который был возрастом примерно 6–7 лет.

После расстрела детей Сошинского Антона я вместе с бандитами возвратился в с. Свичев, и мы сразу же проехали до усадьбы гражданки Ярмолинской Маевской. Я с Лупинкой Иосифом Маевскую обнаружили в соседнем доме, после чего привели на её усадьбу, где я лично и расстрелял её. Этот труп мы также оставили на месте и поехали к зданию сельской управы. Бандиты Лупинка Иосиф, Василий Тор-чило, Голумбицкий, я и одного фамилию не знаю пошли на польское кладбище.

Там Лупинка и Торчило убили гражданку Добровольскую, труп которой также оставили на месте. Возвращаясь обратно, Лупинка зашёл в дом священника, взял домработницу, после чего завёл на соседнюю усадьбу и там же во дворе расстрелял её. После данного убийства все бандиты из Вл. Волынского района сели на подводу и уехали в направлении колонии Божья Воля. На этом и был закончен погром поляков в с. Свичев»^{90}.

(Оригинал допроса хранится в Государственном архиве Службы безопасности Украины.)

Всякие события непременно имеют свою обратную сторону, ибо каждое действие, как известно, рождает противодействие. Самостоятельно справиться с озверевшими бандеровскими бандами мирное польское население не могло, а никакие новоявленные бесстрашные и бескорыстные защитники угнетённой бедноты, современные, так сказать, Робин Гуды, объявляться не спешили. Вот почему эту благородную миссию взяли на себя бойцы подразделений особого назначения НКВД — НКГБ СССР.

В исследовании «Взаимодействие польского подполья с советскими партизанскими отрядами в обороне польского населения от действий отрядов украинских националистов на Волыни в 1943 году»,

опубликованном в книге «Забытый геноцид...», историк Оксана Петрушевич пишет: «С появлением на Волыни в конце 1942 — начале 1943 года крупных советских партизанских отрядов возникают условия для налаживания более массовых контактов с местным населением. В целом отношение польской части волынян к пришельцам было позитивно нейтральным. Для них красные партизаны были очередным источником оружия взамен на разведывательную информацию или провиант, для польской самообороны — защитником от нападений украинских националистов и немецких карательных отрядов...»^[91].

Далее автор рассуждает о тайной подоплёке этих событий:

«В конце 1942 года советскими директивными органами был разработан план становления на территории Западной Украины и Западной Белоруссии «польского по форме и большевистского по содержанию» партизанского движения. В апреле 1943 года в специальной директиве ЦК КП(б)У и УШПД^[68] было приказано командирам советских партизанских формирований оказывать полякам всяческую помощь в организации отрядов и снабжать их оружием и амуницией. Тем самым было положено начало созданию просоветского польского партизанского движения и процессу превращения небольших отрядов, состоящих из поляков, в самостоятельное польское соединение «Jeszcze Polska nie zginela»^[69]»^[92].

Ну да, план был разработан — что же тут плохого? Война, как мы уже не раз говорили, была «идеологической», и если советская сторона решала какие-то свои задачи, это было, в конце концов, её право. Право, оплаченное жизнями тысяч и тысяч наших бойцов, погибших за линией фронта в боях против гитлеровских захватчиков и местного бандитского подполья. Ведь ни комиссары, ни чекисты, которыми

сегодня так любят пугать малообразованных или излишне нервных граждан, не сгоняли местных жителей в какие-нибудь «просоветские» «отряды самообороны», не заставляли их участвовать в боях, хотя бы на вспомогательных ролях. Нет, оперативные отряды сражались и с гитлеровцами, и с бандеровцами сами, в полном смысле — «За нашу и вашу свободу!»^[70], и притом ещё помогали в организации партизанских отрядов местным жителям. Да, таким образом они создавали себе союзников — но кто же будет из «толерантных» соображений создавать себе противников? Хотя сегодня в Европе это достаточно распространённое явление.

Далее в своём исследовании Оксана Петрушевич поднимает очень интересный вопрос:

«Из документов видно, что советские партизаны не находили абсолютной поддержки в тех местностях, где рядом действовали аковские отряды. Местным полякам больше импонировало участвовать в антифашистской борьбе на стороне Армии Крайовой, их сдерживало лишь то, что лидеры АК не сразу перешли к методам активной партизанской борьбы и упустили инициативу возглавить национально-освободительную борьбу на волыньских землях. Этим воспользовались советские партизаны, развернув широкую агитационную работу, и поляки, не найдя другого выхода, вступали в ряды советских партизан»^[93].

Потрясающая информация! Значит, как раз в тех местах, где разворачивались самые кровавые события, о которых мы только что рассказали, действовали и отряды Армии Крайовой. Но, как очень мягко констатировала автор, «лидеры АК не сразу перешли к методам активной партизанской борьбы». Сложно сказать, чем занимались эти «патриоты» до своего перехода «к методам активной партизанской борьбы» — то есть как раз в то самое время, когда следовало

сражаться и умирать, защищая мирных людей — тех же несчастных, невинно убиенных детей Антона Сошинского... Зато «широкая агитационная работа» советских партизан заключалась прежде всего и именно в том, что они сражались.

Относительно сущности Армии Крайовой мы имеем возможность предоставить достаточно объективный, хотя и излишне «щадящий» (это можно понять даже из того немногого, что нам уже известно о деятельности АК) по отношению к дружественной Польше комментарий советских историков:

«Армия Крайова (*Armia Krajowa*, буквально — армия страны) — конспиративная военная организация, действовавшая в 1942–1945 гг. в оккупированной немецко-фашистскими войсками Польше; подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. В политическом отношении строилась на основе «надпартийности», теории «двух врагов», позволявшей пассивность в борьбе против оккупантов прикрывать установкой на борьбу против СССР, за восстановление польского буржуазного государства в довоенных границах. Исходя из этого руководство АК стремилось ограничивать её деятельность накоплением оружия, военным обучением, разведывательной деятельностью, созданием сети штабов и других организаций, призванных при крахе оккупационного режима обеспечить установление в стране власти эмигрантского правительства. По составу была неоднородна, охватывая как патриотически-демократические элементы, так и реакционные круги, направлявшие её деятельность. Однако между реакционным руководством АК и основной массой её бойцов, стремившихся внести свой вклад в разгром фашистской Германии, существовали глубокие противоречия. В целом АК (250–350 тысяч человек в 1943–1944 гг.) внесла неоправданно малый (по

сравнению с её возможностями) вклад в борьбу против оккупантов...»^[94].

А вот что говорил нам генерал-майор Леонид Георгиевич Иванов, ветеран военной контрразведки, во время войны служивший в отделе «Смерш» 5-й ударной армии, освобождавшей Польшу: «Польское правительство, во главе с Миколайчиком^[71], эмигрировало в Лондон — и Лондон их пригрел. Англичане были заинтересованы, чтобы прибрать Польшу под свой контроль, под своё влияние. Поэтому они давали массу денег, субсидируя и Миколайчика, и Армию Крайову. Так что там все были одеты и обуты, вооружение у них было нормальное. Аковцы преспокойно сидели себе в лесах, с немцами никаких боёв не вели — ни засад, ни подрывов, ни диверсий — ничего такого не было! На линии фронта аковцев тоже никогда не было. Поэтому и немцы против них ничего не делали. Гитлеровцам было достаточно Красной армии — так что пока Армия Крайова вела себя спокойно, они аковцев не трогали».

И последнее, о чём мы можем вспомнить применительно к этому времени, это принятое 6 мая 1943 года постановление Государственного Комитета Обороны о формировании в СССР первого польского регулярного соединения, получившего наименование «1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко». Через неделю, с 14 мая, начнётся процесс формирования этой дивизии, которая 12 октября 1943 года примет свой первый бой — на белорусской земле, под селом Ленино, что юго-восточнее Орши.

Глава седьмая

ОПЕРАЦИЯ, ВОШЕДШАЯ В УЧЕБНИК

«Я был у Карасёва помощником начальника штаба, — рассказывал Алексей Николаевич и улыбался. — Это что ж в результате получалось? Ребята ходили на операции, а я был при нём — сводки составлял... Я и говорю Карасёву: «Хватит мне... Дай мне возможность самому!» А был такой приказ — не знаю, гласный, негласный, что при подрыве 25 вражеских эшелонов давали звание Героя Советского Союза. Объяснять не нужно? Хотелось бы! Конечно, звание зря не давалось: ведь подрыв — это же не просто так, что подойдёшь и взорвёшь. Немцы, они тоже не дураки были! И тоже учились. Теперь, когда они пускали поезд, то впереди паровоза ставили один-два вагона с песком. Мы это знали, поэтому пропускали первые вагоны, натяжной шнур был, стояли и ждали, когда пройдут... Подрывали, когда шёл второй вагон или третий, чтобы паровоз взорвать».

К этому времени в партизанском руководстве поняли, что «рельсовая война» как таковая — это, в принципе, была ошибка. Взорванные пути немцы научились восстанавливать часа за полтора: подъезжала дрезина, специальный такой путеукладчик, и меняли разбитые рельсы. Следовало взрывать паровозы — причём лучше всего это было делать не на насыпях, как эффектно показывали тогда в кинохронике, а, наоборот, в низинах, в теснинах, между двумя склонами. Тогда-то путь оказывался всерьёз забит искорёженными вагонами и движение поездов прекращалось надолго.

«Вот я попросил Карасёва: «Хватит мне сидеть при штабе, пусти меня!» Я знаю украинский язык, тем более — белорусский и польский, на Западной Украине ими также пользовались, вот потому я и находил людей, которые мне очень помогали. Вы знаете, что на Западной Украине жили польские семьи и украинские семьи, и у них между собой была очень большая вражда. Я воспользовался этим моментом — зная, где поляки живут, и зная, где украинцы живут. У нас один боец очень хорошо знал украинский язык, а я — польский, мы так и ходили: он — к украинцам, я — к полякам, и добывали сведения. Мы пользовались обстановкой, и результаты были очень хорошие».

Как увлекательно рассказывал Ботян! Однако по этим рассказам казалось, что у него всё легко получалось... На самом деле всё было гораздо сложнее.

Ходить «на подрыв» можно было только ночью, в то самое глухое и мрачное время, когда оккупационные власти запрещали кому бы то ни было из местных жителей покидать свои дома и солдаты могли стрелять без предупреждения. А днём, когда каждого проходящего видно издалека и незамеченным не пройдёшь, немцы отдали населению строжайший приказ: встретив незнакомого человека, немедленно сообщать о нём в полицию. Появился чужак — поспеши сообщить, иначе потом сообщат про тебя. Вот подрывники и ходили «работать» ночью, а днём, чтобы не болтаться где-то и не привлекать внимания, делали так называемые «днёвки». Для этого чаще всего находили надёжных людей, к которым обычно приходили в дом под покровом темноты, чтобы не заметили соседи.

Но в разных незнакомых местах волей-неволей останавливались на «днёвку» у людей случайных. Конечно, не так чтобы сразу ломались в первый попавшийся дом — мол, принимай, хозяин, красных

партизан! Наблюдали, присматривались, делали соответствующие выводы и только затем «заходили на огонёк». Тут уж хозяин может быть и не рад, но коли на пороге появился человек с оружием, то изволь подчиниться. Главное, что незваным гостям было нужно, это чтобы их накормили.

«Что можно от крестьян потребовать? — говорил Алексей Николаевич. — Молоко, яички и хлеба кусок. Нам этого достаточно, и мужика, крестьянина, не обидишь — не заберёшь последнего поросёнка или корову. Мужики это понимали и такое отношение к себе ценили. Ну а там выясняешь, кто он сам такой; спрашиваешь его: кто у тебя знакомые есть, как к тебе люди относятся, кто у вас старшиной? Что это за человек? Всех же равнять под одну гребёнку нельзя: мол, старшина — значит гад, немцам продался! Нередко ведь и так бывало, что немцы, особенно не разбираясь, назначали старшим того, кого предлагали сами крестьяне. А те выбирали своего самого уважаемого, самого толкового односельчанина и говорили ему: «Ты хороший человек, давай, будешь защищать наши интересы от немцев!» Ну и защищали как могли... Я вам скажу, что и полицаи были разные! Сперва в основном в полицаях были те, которые с охотой служили немцам. Но вот как немцев отбили, то и настроение у людей стало другое. Многие тогда начали с нами сотрудничать, в том числе и полицаи, и те же старосты. Были и такие полицаи, которые потом к нам переходили, честно воевали против гитлеровцев. Ну а тех, которые действительно были с немцами, тех мы уничтожали. Расстрел делали прямо перед людьми, в назидание, так сказать... Так вот, искали мы, на кого из местных жителей опереться можно. И однажды я нашёл Григория Васильевича Дяченко — старшину Красной армии...»

Произошло это в середине лета 1943 года. В очередной раз отправившись на подрыв эшелона, группа

Ботяна была вынуждена остановиться на «днёвку» в какой-то деревне, километрах в двенадцати от Овруча. Хозяином дома, в котором остановились, оказался молодой парень, на год моложе Алексея, Григорий Дяченко.

Чего у Ботяна было никак не отнять, так это умения располагать к себе собеседника. Точнее сказать, профессионального умения. Во-первых, характер у него был такой, располагающий, а во-вторых, не зря же он целый год учился не только мосты взрывать и стрелять из всего, куда патрон входит, но и общению с людьми. Учился тому, как человека к себе расположить, как у него доверие вызвать, как подтолкнуть его рассказать о том, о чём он рассказывать не очень-то и хочет и в разговоре с другими об этом обязательно бы умолчал. Непростая это наука, надо признаться!

Вот и тогда, хотя время было тревожное и доверять незнакомым людям было смертельно опасно — кто у кого в лесу документы будет спрашивать, а если вдруг и покажут чего-то, то каким из предъявляемых документов можно верить? — Григорий вскоре со всей откровенностью выкладывал свою нехитрую биографию.

Сам он из здешних краёв, тут родился и вырос, отсюда его призвали в ряды РККА на срочную службу, а так как был он человек основательный и служил хорошо, то сумел дослужиться до высшего солдатского звания — старшины. Отслужил, домой вернулся, женился — а тут вскоре и война. Гитлеровская армия продвигалась быстро, так что районный город Овруч оказался оккупирован ровно через два месяца после начала войны, 22 августа, так что Григорий, скорее всего, даже повестки из военкомата получить не успел. Почему сам не ушёл с отступающими частями Красной армии? Да как-то о такой возможности не подумал: не то потому, что в армию не позвали, не то от уверенности, что война, как обещали на политзанятиях, скоро закончится... А

может, не захотел Григорий Дяченко дом и хозяйство бросать, ну и дал некоторую слабину... Впрочем, не суть важно!

Оккупировав Украину, немцы украинцев практически не трогали. Националисты в их краях тоже не слишком активничали, да и Григория такая пропаганда совсем не увлекала. Так что ни к гитлеровцам в услужение, ни к националистам в отряд он не пошёл, а продолжал жить так же, как и раньше жил: работал в своём хозяйстве. Дел у крестьянина всегда предостаточно... Вот только на душе у старшины очень беспокойно было: не нравилось ему в оккупации жить, фактически под автоматным дулом, по указке новых «хозяев». Он ведь по сути своей оставался нормальным советским человеком, которых в нашей стране тогда было очень и очень много и которых та самая «советская» жизнь вполне устраивала. Где-то ограниченные в «демократических свободах», эти люди в полной мере использовали свои права на труд, отдых, бесплатные медицину и образование.

Наверное, ощущая себя именно советским человеком, Дяченко, хотя его, как говорится, никто за язык не тянул, и рассказал Ботяну, что в Овруче, который оккупанты сделали областным центром, живёт его дальний родственник по фамилии Каплюк. Теперь он работает у немцев в гебитс-комиссариате, причём занимает там известное положение. Понятно, что Григорий был не лыком шит, так что про родственничка рассказал не из хвастовства или просто чтобы разговор поддержать. Старшина не мог не понимать, что его сведения являются «ценной оперативной информацией» и если эта информация вызовет интерес незваных гостей, то именно его, Григория, они попросят вывести их на своего родственника. Ну а если тот, паче чаяния, передаст партизан в руки гестапо, то отвечать придётся тоже ему, а может, и всей его семье. Не нужно

объяснять, каков был бы ответ «по законам военного времени».

Полученную информацию Алексей принял к сведению, но ничего не предлагал и ничего не обещал. Когда стемнело, поблагодарил Дяченко за гостеприимство, крепко пожал ему руку, многозначительно сказав: «До скорого!» Тратить слова на предупреждения, чтобы о их визите никому не рассказывал, Ботян не стал: и без того было ясно, что старшина человек серьёзный и понимающий. Если же он вдруг работает на немцев, то тогда и подавно ни о чём предупреждать не надо. Подобная возможность, безусловно, не исключалась — война есть война. Гитлеровские спецслужбы тоже тщательно готовили своих сотрудников и агентов, тоже учили их вызывать доверие, казаться искренними и правдивыми, привлекать к себе людей, тщательно разрабатывали «легенды», умело готовили «ловушки», куда порой попадались даже опытные оперативники, не говоря уже о людях неискущённых. Понятно ведь, что родственник в гебитскомиссариате — приманка знатная, на такую партизаны вряд ли могли не клюнуть.

Однако Ботян почти не сомневался в искренности своего собеседника. И не потому, что он такой доверчивый — всё как раз наоборот.

«У папы было воистину звериное чутьё на опасность! Только потому он вышел целым и невредимым из всех своих передряг, — рассказывала нам дочь героя Ирина Алексеевна. — Он всегда знал, где и что его может поджидать, а потому как-то избегал всех ловушек. Именно — звериное чутьё!»

«Он мог бы сотни раз быть убитым, а уж десятки — это точно! — подтверждает Георгий Захарович Санников. — Если бы не его врождённое чувство опасности, на каком-то генетическом уровне... Мне кажется, он кожей опасность чувствовал, спиной

ощущал чужой взгляд. В общем, интуиция, основанная на опыте, — и что-то врождённое, наверное. К тому же великолепная реакция — поэтому он всегда на долю секунды опережал того противника, который нажимал на спусковой крючок. Кстати, у него до последнего была очень хорошая реакция! Ботян и в сто лет стрелял без промаха...»

Есть ещё и такой вариант: Алексея Николаевича хранили некие высшие силы — и не надо тут скептически улыбаться!

Однажды Ирина Алексеевна рассказала, как уже давным-давно, после войны, ехали они с папой куда-то к знакомым партизанам, по пути попали в жуткую грозу и заблудились. В конце концов Ботян остановил машину, чтобы узнать у гаишника дорогу. Тем временем к милиционеру кто-то подошёл... Но только Алексей Николаевич вылез из машины, как почувствовал, что у него развязался шнурок, и он, ругаясь, стал его завязывать. И тут вдруг в тех двоих шарахнула молния, и они, как сказала Ирина Алексеевна, просто развалились! Гаишник с тем вторым... А он подойти не успел. «Шестое чувство», судьба или действительно какие-то высшие силы?

В общении с Дяченко Ботян никакой опасности или угрозы не уловил, а потому по возвращении в отряд без всяких сомнений доложил обо всём Карасёву. Конечно, опытный Виктор Александрович понимал, что возможность нарваться на гитлеровскую «подставу» весьма велика, но, всецело доверяя Алексею, распорядился кратко: «Займись этим вопросом!»

В данном случае Ботян рисковал больше всех, хотя провал мог погубить и всю оперативную группу. А потому, хотя Алексей безусловно поверил этому Дяченко — ну или почти поверил, — он тщательно подготовился к следующей встрече. Через доверенных лиц в Овруче удалось кое-что узнать про того самого Каплюка:

нормальный мужик, не шкура, перед немцами не выслуживался, но работал на должности завхоза добросовестно и оккупанты ему доверяли. За домом старшины было установлено скрытое наблюдение, не давшее никаких результатов. Видели, что Григорий всё так же трудился по хозяйству, никуда не уходил, никого у себя не принимал.

Но всё это ровным счётом ничего не значило! Ботян прекрасно понимал, что самая незначительная мелочь — стоящий на подоконнике цветок или задёрнутая занавеска — может быть тем сигналом, который «снимет» какой-нибудь неприметный сосед, десять раз в день торопливо проходящий туда-сюда мимо окон Дяченко, и сообщит о появлении партизан, допустим, пастуху... Ну и так далее, по цепочке, пока информация не дойдёт до того самого гебитскомиссариата, где честно трудится родственник Дяченко или кем он там был на самом деле — вполне возможно, что такой же «подставой». Что может быть дальше, оставалось только гадать.

И всё-таки через три дня, 18 августа, под утро, Алексей, скрытно расставив троих своих бойцов вокруг дома старшины, осторожно постучал в дверь. Поздоровавшись, не стал вдаваться в разговоры, спросил сразу:

— Как Каплюка увидеть?

— Поехали! — спокойно и так же сразу предложил Григорий, явно ожидавший такого вопроса. — Садись на повозку! Полицаи меня все знают, проедем.

Ничего себе! Ехать в самое «логово» с человеком... ну, скажем так, не совсем проверенным. Чтобы решиться на это, нужно быть либо бесшабашным авантюристом высшей пробы, либо отважным человеком, способным просчитать всё до мелочей. Ботян просчитал: «в залог» Дяченко оставляет молодую красивую жену и всё своё справное хозяйство. Как крестьянин, Алексей понимал,

что его жизнь получает более чем надёжное обеспечение, и отвечал с де-ланым легкомыслием:

— Ну что ж, поехали! Запрягай!

— Подожди, тебе переодеться надо, — остановил его Дяченко.

Вскоре Алексей был одет так, как ходили местные жители: в длинную рубаху, широкие штаны-шаровары. Такая одежда была ему привычна и никоим образом не напоминала «маскарадную», что произошло бы, окажись на его месте городской житель. Григорий дал ему в руки какой-то кувшин:

— Держи вот это!

Вещь всегда как-то отвлекает внимание от самого человека, который её держит. Да и понятно: едет мужик на телеге, кувшин везёт — вопросов нет. А вот когда просто праздный мужик едет, то всякий невольно спросит: куда и зачем?

Каким-то путём у Григория даже оказался немецкий документ на имя некоего Роговского, жителя села Малая Черниговка, который он и передал Алексею.

Ботян подозвал одного из прятавшихся в кустах бойцов — пусть заодно старшина видит, что дом окружён, — и отдал ему свой автомат. Пистолет и гранату он засунул под рубаху, куда же без этого? Мало ли что может произойти — даже совершенно случайно...

«Ну, пришли мы к этому дядьке, познакомились, — рассказывал Алексей Николаевич, а мы, что называется, «превратились в слух», боясь пропустить хоть слово. — Причём Гриша так прямо ему и говорит: «Это советский партизан!» Вижу, что Каплюк не испугался, ничего, глаз не отводит. Хорошо! Тогда я говорю: «Яков Захарович, ты что, с немцами собираешься уезжать?» — «А что мне делать? У меня двое детей, жена — мне жить надо как-то». Прав он, по-своему, конечно! Вы ж не забываете, сколько людей оказалось на временно оккупированной территории и не по своей вине. У многих из них семьи,

дети, родители-старики, хозяйство. Если человек один, то он запросто в лес уйти мог. Хотя тоже нужно было знать, куда и к кому, а то ведь ещё и в банду какую попадёшь или в отряд лжепартизанский. А таким, семейным, им-то, действительно, что делать? Даже если крепкий и здоровый мужик... Про это ж соображать нужно, когда с местным населением общаешься! Иначе ни ты их не поймёшь, ни они тебя. Говорю: «Давай подумаем, что тебе делать. У немцев ты пользуешься доверием?» — «Хожу во все места, ничем не ограничен. Мне немцы очень доверяют», — он мне честно признаётся. Он был теплотехник, заведовал всей отопительной системой здания гебитскомиссариата. Я быстро понял, что это нормальный, надёжный мужик, что немцев он не любит, а про советскую власть сохранил достаточно тёплые воспоминания. Наша с ним беседа продолжалась длительное время, и мы сразу же подробно обсудили и скорректировали предложенный мною план. «Всё, — сказал я на прощание, — не беспокойся! Мы вывезем и тебя, и твою семью. Только давай, помоги нам!» Я вам сейчас так скажу: и он, Яков Захарович, и жена его, Мария, очень красивая женщина, — это была семья хорошая, великолепная! Замечательные люди оказались!»

Об успешной вербовке Алексей не без гордости доложил Карасёву, который ответил, что он и не сомневался в результатах... Так ли было на самом деле, сказать теперь трудно. Когда постоянно играешь со смертью, вряд ли можно быть в чём-то уверенным на все 100 процентов.

Буквально на следующий день Ботян повёл по направлению к деревне Малой Черниговке целый партизанский «караван» — 15 бойцов, нагруженных взрывчаткой. Где-то на лесной поляне, подальше от посторонних глаз, взрывчатку упаковали в мешки и, вынеся из леса, уложили на телегу; поверх этих мешков

уложили точно такие же, но с картошкой. «Груз» принял Григорий Дяченко, который совершенно спокойно повёз взрывчатку, килограммов, примерно, 150, в Овруч, прямо на квартиру Каплюка.

После того как все мешки были перенесены в подвал — родственники, Каплюк и Дяченко, настолько неторопливо и уверенно таскали их на глазах у немцев, что эти действия не вызвали никакого подозрения, — к Якову Захаровичу опять наведалься Ботян.

«Составив схему здания гебитскомиссариата и уточнив квартиры, где проживает руководящий состав немцев, я решил подорвать здание при помощи детонации двумя зарядами на расстоянии друг от друга 25 метров. Указал по схеме Каплюку место укладки зарядов (схема вместе с материалами нашего отряда зарыта в лесу в р-не дер. В. Мальцы).

Проработав окончательно схему укладки зарядов, я приступил к обучению укладке зарядов и производства взрывов. Обучение происходило один день у него на квартире», — писал Алексей Николаевич в своём «Докладе по Овручской операции»^[72]. Уникальный этот документ теперь хранится в Архиве Службы внешней разведки.

«Гебитскомиссариат, где работал Каплюк, находился в четырёхэтажном здании старинных, ещё дореволюционных, полковых казарм, — рассказывал Ботян. — До войны там располагались наши красноармейцы, поэтому казармы стали называться «будённовскими». Теперь там немцы, всё областное руководство, так сказать, расселилось. Там же были и все их административные службы... Придя на квартиру к Каплюку, я научил его, как подсоединять детонирующий шнур, как установить туда капсулю, подсоединить часы, чтобы взрыв в нужное время был. Была составлена подробная схема здания и определено, куда именно закладывать заряды... В конце концов мы заминировали

казарму, её подвалы, в тех частях здания, где немцы в вечернее время находились, и ждали момента, когда гитлеровцев там соберётся как можно больше...

Можно говорить, что заминировать здание гебитскомиссариата было не так уж и сложно: заведующий тепло-хозяйством мог беспрепятственно ходить по подвалам, таскать с собой большую коробку с инструментом, и на него немцы просто не обращали внимания, как не обращают внимания на добросовестную службу, чётко выполняющую свои обязанности. В здании тепло, вода из кранов течёт, унитазаы не подтекают — что ещё нужно? Гораздо сложнее было доставить взрывчатку в самую казарму. Тут уж её под видом картошки не пронесёшь, тем более что немцы имели обыкновение проверять всех входящих в здание местных жителей, как бы они им ни доверяли. Да это просто странно было бы, если бы кто-то из здесь работающих что-то с собой нёс в ту или в другую сторону. Чего ему было вносить или выносить? Все инструменты должны быть на работе, воровать отсюда ничего нельзя...

Выход нашёлся, но он был очень рискованный: пронести взрывчатку в здание взялась Мария, жена Каплюка. Каждый день, в одно и то же время, она, сопровождаемая двумя маленькими детьми — один был у неё на руках, другой держался за материнскую юбку, приносила своему мужу обед. Ведь если немцы обедали в столовой, то немногие работавшие в гебитскомиссариате украинцы — кто где придётся, столовая была не для них. Поначалу часовые пытались заглядывать в корзинку, где стояли какие-то горшочки и кастрюльки, но вскоре перестали. Или потому, что привыкли, или слишком смущали аппетитные ароматы украинских кушаний, каких в немецкой столовой при всём желании не найдёшь...

Вот и таскала Мария свой во всех отношениях смертельно опасный груз под самым носом немецких часовых. Конечно, пронести взрывчатку небольшими «порциями» было гораздо безопаснее, но тогда увеличивалось количество дней этой «работы» и не было никакой гарантии, что какой-нибудь солдат-новичок не захочет в конце концов проявить бдительность. В этом случае вариант мог быть только один: и жену, и мужа немедленно бы арестовали, чтобы нечеловеческими мучениями вырвать признание, откуда, от кого они получили взрывчатку. После этих пыток — вне зависимости, признались бы они или нет, вся семья, вместе с детьми, была бы расстреляна. Признание могло только сократить мучения, но не спасти жизнь...

Чтобы как можно скорее выполнить свою задачу, Мария закладывала в корзинку столько взрывчатки, сколько могла нести, не привлекая внимания тяжёлым грузом... Ну а Яков, неторопливо отобедав, — спешить было нельзя, это могло вызвать подозрение, — старался поскорее разложить взрывчатку по укромным местам, чтобы она никому не попала на глаза».

Смертельно опасная работа отважных патриотов Марии и Якова Каплюк продолжалась с 27 августа по 9 сентября. Долгие две недели!

В своём «Докладе по Овручской операции» Алексей Николаевич написал про 150 килограммов взрывчатки. Впечатляет, конечно! Но делаем элементарный расчёт и признаём сомнительным, чтобы женщина сумела незаметно пронести по десять килограммов взрывчатки в день. Да и Ботян теперь рассказывает, что взрывчатки было не меньше 100 килограммов. Но нам-то какая разница?! Главное — достигнутый эффект.

Ботян напряжённо следил за делами своих добровольных помощников: он каждый день получал информацию от Григория, который, опять-таки ежедневно, поддерживал связь с Каплюком.

Когда работа закончилась, Якову Захаровичу пришлось ещё несколько дней жить «на пороховой бочке», пока Ботян выбирал наиболее удачный день для взрыва. Об этом так было написано в докладной:

«Узнав о готовности к взрыву через Дяченко, я решил подождать приезда гебитскомиссариата (так в тексте; очевидно — гебитскомиссара. — А. Б.) и руководящих лиц. Время совещания узнал через секретаря гебитскомиссариата «фольгдойч»^[73] (фамилии не помню), — 13 сентября был намечен день взрыва. В этот день Дяченко передал Каплюку часовой механизм, подготовленный для взрыва на 2 часа ночи (по московскому времени)».

Признаем честно, что написано не очень толково, но сделаем скидку на то, что писалось в лесном лагере и более чем через полгода, а почему именно так — уточним позже.

Сам же Алексей Николаевич рассказывал, что к нему поступила информация о том, что в Овруч приезжает команда для борьбы с партизанами — какие-то очень «крутые» специалисты чуть ли не из самого Берлина, которые должны будут навести порядок в области. Руководство гебитскомиссариата их очень ждало! С немалым нетерпением ожидала их и та группа, которой руководил Алексей. Не было сомнений, что хваленые специалисты по контрпартизанской деятельности поселятся всё в тех же «будённовских казармах», где останавливались все «почётные» и прочие гости. Впрочем, вскоре и Яков Каплюк подтвердил, что места для них уже подготовлены.

Конечно, тут ситуация становилась рискованной до крайности. Одно дело, если бы приехали какие-то партийные функционеры, мастера красивых речей и звучных обещаний. Другое дело — реальные опытные спецы по борьбе с партизанами, которые могли тут же устроить своим «периферийным» коллегам, говоря

современным языком, «мастер-класс». Мол, господа хорошие, а вы когда своё здание проверяли? Когда-когда?! Так давно?! А нет ли у вас тут чего-то эдакого? Может, вы здесь, сами того не ведая, на партизанской mine сидите? А что, таких случаев — с «партизанскими минами» — было немало. Достаточно вспомнить, как ещё в сентябре 1941 года действовавшая в Киеве группа «Максима», сотрудника внешней разведки Ивана Даниловича Кудри, взорвала немецкую комендатуру и кинотеатр с вражескими солдатами...

Значит, во избежание неожиданностей здание нужно было взорвать буквально сразу после приезда «гостей». Благодаря своему информатору время прибытия долгожданных «дорогих гостей» Алексей знал заранее.

Утром 13-го, в понедельник, Дяченко передал Каплюку часовой механизм, сделанный из обыкновенного будильника, и повторил указание Ботяна: «Как пообедаешь, чтобы Марию и тебя все видели и пока ещё не искали, потом накручивай часы на одиннадцать и выводи семью...» По установленному здесь немецкому времени одиннадцать вечера, то есть двадцать три часа, соответствовали двум часам ночи по Москве.

С немецкой пунктуальностью «контрпартизанская команда» прибыла в Овруч точно в срок и расселилась в «будённовских казармах».

«К вечеру Каплюк с женой и детьми был в партизанском лагере, — с удовольствием рассказывал Алексей Николаевич, словно вновь переживая те события. — А потом мы все вышли на окраину леса и смотрели, когда произойдёт взрыв. Ну и ровно в одиннадцать оно грохнуло! Такое пламя было! Результат был очень хороший — начальник местного гестапо был уничтожен, гебитскомиссар и человек около восьмидесяти немцев... Немцы сразу догадались, кто это

сделал, моментально стали искать Каплюка, да где его найдёшь?!»

Обратимся опять к официальному докладу:

«13 сентября в 19 часов семья Каплюка была вывезена из города. В 2-х км от Овруча ожидала сопровождающая группа. В назначенное время вся группа, ожидая результата, слышала оглушительный взрыв, и пламя озарило всё небо. Я с 4 чел. остался в деревне Телятиче узнать результаты (со слов населения).

Через население и агентуру, имевшуюся в Овруче, установлено, что в результате взрыва было разрушено здание, где помещался гебитскомиссариат.

Убиты — гебитскомиссар и весь руководящий аппарат немцев в Овручской округе. Одновременно погибла оперативная группа гестапо под руководством Бокиша. Несколько трупов руководящего состава немцы самолётом отправили в Германию, остальные отправлены поездом в Житомир. В городе и районах была поднята большая паника. Прибывшее новое руководство отобрало подписку с остальных немецких служащих о невыезде с города и продолжении работы. Мозырьская, Овручская и Житомирская округи три дня носили траур. Немцами было взято большое количество заложников. Немцами было выпущено обращение к украинскому населению по выявлению виновных (подлинник листовки приложен к докладу). Установлены некоторые фамилии погибших: гебитскомиссар — Венцель, заместитель — Шмидт и ряд других, фамилии которых поданы в радиограмме.

Сотрудник оперативной группы — Ботян».

На докладе карандашом написана дата: «11 марта 1944 г.» — о ней мы уже говорили. Дата эта смущает, но в то же время свидетельствует в пользу следующей версии.

Как известно, за организацию подрыва Овручского гебитскомиссариата Ботян впервые был представлен к званию Героя Советского Союза. Известно также, что этого звания он не получил, несмотря на то, что операция кроме своего впечатляющего результата имела ещё и громадный пропагандистский эффект: партизаны смогли уничтожить целую команду «асов» по контрпартизанской борьбе, и вообще она была признана «классической». Как написано в одной из очень серьёзных книг по истории отечественного спецназа, «за эту операцию, которая входит в качестве примера в учебники по «дисциплине «Д», А. Н. Ботян представлялся к героическому званию»^{95}. Что такое «дисциплина «Д», объяснять не будем — кто не знает, пусть догадывается сам. Зато Валентин Иванович говорит, почему эта операция изучается сейчас в соответствующих высших учебных заведениях: «Овруч — это была классика в вопросах проникновения на объект, в вопросах доведения до логического конца оперативного замысла — и затем вывоз исполнителей в партизанский отряд. Всё было сделано без сучка, без задоринки — от самого начала и до самого конца».

Причину же неприсвоения звания принято объяснять тем, что Алексей Николаевич служил и воевал в рядах Польской армии. Объяснение это по сегодняшним меркам выглядит вполне логичным — мол, судьбы героев, замечательных людей решали бездушные бюрократы в Центре.

Однако один из генералов Службы внешней разведки, ныне пребывающий в отставке и очень давно знакомый с Ботяном, сказал, что в данном случае причина всему кроется в том, что был сбит самолёт, который вёз в Москву представление на звание Героя, подписанное командиром отряда майором Карасёвым. О том, что случилось, в отряд из Центра могли и не сообщить. Зато и Ботян, и Виктор Александрович

Карасёв, и все другие были уверены, что представление «пошло» и совершает свой непростой и долгий путь по кабинетам... Ну, никто, как говорится, и не дёргался: мол, всему своё время. Звонить в Центр, чтобы «ускорить решение вопроса», тогда было не принято. И у командира душа была спокойна: представление написал, отправил — то есть сделал всё, что мог. Кстати, это представление могло «перебить» дорогу и второму: он же уже представлен, подождём, пусть первое представление удовлетворят. В общем, всякое бывало! И далеко не всегда по какому-то злему умыслу. Хотя объяснять произошедшее именно «злым умыслом» будет всегда выигрышнее и надёжнее.

Конечно, этот самолёт вёз и многие другие документы, в том числе по Овручской операции. И вот, как оказалось, какие-то из этих документов вдруг кому-то понадобились, иначе зачем же Ботяну вдруг пришлось писать свой доклад в марте 1944 года — через полгода после события? Такие отчёты составляются сразу. Но, значит, такого доклада просто не было в наличии. Потеряться документ с грифом «Совершенно секретно» не мог. А потому версия с погибшим самолётом подтверждается...

Как бы то ни было, но звание Героя Советского Союза Алексей Николаевич тогда, к сожалению, не получил, хотя вполне его заслуживал. Это признавали и его командиры военной поры, которые в 1965 году направили руководству КГБ СССР ходатайство о восстановлении справедливости — к этому письму мы уже обращались. В ходатайстве была подробно описана операция по подрыву гебитскомиссариата вместе со всем, так сказать, его содержимым:

«Почти четверть века мы знаем Алексея Николаевича Ботяна. На наших глазах проходит его жизнь, жизнь, посвящённая беззаветному служению Родине на самых острых участках борьбы...

По мере развёртывания боевых действий А. Ботяну даются более ответственные поручения. Так, при возникновении замысла, а затем и плана взрыва здания гебитс-комиссариата в гор. Овруч Житомирской области УССР, осуществление операции было возложено на группу во главе с А. Ботяном. В течение месяца А. Ботян и его группа вынесли с лесной базы и через привлечённых местных патриотов переправили и заложили в котельной зданий гебитс-комиссариата свыше 200 кг взрывчатки. На последнем этапе была установлена мина с часовым механизмом. Привлечённые Ботяном участники подготовки взрыва (семья Каплюк, Г. В. Дяченко и др.) под благовидным предлогом были вывезены из города. Взрыв произошёл в обусловленное время, при этом было уничтожено до 300 человек съехавшихся на совещание немецких управителей городов и районов, палачей и душителей украинского и белорусского народов.

Взрыв гебитс-комиссариата вошёл в историю под именем «Овручской операции», ещё тогда командование сводных отрядов возбуждало перед руководством 4-го управления КГБ^[74] вопрос о присвоении А. Ботяну звания Героя Советского Союза.

С уважением,
быв. командир оперчекгруппы^[75],
б. командир партизанского соединения
имени А. Невского,
Герой Советского Союза В. А. Карасёв;
быв. командир оперчекгруппы,
зам. командира партизанского соединения по
разведке,
подполковник в отставке П. Р. Перминов».

Ветераны — хотя к 47-летнему в пору написания этого письма Карасёву такое понятие применить довольно трудно, да и Перминов был где-то того же возраста — учли «начальственную психологию» и

несколько завысили все цифры. Сотня (если не меньше) килограммов взрывчатки превратилась в два центнера, две недели работы по закладке взрывчатки — в месяц, а 80 уничтоженных высокопоставленных чиновников, гитлеровских офицеров и карателей — в три сотни...

Получилась очередная легенда про Ботяна, которая нашла своё отражение не только в последующих газетно-журнальных публикациях, но и в официальных документах.

Вот, для примера, выдержка из справки по хранящемуся в Архиве СВР России архивному делу «Курган № ...» о боевых операциях, проведённых руководителем группы разведки тов. Ботян А. Н. в тылу врага за период Великой Отечественной войны»: «По заданию командования соединения, в сентябре 1943 г. организовал и провёл подрыв здания гебитскомиссариата в г. Овруч, Житомирской области, где в это время проходило совещание управителей городов и районов оккупированной территории Украины и Белоруссии. В результате успешного проведения этой операции было уничтожено до 300 гитлеровцев и их прихвостней, в том числе три высших офицера».

А может, всё действительно так и было? Просто Алексею в своё время не удалось точно выяснить число уничтоженных им гитлеровцев — вот он и занижил количество потерь... Не исключается.

Однако вернёмся к письму Карасёва и Перминова. Они написали всё правильно, да вот только сделали это слишком поздно. Их ходатайство было датировано 6 апреля 1965 года, а уже через месяц страна впервые торжественно отмечала юбилей Великой Победы — её двадцатилетие.

В канун этой торжественной даты звание Героя Советского Союза было присвоено Маршалу Советского Союза Фёдору Ивановичу Толбухину, военному разведчику полковнику Льву Ефимовичу Маневичу

(«Этьену»), разведчице отряда «Неуловимые» Татьяне Мариненко, пионеру Марату Казею... Всем — посмертно.

Отмечали также и живых, но... Если бы ходатайство было написано где-нибудь за год до торжественной даты, то вполне возможно, что Алексей Николаевич Ботян получил бы тогда заслуженную «Золотую Звезду». Известно, что в КГБ при Совете министров СССР действовали достаточно оперативно, очень быстро подготовив документы и передав их в соответствующие «инстанции», но там, «наверху», сработали железные «чиновничьи правила»: не успели к юбилею — извините! Ждите следующего... Только не забудьте загодя начать всё по новой, а то опять, так сказать, «облом» будет!

За успешное проведение операции Яков и Мария Каплюк были награждены орденами Красного Знамени. Такой же награды примерно в то же время был удостоен и Алексей Ботян — не то за взрыв гебитскомиссариата, не то по совокупности заслуг, потому как судьба его представления на звание Героя Советского Союза оставалась, очевидно, неизвестной.

«Каплюки находились в лагере до прихода Красной армии, — уточнил Алексей Николаевич, — а потом, когда прогнали немцев, они вновь возвратились в родные края. Я с ними после войны встречался...»

И ещё несколько слов — относительно того самого «звериного», «врождённого», или как там ещё, чувства опасности.

Однажды случилось так, что Алексей ходил в разведку с предателем. Вдвоём дошли до деревни, затаились близ околицы, понаблюдали, присмотрелись и поняли, что в деревне немцы. Ну, полежали, понаблюдали и, никем не замеченные, потихоньку ушли в лес и благополучно вернулись в отряд.

А ночью его напарник исчез: как поняли, ушёл к гитлеровцам, другие варианты тут вряд ли возможны, хотя есть некоторая вероятность, что он дезертировал и где-то от всех схоронился.

«Наверное, мне просто повезло, — рассуждал, рассказывая нам про этот случай, Алексей Николаевич. — Он мог бы меня пристрелить ещё там, в лесу, или на подходе к деревне. Моментов-то у него для этого уйма была! И сразу бы показал немцам, кто он такой...»

Нам кажется, что Ботян тут немножко лукавил: не было у предателя такой «счастливой» возможности, не было даже таковых намерений, а потому Алексей и не почувствовал опасности. Возможно, его напарник «сломался» именно тогда, когда увидел вооружённых гитлеровцев буквально в двух шагах от себя и лежал в кустах, обливаясь от страха холодным потом. Противник рядом — это зрелище не для слабодушных, а потому он и решил ночью сбежать. Если же он давно, как говорится, «вынашивал изменнические планы», то знал, что первым в Ботяна ему выстрелить не удастся, что Алексей опередит его хотя бы на доли секунды... Чего тогда дёргаться? Чтобы бесславно умереть предателем?

Вот потому и не сработал тогда у Ботяна «звоночек», потому и вернулись они оба из разведки живыми и невредимыми.

Глава восьмая

СПАСТИ КОМИССАРА ФИЛОНЕНКО

Удивительно, но даже в официальном документе, составленном людьми, которые всю жизнь писали не рассказы или очерки, а оперативные отчёты, можно почувствовать литературный талант!

Карасёв и Перминов пишут: «Всегда в движении, всегда на задании. Таким был А. Ботян». Образно? Безусловно! Любой, кто знал Алексея Николаевича, подтвердит, что это всё о нём. Или вот как в том же ходатайстве описан эпизод, к которому мы ещё вернёмся: «...в рядах партизан наступило замешательство и паника. Но ворвавшийся в их ряды А. Ботян приостановил отступление...» Видите? Не «прибывший», не «подоспевший», как обычно пишется в официальном отчёте о ходе боя, а «ворвавшийся». В одном этом слове весь наш герой! Стремительный, решительный, бесстрашный, шумный, азартный, горячий... И это далеко не все образные описания, увиденные нами в архивном документе.

Вот и гадай: то ли партизанские командиры были людьми такими талантливыми, то ли сама личность Ботяна «пробивает» людей на творчество?

Итак, подвиг был совершён, представление на присвоение звания Героя Советского Союза отправлено в Москву. В идеальных условиях нужно было бы как следует отдохнуть, в реальных же — забыть обо всех представлениях и подвигах и продолжать тянуть свою лямку...

«А ведь сколько я в боях был, и всё время, конечно, вместе с людьми, — вспоминал Алексей Николаевич. — Сперва — обыкновенным солдатом, потом — командиром. И должен сказать, я пользовался у своих подчинённых большим авторитетом».

Что ж, Ботян себе цену знал, и то, что он говорил, не вызывало ни малейшего сомнения. Зачем кривить душой и скромничать? Что было — то было, и подтверждений этому можно привести немало.

Недаром же командиры «Олимпа» впоследствии писали:

«С особой силой развернулись незаурядные способности А. Ботяна как разведчика при выходе партизанского соединения в рейд на Запад. Владея польским, украинским и белорусским языками, А. Ботян, возглавляя группу разведчиков, легко находил и устанавливал контакт с местным населением, при их содействии получал ценные разведывательные сведения, данные о базировании и вооружении гитлеровцев и банд оуновцев. При активном участии А. Ботяна были разоблачены и расстреляны засланные в рейдирующее соединение два фашистских агента.

В октябре 1943 г. соединение на марше с ходу атаковало батальон противника в районе Яблоне-Костополь. А. Ботян успешно действовал на левом фланге, воодушевляя бойцов личным примером. Батальон был разгромлен, взяты богатые трофеи.

29 октября 1943 г. соединение вышло на реку Горынь против города Степань. А. Ботян под огнём противника нашёл место переправы, обеспечил переправу соединения, после чего проявил храбрость в уличных боях в г. Степани. После нескольких часов боя противник был выбит из города.

Смелость, отвагу, храбрость проявил А. Ботян в тяжёлых, кровопролитных боях в треугольнике Ковель — Сарны — Луцк».

Один из перечисленных эпизодов был даже включён в докладную записку, подготовленную для членов Государственного Комитета Оборона и руководства НКВД народным комиссаром государственной безопасности СССР Меркуловым^[76]:

«Оперативной группой, действующей в Ровенской области УССР под руководством капитана Карасёва, пущено под откос восемь воинских эшелонов, разбито восемь паровозов, 50 вагонов, взорван один шоссейный мост, уничтожено 10 автомашин, убито и ранено до 480 солдат и офицеров противника. 27 октября группа Карасёва совершила нападение на две роты 202-го полицейского батальона, передвигавшегося из м. Березно в г. Костополь.

В двухчасовом бою противник потерял убитыми до 80 человек. Остатки батальона, побросав вооружение, скрылись в лесу.

Оперативной группой захвачен обоз в составе 30 подвод с вооружением и боеприпасами, документы штаба и канцелярии, дела гестапо, печати и разная переписка...»^{96}.

Впрочем, остальная часть этой докладной записки нам тоже достаточно интересна, так как она посвящена результатам диверсионной и боевой деятельности оперативно-чекистских групп в тылу врага в октябре 1943 года:

«В октябре текущего года в тылу противника действовало 124 оперативные группы НКГБ СССР общей численностью до 5800 человек.

Из них: оперативных групп НКГБ СССР — 43, оперативных групп НКГБ Белорусской ССР — 55, оперативных групп НКГБ Украинской ССР — 4, оперативных групп различных УКГБ — 22.

По данным, поступившим в октябре 1943 г., нижеперечисленными оперативными группами проведены следующие операции: пущено под откос

эшелонов противника с живой силой, техникой и вооружением — 88; пущено под откос бронепоездов — 1; уничтожено и повреждено паровозов — 161; разбито вагонов, платформ и цистерн с горючим — 962; уничтожено автомашин — 98; уничтожено танков — 5; сбито самолётов — 2; взорвано различных предприятий местной промышленности (лесопильные, другие заводы, мельницы и т. д.) — 8; уничтожено различных складов — 6; взорвано железнодорожных мостов — 6; взорвано шоссейных мостов — 13; уничтожено телеграфно-телефонной связи — 15 350 м; взорвано железнодорожных рельсов — 1744 шт.

При крушении поездов и в боевых столкновениях с противником убито и ранено свыше 4400 солдат, офицеров и полицейских...»[{97}](#).

Вот уж действительно «земля горела под ногами у оккупантов». Причём не только у рядовой фашистской сволочи и их местных прихлебателей, но даже и у очень больших гитлеровских начальников.

В ночь на 22 сентября 1943 года в Минске завершилась полуторагодовая «охота»: был взорван генеральный комиссар Белоруссии гауляйтер Вильгельм Кубе. Из тех пяти оперативных групп, которые охотились «за генеральным», успех улыбнулся группе Ивана Фёдоровича Золотаря (или Злоторя). Непосредственными исполнительницам этой акции — Елене Мазаник, Марии Осиповой и Надежде Троян — было присвоено звание Героя Советского Союза. Иван Золотарь (запомним это имя, очень скоро мы с ним встретимся!) был награждён орденом Ленина.

«Вы знаете, читая какие-то документы, что-то просматривая и анализируя самостоятельно, я пришёл к такому выводу: у Павла Анатольевича Судоплатова был такой бзик — или это был бзик у высшего руководства... — говорит Валентин Иванович. — На первом месте в работе 4-го Управления НКВД, а потом —

НКГБ, должна была стоять ликвидация «первых лиц» германской администрации на оккупированной территории... То есть самым главным для наших «партизан» были «первые лица».

Отразилось это и на ОМСБОН.

«В октябре 1943 г. бригада была полностью переориентирована на выполнение спецзаданий командования в тылу врага и переименована в Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР»^[98].

О том же, но более подробно: «В октябре 1943 г. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР была передана в НКГБ СССР. Бригада была реформирована в Отдельный отряд особого назначения (ОСНАЗ) НКГБ СССР со штатной численностью 1650 человек: 1-й мотострелковый полк — в 1-й парашютно-десантный батальон, а 2-й мотострелковый полк — во 2-й парашютно-десантный батальон минёров»^[99].

Одним из важнейших заданий, которое было поставлено в то время перед многими омсбоновскими подразделениями, была ликвидация бывшего генерал-лейтенанта РККА Власова^[77], перешедшего на сторону противника и возглавлявшего так называемую «Русскую освободительную армию».

Вот что говорилось в докладной записке НКГБ СССР, представленной в Государственный Комитет Обороны 27 августа 1943 года:

«Созданный немцами «Русский комитет», как известно, возглавляется изменником Родины бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии Власовым А. А. (впредь именуемым «Ворон»).

«Ворон», проживая постоянно в районе Берлина, периодически посещает города Псков, Смоленск, Минск, Борисов, Витебск, Житомир и другие, где немцами организованы отделения «Русского комитета» и части «Русской освободительной армии».

В целях ликвидации «Ворона» проводятся следующие мероприятия:

(далее идут перечисления: I. По г. Пскову. II. По г. Смоленску. III. По г. Минску. IV. По г. Витебску. V. По районам Калининской области. — А. Б.)».

Затем под номером «VI» указано:

«Задания о подготовке необходимых мероприятий по ликвидации «Ворона» нами даны также следующим оперативным группам НКГБ СССР, действующим в тылу противника:

1. Оперативной группе тов. Лопатина, находящейся в районе г. Борисова.

2. Оперативной группе тов. Малюгина, находящейся в районе городов Жлобин — Могилёв БССР.

3. Оперативной группе тов. Неклюдова, находящейся в районе Вильно — Молодечно БССР.

4. Оперативной группе тов. Рабцевича, находящейся в районе Бобруйск — Салинковичи БССР.

5. Оперативной группе тов. Медведева, находящейся в районе г. Ровно, УССР.

6. Оперативной группе тов. Карасёва, находящейся в районе Овруч — Киев, УССР.

Руководителям перечисленных оперативных групп предложено изучить условия жизни и быта «Ворона», состояние его охраны, своевременно выявлять и доносить в НКГБ СССР данные о местопребывании и маршрутах следования «Ворона»...»^{100}

Честно говоря, господин Власов вполне мог бы гордиться тем, какое значение придаётся его достаточно скромной и малосимпатичной персоне! Наркомат государственной безопасности СССР привлекал для его розыска и поимки 17 оперативных групп общей численностью свыше 2600 человек. (Можно отметить, что все вышеназванные командиры оперативных групп, кроме П. Г. Малюгина, были впоследствии удостоены звания Героя Советского

Союза; впрочем, Малюгин не был обойдён другими высокими государственными наградами.) Но, к сожалению, все их старания были тщетны: Андрей Андреевич Власов оставался непоиманным до самого конца существования германского рейха. Потом генерал пытался бежать к американцам, но был задержан своими соотечественниками — воинами Красной армии, судим военным трибуналом и повешен 1 августа 1946 года...

Но это будет потом, а пока оперативные отряды продолжали своё активнейшее участие в боевых действиях. Только не нужно спешить с выводами, что «вольнолюбивые командиры партизанских отрядов» поступали так вопреки указаниям Центра, ориентировавшего их на ликвидацию высокопоставленных гитлеровских чиновников. Мол, это был их скрытый протест против «сталинизма», «тоталитаризма», «советской системы» и ещё неведь чего! А что, такую «историю» у нас сегодня вполне могут придумать! Приходится же порой читать, что партизаны 1812 года — это некие «военные либералы», «военная оппозиция», «военная богема, воодушевлённая презрением к официальному, бюрократическому духу армии»^{101}. Таким образом, автор ничтоже сумняшеся записал в число «либералов» блистательных партизан Отечественной войны 1812 года графа Бенкендорфа, возглавлявшего потом знаменитое Третье отделение и Корпус жандармов, и светлейшего князя Чернышёва, ставшего военным министром и председателем Государственного совета — в общем, виднейших «столпов» николаевской бюрократии.

Вот так же и сейчас иные наши исследователи буквально каждое лыко в строку вяжут, каждое неосторожное слово используют (с гораздо большей настойчивостью, нежели столь нелюбимые ими следователи НКВД!), чтобы увеличить число

недовольных «системой» и противников пресловутого «сталинизма»... Кого в их ряды только не записывают! Ну да ладно, речь не о том.

Воевать было необходимо, потому что оперативным группам, находящимся за линией фронта, со всех сторон окружённым противником, — притом не только явным, как гитлеровские карательные отряды, — не воевать было нельзя...

«Отметим оставшийся неизвестным эпизод, характеризующий А. Ботяна. В ноябре месяце 1943 г. по приказу Центра производилось разоружение и арест лжепартизанского отряда Вуйка. В доме, когда был подан сигнал к обезоруживанию, один из подлежащих аресту успел выхватить парабеллум и нацелился на комиссара соединения. Ботян, рискуя собой, молниеносным движением отвёл пистолет. Раздавшийся выстрел не достиг цели. Комиссар был спасён», — писали в своём представлении бывшие командиры Алексея Николаевича в 1965 году.

На этом эпизоде следует остановиться подробнее.

О том, что такое лжепартизанские отряды, мы уже рассказывали...

«Попробуй пойми в лесу, кто идёт тебе навстречу! — говорит Георгий Захарович Санников. — Идёт боец по своему маршруту — допустим, боковое охранение, и видит: такие же, как он, идут, один к одному! Тем более оуновцы любили звёздочку надевать, погоны наши, ордена — особенно активно они это делали после войны. Так что никогда не знаешь, кто идёт на тебя, с кем ты встретился. Это была колоссальная сложность — вроде бы все свои! Все грязные, все вшивые, все вонючие! Тут важно было определить и опередить, суметь выстрелить первым, что успешно делал Ботян».

Но это когда просто встреча. А когда идёт оперативная игра? Когда не просто какие-то отряды сталкиваются лоб в лоб — постреляли и разбежались, но

когда перед опергруппой стоит конкретная задача уничтожить противника? Точнее, такая задача стоит перед обоими отрядами — и кто тут кого переиграет, когда и те как бы «советские партизаны», и другие как бы «советские партизаны», — огромный вопрос.

Первым начать стрелять совсем не сложно, но тогда можно просто спугнуть банду, в лучшем случае ликвидировав одного-двух боевиков. Гораздо сложнее успеть выстрелить первым в тот самый роковой момент, когда уже нет путей назад и враг, собрав все свои силы, готовится нанести упреждающий удар.

«Про этот случай я помню так, приблизительно, — рассказывал Алексей Николаевич. — Дело было где-то на Западной Украине. Там были бандеровские националисты — лжепартизанский отряд, как это называлось. Ну и встал вопрос: как их поймать? Главное, конечно, их руководство поймать! Не знаю уж, кто разработал такой план — Карасёв, начальник разведки Перминов или кто ещё, но было решено захватить их руководство. И тогда мы превратились во власовцев. В антисоветчиков! Это было совсем не сложно — там было достаточно один раз подойти к населению, себя, скажем так, показать, чтобы они уже все знали, кто есть кто. Мы постарались, и местные поняли: приехали власовцы. Шум пошёл — антисоветчики! Таким-то образом мы и установили связь с этими лжепартизанами. Они — лжепартизаны, мы — лжевласовцы. Ничего? А как убрать руководство можно было? Только при личном контакте, причём на высшем, так сказать, уровне, на командирском. Нам же их руководители были нужны, а те на встречу абы с кем не пойдут. В общем, договорились о встрече, чтобы о делах поговорить и знакомство отпраздновать. Сделали застолье — самогон и тому подобное. Но те-то тоже не дураки, они, конечно, пришли с охраной. Большие сидят за столом, а я стою у двери. Мне сказали: «Стой, и как только...» Знали, что я

стреляю очень хорошо. Я безукоризненно стрелял — на 25, на 50 метров всё в точку попадал. Рука хорошая была, зрение хорошее, а потом и к пистолету привык, к его спуску. У меня был «парабеллум», я его с собой всегда носил. Я и до сих пор стреляю неплохо!»

Ботян усмехается. Когда Алексей Николаевич нам это рассказывал, ему уже (или ещё?) было 96 лет. Если честно, то человеку и в менее солидном возрасте, когда он начинает вспоминать свою лихую молодость, не очень-то верят — мол, ну, дед, ты даёшь! Вспомнил! Это ж когда было, если вообще было! Но из самых компетентных источников нам известно, что и на десятом десятке Ботян регулярно бывал в тире и что результатам его стрельбы завидовали иные достаточно молодые действующие сотрудники соответствующего ведомства. А что было 70 лет назад?! Ответ предельно прост: если бы он не умел стрелять без промаха, то и этой книги не было бы — за давним отсутствием в живых её героя...

Но, как нам говорили многие, он всегда успевал выстрелить чуть раньше, чем враг.

Вернёмся к рассказу Алексея Николаевича:

«Ну, все сидят, пьют, дым коромыслом, народ уже немного расслабился, как вдруг наш комиссар — Филоненко его фамилия была, говорит громко: «Самолёт прилетел!» Бандеровцы так удивлённо посмотрели, а мы-то знали, что это команда была: братъ живьём! Роли наши были распределены, каждый знал, кого он хватать должен, но тут я вижу, что один охранник достаёт пистолет — и на Филоненко! Я увидел издали — и хлоп! А ведь людей вокруг много было... И всё-таки я попал сразу, убил его!»

Вот и вся история. На этом, наверное, можно было бы и закончить рассказ об этом эпизоде, если бы не личность самого комиссара отряда — Михаила Ивановича Филоненко.

Можно вспомнить, что, когда мы говорили о легендарных людях, оказавшихся в рядах Особой группы, мы заметили, что Алексей тогда не слышал почти ни о ком из них. Так вот, за этим словом «почти» и скрывался Михаил Филоненко.

Он вообще был личностью незаурядной. «Ещё во время учёбы в школе, а затем и в институте преподаватели предсказывали Михаилу, что своё истинное призвание он найдёт на поприще точных наук. А известные шахматисты не сомневались, что он станет гроссмейстером с мировым именем. Однако судьба распорядилась иначе: после института он пошёл во внешнюю разведку органов госбезопасности. Во время войны Михаил... служил в 4-м Управлении НКВД...»^{102}.

В том же управлении служила и другая незаурядная личность — Анна Фёдоровна Камаева^[78], о чём мы говорим без какой-либо иронии. Потом эти люди встретились и в 1955 году, став мужем и женой, уехали в далёкую Бразилию — в качестве разведчиков-нелегалов.

«Через год Михаил уже завоевал репутацию серьёзного и преуспевающего бизнесмена, часто ездил по континенту, заводил связи среди крупных чиновников, представителей военной и аристократической элиты Латинской Америки, в деловых кругах...»^{103}.

Казалось бы, чем могли помочь «преуспевающему латиноамериканскому бизнесмену» опыт «партизанской» деятельности, школа ОМСБОН? А ведь именно этот опыт открыл для бывшего комиссара очень серьёзные оперативные возможности.

«Михаил подружился даже с парагвайским диктатором Стресснером. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрелкового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел, как метко стреляет элегантный коммерсант, и пришёл в неопиcуемый

восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться на крокодилов. В беседах с разведчиком был предельно откровенен. Подобной «чести»^[79] удостаивались лишь избранные.

В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов регулярно поступала актуальная политическая информация»^{104}.

К сожалению, весьма успешная и результативная работа супругов-нелегалов на южноамериканском континенте продолжалась не так уж долго: в начале 1960 года Михаил Иванович перенёс обширный инфаркт, что серьёзно сказалось на состоянии его здоровья. В июле того же года в Центре было принято решение отозвать его на родину, так что дальнейшую свою службу супруги проходили в центральном аппарате Первого главного управления КГБ СССР.

Можно без всякого сомнения сказать, что если бы не тот удачный выстрел Ботяна — никто и никогда не узнал бы про замечательную пару супругов-нелегалов Филоненко и Камаеву.

Впрочем, тогда Алексей спас своего комиссара в первый раз — а ведь будет ещё и второй...

«Тем временем боевая работа IV Управления продолжалась. Разведчики В. А. Карасёва получили и сообщили в Центр сведения о системе немецких укреплений на правом берегу Днепра — так называемом Днепровском вале. Эти данные были учтены командованием Красной армии при наступлении в октябре — ноябре 1943 года на Киев (захват плацдармов на Днепре)»^{105}.

Кстати, проведением этой операции руководил Михаил Филоненко.

«Именно в такие напряжённые дни, когда диверсионные группы отряда пускали под откос фашистские эшелоны (только в сентябре 1943 года было

подорвано 7 составов), комиссар отряда «Олимп» Филоненко М. И. выполнил одно из ответственных заданий Центра — с несколькими помощниками обследовал на значительном протяжении так называемый «Восточный вал», за которым гитлеровцы предполагали задержаться, отступая после поражения на Курской дуге. Как раз тогда и было обнаружено уязвимое место немецкой обороны, а эти разведсведения сыграли немалую роль при выборе плацдарма по освобождению Киева»^{106}.

«Менее чем через год борьбы в тылу возмужавшему и выросшему как боевой офицер А. Ботяну командование предлагает занять должность заместителя, а затем и начальника штаба крупного к тому времени соединения. А. Ботян предпочёл непосредственно боевую и разведывательную деятельность, независимо от должности», — писали в повторном представлении на присвоение звания Героя Советского Союза Карасёв и Перминов.

Действительно, Алексей Николаевич не был штабником и даже, как говорят близко знавшие его люди, не являл собой ярко выраженного лидера — в смысле, того человека, который всегда «возглавит и поведёт за собой».

«Он был человеком команды, человеком коллектива, — рассуждает старый друг Ботяна генерал-майор, которого назовём Ростиславом Михайловичем. — Поверьте, он не пошёл бы безоглядно вперёд, абсолютно уверенный, что остальные двинутся за ним — нет, он всегда бы оглянулся, посмотрел, что рядом с ним происходит, как коллектив? А вскоре потом проявлялись его лидерские качества — но не сразу!»

Так не всем же играть самые «первые роли»! Ботян, как говорится, «по жизни» был скорее «второй»: он мог тут же подхватить и развить толковую идею, сделать

всё, чтобы её выполнить. Причём не только сам выполнял, но и делал так, что все будут выполнять сообща, вот тут он умел организовать вокруг себя людей. Скажем также, что он умел не только увлекать, но и даже воодушевлять. Как нам кажется, в коллективе Алексей Николаевич выступал в роли «вечного двигателя», что было неудивительно при его буквально до последних дней сохранявшихся оптимизме и неиссякаемой энергии.

Вот и тогда, в годы Великой Отечественной войны, не примеривая на себя высоких должностей, Ботян воевал в качестве рядового бойца, потом — командира небольшой оперативной группы. Как мы уже знаем, воевал он очень хорошо, хотя рассказ о многих его подвигах ещё впереди...

«В октябре 1943 г. при форсировании реки Горынь, под сильным огнём противника, быстро и умело организовал переправу соединения, что обеспечило занятие местечка Степень и дало возможность успешно атаковать батальон противника в районе Яблонне — Костополь. Действия подразделения под командованием тов. БОТЯНА, воодушевляемого его личным примером, предопределили полный разгром этого батальона противника», — указано в справке по архивному делу «Курган».

Можно, конечно, постараться подробно описать, как бойцы отряда пытались под покровом предутреннего сумрака переправиться через реку, но были замечены гитлеровцами... Внезапно вспыхнула суматошная стрельба, над рекой зависли сигнальные ракеты, но наши бойцы всё равно бросались в холодную осеннюю воду и плыли, держась за специально сделанные для этой переправы «поплавки»... Но ведь подробно, во всех деталях, про это сегодня вряд ли кто расскажет: для Алексея Николаевича эта переправа — один из многих десятков боевых эпизодов, подробности

которых давно уже стёрлись из памяти. Других участников этого боя давным-давно нет на свете. А потому предоставим нашим читателям возможность самим, в меру собственного воображения, реконструировать впечатляющую картину ночного форсирования реки и последующего боя, завершившегося полным разгромом батальона противника.

В то время когда одни союзники сражались, другие спешили решить свои «наболевшие» вопросы, договаривались «против кого» дружить, размышляли о перспективах послевоенного переустройства мира.

Так, исследовательский департамент министерства иностранных дел Англии подготовил меморандум, в котором постарался спрогнозировать вероятные тенденции послевоенной внешней политики СССР. Очевидно, не без участия известного нам «Мольера», Джона Кернкросса, этот документ вскоре стал известен в Москве.

В шестнадцатом пункте меморандума довольно обоснованно предполагалось:

«Советское правительство будет настаивать на возвращении ему территорий, лежащих к востоку от границ 1941 года, которые находились под польским владычеством с 1920 по 1941 год, и будет, возможно, толкать Польшу на поиски компенсации за счёт Германии. Трудно предположить, чтобы он [СССР] вмешивался во внутреннюю политику Польши, если польская политика не будет недружелюбной к Советскому Союзу. СССР будет настроен против создания федераций на пространстве между Балтийским и Эгейским морями».

Ах, Польша, опять всё та же Польша! Как видно, не давала она покоя европейским политикам, и те заранее готовили её на роль «яблока раздора»... Или же она

сама себя готовила, вновь занявшись плетением интриг? Причём основным противником оказалась не гитлеровская Германия — это было бы вполне логично, ибо в данный момент она оккупировала всю польскую территорию и планомерно осуществляла геноцид польского народа, — а Советский Союз, выдерживающий основную тяжесть борьбы с фашизмом. Конечно, определённые претензии к СССР польское правительство имело, но ведь не по вине советского руководства оно оказалось в Лондоне! Хотя согласимся, что Лондон — далеко не худшее место пребывания, тем более для «правительства в изгнании».

Тем временем отношения между нашим государством и «виртуальной» Польшей оказались настолько напряжены, что 25 апреля 1943 года были вообще разорваны. Причина в том, что польские воинские части формировались на территории СССР, после чего благополучно покидали гостеприимную русскую землю, никак не желая помогать приютившему их народу, который тем временем дрался с гитлеровцами...

Польская разведка, о чём говорилось в одном из сентябрьских сообщений НКГБ СССР, вновь активно заработала против... чуть было не написал «своего восточного соседа», хотя при отсутствии самой Польши как таковой (немцы не только оккупировали её территорию, но стёрли с географической карты даже само название «Польша», переименовав её в безликое «генерал-губернаторство») соседней она иметь просто не могла. Зато противников, как представлялось польским руководителям, спецслужбам или кому-то там ещё, это «виртуальное государство» имело. Точнее — одного противника.

«По данным НКГБ СССР, польские разведывательные органы за границей, в частности филиал 2-го (разведывательного) отдела штаба Польской армии в

Иране, значительно активизировали свою деятельность против СССР.

Установлено, что находящиеся в Иране сотрудники «Двуйки» принимают меры к восстановлению связи с оставшимися на территории СССР резидентурами польской разведки, внедрению своей агентуры в формирующуюся в Советском Союзе польскую дивизию им. Костюшко, подготовке к организации террористических актов против руководства «Союза польских патриотов» и командования польской дивизии.

В июле сего года на одном из участков советско-иранской границы задержан эмиссар польской разведки, который показал, что на территорию СССР он был направлен 2-м отделом штаба Польской армии с задачей вступить в ряды польской дивизии им. Костюшко и установить связь с имеющейся там агентурой...»[{107}](#)

Напомним, что 1-я польская пехотная дивизия им. Костюшко и «Союз польских патриотов» имели своей задачей борьбу с фашизмом. В такой ситуации декларированная «подготовка к организации террористических актов против руководства» дивизии и союза объективно являлась помощью нацистской Германии.

Но дальше — больше. Уже 12 октября всё того же 1943 года закордонный агент советской внешней разведки сообщал о решении польского эмигрантского правительства начать вооружённую борьбу с Красной армией:

«Польский эмигрантский генеральный штаб с согласия правительства и президента направил уполномоченному польского правительства в Польше инструкции готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении её на территорию Польши. Польские вооружённые силы в соответствии с этими инструкциями должны вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением на Западной

Украине и в Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих районах при вступлении туда Красной Армии. Для борьбы с партизанским движением и Красной Армией инструкциями предусматривается также использование польской полиции, ныне официально находящейся на службе у немцев.

Польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши, а потому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Допускают, что англичане знают об указанных инструкциях уполномоченному польского правительства и молчаливо одобряют их...

В Польшу послано указание скрывать от населения упомянутые инструкции, но всячески возбуждать население против СССР путём пропаганды, что СССР хочет захватить всю Польшу, закрыть католические костёлы, обратить поляков в православных, выслать всех несогласных в Сибирь.

Одновременно польский генеральный штаб принял решение переименовать польскую армию в «Армию национального освобождения» и, используя приёмы гитлеровской пропаганды, сделать главным лозунгом армии «Борьбу с коммунизмом и плутократией и раздел крупных помещичьих имений». Штаб рекомендовал обещать солдатам после их возвращения в Польшу земельные наделы в размере 12–20 гектаров»^{108}.

И ещё одно сообщение — очевидно, по данным того же источника. Теперь оно касается настроений руководства небезызвестной Армии Крайовой:

«Польская тайная военная организация восстановлена на базе довоенных пляцувок^[80] во всей Польше. Большинство личного состава пляцувок составляют местные жители, прошедшие военное обучение.

Тайная военная организация «Войскова» на Западной Украине и в Белоруссии весьма обеспокоена продвижением Красной Армии на Запад и планирует восстание на Западной Украине и в Белоруссии с приходом туда Красной Армии. По словам уполномоченного, он заранее знает, что восстание обречено на неудачу, но, тем не менее, оно будет поднято исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим.

В отчёте отмечается, что на Западной Украине и в Белоруссии весьма сильно развито просоветское партизанское движение. До разрыва польско-советских отношений связь между польской военной организацией и партизанами была неплохая...»

О тех же намерениях — фактически о подготовке вооружённого конфликта между Польшей и СССР (реально и со странами Антигитлеровской коалиции!) — пишут историки: «После разрыва в апреле 1943 г. отношений между СССР и эмигрантским правительством усилились приготовления последнего к прямому использованию АК в антисоветских целях. В октябре оно утвердило план проведения акции «Буря»: захват АК территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленщины в момент отхода оттуда немецко-фашистских войск»^{109}.

Конечно, польское руководство, изгнанное со своей территории гитлеровцами, не вело бы себя столь нахально, если бы не ощущало поддержки «старших» союзников — тех же британцев, их приютивших. Наивные люди! Английское руководство поддерживало Польшу — точнее, польское правительство в изгнании, но отнюдь не желало ссориться с руководством СССР. Красная армия только что победоносно завершила грандиозное сражение на Курской дуге, продолжала успешно развивать наступление на Запад, и с каждым

днём становилось яснее, что это наступление Гитлеру уже не остановить.

Стоило ли ссориться с победителем из-за какой-то Польши?

Поляки между тем действовали и, так сказать, с другой стороны, пытаясь восстановить партнёрские отношения с гитлеровцами.

Ещё в начале 1943 года представители польской Армии Крайовой провели переговоры с представителями абвера, полиции безопасности и СД. С польской стороны в них участвовали майор Александр Кржижановский, оперативный псевдоним «Вилк», и некто Запора, псевдоним «Савала». По тексту трофейного протокола можно понять, что эта встреча была далеко не первой.

«Вилк» вновь обвинил политику немцев в Виленской области, санкционировавших и оставивших в силе все введённые большевиками постановления: национализацию частной собственности, закрепощение и порабощение польского населения и превращение литовцев в хозяев этой исконно польской территории.

«Вилку» был дан ответ, что политические вопросы в настоящий момент решены быть не могут. Однако ему пойдут навстречу в плане организации бюро жалоб и консультаций в интересах поляков, в котором будут приниматься жалобы на литовцев и тех лиц, которые проявили особую враждебность в отношении поляков...

Следующим пунктом переговоров был вопрос о численности белопольских групп. При этом немецкая сторона констатировала, что указанная поляками цифра (18 пехотных батальонов численностью 800 человек каждый, 12 кавалерийских эскадронов, а также части связи и артиллерия) является прямо-таки ошеломляющей. Немецкая сторона может согласиться лишь на несколько тысяч человек. Это следовало бы сейчас обдумать особо, так как при такой численности формирований их можно скрывать, и они не

представляют никакой опасности для немецких частей, а кроме того, маленькие группы могли бы действовать самостоятельно под польским командованием...

«Савала» возразил, что большевистские банды также насчитывают тысячи и немецкая сторона терпит их. Польские отряды не смогут действительно противостоять большевикам, если их численность будет составлять всего 2–3 тыс. человек...»^{110}

Бедные поляки! Их все обижают — и литовцы, и немцы, и большевики...

А немцы — подумать только! — ещё и «большевистские банды» терпят! Получается, что полякам они не дают увеличивать численность собственных «белопольских групп» (не имеет смысла объяснять, что это формулировка из советского перевода протокола), зато большевики могут невозбранно «раздувать штаты» своих «большевистских банд», при том что гитлеровцы это терпят, хотя могли бы потребовать от комиссаров прекратить «безобразничать».

Интересно, что бы сказал Ботян, если бы в то время прочитал этот документ? Впрочем, какая разница. Что бы он ни сказал, таких слов в книгах всё равно не печатают. Мы же понимаем, какова была бы его реакция.

Это ведь только гордые поляки и свободолюбивые «западёнцы», то есть западные украинцы, могли согласовывать с противником свои штаты. Советские чекисты сами сокращали штаты противника — разумеется, не за «столом переговоров», а в бою...

Ну а «все другие прочие» тем временем пытались наладить контакты как с гитлеровскими «хозяевами», так и между собой. Причина ясна: никакие «местечковые фюреры» в советскую систему не вписывались. Люди, достаточно долго и не без успеха боровшиеся за личную власть, вновь оказывались не у «кормушки». Ведь в чём

глубинный смысл деятельности любого националистического «вождя» вне зависимости от провозглашаемых им красивых лозунгов? В первую очередь в том, чтобы обеспечить «тёплые места» себе и своим «пассионарным» компатриотам, которые, опасаясь эти места потерять, будут поддерживать его в качестве «национального лидера»...

Вот и «рогули», как мы сказали, решили «простить» гитлеровцев, которые не оправдали их чаяния сначала в 1939-м, а потом и в 1941 году.

«Сталинград и начавшееся летом 1943 года после Курской битвы наступление Красной армии создали, по мнению оуновского руководства, предпосылки для возобновления контактов с немцами и выдвижения своих условий. Немцы тоже были готовы прекратить преследование оуновского подполья и вновь объединиться для борьбы с общим врагом — Советским Союзом. Первый официальный контакт произошёл в августе 1943 года. Тема переговоров — взаимодействие в борьбе с советскими партизанами. Оуновцы согласились поддерживать немцев, возобновить бои с партизанами, охранять железнодорожные линии. Но немцы не приняли условия ОУН, по которым должны были выпустить из концлагеря Бандеру, снабдить УПА оружием и гарантировать после войны самостоятельность Украины под протекторатом Германии»^{111}.

«Более готовыми к сотрудничеству с немецкими фашистами оказались жители Галиции...»^{112}

«Оуновцы после устранения немцами Бандеры и Стецько занимают антинемецкую позицию, однако в ещё большей степени антисоветскую. [Польская] Тайная военная организация сотрудничает с ОУН по всем вопросам...»

«[При подходе войск Красной армии к Западной Украине] немцы наладили широкомасштабное

снабжение отрядов УПА оружием и всеми необходимыми материалами для совместных действий против наступающей Красной армии и организации диверсионно-террористических акций в её тылах»[{113}](#).

Некоторое шевеление происходило даже в далёком Лиссабоне. Руководство советской внешней разведки в ноябре 1943 года передавало заинтересованным лицам следующее сообщение из Португалии: «Нами получены агентурные сведения о том, что резидент польской разведки в Лиссабоне полковник Ян Ковалевский в настоящее время ведёт переговоры с представителями немецкой разведки о совместной работе немецкой и польской разведки против СССР»[{114}](#).

В общем, говоря по-простому, вся сволочь, «былые распри позабыв», объединялась в борьбе против победоносной Красной армии и действовавших в тылах гитлеровской армии партизанских соединений и оперативных групп.

Но как бы ни старалась эта нечисть, пробудившегося русского богатыря было уже не остановить. Москва требовала от своих отрядов:

«1. По мере приближения фронта к базам наших групп командирам групп, не ожидая специальных приказаний или грузов, основной численностью отрядов двигаться на Запад, перенося свои базы возможно глубже в тыл.

5. Усилить диверсионную работу на коммуникациях противника, входящих в сферу влияния каждой группы, минирюя железные дороги и шоссе...»[{115}](#)

И последнее — выдержка из справки об агентурно-оперативной и разведывательно-диверсионной работе органов НКГБ СССР в 1943 году:

«На оккупированной противником советской территории в 1943 г. в разное время действовало от 41 до 125 оперативных групп НКГБ СССР и его

периферийных органов общей численностью 7200 человек...

В течение года оперативными группами ликвидировано 42 видных представителя германской администрации и командования.

В сентябре 1943 г. после полуторагодовой работы пяти оперативным группам НКГБ СССР, оперировавшим в районе Минска, удалось привлечь надёжную агентуру, успешно осуществившую ликвидацию генерального комиссара Белоруссии, члена германского рейхстага Вильгельма Кубе.

В ноябре 1943 г. оперативной группой НКГБ СССР, действовавшей в районе г. Ровно, возглавляемой подполковником государственной безопасности Медведевым, после агентурной подготовки был застрелен помощник рейхскомиссара Украины оберфюрер доктор Альфред Функ.

В марте 1943 г. оперативная группа, руководимая подполковником государственной безопасности Героем Советского Союза Орловским, получив агентурные данные о предстоящей охоте видных гитлеровских чиновников, ликвидировала с помощью засады заместителя генерального комиссара Белоруссии обергруппенфюрера СС, являвшегося одновременно главным комиссаром по Барановичской области, Фридриха Френча. Вместе с Френчем были убиты барановичский гебитскомиссар Фридрих Штюра и руководитель лесного управления Белоруссии обергруппенфюрер СС Фердинанд Засарнас.

Кроме того, помимо перечисленных, убиты 8 генералов, 7 гебитскомиссаров и их заместителей, 6 руководящих работников немецкой администрации...»[{116}](#)

Хотя Алексей Ботян в этом тексте не упомянут (здесь названы только два имени, уже тогда ставшие

легендарными), но мы точно знаем, что один из семи этих гебитскомиссаров был на его личном счету.

Глава девятая

СПАСТИ КОМИССАРА ФИЛОНЕНКО-2

Уточним, что название станции Львовской железной дороги, о которой идёт речь в этой главе, Мацеев. Однако при цитировании архивных документов мы оставляем написание подлинника.

«В особую заслугу А. Ботяна следует поставить его героизм и находчивость в бою при захвате станции Моциев. На участке, где должен был действовать батальон капитана Крючкова, немцы сосредоточили сильный огонь, в рядах партизан наступило замешательство и паника. Но ворвавшийся в их ряды А. Ботян приостановил отступление и личным примером увлёк в атаку, враг был смят, станция взята.

Здесь в Моциеве А. Ботян вторично спас комиссара соединения. Он вывез его, раненого, через опасную зону оуновцев-националистов, используя знание языка, пароль и пропуск врагов», — писали Карасёв и Перминов в известном нам представлении.

«3 февраля 1944 г. во время боя батальона партизан за овладение железнодорожной станцией Мацеев сильный сосредоточенный огонь противника приостановил наступление и вызвал замешательство среди партизан. В этой сложной обстановке тов. БОТЯН проявил героизм и личным примером увлёк за собой партизан в атаку. Батальон разгромил противника и овладел станцией Мацеев», — указано в справке по архивному делу «Курган», составленной в подтверждение вышеупомянутого представления.

Однако самый первый отчёт, отправленный капитаном Карасёвым в Центр вскоре после этого боя,

не только более подробен, но и в чём-то более точен. Свою неуверенность мы объясним чуть дальше, но предположим, что бой за Мацеев произошёл не 3 февраля, а несколько позже. Вот что писалось в упомянутом докладе:

«Руководитель оперативной группы, действующей в районе г. Ковель, капитан Карасёв сообщает, что в ночь с 7 на 8 февраля с. г. в результате внезапного штурма [группа] овладела городом и железнодорожной станцией Мацеев, западнее г. Ковель, разгромив гарнизон противника численностью до 300 мадьяр и немцев.

После этого опергруппа при поддержке авангардного кавэскадрона^[81] Красной Армии блокировала железнодорожную станцию, произведя на протяжении пяти километров крупные разрушения на двухколейной железной дороге Ковель — Холм и установив мины замедленного действия.

Город Мацеев опергруппа держала в своих руках восемь часов. За это время были полностью разрушены: электростанция, мельницы, водокачки, здания гебитскомиссариата и жандармерии.

Противник потерял в бою около 80 человек убитыми. Опергруппа имеет незначительные потери убитыми и ранеными.

По выполнению задания опергруппа ушла по назначенному маршруту».

Но опергруппа тогда ушла не вся. Вообще этот официальный рапорт представляется не только слишком оптимистичным, но и, честно говоря, малоправдоподобным. К примеру, тот же «авангардный кавалерийский эскадрон», уж больно он смущает — каким образом выскочил он за линию фронта, прорвав германскую оборону, и на сколько километров углубился в боевые порядки противника? А вот то, что партизаны «Олимпа» были на конях и у них самих всадников

набиралось до эскадрона, это доподлинно известно, но откуда вдруг появились регулярные «красные конники» — большой вопрос.

Так что обратимся к предыстории и тем подробностям операции, о которых рассказывал нам Алексей Николаевич:

«Комиссаром нашего отряда был, как вы помните, Михаил Иванович Филоненко. И вот когда мы были там, на Западной Украине, он каким-то образом связался — он же сам украинец, хохол, — с неким местным деятелем, уж не знаю, с кем именно. Якобы он установил с этим человеком связь. Они тогда договорились о нападении на станцию Мацеев, что западнее Ковеля, недалеко от польской границы. Станцию обороняли мадьяры, то есть венгры. Тот человек заверил Филоненко, что настроение у мадьяр такое, что они уже готовы сдать: только, мол, стоит провести против них какую-то небольшую операцию — и они враз сдадутся. Не знаю, как Карасёв поддался на это дело, но мы туда пошли, и штурмовали мы этот город, станцию эту, Мацеев... Даже день помню — 24 февраля 1944 года».

Ну вот, третья дата, так что теперь уж точно невозможно восстановить истину! Но не это в данном случае главное.

«Не понравилась мне тогда эта идея, ох как не понравилась! Кажется, и Карасёв тогда что-то недоброе чувствовал... Он мне вдруг говорит: «Лексейка, мы пойдём, а ты останься здесь, смотри, чтобы не было паники». А с чего паника должна была быть?! Странно даже. Ну, стали наши ребята штурмовать эту станцию, даже взяли её, а мадьяры-то и не сдались, продолжали упорно сопротивляться, мать их...»

Вот и получилось, что часть партизан продолжала вести бой с венгерскими солдатами, засевшими в здании железнодорожной станции и в казармах по соседству с ней, — ведь очень нехорошо получится, если противника

не добьёшь, а он потом тебе в спину стрелять будет. Другие же стали наводить в Мацееве свой «порядок»: крушить жизненно важные объекты, начиная, как было написано в рапорте, от гебитскомиссариата (явно это была какая-то другая «администрация», так как «гебитсом» — то есть областью — Мацеевский район у гитлеровцев не был) до электростанции и водокачек. Понятно, что у местных жителей такая деятельность большого восторга вызвать не могла, но опергруппа оставляла город во власти противника, а значит, следовало создать ему невыносимые условия, чтобы потом быстрее убежал. Если честно, о местных жителях в ту пору не слишком задумывались, на первом месте всегда оставались интересы выполнения боевой задачи. Да и злость всех взяла: был расчёт на стремительную и лёгкую операцию, надеялись пленить ожидавших того венгров, а влезли в солидную заваруху. Потому теперь никого и ничего не жалели.

Заодно, как значится в рапорте Карасёва, бойцы опергруппы успели ещё и основательно «поработать» на железной дороге...

В общем, задача-то как бы и была выполнена, но партизаны здорово увязли в этом бою, не знали, как из него выпутаться, — венгры тоже озверели и сопротивлялись, как обречённые! Но в это время к ним подошла долгожданная помощь.

«Оказывается, как только мы на них напали, они сообщили об этом немцам, — вспоминал Ботян. — И те прибыли. Была уже ночь, луна светит, всё видно — и тут подошли немецкие танкетки! Очень неудачная операция у нас вышла. Партизаны не должны воевать в городе, да ещё и с танками, не наша это задача! У нас тогда очень много людей погибло. Много было раненых — в том числе ранило комиссара Филоненко, да ещё и в мошонку! Ужас! Ничего, как потом выяснилось, не повредило, но боль-то страшная была! Да и неприятное

такое ранение, согласитесь... В итоге от станции пришлось отступить — бежали стремительно, такой паники я у нас никогда не видел!»

Оно и неудивительно! Вот если бы в отряде были только омсбоновцы, подготовленные разведчики и диверсанты, они сумели бы отойти организованно, прикрывая друг друга и нанося противнику максимальный урон. А так, хотя народ был хороший, боевой, однако без той выучки, которую Алексей и его товарищи получили за год с лишним специальной подготовки. Вот сейчас оно и сказалось — в той ситуации, которой реально не должно было быть.

На коне, вместе ещё с одним парнем, Ботян поскакал наперерез убегающим в панике бойцам.

— Стой, не беги, стрелять буду! — орал он, но партизаны всё равно бежали, их было не остановить, не задержать.

Алексей прекрасно понимал, что найти здесь какого-то зачинщика, настоящего паникёра и труса, невозможно, так что в кого-то стрелять, как он угрожал, было бы бесполезно и просто глупо... Пока Ботян, сдерживая коня, стоял и орал, перепуганные бойцы пробежали мимо, исчезая в ночной темноте. Только тогда он оглянулся и вдруг понял, что они с товарищем теперь оказались одни посреди венгерских солдат, преследовавших убегающих партизан. И вокруг никого из своих! «Что за чёрт? — промелькнуло в голове. — Неужели я попал в плен?!» Несколько мадьяр тут же окружили всадников, один из них схватил под уздцы ботяновского коня, да ещё и выстрелил в лицо Алексею. Но тут не то сработала его молниеносная реакция, и он успел отвести голову, не то строптивая лошадь дёрнулась, а может, вражеский солдат просто промахнулся, но пуля только обожгла висок, оставив на нём шрам, что сохранился у Ботяна на всю жизнь...

Зато сам Алексей действовал мгновенно и не знал промахов — впрочем, стрелять пришлось в упор, так что пуля буквально отбросила венгра под копыта коня и, падая, он выпустил поводья. Тут же меткая автоматная очередь другого партизана скосила двух или трёх человек, к ним подскочивших... Прочие солдаты, бывшие вокруг, испуганно шарахнулись в стороны, а всадники, нещадно нахлестывая лошадей, смели всех на своём пути, рванув галопом в ту сторону, куда бежали отступающие партизаны. В общем, каким-то чудом им удалось прорваться и вернуться в отряд...

В лагере Ботяна уже ждало новое задание. Сложное, очень ответственное и в общем-то смертельно опасное. Хотя какие задания за линией фронта могли казаться простыми, неответственными и безопасными?

Врач, которая была в отряде, сделала комиссару Филоненко перевязку, но это было всё, что она могла сделать. Поэтому Карасёв решил переправить раненого на базу находившегося неподалёку партизанского соединения, которое возглавлял первый секретарь одного из обкомов партии. Было известно, что там — хорошие врачи.

— Лексейка, бери его и отвези! Сам всё понимаешь, — сказал Ботяну командир.

Михаила Ивановича положили на повозку, и Алексей повёз его в большое партизанское соединение, что находилось неподалёку... Вот только и там врачи ничего фактически сделать не могли и настоятельно рекомендовали переправить комиссара за линию фронта, в госпиталь.

Разумеется, эту задачу опять выполнял Ботян, которому пришлось везти Филоненко через лесные дебри и неприятельские порядки — по тем местам, где хозяйничали бандеровские банды...

Не надо уточнять, что если бы кто узнал, что везут раненого партизанского комиссара, то участь и его

самого, и его сопровождающего была бы, мягко говоря, незавидной. Что-что, а придумывать для своих жертв адские муки бандеровцы были мастера! Конечно, для обеспечения безопасности раненого лучше всего было бы выделить большой отряд, но где гарантия, что встреченная на пути банда оказалась бы меньше? Да и чем больше отряд, тем он приметнее. Вот и выделили в сопровождение одного Ботяна, который, как мы уже говорили, стоил не меньше целой роты. И Алексей — где хитростью, прикидываясь «своим», причём он даже знал бандеровские пароли, где за счёт осторожности и своего «звериного» чутья — это ответственное задание выполнил, сумел доставить раненого за линию фронта, в посёлок Сарны, в расположение подразделений Красной армии. Вскоре туда прибыл и Карасёв с отрядом...

«Там нам всем было предложено: кто хочет воевать, оставайтесь здесь, в армии, — рассказывал Алексей Николаевич. — Ну а тех, кто пожелал остаться в партизанах, перевооружили, отмыли, переобмундировали, даже дали всем нам немножко отдохнуть...»

Нет сомнения, что Ботян, не задумываясь, выбрал второй, партизанский вариант.

Таким образом, в его боевой жизни наметилась совсем недолгая «мирная передышка»...

Понятно, почему бой за станцию Мацеев освещён в рапортах столь путано и, скажем так, достаточно туманно. Комиссар в партизанском отряде, как и в регулярном воинском подразделении, всегда находился на особом положении, официально именуясь «представителем Коммунистической партии». А партия, если говорить тогдашним казённым языком, а не прибегать к «страшилкам» более позднего времени, «является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных,

и обеспечивает успешное построение коммунистического общества»^{117}. Можно утверждать, что в своё время это был достаточно эффективный контролирующий орган, который, в частности, не давал воровать даже людям, занимающим очень высокое общественное положение. Наверное, именно поэтому КПСС и постарались впоследствии развалить.

Как подсказывает опыт наших наблюдений, в нормальных воинских коллективах (их тогда любили именовать «здоровыми») командир и комиссар, которые почти в равной степени делили между собой ответственность за происходящее, жили дружно и в общем-то нередко сквозь пальцы смотрели на мелкие прегрешения друг друга. Были, конечно, комиссары, готовые тащить командира на партийную комиссию за любую провинность, чтобы поставить вопрос о его пребывании в рядах ВКП(б); были и командиры, стремившиеся подчинить комиссара себе и очень мешавшие ему работать. Обычно и тех и других «поправляло» вышестоящее начальство. Но умные люди изначально предпочитали жить дружно и помогать друг другу, что в итоге приносило пользу как им самим, так и всему подразделению. Если, конечно, оба они не слишком зарывались и не начинали откровенно покрывать один другого в серьёзных грехах...

Определённо, что в случае со штурмом станции Мацеев командир отряда Карасёв решил «прикрыть» не только комиссара Филоненко, явно переоценившего свои тогдашние оперативные возможности, но и себя самого, пошедшего в общем-то на авантюру. Отсюда и эти путанные сообщения, и фантастические картины боя. В частности, про то, как Алексей Ботян «приостановил отступление и личным примером увлёк в атаку». К сожалению, тогда его личный пример не подействовал...

Но война есть война, и даже для самого замечательного героя она состоит не только из побед и

блистательных подвигов. Хотя что на самом деле произошло и в чём состоит прегрешение Виктора Александровича Карасёва? Реально — в одном только нечётком докладе и, очевидно, в сокрытии понесённых потерь (он написал о «*незначительных потерях*», тогда как Ботян говорит, что было очень много убитых). Однако скрывать подлинные потери — общекомандирский, можно так сказать, грех. Скрывать старались все, всегда и на любом уровне. Тем более что в данном случае — это партизаны, численность которых достаточно приблизительна и которые пополнений не требуют. А в остальном... Мацеев взяли? Взяли! Шороху там навели? Навели, да ещё какого, надолго запомнится! Потом оттуда ушли. Правда, не совсем так спокойно, как это следовало из доклада, но всё же...

Про то же, что ранен и вывезен за линию фронта комиссар, сообщить, наверное, и следовало, но в официальном рапорте, безусловно, нужно было описать характер и тяжесть ранения, а это казалось не совсем удобно — в первую очередь для самого комиссара. Ведь будь доклад с такими подробностями, то, признаем помужски, когда Михаил Иванович поправился бы и появился в своём легендарном Четвёртом управлении, то его бы там вопросами и сочувствиями так «задолбали», что ему, бедному, пришлось бы проситься у руководства за самую дальнюю линию фронта!

Вот из-за всех таких разных причин и возникла эта «легенда» про успешное взятие станции Мацеев. Так партизанщина — она партизанщина и есть! Думаете, прославленный Денис Давыдов не мог приврать о своих партизанских победах и подвигах? Ошибаетесь, милостивые государи!

Впрочем, возвратимся к нашему герою. Да, в том неудачном бою Алексей не сумел остановить запаниковавших бойцов и сам буквально чудом избежал плена. Но это ничуть, повторяем, не умаляет его

героизма! Зато провезти через контролируемую бандеровцами территорию раненого комиссара — на это далеко не каждый отважный человек решится. Говорят, что «на миру и смерть красна», но таковой возможности в данном случае просто не было. Смерть стала бы долгожданным и благодетельным избавлением от нечеловеческих мучений, изуродованный труп героя был бы без следов растащен по лесу дикими зверями, а конечным итогом всей его славной боевой биографии могла стать скупая и безразличная строка в «похоронке»: «Пропал без вести». Всё! Ни креста, ни погоста — ни даже фанерной пирамидки с жестяной звездой и троекратного ружейного салюта... Просто исчез — и всё.

А может, мы излишне драматизируем ситуацию и возможная встреча Ботяна с бандеровцами могла оказаться далеко не столь драматичной? Ведь как раз в то самое время германское командование проводило переговоры с руководством Украинской повстанческой армии и, по сообщению Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны, между этими не очень высокими договаривающимися сторонами были достигнуты следующие соглашения:

«Члены УПА не будут совершать нападения на немецкие воинские части;

УПА систематически засылает в районы, занятые противником, своих разведчиков, преимущественно девушек, и сообщает результаты в «1-ц»^[82] боевой группы;

Захваченные пленные Красной Армии, а также члены советских банд передаются в «1-ц» на допрос;

Лица, не проживающие в данной местности, доставляются в боевую группу для использования на работах.

Чтобы предотвратить помехи в этой для нас необходимой совместной деятельности, приказываю:

1. Агентов УПА, имеющих удостоверения, подписанные «капитан Феликс», или выдающих себя за членов УПА, — беспрепятственно пропускать, оружие не отбирать.

По требованию агентов, последних кратчайшим путём доставлять в «1-ц» боевой группы.

2. При встрече германских воинских частей с частями УПА, последние дают себя опознать условным знаком — вытянутая левая рука перед лицом. Такие части не подвергать нападению, даже в случае открытия огня с их стороны.

3. Со стороны УПА заявлена жалоба о том, что германские полицейские и воинские части систематически проводят самовольные реквизиции, особенно домашней птицы. В связи с этим напоминаю о приказе от 11 февраля 1944 года, согласно которому командиры частей должны пресекать всякого рода незаконные реквизиции.

Бреннер, генерал-майор и бригадефюрер СС»[{118}](#).

Как видим, пленных советских военнослужащих и партизан националисты должны были передавать на допрос своим немецким хозяевам. Хотя мало ли кто из нас чего кому должен? И кто, скажите, любит отдавать свою законную добычу? Так что как поступили бы бандеровцы с захваченными — не дай бог! — Ботяном и Филоненко, это большой вопрос...

Вообще из этого текста видно, что гитлеровцы на оккупированных территориях изрядно подрастеряли свою былую спесь. Иначе зачем было брать с бандеровцев обещание, что они не будут нападать на германские воинские части?! И вообще, как можно было допустить такую возможность, чтобы украинские «недочеловеки» могли безнаказанно открывать огонь по людям «высшей расы»?! Даже и жалобу домовитых,

прижимистых по натуре «западенцев», что, мол, фрицы освободители у них курей и гусаков тырят, германское командование теперь также не оставляет без внимания. Вот житуха пошла! Давно ли гитлеровцы, не задумываясь, бросали в тюрьму, а то и вообще расстреливали не в меру активных бандеровских главарей, а теперь целый бригадефюрер (то есть генерал-майор) СС приказывает, чтобы гусака «ихнего» не трогали! За что боролись, спрашивается?! Во имя чего Украину от большевиков освобождали?! Как жить-то дальше?! Да и зачем?..

Нет, «*Vae victis!*» — «Горе побеждённым!» — как говорили древние римляне. Хотя гитлеровцы далеко ещё не были побеждены на поле боя, но их идеологические установки уже трещали по всем швам. Пришло время чуть ли не на равных договариваться с теми, о кого совсем ещё недавно можно было вытирать ноги, слыша при этом слова сердечной признательности и благодарности...

Ещё один тому пример — выдержка из протокола совещания руководителей полиции безопасности и СД^[83] в Литве с представителями польской Армии Крайовой. Агент внешней разведки НКГБ СССР, передавший этот документ в Москву, сообщал, что данные переговоры велись с ведома и по указанию руководства РСХА.

Пункт 4:

«Предлагается:

а) гражданский мир между белопольскими бандами, с одной стороны, и германским вермахтом, немецкой и литовской полицией и административными учреждениями, действующими по поручению немецкого правительства, — с другой;

б) снабжение оружием, в том числе тяжёлым, при выполнении особых задач;

в) снабжение лёгким пехотным оружием, тяжёлым оружием, противотанковыми пушками, гранатомётами, пехотными орудиями и станковыми пулемётами, которые при выполнении особых задач, в случаях тяжёлых боёв или для предполагаемых боевых действий предоставляются замаскированным полицейским частям после предварительной договорённости относительно боевого плана...

г) снабжение боеприпасами в каждом случае на срок не более 1 месяца...»[{119}](#).

Ну вот, уже и поляки в «союзники» влезли, приходится заключать с ними «гражданский мир» и снабжать их банды оружием... Хотя это и не вызывало ни малейшего восторга у «истинных арийцев», но они, люди отнюдь не глупые, прекрасно понимали, что, как сказал британский премьер Уинстон Черчилль, «хуже союзников может быть только их отсутствие».

А вот что по поводу этих союзников и проводимых с ними переговоров писал начальнику полиции безопасности и СД «генерального округа Литва» оберфюреру СС Вильгельму Фуксу начальник полиции безопасности и СД «Остланд» оберфюрер СС Фриц Панцингер:

«С интересом прочёл Вашу телеграмму. Прошу сообщить мне решение Главного управления, если такое поступит.

В принципе могу на основании моего опыта сказать следующее: однажды мы уже получали от Польши предложение о переговорах, это было после смерти Сикорского. Однако рейхсфюрер СС после доклада фюреру отклонил тогда это предложение, обосновав отказ тем, что со славянами акт заключён быть не может.

Кое-что при существующем положении дел представляется мне не совсем ясным. Возможно, что

советская опасность именно теперь толкнёт Польшу в наши руки.

Я стою на точке зрения, что для достижения примирения подойдёт всякое средство. Перевес должны получить мы. Следует постоянно иметь в виду польскую хитрость...»^{120}.

Однако националисты со своими устремлениями и метаниями между потенциальными союзниками не могли не иметь и реальных политических противников.

В частности, в конце 1943 года Польская рабочая партия выступила инициатором создания Крайовой Рады Народовой — подпольного центра власти и антифашистской борьбы на территории оккупированной Польши. 1 января 1944 года была принята её «Программная декларация».

Для нас наиболее важно, что в этом документе отмечалось:

«Крайова Рада Народова ставит перед собой в качестве главной и основной задачи объединение и мобилизацию всех сил народа и всех средств для борьбы не на жизнь, а на смерть с озверевшими оккупантами за освобождение Польши. Для достижения этой цели Крайова Рада Народова:

создаёт Армию Людову как вооружённую силу народа, призванную сплотить в своих рядах всех желающих бороться за независимость Родины;

<...>

Крайова Рада Народова заявляет, что в освобождённой Польше должна господствовать социальная справедливость. Величие и мощь Родины должны опираться на обеспечение широким трудящимся массам города и деревни — рабочим, крестьянам, ремесленникам, работникам умственного труда и интеллигенции — мирного и обеспеченного материального существования, образования, свободы, всех демократических прав и роли хозяина в

возрождённой Польше. Такие задачи Крайова Рада Народова поставит перед временным правительством, которое она создаст в момент, когда этого потребуют интересы народа. Это правительство будет осуществлять власть в стране до момента создания в результате всеобщих, равных, прямых, тайных и пропорциональных демократических выборов Законодательного собрания.

<...>

В области внешней политики Крайова Рада Народова будет стремиться к поддержанию дружественных отношений со всеми народами, объединившимися в борьбе с гитлеризмом; она рассматривает это как условие государственной силы и прочности Польши, а также благополучия её граждан. Принципы этого сотрудничества должны основываться на:

возвращении Польше всех польских земель на западе и на севере, которые были насильственно германизированы;

разрешении пограничных проблем на Востоке путём дружественного соглашения Польши с Советским Союзом при признании права наций на самоопределение;

быстрейшем установлении отношений прочной дружбы и сотрудничества между Польшей и Советским Союзом...»[{121}](#).

Что можно сказать по поводу этого документа? В нём чётко обозначены социалистические принципы дальнейшего развития Польского государства, а эти принципы, как известно, поддерживаются большинством трудящегося населения. Крайова Рада Народова считает своей главной задачей борьбу с гитлеровскими оккупантами и возвращение захваченных Германией польских земель, в том числе и на севере, то есть Гданьска (Данцига).

В отношении территории Западной Белоруссии и Западной Украины, которые в 1939 году отошли к Советскому Союзу, таких категорических требований нет. И это отнюдь не потому, что спорные в общем-то земли должны стать «платой за освобождение», которую Польша отдаст своему могучему восточному соседу. Нет, проблему будущее польское правительство должно решать путём дружеского соглашения с СССР — и главное, что на основании признания права наций на самоопределение. То есть пусть решает сам народ, в которой из стран ему предпочтительнее жить. Очень достойная политика! Причём с большим самоуважением.

Как мы и говорили, «мирная передышка» для Алексея Ботяна и его товарищей была совсем недолгой.

«4 апреля мы перешли Буг и затем уже действовали на территории Польши», — рассказывал Алексей Николаевич.

Задачей оперативной группы, которая уже разрослась до размеров целого партизанского соединения, было осуществление разведывательных мероприятий на пути наступающей Красной армии. Разведчики-диверсанты должны были также способствовать беспрепятственному продвижению советских войск по неприятельской территории.

Глава десятая

«НЕ ДО ОРДЕНА. БЫЛА БЫ РОДИНА...»

Этот уникальный документ, озаглавленный «Справка о боевой деятельности оперативной группы со дня форсирования реки Западный Буг по 12.06.44» командир группы «Олимп» майор Виктор Александрович Карасёв адресовал начальнику Четвёртого управления НКГБ СССР генерал-лейтенанту Павлу Анатольевичу Судоплатову. Справка написана от руки чётким и разборчивым почерком:

«Ведя разведку на территории Западной Украины, немцам удалось узнать, что партизаны, согласно приказа Украинского штаба партизанского движения, должны продвигаться дальше на Запад, и сосредоточили дивизию галичан^[84] гарнизонами по западному берегу реки Зап. Буг, которые окопались и заняли оборону, с заданием не допустить форсирования реки. Штаб дивизии находился в г. Холм.

04.04.44 мы прибыли и сосредоточились, заняв оборону у н. п. Биндюга, что 40 км севернее м. Грубешув. Была произведена тщательная разведка р. Буг и гарнизонов, расположенных у реки. Мы связались с польским отрядом, который помог построить мост через р. Буг, длиной 45 м.

С боем был спущен паром к месту переправы. На лодках переправили боевую разведку, создали сильное прикрытие переправы.

У н. п. Колемчице находился гарнизон немцев и галичан в количестве батальона пехоты. Мы завязали бой, и ураганным огнём с нашей стороны противник был выбит из окопов и рассеян. Немцы в панике бежали,

бросая оружие. Мы овладели н. п. Колемчице, что в 4 км сев. — зап. н. п. Биндюга. В результате боя было взято в плен 3 немца, убито...^[85] и ранено 10 немцев. Взяты трофеи — оружие.

В бою отличился помкомвзвода Осадчук.

Были минированы фланги: дорога Колемчице — Ухане и дорога Колемчице — Гусынно. Ставили мины тт. Винокуров, Утяпов, Котеленец, Акользин, Полещук, Семёнов, Киселёв и Сафонов. На минах подорвались 2 автомашины с немцами. Минированием руководил т. Ободовский Е. А. Прикрывал переправу отряд т. Ларютина М. П.

Главную роль в обеспечении переправы исполняли тт. Салимонов Б. А., Ботян А.^[86], Ларютин М. П., Таранченко И. М. и Готальский С. И.

После форсирования нами р. Зап. Буг немцы приняли нас за прорвавшиеся в тыл части Красной Армии. Местные власти и немецкие гарнизоны растерялись. Из г. Холм, Замостьского и Грубешовского районов стали эвакуироваться фольксдойчи. Немецкие части разбежались в страхе, бросая всё.

Против нас были брошены крупные силы пехоты, артиллерии и танков. Действия противника прикрывала и координировала разведывательно-бомбардировочная авиация».

Более подробно об участии Алексея Николаевича в этой операции командир отряда писал руководству КГБ СССР уже в 1965 году: «Весной 1944 года рейдирующее соединение свыше 1500 человек в ежедневных боях, преследуемое вражеской авиацией, вышло к Западному Бугу. Возникла проблема — переправа. Вновь А. Ботян отправился в разведку. Переправившись на другой берег, А. Ботян с группой дерзко нападают на противника, захватывают двух офицеров, пять солдат, получают от них ценные разведданные. Умело маневрируя, нашли место переправы, мобилизовали

местные средства, быстро оборудовали понтонный мост. Когда началась переправа, А. Ботян и его группа прикрыли огнём переправляющихся. Это был подлинный подвиг А. Ботяна».

Да уж, громко, не по-партизански — то есть не так, чтобы незаметно и тайными тропами, — вышел «Олимп» на территорию Польши. Его бойцы с боем форсировали реку, прорвали оборону немцев и украинских эсэсовцев, которые в страхе разбежались. В воздухе над лесом очень низко проносились самолёты, пытаюсь бомбить и обстреливать рассредоточившихся бойцов. Утыкаясь лицом в мокрую от недавно стаявшего снега землю, Алексей при воздушных налетах, скорее всего, вспоминал свой надёжный «Vofors», шведскую зенитную пушку, и то, как далёким уже летом 1939 года огнём его орудия было «завалено» три «юнкерса» с такими же точно чёрными крестами на фюзеляжах. Подкрутить бы сейчас прицел, да и шарахнуть по низколетящему самолёту почти в упор, чтобы увидеть, как он развалится в воздухе! Но так это было или нет, представлял ли он себе такие картины — о том мы у Алексея Николаевича спросить уже не можем. Но и в своё время не спрашивали, потому как поди вспомни, о чём ты думал тогда, в минуту опасности! Тем более что опасность давно уже стала привычной. Так что мысли, наверное, были о том, что надо суметь оторваться от противника и исчезнуть, чтобы спокойно — если такое возможно за линией фронта — приступить к выполнению оперативно-боевых задач.

Между тем бой с прорвавшейся оперативной группой вели не только «галичане» и тыловые каратели. К участию в операции были привлечены регулярные части вермахта, которые в это время должны были выдвигаться на передовую, но гитлеровскому командованию пришлось задержать их в тылу для борьбы «с бандитами». Каждому ясно, что чем меньше

на фронте обороняющихся, тем лучше наступающим. Таким образом, бойцы подразделений особого назначения НКГБ реально помогали своим боевым товарищам красноармейцам. Можно утверждать, что подобные группы и отряды в то время фактически превратились в авангард победоносно наступающей Красной армии.

«Весной 1944 г. на территорию Польши вышли 7 советских партизанских соединений и 26 отдельных отрядов. Правительство СССР усилило организационную и материальную помощь партизанскому движению на территории иностранных государств. Возникли условия для налаживания боевого сотрудничества партизан разных стран в борьбе за окончательный разгром нацистских поработителей»^{122}.

Суммарно эти отряды насчитывали порядка семи тысяч человек; значительную часть среди них составляли омсбоновские формирования.

Противник был крайне обеспокоен происходящим. В «Обзоре состояния партизанского движения» германского Генштаба указывалось:

«В результате создавшегося положения на фронте, в северо-западной части полосы группы армий «Юг», сильные, имеющие на вооружении тяжёлое оружие и, видимо, включающие в себя часть регулярной армии, партизанские соединения вступили на территорию Польского генерал-губернаторства. Проводя многочисленные акты саботажа, особенно на основных путях подвоза, отряды «Наумов» и «Фёдоров» сумели пробиться до Сана вблизи Перемышля и Кетайска, где закреплялись в лесистой местности вокруг Билгорая. Отсюда они угрожают железнодорожным линиям Перемышль — Люблин и Люблин — Львов, а также ряду военных объектов и промышленных предприятий.

Отмечавшийся ранее крупный очаг партизанского движения у переправ через реку Буг вблизи Володава

также свидетельствует о просачивании советских отрядов в направлении Люблина.

Активными боевыми действиями советские и польские партизаны дезорганизовали перевозки на железных дорогах Юзефов — Билгорай, Юзефов — Александров, Александров — Билгорай, Билгорай — Тарногруд, Тарногруд — Люблин — Белжец — Любашев, а железнодорожная линия Львов — Варшава (на участке Рава-Русская — Звержинец) была с 20 апреля 1944 года совершенно выведена из строя...»^{123}.

Отметим, что одновременно с «Олимпом» на территорию Люблинского воеводства Польши вышла и оперативная группа «Охотники» под командованием опытного разведчика Николая Архиповича Прокопюка. Чекист с 1921 года, он с 1935 года служил во внешней разведке, а в 1937-1938 годах выполнял специальные задания в охваченной гражданской войной Испании, за что был награждён орденом Красного Знамени...

Возвратимся, однако, к ранее приведённому абзацу из «Истории Второй мировой войны». Представляется, что его заключительное предложение звучит уж слишком оптимистично, в духе, так сказать, «пролетарского интернационализма». Документы свидетельствуют о несколько ином положении относительно тех самых «партизан разных стран». Вот, например, что указывалось в директиве НКВД СССР, подписанной буквально через месяц после описываемых событий — 18 мая 1944 года:

«На польской территории имеется организованная агентура и вооружённые формирования эмигрантского польского «правительства». Следует ожидать, что эта агентура будет пытаться оказывать активную помощь немцам своей подрывной работой, возбуждать население против нас, сеять панику и провокационные слухи, убивать бойцов и офицеров Красной Армии из-за угла и дезорганизовывать наш тыл.

Население, проживающее в районе боёв, собирает и хранит у себя большое количество брошенного и оставленного оружия и боеприпасов. Это создаёт благоприятные условия для роста бандитизма. Есть основания предполагать, что на вражеской территории, где останутся большие группы враждебных элементов и агентов врага, которых последний, отступая, специально снабдит оружием, вопрос может стать ещё острее...»^{124}.

Тоже ведь — «партизаны»! В общем, прогноз представляется не слишком оптимистичным... Хотя нет сомнений, что бойцы оперативной группы узнали обо всём вышесказанном на своём опыте, ещё до подписания этой директивы. Ну а пока они сражались, пытаюсь оторваться от гитлеровцев и их прихвостней, и Алексей был в бою вместе со всеми.

Майор Карасёв докладывал генерал-лейтенанту Судоплатову:

«06.04.44 мы подошли к шоссе Холм — Грубешов, с задачей перехода его. На пути встретили сильную засаду немцев в р-не н. п. Станиславув, что юго-восточнее г. Холм 25 км, с которой завязали бой.

В с. Станиславув наша разведгруппа вплотную столкнулась с немецкой конной разведкой в количестве 18 чел. Тов. Пич Конст[антин] Ос[ипович] стащил с лошади офицера и уничтожил его. Остальные уничтожены были тт. Минаевым М., Зорембо В. и др.

Бой у н. п. Станиславув длился с 0.30 часов непрерывно 4 часа до 4.30 часов 07.04.44. Была разбита отдельная камтания^[87] пограничников,двигающаяся с н. п. Дубенка на помощь.

В результате боя противник потерял убитыми и ранеными до 70 солдат и офицеров; взято в плен 13 чел. и трофеи 18 повозок с боеприпасами и военным имуществом. В бою отличился т. Бочкарёв.

Установили мины на дорогах юго-восточнее Холм 20 км: Станиславув — Ростока и Станиславув — Жмудзь. Заминировали труп немца и лошади. Минированием руководил т. Тихонов В. А.; минировали тт. Баранов, Киселёв, Акользин, Семёнов, Сафронов, Утяпов».

Быть может, подобный «боевой дневник» и покажется кому-то скучным из-за отсутствия подробных описаний действий и литературных красот авторского изложения, но думается, что это для нас не главное. А вообще, скажите, где и когда рассказывалось о том, как оперативная группа — реально «партизанское соединение» по своему численному составу — так вот уходила за линию фронта? К тому же на территорию иностранного государства, пока ещё оккупированного гитлеровцами?

Впрочем, у нас есть возможность и несколько «расцветить» картину:

«Не одетый ещё как следует в листву, лес оказался ненадёжным укрытием. В первое же утро, как только взошло солнце, в небе появились вражеские воздушные разведчики, быстро обнаружили партизан, и с той поры началось: их бомбили с воздуха, подвергали ураганному обстрелу из многочисленных артиллерийских и миномётных батарей с земли, потом яростно бросались в одну атаку за другой крупные войсковые соединения. Бой затихал только с наступлением сумерек, когда враг отходил на отдых. Партизанам же, пока немцы спали, надо было отойти как можно дальше, скрыться, замести следы. Но разве по вязкой, расквашенной половодьем земле уйдёшь далеко? Усталые, изнурённые бессонницей, брели они по колено в воде и грязи, выбиваясь из последних сил. Даже лошади не выдерживали и падали, вконец измученные. А люди превосходили са-моё себя: поднатуживались, поднимали жердями лошадей и, надрываясь, помогали им тащить повозки с боеприпасами, продовольствием, взрывчаткой,

с тяжелоранеными, которых с каждым боем становилось всё больше. Но наступало утро, в небе появлялись ненавистные «костыли» и «рамы» — самолёты-разведчики, и всё начиналось снова: бомбёжки, артиллерийская подготовка, атаки. И так в течение двадцати суток! Поначалу партизаны отбивались отседавших гитлеровцев в одиночку, потом бок о бок с другими советскими и польскими партизанскими отрядами.

Только в конце апреля соединению удалось вырваться из боёв и добраться до Яновских лесов, раскинувшихся в юго-западной части Люблинского воеводства, где можно было несколько дней передохнуть...»[{125}](#).

Так описал начало партизанского рейда Иван Фёдорович Золотарь (или Злотарь), который вскоре войдёт в число героев нашей книги. Впрочем, он уже известен читателю как руководитель оперативной группы, отправившей на тот свет — вернее, прямиком в преисподнюю! — белорусского гауляйтера Вильгельма Кубе. Осенью 1944-го он возглавит партизанское соединение и станет для Ботяна командиром. Ну а в послевоенное время старый чекист сменит маузер или парабеллум (не знаем, что он предпочитал) на перо и напишет несколько документальных книг о своей партизанской деятельности. Конечно, в строгих рамках тогдашней цензуры — слишком недавними были описываемые им события, а потому излишняя откровенность могла кому-нибудь навредить. Поэтому даже оперативная группа НКГБ трактовалась автором исключительно как «простой» партизанский отряд. Хотя и с некоторым присутствием чекистов.

Представленный выше отрывок из неоднократно переиздававшейся книги «Друзья познаются в беде» написан Иваном Золотарём по рассказам участников тех

боёв и собственным представлениям. Сам он тогда находился совсем в иных местах...

Однако вернёмся к строгой документалистике.

Из Архива СВР России мы получили анкеты, заполненные некоторыми из бойцов отряда, и даже их краткие характеристики. Эти документы мы будем представлять по мере повествования. Ведь перед нами те люди, с которыми Ботян общался самым тесным образом, — сослуживцы, боевые товарищи, друзья. В своих рассказах Алексей Николаевич обязательно подчёркивал, что всё делал он не один, а вместе с этими самыми людьми. Недаром же про него говорят: «человек команды».

Вот, например, в докладе упомянут «т. Баранов», минёр. Кто же это?

«Красноармеец Баранов Василий Иванович, 1916 г. р. Место рождения — г. Ворошиловск, Ворошиловградской обл.; окончил ФЗУ, основная специальность — слесарь. Призван в 1939 г., член ВЛКСМ с 1941 г. Из служебной характеристики: «Т. Баранов показал себя дисциплинированным бойцом, к служебным обязанностям относился добросовестно, активно участвовал в общественной жизни. Передовик в боевой и политической подготовке. Взысканий и поощрений не имел. Баранов предан социалистической Родине и делу партии Ленина — Сталина».

Что тут скажешь? Надёжный рабочий парень, срочную служил — в общем, на такого вполне можно положиться. Ведь заваруха там, на польской территории, судя по рапорту командира опергруппы, такая шла, что слабохарактерные и неподготовленные люди никак бы не выдержали. Вчитаемся в эти строки:

«07.04.44 г. Отошли на север и заняли оборону у н. п. Ксаверув (в 25 км юго-вост. г. Холм). С 12.00 часов немцы начали наступление на нашу оборону, которую держали командиры отрядов тт. Ляпушкин и Салимонов,

с южного и северного направлений, имея задачу нас окружить и уничтожить. После продолжительного боя, к 18.00 часам, немцы были разбиты и разогнаны. Противник применил авиацию. В этих налётах принимали участие 6 пикирующих бомбардировщиков и 2 самолёта типа Фокке-Вульф. Бомбардировка длилась до наступления темноты.

Огнём ручных пулемётов и ПТР, которым руководили тт. Готальский С. И. и Ободовский Е. А., были подбиты самолёты: 1-го типа Фокке-Вульф и Ю-87. Фокке-Вульф подбил из ПТР т. Кропивин и Ю-87 подбил пулемётчик Дорофеев.

При бомбардировке погибли ком[андир] отд[еления] Алексеев, ветврач Травенко, радист Шумилов и боец Трифонов.

В ночь на 08.04.44 г. была выслана конная разведка во главе с командиром отряда т. Салимоновым Б. А. на шоссе Холм — Грубешув, которая обстреляла засаду немцев на шоссе в р-не юго-зап. н. п. Анджеюв.

В эту же ночь отряд расположился и занял оборону в лесу у н. п. Липинки, что 25 км юго-вост. Холм.

Днём, с 10.00 часов, немцы пошли в наступление, предварительно выслав на Липинские хутора разведку до 40 человек.

Отряд т. Салимонова, допустив немецкую разведку вплотную, открыл шквальный пулемётно-автоматный огонь. Разведка была полностью уничтожена. В дальнейшее наступление немцы пошли крупными подразделениями. Бой длился непрерывно до 11 часов, до ночной темноты. Немцы переходили в атаки в 3-х направлениях. На главных направлениях руководство осуществляли тт. Салимонов Б., Ботян А. и Таранченко И. М.

В бою отличились пулемётчики тт. Боритько, Черепанов, Грищенко и т. т. Пич, Минаев и Лапенко.

В результате боя немцы потеряли только убитыми свыше 100 чел. солдат и офицеров. Взято в плен 21 чел. и трофеи — большое количество снаряжения и обмундирования.

Наши потери — героически погибли тг. Румак и Афанасьев.

На шоссе Чернигов — Анджеюв — Побеловице, что юговост. Холм 15 км, установлены 4 мины и 1 фугас.

Минировали тт. Сафронов, Червяков, Велижанин, Колбасов, Винокуров, Латышев и Сергеев».

Анализируешь этот отрывок и просто поражаешься! За два дня опергруппа дважды была окружена гитлеровцами, но оба раза сумела прорваться, хотя силы ей противостояли нешуточные. Уж если в разведку враг посылает 40 человек, то сколько же остаётся позади? Про то, что лишь в одном бою было убито свыше ста офицеров и солдат противника, командир, может, случайно и преувеличил, ведь пойдя сосчитай точно, сколько их там полегло, зато в том, что взят 21 пленный, никакого сомнения быть не может. По каждому из пленных информация сообщалась в Москву. Да и про два сбитых самолёта, истребителя и бомбардировщика, тоже никто бы сочинить не мог. Тем более что отважным бойцам товарищам Кропивину и Дорофееву, вышедшим победителями из поединков с крылатыми чудовищами, полагались ордена.

Обратим внимание, что имя нашего героя уже появляется в числе командиров, «ключевых фигур». «Звёздный час» Алексея Ботяна приближался.

«При сложившейся обстановке, из-за непрерывных, фактически, бомбардировок, нам приходилось идти ночью, — вспоминал Алексей Николаевич. — Наша задача была как можно скорее уйти от границы, вглубь польской территории. Проблемы возникали, когда кто-то из бойцов получал ранение. Приходилось обращаться за

помощью к местным жителям, в основном — к священникам. Это всё-таки люди совестливые...»

Тогда Ботяну, а именно ему чаще всего приходилось общаться с местным населением, пригодилось не только идеальное знание польского языка, но и тех католических молитв, которые он запомнил в детстве. Нет смысла уточнять, что когда говоришь с человеком на одном и языке — и не только в прямом смысле слова, — то взаимопонимания достигаешь гораздо быстрее и легче добьёшься того, чего тебе надо. Умение, необходимое для разведчика! А плюс к умению необходимо ещё и личное обаяние, чтобы сразу расположить к себе собеседника. Этим качеством, как мы знаем, Алексей Николаевич был наделён в самой полной мере. Помнится, пять минут с ним пообщаешься и чувствуешь: ну прямо-таки родной человек! Очень доброжелательный, внимательный, откровенный, хотя последнее, как мы знаем, до определённого предела...

Успехи отряда майора Карасёва поражают, но только до того момента, пока не познакомишься с общей оперативной обстановкой и не поймёшь, что это была всего лишь капля в море общих результатов.

«Только с декабря 1943 г. по апрель 1944 г. партизанские и диверсионные группы совершали в месяц от 6264 до 7070 различных акций, то есть более 200 в день. За пять месяцев партизаны убили и ранили 2312 немецко-фашистских солдат и полицейских»^{126}.

Хотя, прямо скажем, «капля» всё-таки получалась весомой: два сбитых самолёта; за один только день — более 140 уничтоженных гитлеровцев и 21 пленный. А ведь это было только начало...

«В ночь с 8 на 9.04.44 г., обманув немцев, совершили манёвр и вышли в массив Стрелецких лесов, что южнее Дубенка 10 км.

После тщательной разведки, в ночь с 9 на 10.04.44 г. сбили заслон на шоссе Холм — Грубешув в районе н. п.

Янки и перешли шоссе. Установили на шоссе близ н. п. Ухане 2 фугаса, на одном из которых подорвалась тяжёлая автомашина с 25 немцами. Машину и немцев разнесло на расстояние радиусом около 100 м. Минировали тт. Червяков и Сергеев».

Начинает казаться, что на фронте гитлеровцы чувствовали себя несколько спокойнее, чем в своём собственном тылу. По крайней мере, на передовой они хотя бы знали местонахождение противника, понимали, откуда стреляют...

Но и нашим партизанам было, конечно же, не легче. Гитлеровцы обкладывали их со всех сторон, атаковали крупными силами, даже используя, как мы знаем, тяжёлое вооружение и авиацию, устраивали засады на предполагаемом пути следования, делали всё возможное, чтобы определить маршруты выхода партизан в их глубокие тылы. Немецкие подразделения буквально висели на хвосте уходящих спецназовцев...

«10.04.44 г. после длительного марша расположились на отдых, заняв оборону в лесу и у н. п. Тжещаны, что западнее н. п. Грубешув 12 км. Немецкие части, шедшие на фронт, продолжая преследование, двигались на нашу оборону из н. п. Тжещаны. Опять допустив немецкую разведку в количестве 50 человек вплотную — расстреляли её шквальным пулемётным огнём. С крупными немецкими частями бой начался в 12.00 и длился в течение 10 часов.

На главных участках руководили боем тт. Готальский С. И., Салимонов Б. А., Коваль Н. Х., Приходько В., Ободовский Е. А. и Тихонов В. Л.

Отличились в бою: отделение т. Червякова Д. И., пулемётчики Башкиров, Дорофеев и Шаронов.

Немцы потеряли только убитыми 73 чел. солдат и офицеров и пленными 12 человек, среди которых было 2 офицера. Взято большое количество вооружения и обмундирования. Наши потери: тяжело ранен

пулемётчик Башкиров и легко ранены тт. Леонтьев и Кононенко.

В связи с предательством одного из местных жителей — фольксдойча, который указал противнику направление движения отряда, в ночь на 13.04.44 противник подготовил массированную засаду на протяжении 20 км у шоссейной и железной дорог Грубешув — Замостье. Немцы подтянули бронепоезд, большое количество бронемашин, подвезли на 300 автомашинах пехоту.

При нашей попытке перехода шоссе и железной дороги в районе южнее н. п. Горышув-Польский мы попали в эту засаду и завязали неравный бой с противником. Немцы, пропустив половину колонны через н. п. Горышув-Польский, открыли огонь с флангов и тыла, применяя миномёты, крупнокалиберные пулемёты и пушки. Для освещения места боя немцы зажгли н. п. Горышув-Щольский] и применяли ракеты по всему фронту засады.

В результате боя потери противника, по словам местного населения, — 13 чел. Взят в плен комендант «СС».

Наши потери — ранены тт. Осадчук, Стёпкин, Борисевич, Морковкин и Тедеев».

Остановимся, чтобы представить ещё одного из боевых товарищей Алексея Ботяна: «Красноармеец Тедеев Ясон Георгиевич, 1917 г. р. Место рождения — с. Цунари, г. Сталинир, Юго-Осетинская автономная обл.; из колхозников; образование высшее, окончил Московский институт физкультуры им. Сталина в 1941 г. — преподаватель физкультуры. Добровольно пошёл в армию в 1941 г., член ВЛКСМ с 1933 г. Из служебной характеристики: «Т. Тедеев проявил себя дисциплинированным бойцом. К учёбе и службе относился добросовестно. Аккуратно выполнял всякую порученную работу. Среди товарищей пользовался

авторитетом. Принимал активное участие в общественной жизни. Имеет благодарность в приказе по полку за успешное участие в кроссе, благодарность командира взвода за образцовое несение службы. Взысканий т. Тедеев не имеет. Предан социалистической Родине и делу партии Ленина — Сталина».

Ну вот, как видим, коллега Алексея — тоже преподаватель, да ещё и его ровесник. Определённо, личные контакты между ними должны были быть...

А дрались наши бойцы здорово! Что только немцы против них не бросали: самолёты, бронепоезд, бронемашины, пушки, танки... В донесении упомянуто 300 машин — это порядка семи с половиной тысяч автоматчиков. Между тем отряд майора Карасёва насчитывал всего-то около четырёхсот человек. Но каких человек! У них, без сомнения, не только Ботян целого взвода стоил. Вот и сражались ребята, себя не жалея... Хотя, конечно, все не железные были, а потому, в конце концов, для обеих сражающихся сторон наступило время короткого отдыха. Виктор Карасёв тогда записал в своём отчёте: «13.04.44 г. отошли на отдых в Бо-нецкий лес, где, остановившись, заняли оборону южнее н. п. Бонча 3 км (юго-восточнее Красностав 25 км)».

На следующий день всё началось сначала:

«14.04.44 г. противник продолжал преследование. Собрал крупные силы немцев и фольксдойчев, подтянув миномёты, артиллерию и 3 «Фердинанда», немцы пошли в наступление».

Оборвём текст, чтобы обратить внимание на слова «3 «фердинанда». Если кто не знает, то уточним, что это тяжёлая самоходная артиллерийская установка, оснащённая 88-миллиметровой пушкой, — одна из самых сильно вооружённых и мощно бронированных немецких боевых машин. Хотя была в Красной армии традиция называть «Фердинандами» все подряд гитлеровские

самоходки, но всё равно это солидно, когда на партизан три самоходки идут... Теперь вернёмся к описанию боя:

«Бой начался в 10.00 часов. Немецкая разведка 50 человек была подпущена к лесу и уничтожена пулемётно-автоматным огнём и ручными гранатами. Крупные подразделения немцев подходили с южной, западной и юго-восточной сторон, стараясь окружить и уничтожить отряд. Подпустив роту противника на правом фланге в лощину — полностью уничтожили её миномётным огнём. Наша миномётная батарея, выпустив более 200 мин, разбила артиллерийско-миномётные батареи противника и уничтожила расчёты «Фердинандов». Противником была брошена 3-я конная группа «СС» — резерва главного командования, находящаяся на участке Холм — Грубешув. Группы «СС» упорно гнали галичан в наступление в лес, на нашу оборону, и сами пытались прорваться в лес, но все атаки противника были отбиты контратаками отделения т. Червякова и взводами т. Изотова и т. Абрамяна».

Приходится опять делать паузу. Во-первых, из приведённого выше текста становится ясно, что это точно были не «фердинанды». У тех экипажи были защищены такой бронёй, что никаким миномётом не возьмёшь... Во-вторых, стоит обратить внимание на то, как «конные группы «СС» упорно гнали галичан в наступление». Ведь явно хлестали они тогда «западенцев» своими тонкими форменными стеками в жёлтой оплётке, а то и трофейными казачьими нагайками, и гнали их вперёд, как стадо свиней на убой. Милая картинка, ничего не скажешь!

А в-третьих, у нас есть возможность познакомиться ещё с одним сослуживцем Ботяна:

«Сержант Изотов Иван Филиппович, пом ком взвода; 1920 г. р. Место рождения — д. Николаевка, Пятихатский р-н, Днепропетровская обл.; окончил 6 классов, основная специальность — комбайнер. Призван

в 1940 г., член ВЛКСМ с 1939 г. Из служебной характеристики: «Показал себя политически грамотным, идеологически выдержанным, морально устойчив, военную тайну хранить может. Дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым. Физически здоров, руководить своими подчинёнными может. Программу боевой и политической подготовки усваивает хорошо и отлично. Вывод: можно использовать в любых действиях, с поставленной задачей справится».

Интересный вывод в характеристике! И вообще, стоит отметить, как в этих боевых документах совершенно случайно оказались представители трёх классов тогдашнего советского общества: рабочий Баранов, крестьянин Изотов и Тедеевиз, как это говорилось, из новой социалистической интеллигенции. И все они на равных, в качестве рядовых, сражались за Родину в рядах спецподразделения НКГБ.

«Бой продолжался непрерывно в течение 11 часов. В результате было взято много трофеев — вооружение, снаряжение и обмундирование. Противник потерял только убитыми 252 чел. солдат и офицеров, галичан и немцев. На главных участках осуществляли руководство тт. Са-лимонов Б. А., Готальский С. И., Ободовский Е. А., Тихонов В. А., Таранченко И. М., Ботян А., Пич К., Приходько В. И. и Ляпушкин М. А. Наши потери: ранены комвз[вода] Абрамян и т. Мойсейкин.

Под прикрытием темноты мы вышли в н. п. Майдан Кукавски, откуда наблюдали, как с утра 15.04.44 г. немецкая авиация в количестве 7 бомбардировщиков бомбила в течение дня пустой Бонецкий лес.

Нами были заминированы все пути в лес. Ставили мины тг. Акользин, Сергеев, Винокуров, Вилежанин, Киселёв и Колбасов. Минированием руководил Тихонов В. А.

Немцы подбирали трупы в течение 2-х дней, старательно скрывая от населения свои потери. В

течение месяца Бонецкий лес был необитаем».

Заметим, что тогда вновь отличился Алексей Ботян. Читая документы, думаешь, что этот человек был не то что двужильным, но каким-то многожильным, что ли, не знающим усталости, страха и сомнений. А может, это он усилием своей воистину железной воли подавлял все прочие чувства?

Было похоже, что отряд всё-таки сумел оторваться от преследователей. Для того чтобы продолжить форсированный марш по тылам гитлеровских войск, необходимо было точно проложить маршрут. Кто мог это сделать? Конечно же, неутомимый Ботян! У него ещё автомат после боя остыть не успел, а майор Карасёв не то что приказал — давать приказ, который реально невозможно исполнить, запрещено уставом, — но попросил:

— Алексейка, ты понимаешь — надо!

— Ты меня агитируешь, что ли? — усмехнулся Ботян.

С Карасёвым они были ровесники, да и за линией фронта требования дисциплины были совсем не такие жёсткие, как во фронтовых войсковых частях. Поэтому там общались по-простому, без «щёлканья каблуками». К тому же во время этого похода Ботян исполнял обязанности начальника штаба, то есть фактически относился к руководству отряда, хотя и продолжал носить гордое звание рядового.

Об этом эпизоде его боевой деятельности свидетельствует архивное дело «Курган»: «Будучи некоторое время начальником штаба соединения, тов. Ботян умело организовал марш соединения по Западной Украине, а также умело организовывал боевые операции».

Но, несмотря на все свои успехи, Алексей не хотел официально занимать такую должность и постоянно просил освободить его от исполнения штабных обязанностей, в полном смысле слова рвался в бой,

хотел действовать «в поле», как это называется у разведчиков.

Кстати, когда мы разговаривали с Валентином Ивановичем, он объяснял это так: «Ботян — диверсант до мозга костей! Он другой судьбы для себя не мыслил. Его учили в диверсионной школе по линии 4-го Управления, «натаскивали» в боях под Москвой, ну и так далее... Он ведь даже когда ушёл на пенсию, то ко мне приходил, спрашивал: «Ну, Валентин, когда мы чего-нибудь такое?..».

— Это что значит?

— Чего-нибудь... Вы лучше у него об этом спросите, — с загадочной улыбкой ушёл от ответа наш собеседник. — Всё равно не скажет!

Однако вернёмся в 1944 год, на территорию Польши, в тыл германских войск.

— Чего меня агитировать? — отвечал тогда командиру Алексей. — Нужно, так пойду!

В том же деле «Курган» о последующем написано предельно кратко: «14 апреля 1944 г. вышел с группой в глубокую разведку в район города Янов, обеспечивая продвижение соединения».

Можно сказать: ну и что? Ну, сходил... Но прочитайте ещё раз, после каких боевых дел возглавил Ботян разведывательную группу! Ведь после боя у всех было только одно желание: отставить в сторону автомат, сбросить с себя всё снаряжение, напиться воды, потому как в той напряжённейшей обстановке ничего другого позволить себе было нельзя, как бы того ни хотелось, затем рухнуть на землю и спать-спать-спать! А он ушёл в разведку...

Как это назвать? Повседневный подвиг, что ли? Ведь там, за линией фронта, в условиях почти непрерывающегося боя, подвиг стал нормой жизни. Явлением не то что обыденным, но каждодневным, привычным.

Вот и про ту разведку, когда в ночь на 15 апреля Алексей увёл в неизвестность свою безумно уставшую маленькую группу, партизанские командиры Карасёв и Перминов написали руководству Комитета госбезопасности только 20 лет спустя:

«На территории Польши соединение попало в тяжёлые условия. В течение 12 дней шли изнурительные бои. Против партизан была применена авиация, артиллерия, брошены танки. Непрерывное маневрирование, бои обессилили партизан. А. Ботян, возглавлявший разведку, не зная отдыха, в постоянных стычках с численно превосходящим врагом, сумел найти «окно» и вывел соединение по группам в район Яновских лесов. Одновременно он оказал помощь находившимся в тяжёлых условиях двум другим советским отрядам, Г. В. Ковалёва и М. Фёдорова, вывел их из зоны преследования».

Пожалуй, в том далёком 1944-м за этот «поход» Алексею и его бойцам следовало бы дать ордена, да вот только, как мы сказали, подвиги тогда совершались во множестве каждый день, так что времени писать представления к наградам не хватало. Да и не до того было, никто о наградах не думал. Так что и Алексей Ботян, и любой другой из бойцов «Олимпа» могли бы с чистой совестью повторить вслед за поэтом: «Не до ордена. Была бы Родина...»

Кстати, в строке этой нет ни тени кокетства человека, обойдённого наградами. Автор стихов младший лейтенант Михаил Кульчицкий, командир миномётного взвода и прекрасный поэт, отвоевав всего-то один месяц, погиб в бою 19 января 1943 года на украинской земле, на пути к своему родному Харькову. Он был на два года моложе Ботяна...

Вот так они сражались — не за награды, а за Родину.

Но, думается, на тот момент лучшей наградой для бойцов оперативного отряда стало получение

следующей информации, изложенной майором Карасёвым в сообщении генералу Судоплатову:

«После этих боёв немцы боялись сталкиваться с нами. Бегство немцев и фольксдойчей усилилось. Немцы бежали из городов и районов Люблина, Красник, Замостье, Холм, Красностав.

Фольксдойчи наводнили Краков, где поднялась паника.

В г. Люблине был расстрелян зам. комиссара г. Люблин за допущение паники и отдачу приказа о эвакуации фольксдойчей Замойского и Красноставского районов.

Вся пресса, «Глос Любельски» и краковские газеты, стараясь прекратить панику, кричали, что прорвалась сильная и крупная банда, что она раздроблена на мелкие группы и уничтожается.

Вся польская подпольная пресса Варшавы и Кракова писала, восхищаясь героическими действиями отряда».

Эффект потрясающий! Особенно — с расстрелянным заместителем комиссара города Люблина.

Тем временем «сильная и крупная банда», как окрестила «Олимп» сервильная польская пресса, отнюдь не была «раздроблена» и, оторвавшись от противника, исчезла в лесах, следуя по маршруту, разведанному и проложенному Ботяном и его группой. Но исчезла ненадолго — они же пришли сюда не в прятки с гитлеровцами играть.

«19.04.44. После длительного форсированного марша остановились, заняв оборону в н. п. Крачув, что юго-западнее м. Тышовце 12 км. Вооружённые немцы и фольксдойчи в количестве 30 чел. утром ехали на сахарный завод за продуктами. С нашей обороной завязался бой. В результате боя было уничтожено 4 немца, взято в плен 7 фольксдойчей и трофеи — 4 винтовки, 7 пистолетов, 15 парных повозок с лошадьми».

Такая неприятная неожиданность для немцев оказалась... Но это было только начало, потому как отряд приближался к месту своего предполагаемого базирования, откуда и планировалось активно «работать» по оккупированной гитлеровцами территории.

«21.04.44. После марша остановились и заняли оборону в н. п. Горецко-Костельна, что юго-вост. Билгорай 20 км. Немцы и литовцы в количестве 25 человек выехали на Горецко-Костельну с заданием разведки этого района. Подпустив их на близкое расстояние, мы окружили их и открыли огонь. Противник был полностью уничтожен. Оставшиеся в живых 5 человек были взяты в плен. Взяты трофеи — много оружия и 15 парных повозок с лошадьми. В бою отличился комвзвода Карпенко Григ. Руководил боем т. Приходько В. И.

Наши потери — ранен т. Вишневский.

Поле боя вошли в Билгорайский лесной массив. Немцы преследовали нас авиацией в количестве 12 самолётов. В лесу подверглись неоднократной бомбардировке, при которой была легко ранена т. Шага К. М. и разбита 1 повозка с продуктами».

Вот оно, выбранное место, Билгорайские леса, в которых майор Карасёв временно расположил своих людей. Только не нужно думать, что здесь у партизан наступило спокойное житьё, всё-таки гитлеровцы не отставали.

«26.04.44. В Билгорайском лесу у н. п. Луково мы подверглись 2-х часовой бомбардировке 5 самолётами. Погиб т. Борисенко Борис».

В лес каратели не совались... Зато бойцы отряда в лесной чаще не засиживались.

«27.04.44. Организовали диверсию на железной дороге Замостье — Львов. Минёрами тт. Латышев и Сергеев [\[88\]](#) были установлены 2 мины в районе с. Поары

— южнее Замостья 36 км. В результате 28.04.44 г. вечером подорвался бронепоезд. Были убитые и раненые. Железная дорога не работала 2 суток».

Далее в отчёте Карасёва Судоплатову — вереница подобных сообщений:

«2.05.44. Организовали диверсию на жел. дороге Рава Русека — Замостье в районе дер. Жаровница. Минировали тов. Солодовников и Винокуров. Подорван бронепоезд.

05.05.44. Организовали диверсию на железной дороге Краков — Люблин. Минёрами тт. Латышев (старший) и Акользин были установлены 2 мины близ Полыхна-Гурна, что на перегоне Жечица — Шастарка. В результате 06.05.44 г. в 7.00 час. подорван постовой поезд, шедший с Кракова на Люблин. Паровоз и 4 вагона пущены под откос. Дорога не работала в течение 3-х часов.

Организовали диверсию на жел. дороге Люблин — Рава Русека между ст[анциями] Рудка — Щебжегин. Минировали тт. Баранов и Винокуров. Был подорван эшелон с зерном. Дорога не работала 5 часов».

К происходившему Ботян имел самое прямое отношение. Он объяснял: «Я владел польским языком — это очень хорошо было, потому что я мог договариваться с поляками...»

Уточним, что одного знания языка, пусть даже блестящего, всё-таки было мало. Разведчик умел так себя вести, чтобы не вызвать подозрения, и буквально с первой минуты разговора настолько «влезть в душу», что у собеседника не возникло ни малейшего желания сообщить в гестапо или ещё куда о появлении незнакомца.

«Обычно я там ходил в польской железнодорожной форме. По-польски железнодорожник будет «колеяж», а потому в отряде меня тогда так и прозвали «Алексейка-колеяж», — рассказывал Ботян. — Поэтому я спокойно

приходил на железную дорогу, на станцию, разговаривал с железнодорожниками. Общаясь с поляками, я без труда выдавал себя за поляка, уроженца Вильно, вильнянина. Этот город я очень хорошо знал, потому как там учился и служил. В Вильно много поляков в своё время было — кстати, и сам Пилсудский был родом из Вильно, так что, может, «тень» знаменитого «земляка» где-то мне и помогала... Конечно, я всегда брал с собой двух человек, на всякий случай. У них были автоматы, они меня прикрывали, притом что мои собеседники их не видели. Я же всегда носил с собой пистолет парабеллум. Как уже говорил, стрелял я безукоризненно!»

Так себе и представляешь: невысокий, симпатичный, разговорчивый, улыбчивый, глаза чистые и ясные, буквально лучатся добротой и приветливостью... Да у кого какие подозрения может вызвать этот «колеяж», уроженец города Вильно? Разговор ведёт самый обыденный, ничего не выпрашивает, скорее сам про себя чего забавного расскажет и тем собеседника на ответную откровенность вызовет. Потом ещё и посочувствует искренне, когда ему пожалуются, что ночью опять не спать: поезд с важными чинами пройдёт или какой эшелон с немецкой техникой к фронту проследует. А когда человека жалеют, то он может и больше пооткровенничать.

«Таким путём я и узнавал, какой состав чем загружен, когда и куда пойдёт. Они мне сами всё это рассказывали! Ну а я, всё выяснив, посылал в отряд одного из своих ребят: мол, эшелон пройдёт в такое-то время, имейте в виду. Встретить его надо там-то. И результаты были очень хорошие! Да, было время...»

Знали бы простосердечные польские «колеяжи», что под форменной курткой — точно такой же, как у них — спрятан надёжный парабеллум, который их

симпатичный улыбчивый собеседник готов был не задумываясь применить в любую секунду!

«Я вам скажу, что по моим соображениям, анализам его рассказов, — говорил нам один из друзей и сослуживцев Ботяна, — он ликвидировал порядка двухсот человек. Не в бою уничтожил — тех, наверное, вообще сосчитать невозможно, а именно «ликвидировал», казнил. То есть всяких предателей, гитлеровских прислужников, карателей и прочую нечисть».

Нет, недаром абвер разрабатывал «Памятки по контрразведке» и тому подобные наставления:

«1. В качестве шпионов используются как мужчины, так и женщины. Их одежда не бросается в глаза, они являются часто в немецкой военной форме, женщины иногда появляются в одежде медицинских сестёр. Не нужно бояться хорошей одежды, имени, наградений орденами или безупречного и уверенного поведения агента.

2. Как работают шпионы:

- а) они ведут разведку собственным наблюдением;
- б) они прислушиваются к разговорам, задают между прочим вопросы в обычных разговорах;
- в) они работают по несколько человек вместе, причём часть группы отвлекает внимание от собственно шпионов.

3. Где появляются шпионы и что они пытаются разведать?

- а) в пунктах скопления войск, в крепостях и т. п.;
- б) на железнодорожных узлах.

Они наблюдают за железнодорожными перевозками, что перевозится в поездах (род войск, номера полков, количество и система орудий). Они выспрашивают у солдат относительно цели переброски и принадлежности к высшим соединениям, относительно прошедших боёв, о потерях и настроении.

Они интересуются особенно железнодорожным, санитарным и низшим персоналом высших штабов, а также организацией этапной службы и службы снабжения.

4. Шпионы пытаются установить местоположение:

а) штаб-квартир, складов с боеприпасами, сапёрных и автомобильных парков, ангаров, радиостанций, зенитных частей ит. п.;

б) артиллерийских и пулемётных позиций, опорных пунктов, тыловых позиций, охраны мостов и железнодорожных обустройств, телефонно-телеграфных узлов...»[{127}](#).

А ведь если почитать этот текст внимательно, то видно, что многое в поведении Алексея подпадало именно под эти признаки, но...

Однако очень скоро непосредственное пребывание Алексея Ботяна в оперативной группе «Олимп» — или партизанском соединении имени Александра Невского — закончилось. Соединение получило распоряжение Центра выдвинуться на юг Краковского воеводства. В этой связи командир отряда майор Карасёв приказал Алексею возглавить самостоятельную оперативную группу, чтобы в качестве авангарда проложить маршрут для последующего выдвижения всего отряда. Некоторые пишущие уверенно утверждают, что задачей группы было также физическое устранение генерал-губернатора Польши (или же наместника генерал-губернаторства) Ганса Франка. Это совсем не так: подобные важнейшие задачи «также», в числе прочих, не ставились.

Такое задание поступит ему гораздо позже.

Кстати, к этому времени Ботян наконец-то получил офицерское звание, стал лейтенантом госбезопасности.

В состав его группы определено было 28 человек. (По другим версиям — 25 или 35.) В любом случае по

армейским масштабам — это пехотный взвод; то есть, исходя из тех же масштабов, — немного, всего ничего. Хотя реально, как мы знаем, каждый спецназовец целого взвода стоил! Что вскоре вполне подтвердилось делами группы лейтенанта Ботяна...

«8 мая 1944 г., по заданию командования соединения, тов. Ботян с группой партизан вышел в район Кракова, где успешно провёл ряд сложных боевых операций и получил ценные разведданные, которые передавались в Центр», — говорится в архивном деле «Курган».

Итак, ожидалось, что основные силы соединения вскоре подойдут к своему авангарду. Но последующие события и решения московского руководства полностью изменили эти планы...

Глава одиннадцатая

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ИЛЖИ

Как мы сказали, на войне планы порой меняются мгновенно. Вот и отряду Алексея Ботяна, который должен был скрытно и без потерь выдвинуться в район Кракова, пришлось задержаться в пути и даже «засветиться», участвуя в боевых действиях. Произошло это в старинном городке Илжа, который, несмотря на свои невеликие размеры, получил городской статус ещё в середине XIII века. Во время войны он входил в Радомское воеводство, а сейчас это одноимённый *повят* (нечто типа нашего района) Мазовец-кого воеводства, крупнейшего в Польше.

Тогдашнее Радомское воеводство по ряду причин сравнивали с Брянской областью, легендарным лесным партизанским краем. Ну а в партизанских лесах, как нам известно, кого только не водилось! Вот и здесь были отряды Армии Крайовой, подчинявшиеся Лондонскому эмигрантскому правительству; отряды Армии Людовой, созданной подпольной варшавской Крайовой Радой Народовой; были так называемые «Батальоны хлопские», что значит «крестьянские», то есть вооружённые формирования Польского крестьянского движения, одни из них потом вошли в состав Армии Людовой, а другие явно тяготели к Армии Крайовой; были также отряды, почти полностью состоявшие из бывших советских военнопленных... И это, разумеется, далеко не всё, потому как с советской земли на территорию соседней Польши приходили не только оперативные группы НКГБ, но и разного рода лжепартизанские формирования, спасающиеся от победоносной Красной армии.

Прямо-таки не лес, а коммунальная квартира! Точнее, дачный посёлок, где вроде бы все заняты своими делами, никто на тебя не смотрит, ты никого не видишь, а всем всё про всех известно. В общем, по такому лесу незамеченным не пройти.

Вот и командир одного из партизанских отрядов Армии Людовой поручик Артур Вислич, планировавший провести в городе Илже, как он потом объяснил Алексею, «военную операцию», выяснил, что где-то в лесу находится отряд советских партизан, вооружённых автоматическим оружием... А отряд, пусть и небольшой, это не иголка в стоге сена. При желании и наличии определённых условий разыскать всегда можно.

Так что Ботян совсем не удивился, когда поручик Вислич вышел с ним на связь.

«Этот командир обратился ко мне с просьбой оказать помощь в налёте на Илжу, чтобы освободить подпольщиков, сидевших в тамошней тюрьме, — рассказывал нам Алексей Николаевич. — Что тут делать? Нам нужно было идти к Кракову, разведку производить, маршрут для нашего соединения прокладывать, при этом себя не показывать, но как тут не поможешь? Нельзя было не помочь! Тут тебе и тактика, и политика. Иначе скажут: мол, пришли советские партизаны и отказываются помогать своим братьям по оружию. Посоветовались мы у себя в отряде и решили — поможем! Конечно, для начала провели разведку, определили все наши маршруты; выяснили, что ближайший большой немецкий гарнизон расположен километрах в пятнадцать от города. В самой Илже немцев оказалось не так уж много, зато была местная польская полиция, служившая оккупантам верой и правдой... Днём 14 мая мы скрытно подошли к городу, под вечер обрезали провода телефонной связи, изолировав таким образом полицаев, а с наступлением ночи вошли в Илжу. Условленным местом встречи с

польскими партизанами был школьный двор. Поляки показали нам немецкую казарму, определённый для нас объект. Говорю своим ребятам, которые с ручными пулемётами были: «Вставайте по углам. По команде дайте пару очередей по окнам! Станут выбегать — бейте!» Ну, наши и шарахнули, да так, что перепуганные немцы вообще не высунулись — заперли мы их в казарме своим пулемётным огнём. Ну а пока мы блокировали казарму, польские партизаны освободили из тюрьмы своих товарищей, разгромили почту и банк, как следует опустошили немецкие склады, забрав оттуда оружие и боеприпасы. Город на целую ночь оказался в руках партизан, так что мы там даже позавтракать успели. Потом мы пришли в немецкую аптеку, забрали у них медикаменты, бинты и всё такое прочее, после чего и покинули Илжу. Путь наш лежал на юг, в сторону Кракова...»

Этот бой за город Илжу оказался первым совместным боем и первой, как считают историки, общей победой советских и польских партизан. Поэтому где-то в 1960-е годы, если не раньше, в Илже, во дворе той самой местной школы, был установлен обелиск. На бронзовой его табличке начертано: «Отсюда в ночь с 14 на 15 мая 1944 года вышли в бой с немецко-фашистскими оккупантами отряды Армии Людовой и разведывательно-диверсионная группа «лейтенанта Алёши».

Как видим — и это отлито в бронзе! — «Алексейка-коляж» превратился в «лейтенанта Алёшу».

Несколько позже, в 1970-е годы, Алексею Николаевичу Ботяну было присвоено звание почётного гражданина города Илжи...

По пути, в двадцатых числах мая, группа Ботяна должна была переправляться через Вислу — в этом им помогли партизаны Армии Людовой.

Потом пришлось преодолевать крупную железнодорожную магистраль, связывавшую Краков и Львов. Кто-кто, а уж ребята из группы знали, как тщательно охраняют гитлеровцы свои стальные пути. Поэтому выбрали самое неожиданное для противника место, вблизи какой-то станции, куда обычные партизаны соваться не рискуют, и перебежали рельсы буквально перед носом у подходящего паровоза, то есть в тот момент, когда охрана смотрит уже не на пути, а на вагоны. Замысел удался — прошли незамеченными.

Нужно сказать, что на польской территории Ботян без труда «превратился» в поляка — так было гораздо легче общаться с жителями «коренной национальности». При этом, кроме исключительных случаев, он представлялся советским партизаном.

Георгий Захарович Санников объясняет: «Ботян был своим среди поляков, и это один из элементов его выживания, его спасения, его успеха. Он прекрасно мимикрировал — ведь он был актёр, он был великолепнейший актёр! Поверьте, если быть нелегалом — шпионом, разведчиком — как хотите! — и не быть актёром, то из этого ничего не получится. Не важно, какое амплуа ты будешь представлять, трагическое, комедийное или ещё какое, но ты актёр, иначе невозможно! Он очень удачно это делал, спокойно, быстро и легко переходя с языка на язык. Это было его спасение...»

«Поляк?» — спрашивали его по-польски. «Поляк!» — уверенно отвечал он на знакомом с малолетства языке. «А почему ты в советской разведке служишь?» — «Потому, что не было наших, — уверенно отвечал он. — Мы воюем против общего врага. Я всё равно патриот польский!»

Ему верили. Впрочем, он ведь никого и не обманывал: Алексей действительно любил Польшу, ту страну, где он вырос, за которую сражался в далёком

уже 1939-м, на чьей земле был готов погибнуть сейчас. И какая разница, поляк он теперь, белорус или русский? Когда в твой дом врываются бандиты, кто будет выяснять у соседей, плечом к плечу вставших на пути пришедшей сволочи, какой они национальности? А Польша всё-таки была его домом...

Немецкие же бандиты очень старались напомнить своим жертвам о их национальной принадлежности — да ещё так, чтобы эти жертвы вспоминали взаимные претензии и обиды. Они же хитрые, они же ушлые, да и гораздо умнее националистически настроенных... какое бы тут слово помягче подобрать? Хотя тут и любое «немягкое» слово уместно, если только себе представить, как потешаются ворвавшиеся в дом бандиты, глядя на то, как хозяева-соседи мутузят друг друга, припоминая старые обиды! А ведь именно так всё и получалось — и вот тому подтверждения:

«Руководитель оперативной группы, действующей на территории Генерал-Губернаторства, майор госбезопасности Карасёв сообщает, что в Львовской и Люблинской областях немцы проводят карательные экспедиции против поляков, используя для этой цели украинскую полицию. В последнее время ряд сёл Грубешувского, Билгорайского, Холмского, Томашувского и Раворусского районов сожжён карателями.

В свою очередь польские вооружённые отряды производят нападения на украинское население. В последних числах апреля с. г. командир полка «Армии Крайовой» майор «Адам» с отрядом, насчитывающим 1500 человек, произвёл нападение на село Лашув, в 32 километрах юго-западнее Грубешува, где проживают украинцы.

Украинские организации, особенно в пограничных сёлах Галиции, вооружаются немцами...»[{128}](#).

«Руководитель нашей оперативной группы, действующей на территории генерал-губернаторства (майор госбезопасности Карасёв), сообщает, что в последнее время немцы заигрывают с польскими националистами, стремятся привлечь их на свою сторону и направить против польских патриотических организаций и советских партизан.

Имеются сведения, что немцы ведут переговоры с командованием польских отрядов и якобы уже добились некоторых результатов. Так, например, командир польского отряда, действующего в районе города Островец, по фамилии Шанец, после переговоров с немцами получил от них автоматическое оружие, боеприпасы, а также наградные знаки с изображением польского герба — белого орла с надписью на польском и немецком языках»^{129}.

Вот так! Даже польского орла фрицы вспомнили! И наградные знаки двуязычные сделали. Пожалуй, при таком отношении «хозяев» и поляки, и украинцы могли даже почувствовать себя людьми...

Ладно, пусть чувствуют себя кем угодно, всё равно основную тяжесть борьбы несла на своих плечах доблестная немецкая армия — именно так считали «хозяева», да так оно на самом деле и было. С точки зрения гитлеровского командования, оуновцы, аковцы и прочая «шваль» были хороши в роли «пушечного мяса», как помощники солдатам высшей расы (вспомните, как конные эсэсовцы весело гнали в атаку доблестных галичан!). А помощь была нужна — уж очень «достали» немцев советские оперативные группы и многочисленные партизанские отряды разной ориентации, действовавшие на польской территории. «Достали» настолько, что для организации борьбы с ними из Берлина в Краков прикатило высшее эсэсовское руководство.

«По полученным данным от руководителя ПЗП^[89] Краковского дистрикта, округа № 2 (округ № 2 включает в себя районы Ланцугский, Жешовский, Тарновский, Нисский, Тарнобрудский), по кличке «Орач», прибывшего из Кракова 23 мая, нам стало известно о посещении г. Кракова Гиммлером^[90]. На Краковском вокзале его встретил генерал-губернатор Франк и руководители центрального аппарата Генерал-Губернаторства. В сопровождении всей свиты Гиммлер направился в краковский замок — резиденцию Франка.

Эти данные проверены через нашего агента-маршрутника ХХХХХХХ Яна^[91], жителя Вольки Таневской около Ниско.

В краковском замке Гиммлер собрал совещание руководителей центрального аппарата, гестапо, жандармерии и полиции генерал-губернаторства.

Руководители польских партий^[92] и наша агентура, посетившая Краков, высказывали мнение о том, что после посещения Гиммлером Кракова должна начаться крупная карательная экспедиция на всей территории Г. Г.^[93] и в особенности в Яновском и Белгорайском лесных массивах, которые к этому времени представляли место базирования крупных диверсионных отрядов и специальных групп».

Ну, пока гитлеровцы к этой операции готовились, опергруппа Ботяна преподнесла им весьма неприятный сюрприз.

«Разведчики «Олимпа» активно занимались получением информации военного характера в интересах командования Красной армии... 30 мая они добыли данные о наличии трёх действующих и одного строящегося военных аэродромов в районе Кракова, также было установлено количество и типы самолётов. Через два дня советские бомбардировщики нанесли удар по этим аэродромам»^{130}.

Как раз в районе того самого Кракова, близ резиденции наместника! Как это мило, какое внимание к господину генерал-губернатору! Нет сомнения, что гитлеровцы были в бешенстве.

Однако вскоре развернулись достаточно серьёзные события, непосредственно отразившиеся на судьбе Алексея Ботяна и его оперативной группы. Историк пишет:

«Наиболее крупные и тяжёлые бои на территории Польши начались после посещения 23 мая 1944 г. Г. Гиммлером Кракова. В Краковском замке на совещании руководителей центрального аппарата гестапо, жандармерии, полиции и генерал-губернаторства была поставлена задача уничтожения партизанских соединений в Яновских лесах путём крупной карательной экспедиции. Начавшаяся экспедиция затянулась почти до конца июня 1944 г. Для уничтожения партизан противник подтянул значительные силы. Здесь были не только многочисленные национальные формирования, но и немецкие армейские части и дивизия СС «Викинг»^[94]. Когда кольцо противника стремительно сжималось, партизаны совершили прорыв, из окружения было выведено 11 партизанских отрядов, 2 оперативные группы и другие отряды»^{131}.

Это была одна из самых крупных карательных акций за всю Великую Отечественную войну.

Вот что докладывал майор Карасёв генерал-лейтенанту Судоплатову:

«С 6 июня на дальних подступах к Яновским лесам были сосредоточены крупные войсковые единицы для начала карательной экспедиции.

С запада и северо-запада действовала полнокровная немецкая эрзац-дивизия^[95]. С юга прикрывал и держал оборону калмыцкий кавалерийский корпус и приданные ему для усиления два батальона «фолькс-дейтшей»,

сформированных и обученных в Краковском дистрикте в г. Дембе. С востока стояла пехотная дивизия^[96], прикрывающая шоссейную дорогу Билгорай — Фрамполь — Янов и большак Билгорай — Янов. В Билгоре и Янове сосредоточивались сильные ударные единицы для полного уничтожения партизанских отрядов.

По плану противника, окончательное уничтожение отрядов и групп, дислоцирующихся в Яновских лесах, должно было произойти в треугольнике Билгорай — Фрамполь — Янов.

С 9 июня противник активизировал свои действия. Наша разведгруппа под командованием Вронского Станислава Матвеевича, действующая 9 июня в районе Кшешув, Улянув, провела разведку боем в селе Вымыслув Зволяки близ Улянуба. В результате 30-минутного боя разведкомпания^[97] калмыцкого кавалерийского корпуса была рассеяна и обращена в бегство, оставив на поле боя 11 убитых и до 20 раненых. С нашей стороны один раненый.

В этих действиях особо отличились командир группы Вронский Станислав Матвеевич, Козак Василий Захарович, Цехан Алексей Иванович, Ступка Евгений Иванович.

11 июня наша застава в населённом пункте Шведы (что 18 км ю-з. Янова) под командованием гвардии ефрейтора Червякова Дмитрия Ивановича, обнаружив движущуюся колонну немцев в направлении заставы, подпустила немцев на 50 метров и в упор расстреляла из пулемётов и автоматов до 40 немецких солдат и офицеров.

В этом бою отличились Червяков Дмитрий Иванович, отличный пулемётчик гвардии рядовой Ступка Евгений Иванович и гвардии ефрейтор Суханов Прокопий Егорович.

Ввиду сильной концентрации противника вокруг нашей базы и баз остальных партизанских отрядов и

угрозы полного окружения, мы были вынуждены сменить место дислокации, отойдя на восток в район населённых пунктов Флиссы, Мамоты Турне, Шевцы, что близ Янова...»

И вот так день за днём, до 15 июня. Атаки, прорывы, подбитая и захваченная техника, уничтоженные гитлеровцы... Чтобы излишне не утомлять читателя, мы прерываем этот отчёт и сообщаем только о результатах беспримерных боевых действий:

«За весь период в открытых боях противник понёс [потери] только убитыми и пленными более 500 человек, не считая раненых.

Отряд имеет потери героически погибшими 17 человек, тяжело и легко ранеными 25 человек.

Противник потерял на поле боя тяжёлую технику, большое количество боеприпасов и военного имущества».

Завершается этот текст на высокой патриотической ноте:

«Героические действия партизан в Яновском и Билгорайском лесных массивах стали известны всему польскому народу, о них говорит Варшава и ставка Гитлера. Пленные показывают, что немецкие офицеры и солдаты, идя на партизан, напиваются пьяными, боясь встретиться в трезвом виде лицом к лицу с партизанами. Сами немцы говорят, что на одного партизана нужно 10-15 немецких солдат».

«Сложившаяся... тяжёлая обстановка заставила обороняющихся принять единый план обороны, по которому, с согласия командиров партизанских отрядов, руководство боем возглавили руководители оперативных групп НКГБ СССР тт. Прокопюк и Карасёв.

14 июня в 9 ч. 30 мин. немцы повели стремительное наступление на всех участках круговой обороны. Бой с противником длился без перерыва в течение 14 часов. Наиболее упорным наступление немцев было на участке

обороны, занимаемом опергруппами тт. Прокопюка и Карасёва, куда противник бросил более двух полков, поддержанных лёгкими танками, бронемашинами, артиллерией и тяжёлыми миномётами. Бойцы и командиры оперативных групп НКВД СССР отбили 32 атаки немцев, 10 раз сами переходили в контратаки, уничтожив до 800 немецких солдат и офицеров, полностью разгромив штаб батальона, две автомашины, обоз с боеприпасами, захватив шесть 75 мм орудий, один полковой и два батальонных миномёта.

Всеми остальными отрядами было отбито 29 атак противника, и 3 раза отряды сами переходили в контратаки. В течение боя немцы три раза вызывали свою авиацию.

За время боя противник потерял только убитыми до 1500 солдат и офицеров. Потери опергрупп и партизанских отрядов составляют 95 убитыми и 71 человек ранеными. В оперативной группе тов. Прокопюка убито 41 и ранено 23 человека, в оперативной группе тов. Карасёва убито 7 и ранено 11 человек...

Прорвав оборону противника на основном участке наступления карателей, оперативные группы тт. Прокопюка и Карасёва проложили путь к выходу, и в ночь на 15 июня из вражеского кольца вышли все партизанские отряды, за исключением Галицкого и Чапыги, решивших самостоятельно выходить из окружения, так как они не имели возможности выйти со всеми отрядами одновременно...»[{132}](#).

«Карасёв — замечательный парень, смелый, в военном отношении грамотный, — так оценивал Ботян своего командира. — Бывали такие случаи, что немцы окружали нас, блокада была, но благодаря Карасёву мы выходили из такого положения, когда, казалось, выхода не было! Особенно в Польше. Там были не только наши

партизаны, но и польские. Немцы собрали 30 тысяч, чтобы окружить нас и уничтожить. Но мы вышли!»

Даже спустя многие десятилетия Алексей Николаевич не отделял себя от других бойцов «Олимпа»: «мы», «нас»... Недаром же про него говорят: «человек команды»! Хотя тогда уже, во время тех самых боёв в окружении, его, как мы знаем, в отряде не было. А всё равно: «мы», «нас», словно бы и он вместе со всеми пробивался из окружения, делил с товарищами и труды, и опасности... Однако всё то происходило уже без него.

«В ночь на 15 июня в результате удачного манёвра основной массе партизан удалось вырваться из окружения и сосредоточиться в Билгорайских лесах, сохранив всю боевую технику. Советские самолёты сбросили им оружие и боеприпасы.

Новая попытка гитлеровцев окружить партизан была полностью сорвана минутным партизанским штурмом. Вражеские цепи были прорваны на двухкилометровом фронте. Все отряды партизан ушли в Немировские леса. Гитлеровцы были вынуждены снять блокаду лесов и ограничиться операциями отдельных крупных карательных отрядов...»[{133}](#)

После всех этих боёв и маневрирования по тылам противника, продолжавшегося где-то до начала июля, в планы действий оперативной группы «Олимп» были внесены существенные изменения.

«В начале августа 1944 года советское партизанское соединение имени Александра Невского, действуя в тылу противника на коммуникациях немецко-фашистских войск, совершило глубокий рейд в полосу Карпат по южной польской границе и в районе населённого пункта Вишня-Комарник вышло на территорию Чехословакии», — говорится в справке о действиях отряда «в тылу противника на территории Чехословакии в 1944–1945 годах».

«Прощаясь» с героическим партизанским соединением, считаем нелишним сказать несколько слов об итогах его боевой деятельности:

«Отрядом А. Невского проведено 130 боевых операций в Белоруссии и на Украине, в Польше, Чехословакии и Венгрии.

Отряд «Олимп» действовал в тылу противника с 10 февраля 1943 г. по 15 февраля 1945 г., совершая глубокие рейды на территории Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии и Венгрии, прошёл путь протяжённостью более 11 тыс. 500 км, провёл в сложных условиях более 130 крупных боёв и столкновений с немецко-фашистскими войсками и различными формированиями: РОА, восточными легионами, калмыцким кавалерийским корпусом и бандами украинских националистов. На своём пути бойцы отряда разрушали коммуникации противника, уничтожали живую силу и технику, делали всё, чтобы жизнь оккупантов стала невыносимой»^{134}.

Стоит уточнить, что напрямую расстояние между Москвой и Владивостоком составляет 9057 километров, а между Москвой и Петропавловском-Камчатским — 9992 километра. Отряд прошёл несколько больше, да ещё и с боями...

Соединение под командованием Карасёва перешло на территорию Чехословакии, и таким образом оставшаяся в Польше разведгруппа Ботяна по сути превратилась в самостоятельный отряд.

«В апреле 1944 г. тов. Ботяном с группой в 35 чел. был создан на территории Польши по существу первый советский партизанский отряд, выросший до 170 человек...» — говорится в архивном деле «Курган».

В данной информации — ещё одно подтверждение того, что задача по ликвидации генерал-губернатора Франка перед группой Ботяна *тогда ещё* поставлена не

была. Группы, имеющие такие задания, не растут как на дрожжах. Они остаются в своём прежнем составе.

Но это — одна из тех легенд, которых о пребывании Алексея Николаевича на родной для него польской земле сложилось множество. Пожалуй, и сам Ботян вряд ли мог бы «отделить зёрна от плевел», потому как незначительные, казалось бы, эпизоды, на которые тогда особенного внимания не обращалось — мол, сделали и забыли, — теперь, после соответствующего изучения, получают совершенно иной смысл.

Вот, например, рассказывают, что однажды днём, когда группа отдыхала на каком-то пустующем хуторе, над ними проревел огромный снаряд, оставивший за собой огненный хвост. По траектории полёта разведчики поняли, что место, откуда он был пущен, находится не так уж и далеко. Пошли посмотреть, остановились у рядов колючей проволоки. Рисковать, пробираясь на тщательно охраняемую территорию объекта, не стали, так как выполняли другую задачу... Координаты по радиации передали в Центр, и вскоре по объекту был нанесён бомбовый удар нашей авиацией. В это время оперативная группа уже находилась далеко от этого места.

Теперь известно, что это был испытательный полигон ракет «Фау-2», знаменитого, хотя и не слишком эффективного гитлеровского «оружия возмездия».

Вот только кто точно скажет, какая именно разведгруппа обнаружила этот полигон? Если одни авторы приписывают эту удачу группе Ботяна, то в ряде источников говорится, что группа Ивана Таранченко, несколько позже также вышедшая из соединения имени Александра Невского, обнаружила в районе реки Сан подземный завод, изготавливавший ракеты «Фау-2», и полигон для испытания «оружия возмездия».

Главное, что это было. Один подвиг, или просто один боевой эпизод из такого громадного общего числа, что и

не запомнишь — было, не было?..

14 июня 1944 года оперативная группа Ботяна прибыла к месту назначения и расположилась лагерем у хутора Невцова, в трёх километрах восточнее горы Радзиевой.

Её появление на территории Краковского воеводства стало значимым событием, вызвавшим очень противоречивые оценки с разных сторон. Известно ведь, что оперативная обстановка на оккупированных гитлеровцами землях Польши была, мягко говоря, сложной. Недаром же начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Малинин (войсками фронта командовал тогда маршал Рокоссовский) 16 июля 1944 года подписал такое распоряжение:

«Наши войска, действующие на территории западных областей Белоруссии и Украины, вошли в соприкосновение с польскими вооружёнными отрядами, которыми руководит польское эмигрантское правительство.

Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, командующий войсками фронта приказал:

1. Ни в какие сношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. По обнаружении таких отрядов немедленно личный состав их разоружать и направлять на армейские пункты сбора для проверки.

2. В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении их вооружённую силу.

3. О ходе разоружения польских отрядов и о количестве собранных на сборных пунктах солдат и офицеров доносить в штаб фронта»[{135}](#).

Такие вот «пролетарский интернационализм» и «славянское братство»!

Понятно, что в «коммунальном», как мы его назвали, партизанском лесу никакому отряду невозможно было оставаться совершенно незамеченным. Вот и подразделение Ботяна однажды натолкнулось на отряд аковцев. Но если в директивах действующим войскам можно давать указания «немедленно разоружать» такие отряды и «применять вооружённую силу», то в лесу необходима «толерантность». Там нужно было либо сразу открывать огонь, либо вести переговоры. На этот раз всё обошлось переговорами.

Поляки встретили советских разведчиков очень недружелюбно.

— Зачем пришли? — жёстко спросил их командир. — Без вас обойдёмся!

— Что ж вы до сих пор не обошлись? — скептически усмехнулся в ответ Алексей. Услышав его речь, польский поручик Барабаш, он же — Мариан Солтысяк, никак не мог поверить, что Ботян не поляк, а белорус, и всё допытывался, за сколько злотых тот продался Советам.

Всё же как-то удалось с ним договориться, и смягчившиеся аковцы даже поделились с советскими партизанами — никто же не стал уточнять, что это оперативная группа особого назначения НКГБ — хлебом и сигаретами. Но порекомендовали побыстрее покинуть их края. На том и разошлись...

«Когда я появился там, в Краковском воеводстве, то вскоре узнал, что поляки очень встревожены, — рассказывал Алексей Николаевич. — Имеются в виду Армия Крайова, Лондонское правительство. Мол, советские партизаны здесь появились — что с ними делать? Представители и руководители всех этих эмигрантских сил, что тут были, собрались в Кракове на своё подпольное совещание. И там после долгих обсуждений было решено: уничтожить советскую группу. В том числе, разумеется, и меня. Но уничтожить как? Самим это делать было достаточно чревато

неприятностями: тут находилось немало просоветских отрядов и наши бывшие военнопленные — как бы они к этому отнеслись? Да и Красная армия наступала неудержимо, а значит, потом перед ней пришлось бы ответ держать... Вот они тогда и решили подставить нас немцам. Немцы бы окружили и уничтожили нашу группу, а поляки потом выражали бы искреннее сочувствие».

Насчёт этого предательства аковцев также существует немало легенд — или вариантов. Например, что Ботяна якобы заманивали в какой-то сарай, который потом успешно взорвали, но только без него... Сам же Алексей Николаевич рассказывал о происшествии так: «Нашли они одного командира группы — фамилию его я забыл, хотя потом с ним встречался — и предложили мне сделать совместную операцию против немцев. Но они, по-моему, об этом немцев уведомили. То есть они хотели, чтобы мы пошли вместе, а они оттуда потом незаметно смоются. Но я об этом узнал, меня предупредили... Я им сказал: что же вы, сволочи, делаете? Всё получилось так, что мы туда не пришли — я подставил немцам поляков, а сам со своими ребятами ушёл... Вот такое было отношение у аковцев!»

В общем, как можно понять, польские «товарищи» вознамеривались повторить подвиг Ивана Сусанина. Вернее, в конце концов взять за него реванш: если и не завести русских партизан в лесные непроходимые чащобы, то хотя бы навести на гитлеровскую засаду. Однако реванш не удался, потому что на пол пути к месту засады опергруппа аккуратнейшим образом исчезла... Что после этого делали аковцы — большой вопрос. Хотя если Ботян командира этой группы впоследствии встречал, то, значит, и поляки уцелели, а впрочем, может, и не все...

Есть, кстати, и другая версия этих событий, приведённая Иваном Золотарём в его документальной книге:

«Утром, как только рассвело, предатель Хованец и его непосредственный руководитель агент гестапо фольксдойч Ричард Лонгин — довоенный подофицер польской пограничной службы, а с приходом немцев военнослужащий немецкой железнодорожной охраны — привели по еле заметным следам, проложенным советскими партизанами, крупный отряд гитлеровских карателей. Однако вместо того, чтобы накрыть советских партизан, они привели карателей, миновав посты, прямо в расположение отряда Завиши.

Застигнутые врасплох аковцы еле спаслись, оставив на месте схватки двоих убитых и всё своё продовольствие, так трудно достававшееся в горных условиях»[{136}](#).

Может, именно так всё и было, а может и нет. Хотя Иван Фёдорович писал о произошедшем почти «по горячим следам», но тот период он знал ещё по чужим рассказам. И так как это не оперативный отчёт, а художественное произведение, то что-то возможно было опустить, а что-то пересказать иначе...

«Народное настроение тогда было таково, что врагами всё ещё считали не так русских, как большевиков, — вспоминал Алексей Николаевич. — Вот, ко мне в отряд поляки попали, молодые ребята, очень хорошие — один, хороший парень, Пушник по фамилии, в дальнейшем он погиб... Он говорил: «Я вас, русских, очень уважаю и люблю! Но ты, курвин сын, большевик!».

Удивляться не приходится: большевики были той «страшилкой», которую власть активно предлагала населению. Мол, вам при нашем правлении плохо — так ничего, придут большевики, всех вас в колхоз загонят, всё имущество отнимут, даже жён «обобществят», костёлы позакрывают, ксёндзов поголовно отправят в Сибирь... В ту пору любой буржуазный режим очень боялся большевиков, которые предлагали трудящимся альтернативу иной жизни. Жаль только, что сами

большевистские лидеры далеко не всегда следовали тем принципам, которые декларировали...

К счастью, тогдашнее советское руководство было гораздо умнее своих последующих преемников и отнюдь не желало «ломать через колено» население оккупированных территорий. Напротив, и в Польше, и в других освобождённых странах, а позже и в самой Германии делалось всё возможное, чтобы привлечь народ на сторону освободителей.

Вот что говорилось в постановлении ГКО о задачах советских войск, вступавших на территорию Польши, — это постановление было подписано 31 июля 1944 года:

«<...>

3. Имея в виду, что вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его родины от ига немецко-фашистских оккупантов, в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костёлов, церквей и молитвенных домов не трогать»^{137}.

Следующий пункт был несколько жёстче, куда было деваться? Но интересы «широких масс населения» он не затрагивал:

«4. Установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобождённой территории Польским Комитетом Национального Освобождения... Никаких других органов власти и в том числе органов польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, кроме органов Польского Комитета Национального Освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмигрантского

«правительства» в Лондоне, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами...»[{138}](#).

Вот и Ботян по мере возможности избегал контактов с аковцами. Зато русские чекисты-большевики успешно воевали вместе против гитлеровских захватчиков совместно с поляками из Армии Людовой и крестьянских «Батальонов хлопских». Взаимопонимание было налажено в предельно короткие сроки.

Был установлен контакт и с краковскими подпольщиками. Они, в частности, передали Ботяну информацию о расположенных в городе немецких военных объектах. Есть легенда (скорее всего, это именно легенда), что полученную информацию радисты оперативной группы передавали в Москву в течение двух суток.

Когда же вскоре в отряде «лейтенанта Алёши» вышла из строя переносная армейская радиостанция (полетели зубья на шестерёнке генератора), то её, проявив «пролетарскую солидарность», отремонтировали рабочие вагоноремонтных мастерских города Новый Сонч. Как известно, новую шестерёнку отливал рабочий — немец по национальности. Оно не удивительно: гитлеровская диктатура и в Германии очень многим не нравилась, а что говорить о фольксдойче, зарубежных немцах «второго сорта»?

Конечно, для одних было смертельно опасно отдавать радиостанцию, для других — её отремонтировать. Если бы немцы или полиция узнали про такой «левый заказ», тут уж не помогли бы никакие отговорки. Кто поверил бы, что рацию «случайно нашли» и решили, что она «в хозяйстве пригодится»? Оккупационные власти давно уже отобрали у населения радиоприёмники, что уж тут о передатчике говорить? Обнаружение такового обеспечивало «ремонтникам»

верную смерть после мучительных пыток и почти наверняка грозило «расшифровкой» отряда...

Поломка радиостанции на некоторое время оставила оперативную группу без связи. Пока радисты сами пытались её починить, пока выходили на рабочих из мастерских и передавали им рацию, пока те подпольным образом осуществляли ремонт — в общем, получилось так, что командование «Олимпа» потеряло свою разведку. Карасёв принял решение направить на поиск Ботяна группу под командованием старшего лейтенанта Ивана Таранченко. Хотя вполне возможно, что в документах несколько смягчили ситуацию: судя по численности группы, это вполне мог быть «первый эшелон» собиравшегося переходить в Краковское воеводство соединения имени Александра Невского.

Сейчас трудно сказать, почему группа Таранченко оказалась в треугольнике между рекой Сан и тщательно охраняемыми шоссе и железной дорогами. К тому же в этих местах было очень много немецких войск. Группа была обнаружена и, стремясь вырваться из «треугольника», трое суток маневрировала, ведя непрерывные бои с многократно превосходящими силами гитлеровцев...

О произошедшем говорится в письме командования соединения имени Александра Невского в адрес руководителей КГБ СССР:

«В июле — начале августа 1944 г. на базу отряда А. Ботяна прибыла вторая группа соединения под командованием И. М. Таранченко. Группа в пути следования понесла большие потери (из 110 чел. на базу прибыло только 12).

Отличительной чертой характера А. Ботяна является скромность. Обе группы (отряды) были объединены. Ботян, отдавая дань старшему по званию, много перенёсшему при переходе И. М. Таранченко,

предлагает ему принять командование. Фактически всем руководит Ботян.

Так продолжалось до сентября 1944 г., до момента выброски к ним на базу майора Золотаря И. Ф. и подполковника Перминова П. Р.

В свете новых задач, при новом командовании сводными отрядами (вскоре переросшими в соединение), роль А. Ботяна была по-прежнему ведущей; [его] отличное знание местности, широкие связи и популярность среди польского населения способствовали выполнению соединением стоящих задач».

Что было дальше, мы расскажем в следующей главе, а пока несколько слов о событиях более глобального масштаба. Как нам уже известно, в первых числах августа соединение имени Александра Невского начало свой рейд в полосу Карпат — в Чехословакию.

Между тем обстановка в Польше накалилась до предела: в Варшаве внезапно началось восстание.

«Варшавское восстание 1944 г. — антифашистское вооружённое выступление 1 августа — 2 октября в оккупированной немецко-фашистскими войсками Варшаве. Было предпринято и начато руководителями Армии Крайовой (АК) в рамках разработанного польским эмигрантским правительством плана захвата власти до освобождения польской столицы советскими войсками. Командование АК предполагало овладеть Варшавой и обеспечить прибытие в неё эмигрантского правительства, чтобы противопоставить его демократическим силам, создавшим в июле 1944 г. временный исполнительный орган народной власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Решение руководства АК о восстании не было согласовано ни с советским командованием, ни с ПКНО и польскими демократическими организациями, действовавшими в варшавском подполье во главе с

Польской рабочей партией и находившейся под её руководством Армии Людовой. Варшавское восстание началось без учёта обстановки на советско-германском фронте. Советские войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, пройдя с боями за 40 суток около 700 км, были вынуждены вести тяжёлые бои севернее и южнее Варшавы и не могли оказать повстанцам немедленной помощи»^{139}.

Вот что говорилось по поводу этого восстания в письме советского правительства в адрес британского руководства:

«Советское правительство сообщало уже Британскому правительству своё мнение о том, что за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне...

Никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в большом городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам. Понятно, что советское командование не должно составлять исключение. Несомненно, что если бы перед восстанием в Варшаве запросили советское командование о целесообразности устройства восстания в Варшаве в начале августа, то советское командование отговорило бы от такой затеи, ибо советские войска, прошедшие с боями свыше 500 километров и достаточно уставшие, не были тогда готовы, чтобы взять штурмом Варшаву, имея при этом в виду, что немцы к этому времени уже успели перебросить с запада свои танковые резервы в район Варшавы.

Никто не может упрекнуть Советское правительство, что оно оказывает будто бы недостаточную помощь

польскому народу, и в том числе Варшаве...

Что касается Вашей попытки сделать Советское правительство в какой-либо степени ответственным за варшавскую авантюру и за жертвы восставших, то Советское правительство не может это рассматривать иначе, как желание свалить ответственность с больной головы на здоровую. То же самое надо сказать насчёт того, что позиция Советского правительства по вопросу о Варшаве будто бы противоречит духу союзного сотрудничества.

Не может быть сомнения, что если бы Британское правительство приняло меры к тому, чтобы [советское] командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот...»[{140}](#).

Как же, однако, старались англичане внести раскол между ближайшими соседями, которые к тому же считались их союзниками! А ведь понятно было, что Польша останется в зоне советских и российских интересов и что добрососедские отношения в данном случае просто необходимы. Но необходимы они самим соседям, а не тому далёкому от них островному государству, которое издавна руководствуется правилом «разделяй и властвуй».

Только поэтому англичане и возмущались неоказанием помощи Варшавскому восстанию и поддерживали ту определённую часть польского населения, которая боролась с «русской экспансией».

И ведь что интересно! Из предыдущего письма ясно, что «за варшавскую авантюру... несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне» (и, соответственно, гостеприимно приютившие их хозяева), а из последующего документа становится понятным тот факт, что англичане прекрасно знают: СССР ничего лишнего при послевоенном переустройстве Европы себе не потребует! Советский Союз хочет

вернуться к границам 1941 года — то есть вернуть себе те территории, которые входили в состав Российской империи ещё в славном «осьмнадцатом» столетии.

Такое понимание было отражено в докладе исследовательского отдела МИД Великобритании «Некоторые исторические тенденции русской внешней политики». Этот секретный доклад стал достоянием советской внешней разведки:

«<...>

3. Неизменной тенденцией в русской политике является желание занять на западе и укрепить стратегическую линию, которая в общих чертах соответствует границе 1941 г. и базируется на Западной Карелии, Прибалтийских государствах, Припятских болотах, Карпатах и Дунае и гарантируется на фланге уверенностью в том, что проливы никогда не будут находиться в зависимости от какой-либо другой державы. Эта линия (которая, за исключением Прибалтийских государств, примерно совпадает с этнографической западной границей России, Белоруссии и Украины) была завоёвана Россией и защищалась ею в XVIII веке (кроме Бессарабии, присоединённой в 1812 г.). Россия вышла за её пределы только после того, как европейское равновесие было нарушено Наполеоном, произведя неловкое присоединение Великого княжества Финляндского и так называемой «конгрессовой» Польши. Обе эти территории сохраняли полуавтономный статус в пределах русской империи на протяжении многих лет, никогда не были полностью освоены и если бы даже правительство Ленина было в 1918 г. сильным, а не слабым, оно, наверное, сочло бы благоразумным согласиться с их отделением.

Нет оснований полагать, что СССР захочет вновь присоединить к себе какую-либо из этих территорий после войны, если у него будут надлежащие гарантии

против возрождения военной мощи Германии. С другой стороны, он будет настаивать на сохранении своей границы 1941 г., которая на всём своём протяжении на западе представляет не результат притязаний, а исторически обусловленную стратегическую и этнографическую черту. Граница 1941 г. с Финляндией приблизительно совпадает с границей, установленной в 1721 г. Граница 1941 г. с Польшей почти точно совпадает с границей, установленной в 1763 г. Граница 1941 г. с Румынией по Дунаю совпадает с границей, установленной в 1812 г. Кроме того, в дополнение к стратегическим соображениям, граница с Польшей и Румынией, установленная в 1941 г., включает в пределы Украинской ССР всех украинцев, за исключением проживающих в Прикарпатской Украине. Принимая во внимание попытки Франции после революции 1917 г. отделить Украину от СССР и аналогичные намерения немцев, высказанные в «Майн Кампф» и осуществлённые впоследствии, правительство Советского Союза, вероятно, будет считать политически важным для своей безопасности и неприкосновенности, чтобы за пределами его границ не оставалось значительной группы украинцев, могущей превратиться в очаг сепаратистской пропаганды. Наконец, сюда входят и соображения престижа. Советское правительство и пресса описывают население, присоединённое в 1939–1940 гг., как «освобождённое», а присоединение Прибалтийских государств и Восточной Польши представляется как основанное на народном голосовании. Поэтому им было бы чрезвычайно трудно оправдать в глазах своего собственного населения оставление этих территорий, даже если бы Советское правительство и было расположено по другим соображениям пойти на такой шаг...

4. Относительно этой стратегической линии можно утверждать, что русская политика на западе была

исторически по преимуществу оборонительной, за исключением имевших место в XIX столетии на Балканах выступлений, которые имели целью отчасти противодействие продвижению Австрии к проливам, а отчасти — укрепление русского влияния...»^{141}.

Понимать-то они понимали, но недаром ещё генералиссимус Суворов лапидарно характеризовал отношение Великобритании к России как «Англичанка гадит». А потому британцы не только не спешили поставить своего верного союзника на место, но и тайком помогали ему в его «антибольшевистской» деятельности.

«В связи с дальнейшим продвижением войск действующей армии на запад, лондонское эмигрантское правительство дало указание Армии Крайовой всячески препятствовать Красной армии, до её подхода явочным порядком захватывать власть на местах, совершать диверсии, нападать на отдельные воинские части, уничтожать отставших военнослужащих. В августе — сентябре 1944 года в тылу советских войск действовали 20 подпольных «аковских» радиостанций, из них три на территории Белоруссии. Позже их количество стало неуклонно возрастать. Руководство этими подрывными «процессами» осуществлялось опытными сотрудниками английских спецслужб во главе с полковником Хадсоном, несмотря на то, что Великобритания являлась союзником СССР по антигитлеровской коалиции. Урон, причинявшийся тогда бандами «аков-цев» войскам Белорусских фронтов, был существенным. Только во второй половине 1944 года ими были убиты 277 и ранены 97 советских военнослужащих, а за первые пять месяцев 1945 года убиты 317 и ранены 125 бойцов и офицеров. И если раньше противодействие АК и немецким спецслужбам осуществлялось прежде всего силами зафронтной разведки и партизан, то теперь основную нагрузку на себя взял «Смерш»^{142}.

Такая вот тайная и подлая война между союзниками...

Глава двенадцатая **...И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О** **ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ**

Итак, самостоятельным отрядом «лейтенант Алёша» руководил недолго. Поначалу он сам благородно передал командование своему старшему товарищу Ивану Таранчен-ко, а затем из Москвы прислали нового командира. Иван Фёдорович Золотарь был сотрудником органов безопасности более чем с двадцатилетним стажем, пришёл в ОГПУ семнадцатилетним пареньком в 1922-м, а к 1936 году дорос до начальника горотдела НКВД. Но в 1938 году, когда после назначения наркомом Берии в наркомате проводилась очередная «чистка», он был осуждён на пять лет, так что в начале войны находился в лагере. В январе 1942 года Золотарь был освобождён «по особому ходатайству НКВД СССР» и направлен в Четвёртое управление.

Хочется сделать небольшое отступление. В книге «Разведка и Кремль» генерал-лейтенант Судоплатов пишет, что в начале войны по его ходатайству был мгновенно освобождён из тюрем ряд бывших сотрудников разведки и контрразведки, направленных затем в состав возглавляемой им Особой группы. Смущает вывод автора: «Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виновны или не виновны те, кого мы рекомендовали для работы»^{143}.

Ясно, что этот вывод сделан литзаписчиком или редактором, ибо нет сомнения, что сам Павел Анатольевич прекрасно понимал: когда на первом месте стояли интересы обеспечения безопасности родины,

всякие «политические игры», «перегибы» и прочее просто уходили в сторону. Какая разница, в чём именно были виновны опытейшие сотрудники, «крутые профессионалы», которые реально могли послужить Отечеству? Не на курорт же их посылали отдохнуть после «отсидки» — им предлагалось воевать и искупить свою вину (реальную или «сфабрикованную») кровью.

Вот и Иван Золотарь через год после освобождения находился в Белоруссии, где руководил проведением сложнейшей операции по уничтожению гауляйтера Вильгельма Кубе.

Учитывая это, кстати, можно сделать глубокомысленный вывод, что и в Краковское воеводство Польши, где находилась резиденция генерал-губернатора Ганса Франка, Золотарь был послан «совсем не случайно». Хотя и говорят, что изначально перед Ботяном ставилась задача ликвидации генерал-губернатора, но очевидно, что возникла она только теперь. Но не надо думать, что «лейтенанта Алёшу» как-то «задвинули», лишив командования, — его-то не задвинешь! Просто насчёт него у командования были свои планы...

В послевоенные годы, возвратившись к мирной жизни, Иван Фёдорович стал писателем. Для нас это великое счастье, что нашёлся человек, который ещё тогда зафиксировал некоторые «страницы жизни» Алексея Ботяна!

Интересно, что по завершении службы литературный талант прорезался не только у Ивана Золотаря, но и у нескольких других весьма заслуженных командиров партизанских соединений, в том числе и руководителей омсбо-новских отрядов. По несколько очень интересных книг написали командир легендарного отряда «Победители» Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев («Сильные духом», «Это было под

Ровно» и другие), командир партизанского соединения дважды Герой Советского Союза генерал-майор Сидор Артемьевич Ковпак («От Путивля до Карпат» и другие), командир 1-й Украинской партизанской дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Пётр Петрович Вершигора («Люди с чистой совестью» и другие). Как говорится, «список можно продолжить».

Хочется вспомнить и Героя России Юрия Антоновича Колесникова, очень хорошего и душевного человека, сотрудника Четвёртого управления НКВД в годы Великой Отечественной войны, исполнявшего обязанности начальника разведки в соединении Ковпака, а потом ставшего профессиональным литератором. Его книги «За линией фронта», «Земля обетованная», «Занавес приподнят» и другие выходили в СССР огромными тиражами (суммарный тираж одного только политического детектива «Занавес приподнят» более пяти миллионов экземпляров), были переведены на многие иностранные языки.

В авторском активе Ивана Золотаря — книги «Записки десантника» и «Друзья познаются в беде», участие в ряде сборников. Конечно, верить написанному там на все 100 процентов нельзя, это же не оперативный отчёт, но очевидно, что многое рассказанное достаточно близко к истине.

Вот как описывает новый командир своё прибытие в отряд:

«...на юге Краковского воеводства, неподалёку от города Новый Тарг, на высокогорной поляне Явожина, стлавшейся по восточному склону горы Турбач, нас поджидало два небольших отряда советских партизан во главе с молодыми чекистами Алёшей Ботяном и Иваном Таранченко.

В разное время, разными тропами пришли они туда из Яновского леса, расположенного в юго-западной части Люблинского воеводства, с одной и той же целью:

проложить в Западные Besкиды — северные отроги Карпат дорогу своему партизанскому соединению имени Александра Невского, которым командовал Виктор Александрович Карасёв.

Но случилось так, что по приказу с Большой земли это соединение ушло в Чехословакию, на помощь словацким повстанцам, а отряды Ботяна и Таранченко так и остались в Besкидах. На их базе решено было создать самостоятельное партизанское соединение для боевых действий на юге Польши.

Организовать и возглавить это соединение было поручено автору этих строк. В помощь мне были выделены опытные офицеры советской разведки и бывалые партизаны-омсбоновцы. В день вылета из Москвы наш руководитель генерал-лейтенант Павел Анатольевич радировал Ботяну и Таранченко:

«Вместе с вашим новым командиром, — назвал мою фамилию, — к вам вылетел капитан Пушкин, назначенный заместителем командира по разведке. Заместителем по строевой части утверждён Ботян. Вопрос назначения Таранченко будет решён по прибытии командира на место» (Ивана Максимовича назначили замполитом)»^{144}.

Стоит обратить внимание на слова «наш руководитель генерал-лейтенант Павел Анатольевич». Фамилии генерала в тексте нет, «неподготовленный» читатель может прочитать «Анатольевич», этим и удовольствовавшись, не догадываясь, что именем и отчеством здесь обозначен необоснованно арестованный, полностью отбывший свой пятнадцатилетний срок, но ещё не реабилитированный легендарный генерал Судоплатов...

Известно, что поначалу новое соединение имело стоянку у «Орлиного гнезда», затем передислоцировалось к «Салтыковой поляне». Из этих названий уже можно понять, что партизаны

расположились в горно-лесистой труднодоступной местности где-то не очень далеко от Кракова.

Золотарь уточняет: «К моменту нашего прибытия отряд Алёши Ботяна насчитывал 70 человек, отряд Таранченко — 40. Большинство были вооружены винтовками самых разных систем и марок: русскими, немецкими, словацкими и другими, с очень ограниченным количеством патронов. А человек тридцать, недавно прибывших из немецких лагерей смерти, и совсем были безоружными»^{145}.

Если это так, то группа Ботяна успела вырасти вдвое или втрое (как помним, её изначальная численность не совсем понятна); отряд Таранченко увеличился в четыре раза — возможно, за счёт тех самых людей, что каким-то образом вырвались из гитлеровского концлагеря. Насчёт слабого вооружения отряда — по крайней мере основной его части — это сомнительно. Судя по предыдущим документам, оружия себе бойцы доставали в избытке. Та же Илжа была совсем недавно.

Впрочем, согласно «законам жанра» автору следовало показать «заботу Москвы» о партизанах, а потому далее командир-писатель рассказывает, как «из грузовых мешков были извлечены и разложены в ряд десятки автоматов, пистолетов, пулемёты, противотанковые ружья, мины, гранаты, взрывчатка, десятки тысяч патронов» и с каким восторгом принимали все эти богатства партизаны. Что у них у самих было — это вопрос, но восторг, думается, не выдуман: они должны были воевать, а на войне, как свидетельствует опыт, лишних патронов и ненужного оружия быть не может...

Если говорить о боях и сугубо военных действиях, то «личный счёт» у Ботяна очень неплох. Точнее, не «личный», а «групповой» — недаром он постоянно подчёркивал, что сам в одиночку ничего бы сделать не смог и все его успехи — это заслуга отряда. Но вот как

впоследствии были оценены итоги командирской деятельности Алексея:

«По сообщениям тов. Злотаря в боевых операциях, проведённых под личным командованием тов. Ботяна А. Н., противнику был нанесён следующий урон:

1. Разбито два гарнизона противника.
2. Уничтожено путём подрыва три моста.
3. Подорвано два эшелона с живой силой и техникой противника.
4. Взорван немецкий артиллерийский склад в Новом Сонче.
5. Уничтожено фабрик, заводов путём подрыва и организации пожара — 3.
6. Уничтожено автомашин — 60.
7. Уничтожено мотоциклов — 3.
8. Уничтожено велосипедов — 10.
9. Уничтожено конных повозок — 110.
10. Убито немцев в боях на засадах до 2000 человек: из них офицеров — 40 чел., в том числе: полковников — 3, майоров — 2, капитанов — 3.
11. Взято в плен — 200 немецких солдат и 4 офицера, ранено около 4000 солдат и офицеров.
12. Захвачено трофеев: ПТР — 1, пулемётов — 17, автоматов — 20, винтовок — 200 и ценные штабные документы».

Информация эта представлена по архивному делу «Курган».

Про склад в городе Новый Сонч ещё будет рассказано.

Скорее всего, именно в то время и поступило из Москвы указание ликвидировать фашистского генерал-губернатора Ганса Франка.

Как нам уже говорил Валентин Иванович, на первом месте в работе Четвёртого управления НКВД, а потом НКГБ стояла именно ликвидация «первых лиц»

германской администрации на оккупированной территории.

«Четвёртым управлением во время войны ликвидировано 87 гитлеровских «VIP'ов», — уточняет наш собеседник. — Из них одиннадцать «на совести» Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Уже через много лет после тех событий Ботян подтвердил, что основным его заданием была ликвидация гауляйтера Польши Франка. Подобраться к нему было очень непросто — по многим и различным причинам. Вот, смотрите, Илжа — это ж дальние подступы. Хотя и там Ботяна «поймали» партизаны Армии Людовой, отвлекли на свои дела... Но это — наши люди. А вы представьте, как гитлеровцы охраняли своего начальника! И если бы они поймали... Но ведь и наши охотились очень сильно — так же, как за белорусским гауляйтером Кубе, не меньше. Не подумайте, что поручили Ботяну — и всё. Там несколько партизанских отрядов работали — и ГРУ, и мы... Но исполнителя всё-таки нашёл отряд Ботяна».

Чтобы произвести «ликвидацию», нужно было подобрать соответствующих людей и искать тайные подходы к «объекту». Это ведь только в кино отважный герой-разведчик, преодолевая все мыслимые и немыслимые препятствия, в последний момент, оторвавшись от контрразведки, самолично и в гордом одиночестве пробирается в спальню (в кабинет, на дачу — ненужное зачеркнуть) «объекта», где сурово и торжественно произносит соответствующие патетические слова («Именем советского народа!», «Смерть немецким оккупантам!» или нечто подобное), а затем приводит приговор в исполнение. В реальной жизни нужна агентура, проще говоря — помощники. Как был тот же Каплюк в городе Овруче...

О том, как происходит вербовка агентуры, каждый желающий может узнать в соответствующих учебниках,

так что на излишние подробности мы отвлекаться не станем. Просто уточним, что довольно скоро по приходе в Краковское воеводство на связи у Ботяна оказался некто Генрих Мусилович, в прошлом — штабс-капитан Русской императорской армии. Хотя можно подумать: поляк, белогвардеец — что общего у него с советскими чекистами-большевиками?

Ответ прост: своей карательной политикой немцы и их прислужники сами делали всё возможное и даже невозможное, чтобы объединять своих противников вне зависимости от их политических убеждений. Умные люди понимали, что реальной силой, противостоящей Гитлеру, является Советский Союз. А потому, если желаешь победы над нацистской Германией — забудь старые обиды и новые претензии и вставай под красные знамена.

«Почему у нас были очень хорошие отношения с Мусиловичем? — объяснял Ботян. — До войны он был инженером, жил во Львове. Вы знаете, что, когда немцы туда пришли, бандеровцы стали там всех поляков резать и убивать. Очень большая борьба была между поляками и украинцами — они друг друга даже семьями вырезали. Он тогда сам едва ушёл из Львова, еле живой оттуда вышел и приехал в эти места. Там лесничество было большое, и Мусилович устроился в него инженером по переработке дерева или что-то тому подобное. Здесь он выполнял очень важную задачу: если немцы кого имели в виду арестовать, а подполье об этом узнавало, то эти люди приходили в лесничество, и он их скрывал. Поэтому хотя Мусилович и числился в Армии Крайовой, но в форме он не ходил и в боевых операциях не участвовал. К тому же он высказывал более левые взгляды, нежели его товарищи, и не был националистом... Я ему сказал, что мы воюем против бандеровцев как немецких помощников, что они для нас такие же враги. Он стал оказывать мне помощь на

идейной основе и очень хорошо помог — в частности, нашёл хорошие, надёжные связи. Прежде всего — в Армии Крайовой, среди аковцев. Через него я знал всё, что делают аковцы, что они замышляют...»

Не надо думать, что знание это ограничивалось масштабами действующих в округе партизанских отрядов. Вот что писали в своём представлении Карасёв и Перминов:

«Заслуживают высокой оценки оперативно-чекистские мероприятия, проведённые при непосредственном участии и по инициативе А. Ботяна, например: проникновение в реакционную группу польской аристократии, укрывавшуюся в курортном местечке Щавница и связанную с Лондоном, осуществлявшую в Польше руководство АК. В названную группу входили: князь Чарторийский, псевдоним «Шпак», граф Тышкевич, граф Стадницкий, князь Свяжовский, помещик Главацкий и др.

Мы были в курсе дел этой группы. Такие участники группы, как, например, известный в Польше доктор Артур Вернер при участии А. Ботяна был вначале привлечён (по мотивам гуманности) для лечения советских партизан, позднее выполнял поручения серьёзного характера».

Конечно, весьма соблазнительно было бы описать, как Алексей Николаевич, переодетый в мундир штандартенфюрера СС, сдержанный, молчаливый и невозмутимый, как Штирлиц, появлялся на тайных собраниях этой «реакционной группы» и осуществлял соответствующую разведывательную работу. Увы! Врать не будем, такого не было. Но, значит, был кто-то, кто доверительно рассказывал Алексею обо всём, что там происходило. Кто именно, мы не знаем, нам не сказали, да мы и не спрашивали, потому что соответствующие документы не рассекречены. И никогда их не предадут гласности! Есть у разведки такое правило: не

рассекречивать своих нераскрытых противником агентов, пусть они даже давным-давно ушли в мир иной. Ведь у большинства из них остаются дети-внуки-правнуки, и это — большой вопрос, как отнесутся потомки какого-нибудь польского аристократа к тому, что их предок честно работал на советскую разведку. Также неизвестно, как к этому отнесутся потомки других аристократов, предки которых верно служили англичанам, но так и не узнали, кто «зложил» их «Советам». В общем, не будем усложнять людям жизнь и задавать лишних вопросов!

А всё же как подумаешь, что из аристократического салона тянулись нити в глухой лес, к маленькому и грязному (объективная реальность!) «лейтенанту Алёше» — гордость берёт за советскую разведку! Какие люди были, как классно, на каком высоком уровне они работали!

Между тем работа эта была смертельно опасной — как для агентов, так и для их руководителей. Вот какую информацию удалось получить советской разведке:

«Начиная с ноября 1944 года командование жандармерии объезжало территории и готовило свои боевые отряды для диверсий. Из вышесказанного необходимо обратить особое внимание на отряды жандармерии, так как их заданием является приведение в исполнение смертных приговоров, вынесенных на членов «АК» и «ПАЛ» за неподчинение их приказам, а также на членов демократических организаций. Раньше эти приговора приводили в исполнение специальные карательные органы, а сейчас — жандармерия».

Хорошо служили польские жандармы — сразу двум хозяевам! И гитлеровцам, и лондонскому правительству... Кто бы ни победил, есть надежда остаться в выигрыше. Хотя, к сожалению, интересы оккупантов и «борцов» с ними по ряду позиций откровенно совпадали. В частности, как мы знаем, в

отношении к представителям просоветски настроенного сопротивления.

Однако это сопротивление продолжало действовать, достаточно эффективно помогая войскам наступающей Красной армии и, соответственно, советским партизанам. Наверное, не без помощи Мусиловича — а может, и какими другими путями — Ботяну удалось выйти на поляка Юзефа Путо, личного камердинера генерал-губернатора Ганса Франка, и завербовать его. В общем, договориться о содействии. Но это произойдёт несколько позже.

А пока всеобщее внимание по ту и эту сторону линии фронта и даже на далёких Британских островах было приковано к сражающейся и погибающей Варшаве. Хотя всем было давно, если не изначально, понятно, что восстание обречено...

Вот что 23 сентября телеграфировал из Москвы в Вашингтон президенту США Рузвельту американский посол в Москве Аверелл Гарриман:

«Сегодня вечером я спросил у Сталина — насколько он удовлетворён сейчас ведущимися Красной Армией боями за Варшаву. Он ответил, что ведущиеся бои пока не принесли серьёзных результатов. Из-за сильного огня германской артиллерии советское командование не смогло переправить свои танки через Вислу... Сталин добавил, что восставшие всё ещё продолжают сражаться, но их борьба доставляет сейчас Красной Армии больше трудностей, чем реальной поддержки»^{146}.

И вскоре во всей этой истории была поставлена точка. Большая и кровавая.

«2 октября командование АК капитулировало. Немецко-фашистские войска жестоко расправились с участниками восстания и мирным населением. Большая часть жителей Варшавы была отправлена в концлагеря и на каторжные работы в Германию. В ходе боёв и от

террора оккупантов погибло свыше 200 тысяч человек; почти полностью была разрушена Варшава»[{147}](#).

Политика дело весьма циничное, а нередко даже подлое. Союзники прекрасно понимали, что сейчас, когда война вступает в свою финальную фазу, ссориться из-за Польши не имеет смысла.

Поэтому в цитированной выше телеграмме были и такие слова:

«В первый раз Сталин высказал при мне свои симпатии в отношении восставших. Он сказал, что командование Красной Армии имеет контакты с каждой их группой как по радио, так и через связных, пробивающихся в город и обратно. Причины того, почему восстание началось преждевременно, теперь понятны. Дело в том, что немцы собирались депортировать из Варшавы всё мужское население. Поэтому для мужчин просто не было другого выбора, как взять в руки оружие. Иначе им грозила смерть. Поэтому мужчины, входившие в повстанческие организации, начали борьбу, остальные ушли в подполье, спасая себя от репрессий. Сталин ни разу не упомянул при этом о лондонском правительстве...»[{148}](#).

План «депортировать из Варшавы всё мужское население» выглядит фантастически нелепо. Очевидно, фюрер вообще обалдел — иное объяснение подобрать трудно... Если, конечно, поверить вышесказанному.

А ведь раньше, как мы помним, в обращении советского правительства к британскому говорилось однозначно: «...за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования... несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне».

Но второй фронт в Европе был открыт, так что обижать союзников по пустякам не следовало. Да, цинично! А что делать?

При этом не будем забывать, что в боях за освобождение Польши от гитлеровских захватчиков Советский Союз потерял около 600 тысяч человек.

В своей книге Иван Золотарь пишет о том, что в принятом им отряде была радистка Галя Литвиненко: «Стройная и тоненькая, с двумя косами, она даже в мешковатом, полинялом комбинезоне была очень привлекательна и напоминала собой молоденькую ёлочку.

Многие молодые партизаны пытались добиться её благосклонности. Но из всех она предпочла одного Алексея. Когда им случалось бывать наедине, они с увлечением рассказывали друг другу о своём детстве, делились мыслями, мечтами. Постепенно их привязанность друг к другу переросла в любовь. И когда они поняли это, стали почему-то сторониться друг друга, то ли боялись осуждения товарищей, то ли их робость была им помехой»^{149}.

Итак, мы впервые касаемся личной жизни Алексея Ботяна. Неудивительно, он же не принадлежит к нашим так называемым «деятелям культуры», давно уже превратившим свою личную жизнь в «общественное достояние», интересующую публику гораздо больше, нежели их «творчество». Но мы, как люди от всей этой «культуры» достаточно далёкие, считаем, что личное — оно личное и есть, публично обсуждать эти вопросы не принято. Ну да, такой старомодный взгляд — так ведь и герой наш, напоминаем, появился на свет ещё в Российской империи. Поэтому о личной жизни мы Алексея Николаевича не расспрашивали, но кое-что, полученное из иных источников, рассказать можем... Кстати, там нет ничего по-настоящему секретного!

В частности, Валентин Иванович, когда в 1968 году побывал с ним в Польше (об этом визите мы вспомним в своё время), встречался там с полковником Висlichem —

тем самым, который был поручиком в 1944-м и вместе с группой Ботяна брал Илжу.

«Он мне тогда рассказывал про свою первую встречу с Ботяном, как они познакомились, — говорит Валентин Иванович. — Ему пришлось буквально пробиваться к Алексею, всем объясняя, что он — польский партизан из Армии Людовой и ему это крайне необходимо. И вот, последний, так сказать, этап — землянка, палатка, уже не знаю что, где находился Ботян, но тут поручика останавливает его ординарец — девушка Галя, и не пускает. Мол, командир отдыхает! Всё-таки Вислич сумел её убедить и прошёл. Он мне так рассказал: «И я вижу, как отдыхает командир... Ботян лежит на спине, на груди у него ППШ, палец на спусковом крючке — и он мирно себе спит...».

Мы с Валентином Ивановичем обсуждали всегдашнюю готовность Ботяна к бою, но факт присутствия ординарца Гали запомнился.

Как развивались дальше их отношения — это опять-таки сугубо личное дело нашего героя. Они были молоды, не жаловались на здоровье, но вокруг каждодневно свистели пули, и было очень понятно, что любой день может стать последним. Поэтому жизнь воспринималась гораздо острее...

Иван Золотарь пишет: «С правой стороны сарая, вдоль наружной стены, в двух палатках уютно устроились наши женатики: в одной Алёша с радисткой Галей, в другой Панфилов с Ганкой. Эту любовь, рождённую на трудных партизанских тропах и закалённую в тяжёлых испытаниях, берегли не только они сами, но и все партизаны. Я видел, как в то утро, проходя мимо их палаток, партизаны умолкали, чтобы не нарушить так редко случавшуюся в нашей суровой партизанской действительности идиллию семейного покоя...»[{150}](#)

Очевидно, они были счастливы — и это замечательно! Но об этом, повторим, мы с Ботяном не разговаривали — это его, сугубо личное, чего касаться не стоит. Поэтому и вопроса о том, что же было дальше, мы ему не задавали.

Зато генерал-майор Ростислав Михайлович, достаточно старый друг Ботяна, хотя и на двадцать с лишним лет его моложе, рассказал о таком случае: «Однажды, когда мы вместе работали в Берлине, Алексей Николаевич мне говорит: «Вот, книга вышла — там про меня написано!» Дал мне эту книгу «Друзья познаются в беде», я её с интересом прочитал, жена взяла почитать, и ей тоже понравилось... И вот как-то идём мы с женой и с маленьким ребёнком в знаменитом Карлсхорсте, гуляем. Навстречу идёт Ботян. Моя жена тогда ещё не была с ним знакома. Тут он сразу: «Ой, какой малыш!», пятое-десятое — он всегда такой внимательный, и уже кажется, что они давным-давно знают друг друга... Ну, жена и говорит: «Алексей Николаевич, я тоже прочитала книжку про вас, хорошая книжка! Я как увижу Галину Владимировну, ей обязательно скажу: 'Как же у вас, оказывается, романтично всё было!' «...

Галина Владимировна, жена Ботяна, работала зубным техником и, соответственно, в «русской колонии» её знали гораздо лучше, чем её засекреченного мужа.

«И вдруг Алексей Николаевич закричал, — продолжал рассказ Ростислав Михайлович. — Он закричал: «Ты что! Молчи! Не скажи Гале! Это другая Галя! Та Галя умерла, ту Галю убили!» Моя жена растерялась...»

Вот такая история, о которой, повторим, мы не стали в своё время расспрашивать нашего героя. Жизнь-то по-разному складывается, и кто из двоих в чём оказывается виноват, об этом реально знают только те двое... О том,

что радистка Галя погибла, в книге «Друзья познаются в беде» нет ни слова. Зато Ботян, выполняя задание Родины (сколь громко это ни звучит, но было именно так), в послевоенное время оказался как бы совершенно в другой жизни и превратился в совершенно иного человека. Быть может, они расстались именно поэтому. Не знаем... Гадать не будем, смысла нет! Но, судя по той давней реакции Алексея Николаевича на слова жены своего друга, эта душевная рана болела долго...

Кстати, вот как охарактеризовал Ботяна его давний сослуживец Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Эвальд Григорьевич Козлов: «Это человек очень скрытный и малообщительный! Может быть, это он такой на службе, с определённым кругом лиц, и у него есть какая-то другая ситуация, где он раскрывается в совершенно ином качестве. Насколько я помню, он никогда и ничего не говорил про свою семью. Вообще! Ни слова! Знаете, как бывает? Придёт человек на службу раздражённый, пожалуется, мол, жена достала... дети не слушаются, учатся плохо, — ну, ему и полегчало. От него я ничего подобного ни разу не слышал! Никогда».

В 1970-е годы Ботян и Козлов отработали в одном кабинете восемь лет, сидели «лоб в лоб», за столами друг против друга, поддерживали «добрососедские отношения», но тем их общение и ограничивалось. Можно понять, что в свой внутренний мир Алексей Николаевич впускает далеко не каждого — даже из числа по-настоящему хороших и достойных людей.

Поэтому закроем «личную тему» и обратимся к боевым делам давно минувших дней.

Отряд Ивана Золотаря, в который постоянно приходили и бывшие советские военнопленные, и польские партизаны, теперь уже считался бригадой. Его подрывники, сотрудничая со своими «коллегами» из

партизанских отрядов Армии Людовой и «Батальонов хлопских», фактически дезорганизовали перевозки на железных дорогах, связывавших населённые пункты Юзефов — Александров — Билгорай, а магистраль, соединяющую Львов и Варшаву, вообще вывели из строя...

Понятно, что и Ботян на месте не сидел, не ограничивал свою деятельность руководством агентурой — не такой у него характер, чтобы оставаться в лагере, когда другие воюют. Поэтому он участвовал в самых рискованных операциях.

«Однажды, это было под Краковом, приходят ко мне поляки, — как помнится, с азартом рассказывал Алексей Николаевич. — Говорят: «Вот тут власовцы хотят перейти к вам в партизаны». Хорошее дело! Но я до этого слышал, что в Белоруссии был такой случай: командир одного из партизанских соединений или отрядов связался с власовцами и говорит: «Я вас возьму в отряд всех, но вам даю задание — уничтожить немцев, которые вас охраняют». Вот я решил, попробую и я такой вариант проделать, может быть, и мне удастся... Я переоделся, как поляки ходят, только пистолет и граната с собой. Вместе с поляком спускаюсь вниз, с гор, — там посёлок или пригород. Прихожу туда. Зашли в дом к польской семье. Я остался с хозяйкой, разговариваем, а поляк этот ушёл... И вдруг, ни с того ни с сего, во двор въезжают немцы. С лошадьми, с машинами. Неужели он, сволочь, предал меня?! Всё, думаю, отстреливаться буду — сколько есть патронов, столько буду стрелять! Немцы вошли в дом, а я сижу, уже за пистолет держусь. А они попросили пустое ведро — наверное, воду в машину залить. И ушли. Вот такое было переживание! Такие моменты были...»

Только подумать: какое мужество, какие выдержка и самообладание! Сидеть и до последнего выжидать, что же произойдёт дальше. И на лице — ни тени волнения

или беспокойства, когда внутри всё кипит от возмущения — предали ведь, заманили в ловушку! — когда сейчас предельно ясно, что придётся принимать свой безнадёжный последний бой, который будет завершён разрывом гранаты. Если, конечно, раньше не свалят его на пол немецкие пули и он, израненный и беспомощный, не попадёт в руки врага. Единственный шанс к спасению — сразу швырнуть гранату, открыть огонь и попытаться бежать, воспользовавшись неизбежным замешательством гитлеровцев, но ведь их много, слишком много. И он выжидал, ничем не проявляя охвативших его чувств, скрывая бешеную работу мысли, даже, кажется, сдерживая удары сердца...

Ботян с улыбкой — приятно же вспоминать молодость, пусть и не самые лёгкие её эпизоды — продолжал рассказ: «Уехали немцы... Вечером поляк приходит и ведёт меня к казарме. Смотрю, на плацу ребята сидят — человек тридцать было наших ребят. Я с ними поздоровался. Говорю: «Знаете, ребята, я понимаю, что вы здесь ни при чём, и ни в чём не виноваты. Это от руководства всё зависело, а не от вас, солдат, — что от вас могло зависеть? Я вас возьму. Придёте ко мне и будете в отряде. Но только даю вам задание уничтожить немцев, которые вас охраняют. Я вас буду ждать! Приходите с оружием». Ждал, ждал — не пришли. Что-то у них не получилось, а что — гадать и судить не берусь. Но очень жаль, что я сразу же не взял этих тридцать человек с собой. Думал, так лучше будет, да и проверю их заодно... Но не получился у меня белорусский вариант!»

Ведь сколько времени прошло с тех пор, но видно было, что Ботяну по-настоящему жалко тех парней, волею или капризом судьбы оказавшихся во вражеском лагере, тех, которых он тогда понял своим солдатским сердцем, вот только спасти не сумел...

Когда-то один партизан, к сожалению, давно уже ушедший из жизни, сказал нам так: «Нельзя всех власовцев мерить одной меркой! Мерзавцев среди них было немало, но были и люди, попавшие туда достаточно случайно... Было, кстати, много бывших пограничников, оказавшихся в плену в первый же день войны — после короткого боя, после окружения. Они попали в концлагеря, были там и годами ничего не знали о том, что происходит на Родине, — а немцы их убеждали во всём самом плохом! Поступить в РОА, в армию Власова, было для них единственным шансом вырваться из этого ада и призрачной возможностью вернуться к своим. Да и не все тогда могли разобраться в происходящем...»

Ботян всё это прекрасно понимал, а потому настойчиво искал среди врагов тех людей, которые смогут стать ему надёжными помощниками...

Глава тринадцатая **КРАКОВСКАЯ РАПСОДИЯ**

Несмотря на количество задействованных сил и огромную подготовительную работу, покушение на гауляйтера Франка сорвалось. Группе Алексея Ботяна удалось подобраться к генерал-губернатору ближе всех: завербованный партизанами камердинер гауляйтера поляк Юзеф Путо уже получил от них английскую мину химического действия, которую в назначенное время должен был установить на боевой взвод в спальне своего шефа. Однако сделать это он не успел: советские войска вновь перешли в наступление, у назначенного Гитлером «польского руководителя» не выдержали нервы, и Франк спешно сбежал из Кракова. Он рванул в сторону Берлина, а в итоге попал в Нюрнберг, на своём личном примере подтвердив народную мудрость: «Кому суждено быть повешенным, тот не взорвётся».

Ганс Франк был казнён по приговору Нюрнбергского международного трибунала в ночь на 16 октября 1946 года в числе главных военных преступников — руководителей Третьего рейха.

Между тем обстановка на советско-германском фронте изменялась самым динамичным образом. В частности, в план разработанной советским Генеральным штабом Висло-Одерской стратегической наступательной операции по окончательному освобождению Польши и созданию благоприятных условий для нанесения решающего удара на Берлин вдруг оказались внесены существенные изменения. По плану операция должна была начаться 20 января 1945 года.

«Однако, учитывая тяжёлое положение союзников на Западном фронте (после контрудара немецко-

фашистских войск в Арденнах в декабре 1944-го — январе 1945), советское Верховное Главнокомандование по их просьбе решило начать наступление 12-15 января»[{151}](#).

Значит, к началу операции следовало готовиться ускоренными темпами. В этой связи группа Ботяна получила новое задание: расчищать дорогу наступающей Красной армии. Такую же задачу выполняли и другие группы, действовавшие на территории Краковского воеводства. Для этого надо было обусловить порядок взаимодействия, скоординировать свои планы, чётко распределить объекты.

«Ещё с лета 1944 г. гитлеровцы готовили Краков к длительной обороне. Вокруг города было сооружено несколько круговых земляных укреплений, а на улицах установлено 240 железобетонных надолб, подготовлено большое количество блиндажей и баррикад. В последний момент многие важные промышленные и культурные объекты были заминированы. Даже замок Вавель — ценнейший памятник архитектуры, хранилище национальных реликвий и святыня польского народа, был подготовлен к подрыву»[{152}](#).

Думается, всё-таки, советская пропаганда не совсем точно расставляла акценты: проигрывая войну, спешно ретируясь от наступающих соединений победоносной Красной армии, гитлеровцы вряд ли развлекали себя подрывами архитектурных и исторических памятников только, так сказать, «из любви к искусству». Не до того им уже было! Немцам, прежде всего, надо было делать всё возможное, чтобы хоть как-то задержать наступление советских войск и тем самым обеспечить себе более или менее комфортное бегство. А значит, в первую очередь нужно было уничтожать мосты и дороги, и все те объекты жизнеобеспечения, которые были нужны противнику: электростанции, водокачки,

склады, ремонтные мастерские и тому подобное, но отнюдь не дворцы, музеи и театры. Хотя, конечно, при удачном расположении объекта и умелой работе подрывников какой-нибудь древний замок вполне мог превратиться в непроходимые противотанковые заграждения...

Кстати, Юлиан Семёнов в своём романе «Майор «Вихрь» предлагает такую логику гитлеровского командования — это как бы документ, адресованный рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру: «...в случае нашего стратегического успеха... акция уничтожения Кракова, как апофеоз нашей победы и поражения славизма, будет проводиться сапёрами как обычная армейская операция. В случае же нежелательного и маловероятного поворота дел, Краков будет в течение ближайших месяцев готов к уничтожению. Всякая случайность, преждевременная команда сумасброда или паническое форсирование событий исключаются, поскольку... в специально оборудованном бункере будут находиться два офицера СС. Это позволит нам контролировать положение до последних секунд, это позволит нам впустить в город войска противника и уже потом похоронить Краков со всеми находящимися там войсками»^{153}.

В последнем абзаце текста — действительно стратегическое решение, а не просто «человеконенавистническая сущность» фашизма, главари которого только и мечтали всё разрушить перед своим весьма скорым уходом на тот свет. Мы, упаси господи, не оправдываем ни фашизм, ни его лидеров, но не будем забывать хотя бы о национальном немецком характере. Немцы — народ расчётливый и экономный. Уж если они даже сдавали «куда следует» трофейные советские ордена, сделанные из драгоценных металлов, после чего снабжали своих агентов, направляемых в тыл Красной армии, поддельными наградами из дешёвых

сплавов, на чём эти агенты и «валились», то что говорить о взрыве культурных объектов оставляемого города — просто так, из принципа, чтобы другим не досталось? Очень уж дорого такое «развлечение» стоило бы! Впрочем, эти главари на тот свет пока ещё не спешили.

По версии Юлиана Семёнова, излишнюю дороговизну «проекта» понимал даже Гитлер, заявивший на совещании в Ставке: «Идея уничтожения очагов славянства, как некоторая гарантия против возможного возрождения, соподчинена нашей доктрине. Но, Кальтенбруннер^[98], я призываю не к декларациям, я призываю к разумному исследованию экономической подоплёки вопроса. Вы представили мне прекрасно продуманные планы и чёткие инженерные решения, я рукоплещу вашей скрупулёзной и вдохновенной работе. Однако позвольте мне поинтересоваться: скольких миллионов марок это будет стоить народу? Сколько вам потребуется для этого фугаса? Тола? Бронированных проводов? Вы занимались изучением этого вопроса?»^{154}.

Примерный ответ даёт, в конце концов, генерал-полковник Йодль^[99]: «На проведение этих акций в Кракове, Праге, Братиславе нам необходимо столько тола, сколько выработает вся промышленность рейха в этом году»^{155}.

...Неизбежен вопрос: почему мы обращаемся к художественной литературе?

Юлиан Семёнов назвал цикл своих романов «Альтернатива» «политическими хрониками», он писал их (так же как и ряд последующих своих произведений) на основе документов, к которым был допущен с санкции высшего руководства Советского государства и КГБ СССР, а также — руководства Главного разведывательного управления Генштаба. То есть он реально знал многое.

Поэтому в данный момент для нас важны не сами «документы», «смоделированные» писателем, но логика человека, глубоко владевшего материалом. Сведём всё «сказанное» его «героями» до лапидарной формулировки: «Краков надо уничтожить с войсками противника, хотя это дорого» — и запомним её!

А пока что вернёмся к воспоминаниям, документам и трудам историков.

«К началу января гитлеровцы подготовили семь оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину 300–500 км. Никогда ещё в ходе Второй мировой войны немецко-фашистское командование не создавало столь глубокой, насыщенной инженерными сооружениями обороны. Для повышения её устойчивости, особенно в противотанковом отношении, широко использовались реки Висла, Бзура, Равка, Радомка, Нида, Пилица, Варта, Нотець, Обра, Одер и другие. В систему оборонительных рубежей включались подготовленные к длительной обороне многочисленные города, такие как Модлин, Варшава, Радом, Кельце, Краков, Лодзь, Быдгощ, Познань, Шнейдемюль и другие, представлявшие мощные опорные пункты и узлы сопротивления... Предполагалось, что в случае вынужденного оставления позиций на Висле отходившие войска и выдвигаемые резервы будут последовательно занимать следующие оборонительные рубежи. Такой метод ведения обороны должен был по замыслу гитлеровского командования обескровить Советскую Армию и надолго затянуть войну»^{156}.

Валентин Иванович говорит: «Ботяну была поставлена задача расчистить дорогу наступающим войскам, и расчистить грамотно. Нельзя было взрывать то, что поможет продвигаться Красной армии, — нужно было взрывать так, чтобы принести наиболее существенный вред противнику. Понимаете? Вот тогда-то и появилось у него задание «не допустить взрыв

плотины» у водохранилища на реке Дунаец, притоке Вислы, которая была в двадцати, что ли, километрах, в Новом Сонче, в Карпатах. В случае взрыва масса воды из водохранилища хлынула бы вниз, и Висла бы вышла из берегов, и, как думаю, не только на какое-то время остановила бы наступление Красной армии, но и, вполне возможно, затопила бы сам город...»

Можно возразить, что Дунаец впадает в Вислу уже после того, как эта река протекает через Краков, — но вспомните «механику» ленинградских наводнений! Встречный ветер загоняет обратно в Неву ладожскую воду, также уже протекающую через город, тогда как из Ладоги поступают новые и новые воды, а в итоге всё выплёскивается на городские улицы и площади. Подобный эффект вполне мог получиться и в данном случае. Ведь катастрофические наводнения случались на Дунайце и раньше — в 1934 году, например, причём сами по себе, так сказать — без всякого человеческого участия. А если провести соответствующие инженерные расчёты и всё должным образом организовать — тут бы и войскам Красной армии пришлось несладко, и Кракову бы досталось...

В самом городе, как известно, были заложены заряды, но это к компетенции «лейтенанта Алёши» не относилось, его главной задачей было обеспечить беспрепятственное продвижение войск, а в древней польской столице действовали другие группы.

Проведение операции начиналось, разумеется, с разведки. Так как времени для неё не было, то решили воспользоваться «информацией коллег». Как писал впоследствии Иван Фёдорович Золотарь, «наш неутомимый вездесущий Алексей Николаевич Ботян... был послан в Сандецкие Бескиды, чтобы установить контакты с командирами местных беховских отрядов и с их помощью собрать последние данные о немцах и договориться о следующей встрече»^{157}.

Уточним: «беховские отряды» — это уже известные нам «Батальоны хлопские».

«И с тем и с другим заданием Алёша справился отлично. Он связался с командирами беховских отрядов: Зиндрамом — Владиславом Сокульским и Юхасом — Мечиславом Холевой. Они отнесли к Ботяну подружески и охотно поделились последними данными о гитлеровских гарнизонах в Новом Сонче, Старом Сонче и других населённых пунктах Сандетчины. В первом, по их данным, размещались два батальона — зенитной артиллерии и 1017-й охранный, — а также несколько вспомогательных команд. Личный состав гарнизона — 2500 человек. В Старом Сонче стояли две артиллерийские батареи, в пригородных сёлах Бжезна и Хомранице батальоны полевой артиллерии»^{158}.

Но главное, что в городе Новый Сонч находился старинный Ягеллонский замок, который начали строить ещё в XIII веке, — все замки, как известно, перестраивались неоднократно. Гитлеровцы превратили его в склад взрывчатки и боеприпасов, для доставки которых к замку была даже проложена узкоколейная железная дорога. Работа по доставке боеприпасов заметно интенсифицировалась в последнее время, с приближением войск Красной армии. На этом складе было также и огромное количество фаустпатронов — очень эффективного средства борьбы с танками, особенно в условиях городских боёв.

Вывод был предельно прост: необходимо взорвать этот склад. Но как? Он же охранялся со всех сторон — и от наземного, и от воздушного противника. Значит, нужно приобрести агента на самом объекте.

Как обычно, версий и легенд вокруг этого эпизода немало.

Вплоть до того, что на воротах замка разведчики увидели объявление «Требуются грузчики», ну и сразу же внедрили туда своего человека, польского

коммуниста. Но это более чем сомнительно: даже в начале 1945 года гитлеровцы вряд ли рискнули бы взять на подобный объект непроверенного «человека с улицы».

Валентин Иванович, которому в своё время о произошедшем рассказывал не только Ботян, говорит так: «Там было два направления: во-первых, взяли хороших пленных. Во-вторых, тогда все уже как крысы с корабля бежали — поляки в том числе. Вот и пришёл один «инициативщик». Типа того, что я готов работать с вами...»

Первой удачей, о которой рассказал наш собеседник, было то, что в конце 1944 года, во время одной операции, партизаны захватили инженера-картографа Зигмунда Огарека. Это был поляк, служивший в вермахте. При нём оказались карты оборонительных сооружений, а на словах он рассказал о планах фашистов по взрыву плотины. Вскоре эти показания подтвердились: 10 января разведчики подорвали немецкую штабную машину. В портфеле одного из убитых оказался план минирования объектов в Кракове (всё-таки ряд объектов в Кракове был заминирован), мостов и плотины в Новом Сонче.

Второй удачей было то, что (то ли через «инициативщика», то ли через Мусиловича) Ботян встретился с немецким гауптманом, поляком по национальности. Когда в 1939 году немцы оккупировали Польшу, то часть польских офицеров они взяли к себе в армию.

«И вот когда этот «инициативщик» пришёл, — продолжает рассказ Валентин Иванович, — и сказал, что он готов работать с нашими, Алексей у него спросил:

— А что конкретно ты можешь?

— Ну, я работаю в замке, — ответил тот.

— А там что?

— Да вот, что-то подозрительное, — говорит. — Очень много сейчас туда всего везут...

Ботян сразу ухватился:

— А ты можешь помочь?

Вербовка в лоб — так это у нас называется! Алексей говорил, что тот побледнел, он сразу понял, что, если «помочь», так он оттуда не выйдет!

— Да ты что? Не волнуйся! У тебя пятнадцать минут будет! Ты сможешь убежать!

В общем, этот гауптман не мог не согласиться — любому понятно, что после отказа от такого предложения он бы от партизан живым не вышел... Ему дали подмётку от сапога, где находилось иницилирующее устройство, которое сработает после того как его поставят — через пятнадцать минут».

Агент, однако, оказался хитрее, чем думалось. Алексей Николаевич рассказал: «Я ему дал мину, английскую, со взрывателем, чтобы он отнёс её туда, в зал, где было очень много снарядов. Однако гауптман дал команду своему подчинённому, чтобы тот мину в зал принёс... Скорее всего, подчинённый и не знал, что он принёс мину, — ему было сказано: положи вот это вот туда-то, и всё».

Кстати, в некоем документально-игровом кинофильме про Ботяна, который не раз показывали по телевидению, агент, согласившийся взорвать объект, получил аж целую пару начинённых взрывчаткой сапог. Жуть полная! Офицер с такой поклажей просто бы не пошёл — униформой в немецкой армии занимались денщики. А если бы, как в фильме, с сапогами на объект пришёл простой патриот-работяга, так, в худшем для него случае, это сразу бы вызвало подозрение: в такие места с ручной кладью не ходят. В лучшем же случае сапоги у него мог отобрать какой-нибудь унтершарфюрер^[100], с радостью их надеть, чтобы через четверть часа в индивидуальном порядке взорваться

где-нибудь вдалеке от объекта... Впрочем, если бы сапоги были набиты взрывчаткой, то он их и надеть бы не смог.

По счастью, для взрыва склада не требовались килограммы взрывчатки — было достаточно всего одной элегантной мины. Такой, чтобы поместилась в подмётке сапога. А подмётка — она подмётка и есть. Вынуть её из кармана и незаметно засунуть в щель между ящиками совсем несложно. И после этого нужно быстро, но так, чтобы не привлечь ничего внимания, выйти из замка и за его территорией, пользуясь темнотой, бежать как можно дальше от объекта! Если, конечно, исполнитель получил такую инструкцию. Но мог ведь и остаться в том зале, куда ему было сказано прийти, и тайна проведения операции оказалась бы скрыта самым надёжным образом...

18 января 1945 года, в 5 часов 20 минут, каменные стены старинного замка разметал мощнейший взрыв.

В представлении, написанном Карасёвым и Перминовым в 1965 году, об этом эпизоде написано излишне скромно: «За период с сентября месяца 1944 г. по март 1945 г. по инициативе и при непосредственном участии А. Ботяна новое соединение... провело ряд важных операций: например, подготовку и взрыв артсклада в развалинах замка Ягеллонов в гор. Новы-Сонч. Был спасён от намечавшегося немцами разрушения город, имеющий 600-летнюю историю. Были спасены другие исторические для польского народа места».

При этом взрыве были уничтожены или получили ранения около четырёхсот гитлеровских солдат, офицеров и их прислужников из числа местного населения, работавших на складе.

Ботян вспоминал и рассказывал об этой операции без всякого пафоса: «Результаты были хорошие — самое главное, что я смог взорвать склад и обезоружил

немцев. Они бежали, как могли... И это дало возможность Красной армии беспрепятственно продвигаться: дороги остались целы, плотины и мосты не взорвали, и Краков остался целым. Вот заслуга партизанских отрядов, не моя лично, а просто советских партизан! Не я ж один был, нас группа была. — Помнится, что тут Алексей Николаевич невольно улыбнулся. — Хотя командовал группой я, она мне подчинялась...»

Ну а далее произошло то, что и должно было произойти в соответствии с законами военного искусства.

«В то время как войска ударной группировки [1-го Украинского] фронта вели бои по прорыву укреплений на старой польско-германской границе и подходили к Одере, армии левого крыла преодолевали оборонительные обводы Кракова.

Благодаря стремительным действиям войск фронта, а также помощи советских разведчиков и польских подпольщиков оккупантам не удалось осуществить варварский замысел. 19 января 59-я и 60-я армии в результате умелого обходного манёвра в сочетании с фронтальной атакой освободили крупный политический и культурный центр Польши город Краков. Население восторженно приветствовало Советскую Армию»^{159}.

В тот же день отпраздновала эту победу Москва. В приказе Верховного главнокомандующего говорилось: «Войска 1-го Украинского фронта в результате умелого обходного манёвра в сочетании с атакой с фронта сегодня, 19 января, штурмом овладели древней столицей и одним из важнейших культурно-политических центров союзной нам Польши городом Краков — мощным узлом обороны немцев, прикрывающим подступы к Домбровскому угольному району.

<...>

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Краковом, представить к присвоению наименования «Краковских» и к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим древней столицей союзной нам Польши городом Краков, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Кракова.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и союзной нам Польши!

Смерть немецким захватчикам!»[{160}](#)

А ещё в тот же самый день, только в 18 часов, Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, «прорвавшим оборону немцев и овладевшим городами Ясло и Горлице», — но двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Потом, уже в 21 час, войскам 3-го Белорусского фронта, «прорвавшим оборону немцев в Восточной Пруссии», — также двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Следующий салют прогремел в 22 часа, в честь войск 2-го Белорусского фронта, овладевших городами Млава, Дзялдово (Зольдау) и Плоньском — то же количество залпов стольких же орудий. Завершился этот день салютом в 23 часа в честь войск 1 — го Белорусского фронта маршала Георгия Константиновича Жукова, овладевших городами Лодзь, Кутно, Томашув, Гостынин и Ленчице — опять-таки 24 залпа, но из 324 орудий.

В общем — не вечер, а сплошной салют! В воздухе ощутимо пахло Победой...

И ещё одно знаменательное событие произошло в тот же самый день: «19 января 1945 г. эмигрантское

правительство заявило о роспуске АК. Созданная из её реакционной части подпольная организация занималась шпионско-диверсионной деятельностью в тылу Советской Армии, продолжала (до своего разгрома в 1947 г.) борьбу против народной власти»^{161}.

В архивном деле «Курган» говорится про «последний эпизод из боевых действий» Алексея Николаевича — всё тогда же, в январе 1945 года: «Находясь на выполнении специального задания, А. Ботян с группой в 5 человек в районе села Пивничное Новосончского повята столкнулся сдвигающейся по шоссе немецкой воинской частью, не растерялся, вступил в бой. Немцы, оставив 15 человек убитыми, отступили. Группа Ботяна захватила в плен 2-х офицеров и 35 солдат».

Ботян рассказывал об этом так:

«Шёл я один раз на встречу с одним нашим помощником из Армии Крайовой. Взял с собой четверых человек — а нас там, в отряде, всего было более трёхсот. Когда освобождали лагерь, то часть людей переправляли на восток, на фронт, а часть оставалась у нас. Ну и каждый день боевая работа: засады на дорогах, взрывы и т. д. Очень здорово помогли мы Красной армии! В ту пору немцы уже не шли по большаку, а стали ходить по мелким дорогам. Вот, только я стал подходить к назначенному месту, как поляки нам кричат: «Немцы!» Видим, их человек 40 или 50. Мы сразу же стали стрелять, может, кого убили — и немцы сдались. Поляки хотели их расстрелять, но я не дал: это негуманно, раз они сдались, то всё! Потом, когда пришла Красная армия, я их передал Красной армии...»

Воинское благородство: пленный враг врагом уже не является.

Хотя, например, известен такой случай (вполне возможно, что подобное происходило не единожды),

когда в отряде Ботяна допрашивали двух захваченных немецких офицеров. И как-то ужасно нагло, вызываяще они себя повели, и никакой информации от них получить, казалось, было невозможно.

Когда вскоре Алексею это надоело, он коротко, не повышая голоса, приказал кому-то из бойцов: «Расстрелять!»

Более наглого из гитлеровцев вывели на двор, раздалась короткая автоматная очередь, и боец возвратился обратно уже один, держа свой ППШ в руке, стволом в сторону оставшегося немца.

Ботян глянул на враз побледневшего офицера, спросил совершенно равнодушно:

— Ну?

Тот понял, что этот партизанский начальник, имевший, как видно, стальные нервы и железную выдержку, точно так же прикажет «вывести в расход» и его, и тут же потерял былую спесь и стал предельно словоохотливым.

Но это ведь не были пленные, сдавшиеся в бою! И это был партизанский отряд, воюющий «не по правилам». Соответственно, если кто-то из партизан оказывался в руках врага, то ни о каких Женевских конвенциях гитлеровцы не вспоминали: партизан, которых они именовали не иначе как «бандиты», даже не расстреливали, а вешали. Конечно, после того, как пытали.

Совсем скоро партизанская бригада Ивана Золотаря оказалась на территории, освобождённой войсками Красной армии.

«Нас уже поджидал старший радист Иван Николаевич Панфилов с радиограммой из Москвы. Генерал Павел Анатольевич поздравил личный состав нашего соединения с успешным окончанием партизанской борьбы и предложил передать всех товарищей призывного возраста, за исключением

омсбоновцев, подлежащих возвращению в московскую бригаду полковника Орлова, в одно из фронтовых соединений Красной армии, расположенных поблизости.

Итак, наш боевой путь завершился»^{162}.

Вроде бы Ботяна тогда во второй раз представили к присвоению звания Героя Советского Союза. А может, начальники только сказали, что он этого звания достоин, но так как было известно, что первое представление всё ещё где-то «ходит» — как мы помним, про сбитый самолёт могли и не знать, — то второе представление могли просто и не делать. Мол, тебе ж вот-вот «Золотую Звезду» дать должны! Кто же тебе сразу ещё одного «героя» присвоит?!

Вообще, как известно, дважды героев Советского Союза среди разведчиков не было...

Заканчивая рассказ о фронтовом (точнее — зафронтовом) периоде жизни Алексея Николаевича Ботяна, есть смысл подвести и некоторые итоги деятельности Четвёртого управления НКВД — НКГБ:

«За годы войны 4-м Управлением на базе ОМСБОН было подготовлено 212 спецотрядов и 2222 группы общей численностью до 15 тысяч человек (в том числе 7316 во-инов-омсбоновцев). Их силами было проведено 1084 боевых операции...

При выполнении заданий командования на фронтах и в тылу врага погибло свыше 1000 бойцов и офицеров ОМСБОН...

В боевых столкновениях омсбоновцами уничтожено: 136 130 вражеских солдат и офицеров, 87 представителей германской администрации разного уровня, 2045 немецких агентов и пособников врага; заложено 49 252 минных поля, пущено под откос 1415 воинских эшелонов с техникой, живой силой, боеприпасами, горючим и продовольствием, взорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожен

51 самолёт, 21 единица гусеничной техники, осуществлено более 400 других диверсионных актов»[\[163\]](#).

Война, однако, ещё не была окончена.

«Потом Красная армия прошла дальше, — рассказывал Ботян, — а я остался, сотрудничал со «Смершем»... У меня на связи много поляков было, я их передавал военной контрразведке для дальнейшей работы».

Работа спецслужб на освобождённой территории — тема, скажем так, весьма деликатная. Поэтому ограничимся оставшимся в наших архивах рассказом одного из участников тех далёких событий, генерал-майора Леонида Георгиевича Иванова:

«Где-то в ноябре 1944 года мы получили команду: проводить разоружение подразделений Армии Крайовой. Как это осуществлялось? Когда мы выясняли, что в лесу есть какая-то аковская часть, то наши работники — обычно зам. начальника контрразведки дивизии, представитель командования, ну и взвод автоматчиков с ними, выезжали на место, находили командира и объявляли, что по приказу Верховного командования Красной армии и Польского комитета по освобождению Польши вы подлежите ликвидации. То есть вам следует сдать оружие, а людей распустить по домам. Насколько я знаю, какого-либо сопротивления они при разоружении не оказывали. Но были случаи, когда некоторые аковцы возмущались: «На каком основании, мы армия народная, защитники польского народа, вы не имеете права нас расформировывать, мы должны остаться!» Но, несмотря на все эти заявления, приказ о разоружении они всё-таки выполняли. Количество людей было разное: иной день по 200 человек складывало оружие, а иногда и по 500. В какой-то период в декабре я собирал сведения из отделов

контрразведки дивизий, сколько изъято оружия, сколько подразделений распушено, а потом вся эта информация передавалась во фронт, то есть в управление контрразведки «Смерш» нашего 1-го Белорусского фронта. Фронт, как мне говорили, ежедневно докладывал об этом Сталину. Сталин был обеспокоен наличием на польской территории Армии Крайовой и ставил задачу как можно скорее полностью её разоружить!»

Как можно понять, Ботян и его боевые товарищи помогали сотрудникам Смерша разыскивать блуждавших по лесам аковцев... Да и не только их одних, так что работы было достаточно. Но очень хотелось домой!

21 апреля 1945 года был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. В этом документе, в частности, было сказано:

«Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны, уверенные в том, что интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и после окончания войны прочной и постоянной дружбы, будут укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

Статья 3. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются и по окончании настоящей войны с Германией предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с

Германией непосредственно или в какой-либо иной форме.

Для достижения этой цели Высокие Договаривающиеся Стороны будут участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных действиях, направленных к тому, чтобы обеспечить мир и безопасность народов, и будут полностью вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких целей»^{164}.

Именно на этих самых принципах отношения между двумя странами строились на протяжении более чем сорока последующих лет.

Недавно мы наткнулись на газетные рассуждения одного польского историка, убеждённо (но не убедительно!) доказывающего, что, Ботян, которого он на польский манер называет Боцяном, не мог быть «спасителем Кракова», так как склад в Новом Сонче был взорван 18 января 1945 года, а советские войска вошли в город 19-го.

Как видно, историк этот не понимает разницы между баталиями на шахматной доске, некогда столь любимыми Алексеем Николаевичем, и реальными боями. Ведь если первые заканчиваются признанием поражения, то вторые могут продолжаться и после «объявления мата».

И вот тут-то мы наконец вспомним логику Юлиана Семёнова, фразу из придуманного им «документа»: «впустить в город войска противника и уже потом похоронить Краков со всеми находящимися там войсками».

19 января 1945 года в Краков вошли авангарды, передовые подразделения советских войск. Конечно, можно было обдать их с порога «холодным душем» от взорванной на водохранилище плотины, да только эффективность такой «торжественной встречи» была бы

крайне невелика! Гитлеровское командование прекрасно понимало, что большой и неразрушенный (что особенно важно!) город и его ближайшие окрестности неизбежно станут местом хотя бы короткого отдыха наступающих войск, которых с каждым днём будет здесь всё больше и больше. Что в начале двадцатых чисел в городе обязательно окажутся и непременно задержатся штабы 1-го Украинского фронта, 59-й и 60-й общевойсковых и 2-й воздушной армий, а также штабы многочисленных корпусов, дивизий, бригад и полков. О том, что они сюда пришли, и даже о том, когда собираются отсюда уходить, своевременно сообщила бы находящаяся в Кракове агентура абвера и других подобных «контор». И вот несколько дней спустя после прихода советских войск, когда этого никто бы не ждал, — именно тогда высоко в горах должен был прогреметь взрыв, разрушающий Рожновскую плотину!

Не будем живописать картину удара чудовищной волны, сметающей — если расчёт был бы точный — краковские дворцы, дома и памятники, старинные крепостные стены, костёлы, а также боевую технику и людей, гибель штабов и войск, и то, как многочисленные немецкие и польские «фаустники» дружно расстреливают советские танки и грузовики, в панике удирающие прочь от города...

В том же газетном интервью польского историка мы прочитали следующие строки:

«Боцян, знающий польский язык и ориентирующийся в местных условиях, активно в этом участвовал^[101]. Поэтому летом 1945 года подполье, борющееся за независимость, пыталось ликвидировать его как одного из наиболее опасных энкавэдэшников в Новом Сонче. Долгое время считалось, что это удалось. Лишь в последние годы стало известно, что Боцян не только уцелел, но и — переброшенный в своё время в Москву —

жив до сих пор...» (Каемся, что не приводим источник, — выловили эту бодягу в сетях Интернета.)

Но заметим, кстати, что очень плохо работало аковское подполье! Нам-то известно, что Алексей Николаевич возвратился в Москву ещё 20 мая 1945 года.

А ведь, наверное, кого-то они вместо него летом грохнули, раз «считалось, что это удалось...». Или просто наврали?

И самое последнее к этой теме.

Алексей Николаевич не раз повторял, что в Кракове и его окрестностях он, во-первых, действовал в составе оперативной группы, то есть вместе со своими боевыми товарищами, и, во-вторых, таких групп и отрядов в районе древнего города было немало. Чаще всего они не только не имели между собой связи, но и не знали о существовании друг друга.

Вот что говорил нам по этому поводу генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, легендарный начальник советской нелегальной разведки в 1979–1991 годах: «То, что тогда получалось какое-то негласное соревнование между группами военной разведки, ГРУ, и теми, которые у нас, — это вполне естественно. Для того чтобы выполнить задание, иногда нужно было создавать какую-то дополнительную ячейку, может быть, даже две-три, чтобы хоть какая-то из них добралась до цели. Если вспоминать историю, то из всех разведывательно-диверсионных групп, которые в годы войны забрасывались на территорию противника, в общей сложности погибло больше половины. Некоторые погибали в ходе проведения своих операций, а некоторые, наверное, в результате проникновения туда немцев, потому что лжепартизанские отряды немцы создавали удивительно интересно... Удивительно интересно!»

Пожалуй, наиболее известной среди находившихся в районе Кракова групп оказалась разведывательная группа «Голос», которая действовала по заданию разведотдела штаба 1-го Украинского фронта. Руководил этой группой Евгений Степанович Березняк^[102], ставший впоследствии главным прототипом того собирательного образа, который писатель Юлиан Семёнов нарёк майором «Вихрем».

Это он — оперативный псевдоним «Голос», имевший тогда, кстати, звание рядового, и его радистка Елизавета Вологодская — оперативный псевдоним «Комар» — оказались, как описал Семёнов, в гестапо и потому после их возвращения из-за линии фронта долго проверялись контрразведкой Смерш. Удивляться не приходится: уж если разведчиков перевербовывают в мирное время, в самых «цивилизованных» странах, то что говорить о тех экстремальных обстоятельствах, когда жизнь человеческая стоила ничтожно мало? Не проверять зафронтовых разведчиков — тем более побывавших в руках спецслужб противника — было нельзя. Этим, по отношению к собственным разведчикам, занимались и занимаются все контрразведки, без исключения.

Ветеран ГРУ, писатель и доктор исторических наук, известный как Владимир Лота, так оценивал работу группы Березняка:

«За период с 19 августа 1944 года по 23 января 1945 года группой была вскрыта краковская группировка противника, состоявшая из 371-й, 359-й, 544-й, 78-й, 545-й, 208-й и 96-й пехотных дивизий, 20-й танковой и 344-й гренадерской дивизий, расположение штаба 59-го артиллерийского корпуса и ряд других воинских частей противника, дислоцированных и действовавших в районе работы разведывательной группы».

Кроме того, созданный Березняком боевой отряд из советских военнослужащих, бежавших из плена, провёл

ряд успешных диверсий на железнодорожных и шоссейных коммуникациях противника. За 156 дней пребывания разведгруппы в районе Кракова Березняк и его радисты направили в центр 140 радиogramм с разведывательными данными о немецких войсках и военных объектах.

В боевом задании разведывательной группы «Голос» не было задачи по спасению Кракова. Березняк узнал о чудовищном замысле фашистов от... Добытые данные позволили советским разведчикам и польским партизанам спасти древнюю столицу Польши от уничтожения»[{165}](#).

Это, фактически, всё. К написанному выше Валентин Иванович, историк спецслужб, добавляет: «Отряд Березняка уничтожил немецкий узел связи — и таким образом накануне прихода советских войск гитлеровцы в Кракове остались без оной».

...Герой Украины Евгений Степанович Березняк жил в Киеве и скончался за три месяца до своего векового юбилея. Очень жаль!

По свидетельству дочери Ботяна, Ирины Алексеевны, Алексей Николаевич говорил, что, мол, Краков мы вместе с Березняком спасали. Ветераны же считают, что писатель Юлиан Семёнов фактически смешал судьбы двух героев: драматические обстоятельства деятельности одного и конкретные результаты деятельности другого... Конечно, во время войны Ботян и Березняк не встречались, да и в послевоенное время им также не довелось увидеться.

«В своё время папа хотел съездить на Украину, чтобы встретиться с Евгением Степановичем, — рассказала Ирина Алексеевна. — Но украинская сторона этому почему-то воспротивилась, не разрешила. До встречи с Березняком его не допустили — очень уж он там охранялся. Ну, не хотят, так не хотят, решил отец! Настаивать он не стал...»

Глава четырнадцатая **ЗАБЫТЫЙ НЕЛЕГАЛ**

Страна демобилизовывалась. Уставшие от войны люди уходили в запас, снимали погоны, с удовольствием возвращаясь к мирной жизни. Армейские чекисты, бойцы оперативных отрядов, зафронтовые разведчики, сотрудники НКГБ и НКВД давали подписки с обещанием навсегда позабыть всё то, что было, и вновь становились учителями, инженерами, рабочими и колхозниками. Сколько же захватывающих тайн, сколько интереснейшей информации унесли они с собой в могилу! Сегодня просто с болью сердечной вспоминаются некоторые из этих людей, с кем доводилось встречаться и даже хорошо их знать! Но они ни о чём не рассказывали, а нам, мальчишкам, очень многое было ещё непонятно, потому и неинтересно. Теперь это поколение фактически уже ушло.

Вернёмся в 1945-й. Ботян со службой расставаться не желал: за долгие годы войны он понял, что именно это — его дело, его судьба. А если так, то надо было и дальше двигаться по этой стезе, не останавливаясь на достигнутом. Сызмальства стремившийся к знаниям, он прекрасно понимал, что теперь ему надо получать соответствующее образование. В принципе, продолжать ту учёбу, которую он начал в таком далёком 41-м.

«Когда я вернулся, то написал Судоплатову рапорт с просьбой, чтобы мне дали возможность получить высшее военное образование, — рассказывал нам Алексей Николаевич. — Но Судоплатов сказал: «А где я возьму людей для работы?» Его можно понять — ему были нужны результаты. Зачем ему была нужна моя учёба?»

Впрочем, учёба всё-таки потом была — но, скажем так, сугубо профессиональная, а не та, что привела бы его к получению столь желанного высшего образования. Алексея ждала иная и пока что совершенно незнакомая работа.

В то время органы государственной безопасности претерпевали вполне логичные (пока ещё!) и необходимые реорганизации, прежде всего связанные с окончанием Великой Отечественной войны и переводом жизни страны на мирные рельсы.

19 марта 1946 года на сессии Верховного Совета СССР был образован Совет министров — вместо Совета народных комиссаров, Совнаркома, история которого восходила к 1917 году. Тогда же в числе прочих министерств было создано Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР, в состав которого вошли все структуры бывшего НКГБ СССР. Министром госбезопасности стал Виктор Семёнович Абакумов, руководивший во время войны блистательной контрразведкой Смерш Наркомата обороны в ранге заместителя наркома — то есть самого Сталина. Причём звание генерал-полковника — вместо комиссара государственной безопасности 2-го ранга — он получил только теперь.

Вскоре, как выполнившее свои задачи, было упразднено и Четвёртое управление НКГБ СССР.

«Ещё до его расформирования 4 мая 1946 г. в системе МГБ был создан отдел «ДР» — служба диверсий и индивидуального террора (начальник — генерал-лейтенант П. А. Судоплатов)»^{166}.

Звучит громко и пугающе. Однако в общем-то отдел работал на перспективу — готовился к активным действиям в «особый период», как на жаргоне спецслужб именуется военное время и подготовка к нему. Ведь в воздухе тогда изрядно пахло «жжёным порохом», и это был отнюдь не только тот запах, что

ещё не выветрился с полей недавней войны. Нет, наши недавние боевые союзники — те самые, с которыми советские воины по-братски обнялись на Эльбе 25 апреля 1945 года, уже разрабатывали планы новой мировой бойни. Точнее, они начали разработку этих планов как раз в преддверии исторической встречи союзных армий: так, в середине апреля 1945 года британский премьер Уинстон Черчилль поручил Объединённому штабу планирования военного кабинета Великобритании подготовить план экстренной операции «Unthinkable» («Немыслимое»). «В плане сформулированы цели, направления ударов западных союзников против Красной Армии и вероятные результаты операции»^{167}.

Правда, начальники штабов Великобритании вынесли по этому поводу не очень-то оптимистичное заключение:

«...мы считаем, что, если начнётся война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил»^{168}.

Зато заокеанские союзники воистину излучали уверенность. «Заместитель государственного секретаря Дж. Грю писал в меморандуме правительству 18 мая 1945 года: «Будущая война с Россией очевидна, как может быть что-нибудь ещё очевиднее на нашей земле. Она может разразиться в ближайшие несколько лет. Нам следует поэтому поддерживать в готовности наши вооружённые силы».

Лёгкий стиль этого послания не может не вызывать восхищения! Прямо по Гоголю: «Лёгкость в мыслях необыкновенная!» Классика!

Так что советской разведке следовало активно готовиться к «особому периоду».

Вот почему Ботян превратился в разведчика-нелегала.

«В 1947 году было заключено соглашение между СССР и Чехословакией, что чехи, проживающие на территории Киевской, Житомирской и Волынской областей, имеют возможность выехать в Чехию. Почему? Потому, что немцев выселили из Судетской области — и, так сказать, свободные места были, — объяснял нам Алексей Николаевич. — Я познакомился с молодыми чехами и под видом чеха, в качестве репатрианта, поехал вместе с ними в Чехословакию. Звали меня теперь Алоиз Дворжак. Каким предлогом я объяснял своё решение «возвращаться на родину», уже и не помню, но я был молодой, мог придумать всё что угодно. Причём у меня не было абсолютно никаких соответствующих документов — ни по рождению, ни по образованию — ничего, никакой справки! Объяснял, что, мол, нас бомбили, все мои документы погибли при бомбёжке, всех своих родных я потерял в оккупации, остался на белом свете один-единственный и никому не нужный. И эта «легенда» сошла, тем более что никто её не проверял. Я знал польский язык — это мне помогло, что не русский, так было гораздо проще. Отношения с Чехословакией тогда были самые дружеские, а людей без роду без племени после войны были многие тысячи».

Кстати, тут можно возразить: было широко известно, что между спецслужбами социалистических государств существовали договорённости не работать друг против друга. Но, во-первых, тогда такой договорённости ещё не существовало, а во-вторых, Ботян и не работал, как это говорится, «по Чехословакии». (Как известно, разведчики работают не «против такой-то страны», но «по такой-то стране».) Там он должен был провести некоторый отрезок времени, «натурализоваться», почувствовать себя настоящим чехом, после чего эмигрировать в некую страну, откуда реально исходила угроза для Советского Союза. В какую именно? Ну откуда мы знаем! Мало ли тогда таких стран было?

«Приехали мы в Чехию, там распределение было такое, что нас направили километров на сто западнее Праги: Судетская область, город Жатец, — продолжал вспоминать Ботян. — А дальше — кто куда. Как оказалось, у всех чехов, которые ехали отсюда, специальность была: кто был мясником, кто — столяром, кто ещё чёрт знает кем, но места они себе находили. А мне что делать, при моём слабом знании чешского языка? Учителем в школу не пойдёшь. Про другие мои навыки, как понимаете, на это время вообще надо было забыть... Вот и решил я идти работать на завод в город Хомутов, что неподалёку от Жатеца. Там было предприятие по производству бесшовных труб для нефтяной и газовой промышленности. Мне предложили работать слесарем. Ну ладно, пошёл, хотя я никогда не работал слесарем и даже никакого представления об этом деле не имел! Но я никогда не унывал — чего не знал, про то спрашивал. Мне говорят — я если не понимаю, то прошу повторить или показать... Люди там ко мне очень хорошо относились, очень любезно — понимали, что я реэмигрант, что никого у меня не осталось, поэтому сочувствовали и помогали. Для товарищей я был Лозико, Лео... Не хочу себя хвалить, но соображал я быстро, так что в скором времени стал там настоящим слесарем. Но я своим мастерством не гордился и в дальнейшем старался побольше спрашивать, чтобы как следует во всё вникнуть... Что ещё? Жил как все. Получил небольшую комнатку, ходил на работу, кормили сносно; сам себе носки штопал. Тяжело, конечно, жилось в послевоенной Чехословакии...»

Но самое сложное заключалось в том, что у Алексея не было никакой связи с Центром. Ни связи, ни, соответственно, помощи оттуда, словно бы в далёкой Москве про него вообще забыли. Боевой офицер советской госбезопасности, кавалер двух орденов

Красного Знамени превратился в простого чешского слесаря, и всё! Причём неизвестно — надолго ли? Ведь вполне могло стать, что и навсегда, до конца жизни.

Именно так получилось с одним из друзей Ботяна, тоже из омсбоновцев, входивших в группу Карасёва. Немногим старше Алексея, он до войны служил в НКВД, в одном из территориальных управлений, был оперуполномоченным. Хороший, толковый парень, но, как это порой случается с людьми, невезучий по своей природе. Как куда ни пойдёт, что ни начнёт делать — всё обязательно не так получается, как бы хотелось и как было нужно. Он был направлен в Чехословакию одновременно с Ботяном, осел где-то под городом Пльзень, куда-то устроился на работу грузчиком, потому как иной специальности, кроме специальности опера, не имел. А потом у него вдруг резко ухудшилось здоровье, разведчик тяжело заболел. Возможно, сказались многие месяцы пребывания в лесах за линией фронта. Об этом сообщили в Центр; было принято решение вывести его в СССР, но это почему-то не удалось, а может, и не успели, так как вскоре он умер и был похоронен под своей чешской фамилией...

Сотрудник этот был женат, его семья оставалась в Советском Союзе, и потом, уже довольно давно, к Алексею Николаевичу обратился сын этого товарища с просьбой помочь найти могилу отца. «Вряд ли найдёте...» — обречённо ответил Ботян, не только не знавший, где и на каком кладбище, но и давно уже не помнивший, под какой оперативной фамилией был похоронен его друг.

Подобная судьба вполне могла ожидать и его самого. Ведь не «Штирлицем» же он был — в самом центре, «в логове», так сказать, у всех на виду да ещё и с «радишкой Кэт» для постоянной связи с Москвой, а простым работягой на европейских задворках. Сгинет такой, так о нём завтра здесь никто и не вспомнит, а

Москва долго ничего не узнает... Если вообще узнает, потому как в Центре было тогда абсолютно не до него и не до многих, ему подобных.

Советские спецслужбы тогда вновь лихорадили очередные преобразования. Генерал-лейтенант Судоплатов писал:

«Война показала, что политическая и военная разведка не всегда квалифицированно справлялась^[103] с оценкой и анализом всей информации, которую она получала по своим каналам. И тогда Молотов, который перед Ялтинской конференцией несколько раз председательствовал на совещаниях руководителей разведслужб, предложил объединить их в одну централизованную организацию. Сталин согласился с этим предложением — так появился на свет Комитет информации, куда вошли 1-е управление МГБ и Главное разведуправление Министерства обороны^[104] (ГРУ). Что касается Министерства госбезопасности, то решено было также сохранить в его составе специальную службу разведки и диверсий — на случай возможной войны или локальных военных конфликтов на Ближнем Востоке, в Европе, на Балканах или на Дальнем Востоке. Аналогичное спецподразделение было сохранено в Министерстве обороны»^{169}.

И то — слава богу! Отдел «ДР» всё-таки оставался в системе МГБ.

Всё это — «информация к размышлению». А далее следуют выводы. К сожалению, большого энтузиазма не вызывающие: «Оглядываясь на прошлое, я вижу, что вполне здравая идея создания единого аналитического центра для обработки разведывательной информации была реализована на практике не так, как следовало. Оперативное руководство разведывательными операциями не надо было передавать в чужие руки. Что же касается нового Комитета информации, то его

задачи надо было ограничить анализом материалов разведки»^{170}.

И ещё более печальные размышления признанного аса разведки: «Прежнее разведуправление НКВД — НКГБ, являвшееся основным инструментом обеспечения интересов госбезопасности за рубежом, по существу превратилось в придаток Министерства иностранных дел, основная деятельность которого — дипломатия, а не разведка. Как и Комитет информации, министерство находилось под контролем Молотова...»^{171}.

Просто обрываем цитату, потому как больно! Но ведь давным-давно утвердилась в России такая традиция, что во все времена политики и чиновники считали себя самыми умными — умнее профессионалов и профессоров, умнее писателей и художников, умнее всех широких народных масс. Всех они учили, как жить, всех наставляли, всем давали «ценные указания», перестраивая всё по своему разумению.

Понятно, что большим руководителям в Центре за всеми пертурбациями было уже совсем не до того, чтобы заниматься судьбой какого-то разведчика-нелегала в лейтенантском звании, только ещё готовившегося проникнуть в некую далёкую страну. Даже при том, что эта страна представляла немалый оперативный интерес!

Но, как известно, «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». В России давно это усвоили и, соответственно, поступают по обстоятельствам.

Вот и Ботян совсем не тот человек, который будет смиряться с обстоятельствами и покорно плыть по воле волн, тревожно ожидая: «Когда же это Центр обо мне вспомнит?!» Ведь жизнь, между прочим, даётся человеку один раз — и прожить её надо по-человечески.

«Ну, отправили меня наши туда и плевать им на эту страну! Я понимаю!» — рассказывал Алексей Николаевич, и видно было, что даже много десятилетий спустя это не оставляло его равнодушным.

Чувствовалось даже, что некоторая обида на прежнее своё руководство у него всё-таки оставалась. Или это просто была боль за нереализованные возможности? Ведь, к огромному сожалению, в послевоенном Союзе на те ответственные посты, которые совсем ещё недавно занимали герои войны, смелые, инициативные и решительные люди, вскоре стали приходиться разумные и достаточно осторожные чиновники-тыловики.

Впрочем, тогда Алексей пока ещё жил перспективами, не сомневаясь, что о нём вспомнят. Но и спокойно сидеть на месте — с его-то неуёмной энергией! — он не мог.

Всё ещё не до меня? Ну ладно, я сам найду, как с пользой скоротать время!

«Вот я и задумался, — с улыбкой рассказывал Алексей Николаевич, которому явно было приятно вспоминать свою молодость, пусть и совсем нелёгкую, — сколько же я ещё буду слесарем работать? Не весь же век! Надо куда-то выходить. Оказалось, что в нашем городе можно получить среднее техническое образование — здесь находилась так называемая Высшая промышленная мотостроительная школа. Конструкторский факультет. Но для того чтобы туда попасть, надо было закончить ФЗУ^[105], а для поступления в ФЗУ следовало иметь минимально восемь классов. К тому же надо было получить рекомендацию мастера — оттуда, где ты работаешь. Но это, как понимаете, для меня было самое простое... Кстати, мастером там, где я работал, был немец — они не всех немцев выселяли в Германию, в Чехословакии оставляли тех, у кого были смешанные браки. Очень хороший человек был и мне всё сразу сделал. Но ведь никаких документов об образовании у меня не было, не говоря о том, что никакого ФЗУ я не кончал. Ну, прихожу я туда, в эту самую школу, говорю, что я реэмигрант, приехал с

Волыни — не из России, нет, нас так и называли «волынские чехи», и хочу быть полезным своей Родине, Чехословакии. Но директор, или кто там, говорит: «Надо вам ехать в Прагу, в Министерство высшего и среднего образования, чтобы нам дали команду!».

Известно, что чехи — формалисты не хуже немцев. «Буква закона» для них на первом месте. Ботяну пришлось ехать в Прагу, а так как человек он решительный и горячий, то и рванул он туда буквально сразу же, не мешкая. Рвануть-то рванул, а в министерстве оказался неприёмный день. Но разве такие мелочи могли остановить Алексея?

«Сказал я дежурному, что я — несчастный человек! — рассказывал Ботян. — Мол, родители мои погибли, я сам приехал на родину — теперь хочу образование получить, а все бумаги мои сгорели... Дежурный по министерству мне посочувствовал и позвонил какому-то референту. Ладно, ответили дежурному, пусть подходит. Я поднялся наверх, на какой-то, не помню, высокий этаж, откуда вся Прага целиком была видна. Лето было, очень всё красиво! Вообще, Прага — это прекрасный город! Вошёл я в тот кабинет, куда мне было сказано, мне там всякие каверзные вопросы задавать стали, но я-то знал, как ответить: я приехал на родину своих предков, хочу быть полезным родной Чехословакии!»

Вроде бы ответы эти понравились. Но тут вдруг собеседник спрашивает у Ботяна, состоит ли он в партии. Вопрос этот совсем не так прост, как кажется. В Советском Союзе Алексей сразу и честно бы сообщил, что является коммунистом. Во-первых, это было так, а во-вторых, членство в ВКП(б) помогало открывать многие двери. Но в 1948 году в Чехии, где президентом только что стал коммунист Клемент Готвальд, такие признания были весьма рискованными — интеллигенция

была, так сказать, старая, буржуазная и в основном занимала антисоветские позиции...

— И там я в партии никогда не состоял и здесь не состою! — уверенно и твёрдо отвечал Алексей.

Врать он умел профессионально. По выражению лица своего собеседника Ботян понял, что сказал именно то, что надо.

— Ну ладно, возвращайтесь к себе, я позвоню в техникум, дам команду, чтобы вас приняли с испытательным сроком, — с благожелательной улыбкой отвечал чиновник.

«Я пришёл туда, в эту школу, говорю, кто я таков. Мне отвечают, да, из Праги звонили — и с 1 сентября я стал туда ходить, заниматься, — продолжал Алексей Николаевич. — Чешского языка я не знаю, только польский, так что поначалу на лекциях я лишь догадывался о чём-то... Представляете, как я жил? Занятия были с 8 утра до 14 часов. Шесть часов! А потом я с двух до шести на заводе работал, жить надо было с чего-то! Наши ведь про меня забыли, никакой материальной помощи мне ниоткуда не было. Затем я приходил домой и занимался... Мы изучали чешский язык и литературу...»

Именно здесь хочется сделать паузу в рассказе нашего героя. Подумать только: Чехословакия, 1948 год. Возрождающейся стране необходимы подготовленные технические кадры, однако драгоценное учебное время эти будущие кадры тратят в том числе и на изучение родного языка и литературы. Тех самых предметов, которые сегодня без всякого сожаления изгоняются из программ обучения во многих высших и средних специальных учебных заведениях возрождающейся России. Стоит принять во внимание!

Возвращаемся к тому, что рассказывал нам Алексей Николаевич:

«Но я же никакой не чех, чего я там знал?! Надо было всё изучать с нуля — культура, традиции, быт, нравы, привычки... К счастью, там оказался профессор по чешскому языку и литературе, почти мой одноклассник. Я ему рассказал, кто я такой — по «легенде», разумеется — и какой я такой несчастный... Он мне говорит: «Лео, я знаю, что если ты начнёшь писать — это кол. Но я тебе даю учебники. Выучи то-то и то-то. Ты должен знать, что именно этот писатель написал и что он этим сказать хотел...» Я хорошо натренировал за это время память, поэтому выучиваю необходимое и прихожу на занятие. Он мне: «Дворжак! Кто написал такое-то произведение?» Говорю. «Что он этим произведением хотел сказать?» Отвечаю. «Садись, отлично!» Так я и учился год. Тяжеловато мне было, так как языка, повторю, я не знал. Но всё-таки экзамены за первый курс сдал. А потом всё наладилось, и я закончил это училище чуть ли не на отлично — по крайней мере, у меня ни одной тройки не было. Я получил специальность конструктора, так что теперь любую конструкцию могу сделать: мосты, подъёмные краны, автомобили... Всё сам могу высчитать — какой материал нужен, что, как... Очень хорошее образование дают чехи! По окончании техникума меня направили в Иоакимовские урановые рудники — я там был механиком, на этих рудниках. Работал там отлично, зарплата великолепная была, а потом мне ещё и наши стали оказывать материальную помощь...»

Центр «нашёл» Ботяна уже тогда, когда он успешно перешёл на второй курс. Сначала кто-то из сотрудников вышел с ним на связь, а потом на конспиративную встречу с разведчиком — происходила она в знаменитых Карловых Варах — прибыл Герой Советского Союза Евгений Иванович Мирковский, начальник одного из отделов их подразделения.

Встреча имела судьбоносный характер — в самом полном смысле этого избитого понятия. Во-первых, Алексей получил соответствующие инструкции; во-вторых, Евгений Иванович подбросил ему денег, сказав: «Только имей в виду, чтобы никто не заметил, что у тебя деньги есть! Кушай что-нибудь, но так, чтобы никто не видел!» — так что Ботяну пришлось в полном смысле слова «хомячить под одеялом»; в-третьих, он получил одно небольшое поручение...

Вот это-то и была судьба!

«Мирковский мне сказал, что ему нужно встретиться ещё с одним нашим сотрудником, чехом по национальности, который раньше работал в нашем Житомирском управлении, — вспоминал Алексей Николаевич. — Я сказал, что съезжу и его вызову. Я его знал, потому как мы вместе в Чехословакию ехали. Ну, поехал я туда, а там у него были племянница и её подруга — это оказалась моя будущая жена. Подругу звали Галина Владимировна Фиксель, из наших советских чешек, недавно приехала с Украины. Такая красивая была! Работала она зубным техником. Как и почему я ей понравился — я не знаю».

Помнится, в ответ, не покривив душой, мы сказали, что вы, Алексей Николаевич, тоже мужиком симпатичным были...

«Нуда, в то время ничего был! — скромно согласился Ботян и продолжил свой интереснейший рассказ: — Вот так мы и познакомились. А потом я решил жениться. Как понимаете, для разведчика на нелегальной работе это решение ещё более сложное, чем для обыкновенного человека. С одной стороны, это укрепляет твою «легенду», не нужно заводить какие-то сомнительные связи... Но, с другой, ты попадаешь под постоянное круглосуточное наблюдение. О своём решении я доложил Мирковскому. Сказал, что она наша, была в комсомоле. «Женись! — отвечает он. — Но имей в виду:

если надо будет её бросить — бросишь!» Я потом понял, почему он это сказал: Чехия для меня была «трамплином», чтобы я, будучи настоящим чехом, перебрался в другую страну. Там-то и должно было быть настоящее оседание. А вдруг она не поедет?! Вдруг ещё что? В общем, была у меня свадьба — но кто я такой, она не знала до тех пор, пока не поехала сюда, в Россию. Думала, что за чеха вышла замуж. Там, в Карловых Варах, у нас родилась дочь...»

Семья Галины Владимировны была из тех самых волынских чехов, которые приехали в Чехословакию на освободившиеся Силезские земли и поселились прямо на самой границе с Западной Германией.

Отец Галины хорошо устроился: он был заведующим гаражом, но именно это его в конечном счёте и погубило. Как и в России, всё шло «через это дело» — тогда же был огромный дефицит транспорта, товарищи приходили и «договаривались». Так что тесть был человек пьющий, и в доме, между старшим поколением, тестем и тещей, порой случались скандалы... А в общем, как говорится, жизнь налаживалась, и Алексей успешно входил в свою роль.

Зато в Москве, к сожалению, было далеко не всё благополучно — всё, наоборот, начинало разлаживаться.

«Реорганизация начала 50-х годов коснулась и отдела «ДР», отвечавшего за проведение диверсий за границей. Осенью 1950 г. отдел был упразднён, а на его базе на основании постановлений Политбюро от 9 сентября 1950 г. были образованы Бюро № 1 (проведение диверсий и террора за границей, начальник — генерал-лейтенант П. А. Судоплатов) и Бюро № 2 (действия внутри СССР, начальник — генерал-лейтенант В. А. Дроздов). На том же заседании Политбюро была утверждена инструкция МГБ СССР, согласно которой в отношении «вражеских элементов» допускались меры

по пресечению их деятельности «особыми способами по специальному разрешению». Оба бюро действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру»^{172}.

Ну, это-то обычная реорганизация, и ничего плохого в ней, пожалуй, не было.

А вот то, что совсем скоро начались «разборки» на высшем уровне, уже было страшно, и не только для конкретных людей, но и для всего государства. Это же только так говорят: «ничего личного», а на самом деле, обычно, «личное» и «общественное» всегда сплетаются настолько сильно, что в определённые периоды «в верхах» только тем и заняты, что «режут по живому», не задумываясь, как отразится подобное выяснение отношений на жизни страны и народа.

Не будем вдаваться в подробности, от которых был бесконечно далёк герой нашей книги, но приведём несколько фактов, коснувшихся в конечном счёте и его.

4 июля 1951 года от должностей министра госбезопасности СССР и председателя Коллегии МГБ СССР был освобождён генерал-полковник Виктор Семёнович Абакумов, а 12 июля он был арестован по обвинению «в государственных преступлениях».

Можно сказать, что с этого ареста начался очередной разгром системы государственной безопасности, который ещё более усилится после смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Уже в марте 1953 года МГБ и МВД вновь были объединены в рамках одного ведомства — Министерства внутренних дел СССР, опять возглавленного Берией.

«Главные тенденции в этом процессе были направлены на сокращение штатов органов госбезопасности и упрощение их структуры. Только за три года (с 1953 по 1955 г.) общая штатная численность органов госбезопасности была сокращена на 52 %... Объективно Министерство госбезопасности нуждалось в

реорганизации — достаточно отметить, что штатная численность личного состава ведомства в начале 50-х гг. превосходила его численность по сравнению с довоенной в три раза. Однако чёткая программа реформирования в этой области у лидеров партии и правительства отсутствовала. Руководство страны лишь интуитивно (а порой и просто произвольно) пытались найти оптимальную структуру, которая бы эффективно обеспечивала безопасность Советского государства от внешних и внутренних угроз на новом этапе исторического развития СССР»^{173}.

Вот так... Всевластие дилетантов — наша хроническая болезнь. Можно сказать, «дурная болезнь», так как о ней стараются не говорить вслух.

Неудивительно, что новое руководство страны спешило установить свой контроль над силовыми структурами, для чего первым делом было решено удалить «ставленников Берии», которого арестовали 26 июня 1953 года и расстреляли 23 декабря. В числе арестованных «ставленников» и даже «пособников» оказался и генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов. Его арестовали 21 августа 1953 года. Ни Судоплатову, ни Абакумову, ни ряду других высших руководителей госбезопасности никакие их громадные военные заслуги в зачёт не пошли. Счастье великое, что Павел Анатольевич «отделался» пятнадцатью годами заключения и вышел на свободу 21 августа 1968 года.

Естественно, что всё это сразу же отразилось на той «конторе», в которой служил Ботян.

«Приказом МВД СССР от 30 мая 1953 г. на базе Бюро № 1 МГБ СССР был образован 9-й отдел МВД СССР (проведение актов индивидуального террора и диверсий, начальник — заместитель начальника 2-го Главного управления МВД генерал-лейтенант П. А. Судоплатов). В июле 1953 г. 9-й отдел был расформирован; в сентябре 1953 г. при 2-м Главном

управлении МВД был создан 12-й (специальный) отдел с теми же функциями...»[{174}](#).

13 марта 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР, в состав которого вошли основные оперативные управления бывшего МВД.

«С образованием КГБ понизился статус нового ведомства до комитета при Совете Министров СССР. Это был шаг ЦК партии на пути к полному подчинению КГБ партийному аппарату и лишения органов госбезопасности какой бы то ни было самостоятельности. Несмотря на то, что в названии нового комитета фигурировала частица «при», предполагавшая ведомственную подчинённость органам исполнительной власти, на самом деле линия на усиление контроля со стороны ЦК КПСС существенно усилилась, а Совет Министров СССР окончательно потерял бывшее влияние на государственную жизнь в стране и соответственно руководящие позиции в сфере обеспечения безопасности государства»[{175}](#).

После создания КГБ при Совете министров СССР «12-й отдел МВД был расформирован. На его месте в составе 1 — го Главного управления (разведка за границей) был образован 13-й отдел, получивший неофициальное название «отдел мокрых дел». Его задачи были такие же, как и у 12-го отдела МВД — проведение диверсий и актов террора за рубежом, подготовка нелегалов и спецагентов...»[{176}](#).

«Сразу же после образования КГБ в нём начались кадровые чистки. За два года из аппарата было уволено 16 тысяч сотрудников, охарактеризованных Серовым[\[106\]](#) как «не внушающие политического доверия, злостные нарушители социалистической законности, карьеристы,

морально неустойчивые, малограмотные и отсталые работники»[{177}](#).

«Если бы наше руководство, Эйтингон и Судоплатов, осталось у власти, то есть на своих местах, моя судьба сложилась бы совершенно по-другому, — невольно вздохнул Алексей Николаевич. — Это я определённо точно знаю! Но их арестовали, пришли новые люди и объявили, что всё, что делали наши предшественники, — это никуда не годится, идёт во вред советской власти. После того меня, без всяких на то объяснений, отозвали. Это было в начале 1955 года. Я вернулся в Москву. Мои жена и дочь оставались в Чехословакии... Прихожу на Лубянку и узнаю, что меня сократили. Мне говорят: «Езжай в Белоруссию!» Говорю: «Что я там, колхозником буду работать, что ли? Я защищал Москву — дайте мне жилплощадь в Москве, и пошли вы к чёртовой матери!» Вот так я, честно, и сказал! «Я прожил среди чужих людей — не пропал, я и здесь не пропаду!» Так и получилось... Я был уволен по сокращению штатов».

А ведь если подумать: были дом, семья, хорошая работа и достаток в Чехословакии, гораздо более спокойной стране, чем наша. Если очень постараться, то можно было бы, наверное, туда и вернуться — ведь всё равно «отвоевался», отдал Родине всё, что мог. Пора бы пожить спокойно. Но нет, таких мыслей даже не возникало, несмотря на то, что с Лубянки он тогда отправился прямо в неизвестность. Один-одинёшенек и совершенно никому не нужный в огромной и в общем-то чужой для него Москве.

...Никто никогда не скажет, сколько людей — умных, образованных, талантливых и прочее и прочее — не сумели найти себе место в этом городе и, в лучшем случае, бежали отсюда, а в худшем — опускались на самое «дно», чтобы сгинуть там бесследно. Ботян,

однако, был не тот человек, чтобы пасовать перед трудностями, чувствовать себя жертвой и опускать руки... «Чекисты не сдаются!» — уж этот девиз он помнил свято.

А далее, как говорится, на ловца и зверь бежит. Вышел Алексей на Кузнецкий Мост — и тут же, возле самой приёмной КГБ, встретил одного из своих боевых товарищей, уволенного не то по «делу о сионистском заговоре в МГБ», не то как «ставленника Берии». Но не в этом суть! Главное, что у этого товарища были большие связи и он уже успел стать заместителем директора ресторана «Прага», одного из лучших московских ресторанов того времени.

«Они как раз в это время подбирали контингент со знанием иностранных языков, — рассказывал Ботян — А у меня — чешский, польский и немецкий. «Слушай, Алексей, если хочешь, иди ко мне работать!» — предлагает он. Конечно, я пришёл, и меня тут же оформили... Потом была подготовка, не то чтобы сразу работать — месяца два, наверное, меня обучали тому, как гостей встретить, как провожать, какие блюда предлагать. И так я стал там работать...»

Но эту свою деятельность, очевидно, достаточно денежную, Алексей Николаевич считал временной. Не потому, что работать в ресторане в те времена считалось не то что непрестижным, но просто стыдным — помнится, в одной из центральных газет была даже такая тёплая рубрика: «Рассказы о «стыдных профессиях», этими материалами старались заманить молодёжь в сферу обслуживания, — но потому, что это просто было не его делом. Разведчик, диверсант, он вынужден был встречать посетителей и провожать их к столикам. Однако и эту работу, как и всякую другую, Алексей делал очень и очень добросовестно. В Архиве СВР России тому сохранились подтверждения:

«Работает в ресторане «Прага» с апреля 1955 года в должности администратора-переводчика. Проявил себя инициативным, исполнительным работником. В проведении ответственных обслуживании проявил себя с лучшей стороны. Взысканий не имеет. Выполняет партийные поручения».

«За время работы в ресторане зарекомендовал себя с положительной стороны. С обязанностями метрдотеля справляется. Политически грамотный, морально устойчив. Систематически занимается над повышением своего идейно-политического [уровня]. С целью повышения деловой квалификации занимается на курсах метрдотелей».

«В работе инициативен, требователен к себе и товарищам. Среди коллектива пользуется заслуженным деловым авторитетом.

За хорошую работу в IV квартале 1956 года занесён на доску почёта Мосресторантреста».

Характеристики эти датированы 1956–1957 годами.

Вот в это время он действительно был похож на экранного Штирлица! Чёрный смокинг, накрахмаленная белая рубашка, галстук-«бабочка» — вежлив, сдержан, предупредителен, немногословен... Впрочем, «Штирлицем» он был не только внешне.

«Когда было нужно, — честно признавался нам Ботян, — я, как старший метрдотель, усаживал «нужных людей» за «нужный», подготовленный, столик... Включал технику, слушал разговоры... Я же поддерживал связь с нашими — со Вторым главком».

«Второй главк», то есть Второе главное управление КГБ, это, как известно, контрразведка. Алексей Николаевич не таил обид на ведомство, которому он вдруг оказался «не нужен», «не сжигал кораблей», «не плевал в колодец»... Он продолжал служить Родине, он доказал свою верность «конторе», и вскоре это было оценено по достоинству.

В 1957 году 13-й отдел Первого главного управления (или ПГУ, как тогда называлась внешняя разведка) КГБ при Совете министров СССР возглавлял один очень уважаемый человек, фронтовик. Вроде бы именно по его инициативе Ботяна пригласили, точнее, в соответствии с нравами тех времён — вызвали на Лубянку.

— Ну как, назад пойдёте? — спросили там без всяких околичностей.

— С большим удовольствием! — не задумываясь, ответил Ботян.

Только тогда, по возвращении на службу в госбезопасность, он получил звание майора.

Поначалу Алексей возвратился в Советский Союз один, семья оставалась в Чехословакии.

«Чехию помню очень мало, — рассказывает Ирина Алексеевна. — Помню дом — у нас была половина двухэтажного дома, — помню, как я кубарем летела с лестницы! Помню, что у меня был самокат такой небольшой и то, что мне приносили пирожные из знаменитой кондитерской. У нас ещё был мотоцикл, папа катал маму, чего-то однажды очень резко затормозил — мама через него перелетела, а он так за рулём и остался! А так, наверное, я больше ничего не помню... Было там у нас, наверное, три комнаты — с нами жили дед и бабушка. Дом купили как бы на имя деда, поскольку дед был участник войны. Деньги были папины, а «крыша» дедова — там всё было очень хитро! Потом папа сюда уехал, а нас нелегально вывезли через год, нас троих — меня, маму и бабушку. Дед там остался. Как папа говорит, бабушке с дедом очень тяжело жилось, а потому они и решили, что пусть он там и остаётся. А они уехали. Но никто не думал, что это «уедется» навсегда. Но так случилось, что больше я деда никогда не видела...»

«Я приехал сюда один, а Галина Владимировна только и знала, что я поехал в Россию, — вспоминал Алексей Николаевич. — Но время идёт, а меня нет и нет! Где-то уже почти год прошёл — и она подняла шум: мол, муж уехал, и нет мужа... Где он?! Тогда к ней приехал мой товарищ, Михаил Антипов. Спрашивает: «Поедете за мужем?» — «Поеду!» — говорит, не спрашивая куда. «Тогда кидайте вещи — и поехали!» Она быстро собралась, оставив практически всё, кроме самого необходимого, взяла с собой мать и дочь, и Антипов привёз их на машине прямо в Чоп. Это была пограничная станция... Привёз он их, провёл куда надо и сам уехал. Не нужно ему было там долго «светиться». Тут я подъехал, сказал пограничникам, кто мне нужен... Пограничник говорит Галине: «Вот, приехал за вами такой Ботян...» Она отвечает: «Не знаю такого!» Я-то там Дворжак был, а не Ботян! И она меня только как Дворжака знала... Вечер, темно, она меня не видит... Но тут Ира, дочь, она маленькая — четыре года ей было, меня увидела. Она вырвалась от пограничников, кричит по-чешски: «Татинко! Татинко!» — «Папочка! Папочка!» Пограничник сообразил, пропустил... Приехали мы в Москву — квартиры не было, но хорошие товарищи, с которыми мы работали, на несколько дней у себя приютили, а потом мне дали комнату на Каляевской улице...»

«У нас была хорошая комната в коммунальной квартире в центре Москвы, — вспоминает Ирина Алексеевна. — А сначала, когда мы приехали, мы жили вообще у знакомых. Нас приютили папины друзья, в небольшой двухкомнатной квартире жили наша семья и их семья — нас было четверо и их было четверо... Бабушка, я так скажу, вообще ничего не поменяла: она там была домохозяйкой и здесь была домохозяйкой. Она у нас вела хозяйство: магазины, готовка... Мама работала, папа работал. Претензий в нашем доме

никогда ни у кого ни к кому не было, слава богу! Они очень хорошо, дружно жили! Хотя всё у нас было подчинено папе, вся наша жизнь домашняя. К его приходу у бабушки всё было готово, всё на столе, свеженькое. Это было беспрекословно! Кухня была всякая, но и чешская в том числе. И мама делала все эти кнедлики, с бигусом и со свиной, это тоже делали, чему я не научилась, к сожалению. Мне всякие сладости — снежки, белки варёные в сливочной поливке — всё это делалось. Это то, что у меня осталось в памяти, по крайней мере. Мама потом уже перешла на упрощённый вариант — когда бабушки не стало. Было уже некогда. А бабушка умерла в 1981 году, в августе... Кстати, мама с бабушкой звали отца Лёней. Я потом удивлялась: почему не Алёша, а именно Лёня? Только потом я узнала, что в Чехии он был Лео Дворжак, и мама с ним познакомилась как с Лео — поэтому он для неё так и оставался Лёней всю жизнь. Ей, как верной подруге, было всё равно — Алексей это или Алоиз. У неё никогда не проскальзывало ни малейшего сожаления, что она променяла Чехию на Советский Союз. Может, она в своё время была этим в какой-то степени удивлена — мне так кажется, но я знаю, что воспринимала она это нормально. Мне кажется, папа больше удивлялся, когда говорил: «Надо же, уехала из СССР после войны, вроде бы там прижилась, всё хорошо было — и обратно вернулась туда, где родилась!».

Глава пятнадцатая **ОПЯТЬ — ПОД КАШТАНАМИ ПРАГИ...**

Теперь мы обращаемся к самому «закрытому» периоду биографии Алексея Николаевича Ботяна, и об этом времени можем говорить лишь весьма фрагментарно и приблизительно.

С одной стороны, жизнь в очередной раз налаживалась. «Первое время в России было для меня тяжёлым, потому как я совсем не говорила по-русски, — вспоминает Ирина Алексеевна. — Может быть, дома, в Чехословакии, родители и говорили по-русски, но не при мне. Поэтому для меня язык родной был исключительно чешский. В России я приходила домой и плакала, говорила, что со мной дети не играют. Но потом всё очень быстро забылось — уже никто не поддерживал со мной тот язык — может быть, и зря. Сейчас я по-чешски ни бум-бум... Машина у нас в семье появилась года с 1957—1958-го, с тех пор папа всё время, до очень преклонного возраста, был за рулём, и за это время, считайте, не имел ни одной аварии. Разве что один раз, но это потом было, уже в ГДР, мы ехали на «фольксвагене», «жучок» такой маленький, за грибами или на рыбалку, и папа сел «на брюхо» в песке. Хорошо, рядом проходили наши ребята-танкисты, и они на руках машину вынесли. У папы, конечно, нашлось, чем ребят угостить, — он всегда возил в машине...»

Но это, повторим, будет ещё впереди. А пока что «мирная жизнь» продолжалась недолго.

«Году в 1958 или 1959-м они с мамой куда-то уехали в долгосрочную командировку... — продолжает рассказ Ирина Алексеевна. — Думаю, что на нелегальную

работу, ведь если они нам с бабушкой звонили, то не из дома, а откуда-то ещё. Это я хорошо помню! А мы им не звонили ни разу. Потом они вернулись, а в 1965 году папа легально поехал в Берлин...»

Про предыдущую командировку в прессе приходится читать немало «интересного»: вроде бы Ботян сумел тогда проникнуть в какую-то западную спецслужбу и фактически парализовал её деятельность. Ой, не знаем, не знаем! Может быть, конечно, кому-то из авторов тех публикаций дали для работы несколько больше материала, чем нам... Но почему тогда нам не дали, если это уже «открыто»?!

Хотя есть совершенно иной вариант той самой командировки, о которой нам некогда рассказывал генерал-майор Юрий Иванович Дроздов:

«С Алексеем Николаевичем Ботяном я познакомился в 1957 году. До этого я его не знал никак. Знакомство наше состоялось на спортивной площадке, на задворках больницы Святого Антония — это в Берлине, где мы каждое утро собирались для игры в волейбол. Вместо физзарядки. Так он там был — подвижный, прыгающий живчик, который работал — вернее, служил в одном из отделов Берлинского аппарата... Там мы и познакомились. То, что он весельчак, — это известно, и когда придёшь к ним туда, в подразделение, то голос его всегда был слышен. Живой, энергичный и очень хороший парень такой! Больше я какого-либо отношения в годы работы в Германии с ним не имел, потому как подразделения находились в разных местах, он занимался своим делом, я — своим...»

Ну что ж, Юрий Иванович — это не только тот человек, которому можно было верить без всяких сомнений, но и тот, на чью память вполне можно было положиться (пусть извинит нас Ирина Алексеевна, но это не смутные детские воспоминания!). Спрашивать самого Ботяна, был ли он тогда в Берлине и, в

особенности, чем он там тогда занимался, было бы бесполезно, потому что он вроде бы и начинал отвечать прямо и откровенно, но потом вдруг ужом уходил от ответа. Сразу и не замечаешь, как он, говоря горячо и напористо, переводит разговор в совершенно иное русло, а так интересно было его слушать, что только потом осознаешь, что позабыл, о чём спрашивал, с чего всё начиналось. «Старая школа»: приучен о своей службе не рассказывать, но и открыто не «посылать» любопытного собеседника...

Так что обратимся к последующим делам, тем более что теперь у нас появляется воистину уникальная возможность пообщаться с коллегами и сослуживцами Алексея Николаевича, с теми людьми, с кем он тогда вместе работал, — ведь, к сожалению, то поколение фронтовиков, к которому принадлежал он сам, уже фактически ушло... А уж про тех, кто, ему подобно, воевал с первого дня, и говорить не приходится. Он, наверное, был самый «крутой», из доживших — всё-таки! — до 2020-го.

«Своих, по возрасту, друзей у него уже не осталось, — с горечью сказала нам Ирина Алексеевна уже лет десять тому назад. — Войну вспомнить не с кем...»

Кстати, Дроздов, который на восемь лет моложе Ботяна, во время Великой Отечественной войны был младшим лейтенантом, командиром взвода в противотанковой артиллерии. «Ствол долгий, а жизнь короткая» — так говорили о себе «противотанкисты». Но как-то о войне они с Алексеем Николаевичем ни разу не говорили, «боевых эпизодов» друг другу не рассказывали. Хотя, кто знает, что было при их общении наедине, без посторонних — они же и так порой общались.

Зато нам генерал Дроздов когда-то рассказал об одном маленьком, но абсолютно неизвестном «рабочем

момента», произошедшем в промежуток между этими двумя командировками Ботяна:

«Где-то в 1959 году меня один раз вызвали к руководству. Там было несколько человек, и Ботян там сидел тогда... Начали меня расспрашивать: давайте поговорим на украинском языке, а какие песни украинские вы знаете, ну и так далее... Такой вроде бы лёгкий, ни к чему не обязывающий разговор. Ко мне обратились потому, что я жил в Харькове и немного говорил по-украински. Ботян ничего не спрашивал, только смотрел на меня и внимательно слушал. Так мы посидели, побеседовали, затем мне говорят: «Ладно, иди, не подходишь!» И я спокойно возвратился к своим делам. Только через некоторое время мне стало ясно, что меня рассматривали как человека, который мог бы принять участие в операции по ликвидации Бандеры. Но не получилось! Ботян там присутствовал как специалист, как эксперт...»

Сам Алексей Николаевич про этот случай не помнил.

«Где-то что-то было, — ответил он на наш вопрос. — Но в памяти это не очень осталось — я же в этом деле активного участия не принимал...»

Конечно, рядовой эпизод, один, очевидно, из очень многих — какой смысл хранить его в памяти? Да и вообще разведчику лишнего помнить не положено. Да и не нужно.

Можно только уточнить, что лидер ОУН Стефан Бандера был ликвидирован в октябре 1959 года. Но это нас уже мало интересует...

Итак, год 1965-й. Как раз в это время подполковники в отставке Герой Советского Союза В. А. Карасёв и П. Р. Перминов обратились к начальнику 13-го отдела генерал-майору Борису Семёновичу Иванову с ходатайством о присвоении Ботяну звания Героя Советского Союза: «Об Алёше Ботяне мы можем сказать, что он унаследовал лучшие качества, завещанные

Ф. Э. Дзержинским... Теперь, в преддверии двадцатилетия со дня Победы над гитлеризмом, мы возвращаемся к мысли — не пора ли по-настоящему оценить подвиг Алексея Ботяна, присвоив ему заслуженное звание Героя Советского Союза!»

Красиво было сказано, но, к сожалению, как мы знаем, не сбылось.

Но характерно, что сейчас мы знаем о боевых подвигах Алексея Николаевича, а в то время его сослуживцы не знали абсолютно ничего!

Представление было отправлено, чтобы «залечь» в архиве почти на 50 лет (текст его, насколько нам известно, впервые был опубликован в нашей книге «Подлинная история «Майора Вихря», изданной «Молодой гвардией» в серии «Дело №...» в 2014 году), а Ботян, не задумываясь о наградах, преспокойно поехал в 1965 году на работу в Германскую Демократическую Республику.

Напомним, что советские разведчики, действовавшие в то время на территории ГДР, работали не «по Восточной Германии», но, в тесном контакте со своими восточногерманскими коллегами, против спецслужб и агрессивных устремлений стран НАТО.

Об этой работе писал в своё время руководитель — опять-таки хочется сказать «легендарный руководитель», потому что так оно и есть! — внешнеполитической разведки ГДР, Восточной Германии, Маркус Вольф:

«В начале деятельности нашей внешнеполитической разведки советники из СССР играли значительную, если не сказать доминирующую, роль. Это положение менялось по мере «взросления» нашей службы...

Позже меня не раз спрашивали: почему Москва создала себе в лице нашей службы немецкого конкурента, который вскоре обрёл чувство собственного достоинства и во многом превосходил советскую

разведку в Германии? Я полагаю, что в Москве с полным основанием считали: немецкой службе будет в послевоенной Германии легче, чем русским, добираться до определённой информации, которую братская служба будет предоставлять советской стороне. Так дело и обстояло, по крайней мере поначалу...»[{178}](#)

Нам также посчастливилось в своё время общаться с Михаилом Фёдоровичем, как традиционно называли Маркуса Вольфа советские товарищи, и вот что он рассказывал нам:

«— Как складывались отношения вашей службы с советской внешней разведкой?»

— Говорю без преувеличений, что у нас были дружеские, партнёрские отношения. По-моему, это было и на разных уровнях — от руководителей до рядовых работников. Конечно, в личном плане происходило по-разному, но, главное, у нас не было чувства, что мы имеем дело с представителями «великой державы», которые относятся к нам как к «младшим братьям». Прежде всего, между нами было взаимное уважение.

— Между вашими службами осуществлялся обмен оперативной информацией. Понятно, что он не мог происходить по принципу «вы нам — столько, мы вам — столько же», однако можно ли назвать его адекватным?»

— Я скажу, что этот процесс был не то что взаимовыгодным, скорее взаимопользным. Очень полезным! Конечно, мы давали больше разведывательной информации, чем получали сами, но мы полностью сознавали, что даём эту информацию нашему главному союзнику, который несёт большую ношу всех обязанностей, всех расходов на наше общее дело — защиту нашего союза»[{179}](#).

Вот в таких условиях работал теперь Алексей Николаевич Ботян.

Вспоминает бывший заместитель начальника Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР,

назовём его Михаилом Петровичем, который познакомился с Ботяном в 1968 году, когда только ещё выпустился из «101-й школы»:

«В том отделе Представительства КГБ при МГБ ГДР, как называлась наша «контора», куда я был распределён и где работал, работал и Алексей Николаевич. Детально я с его деятельностью не знаком, но, в общем, знаю, чем он занимался: он работал с семьями немцев, агентов-нелегалов, которые находились в Западной Германии. Они или «на оседание» туда уезжали, или в поездках различные задания выполняли — от недели до нескольких месяцев. А он опекал их родственников, членов семьи. Так что если у родственников в ГДР возникали вопросы, то он помогал их решать, а если у нашей службы возникали какие-то вопросы к родственникам, то опять-таки через него всё это делалось. Это довольно специфический участок был, и я не пересекался с ним ни разу. Так что более детально я не знаю...»

Более детально нам рассказывал сам Алексей Николаевич:

«В Германии, в Берлине, я был с 1965 по 1972 год. Я работал с семьями тех молодых немцев, которых нелегалами тогда в Западную Германию отправляли. У меня с ними были очень хорошие отношения! Просьбы некоторые их выполнял — например, машину западную купить хотели, так я помогал деньги обменять. Нелегально, конечно! А как иначе? Вообще, у меня хорошие отношения были с немцами, а потому и работали хорошо, да и отдых хороший был...»

Можно, наверное, осудить Алексея Николаевича за то, что он чего-то там «химичил» в интересах своих подопечных. Но стоит ли? Разведка — это всегда игра «на грани фола», законопослушный гражданин в ней «победителем» не станет. Тем более что не для себя же он старался: как мы уже отмечали, побывав у Ботяна

дома, прекрасно понимаешь, что он — нормальный человек, которому ничего лишнего не требовалось, в роскоши он отнюдь не купался...

«Почему именно Алексей Николаевич этой работой занимался? — продолжает разговор Михаил Петрович. — Работа эта очень деликатная, и нужен был по-настоящему душевный человек. У Ботяна имелось такое золотое качество — на мой взгляд, он, пожалуй, с любым человеком легко мог найти общий язык. Он не ко всем одинаково относится, я это знаю, но вот поддерживать контакт, быть интересным собеседником, это он преспокойно мог по отношению к любому человеку. А такое не всем дано! Иногда пара вопросов, и уже не знаешь, что собеседнику сказать... Но Алексей Николаевич — нет, не такой. К тому же он сам обладал огромным боевым опытом и многое знал как бы изнутри. Наверное, поэтому ему и поручили такой участок. Почему ещё, сказать затрудняюсь. Но мне известно, что он очень многих немцев, наших агентов-нелегалов, знал и, соответственно, знал их семьи, которые жили в Берлине или где-то в ГДР. Не исключаю, что когда возвращались нелегалы и очередная поездка предстояла, — он участвовал в выработке задания, определении линии поведения и т. д. Ведь для этого нужно знать обстановку дома, характер человека — не только оперативные вопросы надо знать, но и составляющие человека, о чём у него душа болит. Так что не исключаю, но детально мне это не известно... Может быть, он и операции планировал, вот только гадать мы не будем!»

Сегодня всем, наверное, известно, что так называемые «легальные» разведчики — то есть те, кто не изображают из себя иностранцев, работают под каким-то прикрытием. Чаще всего — посольства или консульства, чтобы иметь дипломатический иммунитет, позволяющий в случае провала быть благополучно

высланным из страны, а не оказаться в местной тюрьме. На территории дружественной ГДР подобные казусы советским разведчикам не грозили, но для контактов с местными жителями, например с семьями тех же нелегалов, Ботяну была нужна надёжная крыша. Таковой стала для него роль представителя нашего Аэрофлота. И эту роль следовало играть с полной серьёзностью и самоотдачей.

А потому перед поездкой в ГДР Алексею пришлось пройти в Москве соответствующую подготовку. Его сразу предупредили, что представитель Аэрофлота должен быть коммерсантом и одной из основных его задач является привлечение туристических компаний...

«Приехал я в Берлин, стал представителем Аэрофлота, и дела там у меня пошли очень хорошо. — Чувствовалось, что Алексей Николаевич рассказывал об этом с искренним удовольствием. — Хотя гэдээровцы — они же хитрые были! Между марками, то есть валютой, ГДР и ФРГ разница большая была, а потому они на свои самолёты сажали западных немцев, а на наши, аэрофлотовские, — своих граждан. Я это быстро разгадал, поехал в Западный Берлин и стал напрямую договариваться с их туристическими компаниями. Стал заказывать чартерные самолёты, а там по сто и более человек, и вот один самолёт отправляю, другой... Все западные компании, которые направляли сюда своих туристов на отдых, я перехватывал! А гэдээровцев сажал на их самолёты — у них же был Интерфлюг. Однажды произошёл случай, когда немцы на свой Интерфлюг не могли посадить свою правительственную делегацию! Всё было забронировано. Они обращаются ко мне, и я сажаю немецкую правительственную делегацию на свой Аэрофлот. А на свой Интерфлюг они не могли! Всё очень хорошо получилось! Я всё время загрузки им давал — давал Аэрофлоту прибыль.

Наверное, и везло мне, да я и соображал в этом деле — вот всё и пошло».

...Помнится, когда однажды в Москве праздновали очередной юбилей Ботяна, один из его коллег сказал так: «Ему бы там, в Берлине, спокойно сидеть, а он начал с коррупцией среди немцев бороться!» Очень интересная подробность, но вдаваться в неё не будем — незачем ворошить прошлое. Тем более что Алексей Николаевич объяснял так:

«У меня с немцами были очень хорошие отношения, особенно с немками. Они «Алэксэй» меня звали. Жизнь была весёлая... Немки — интересные женщины! Они любили иностранные сигареты, а я всегда имел хорошие отношения с западными лётчиками — прошу, привези мне сигареты вот такие-то. Платил им гэдээровскими марками, это им тоже было выгодно. Ну а я сигаретами подкупал...»

В общем, всё было хорошо, весело и легко. По крайней мере, так казалось большинству окружающих. А ведь была у него и совершенно иная жизнь. В разговоре с нами Ботян чуть-чуть «приподнял занавес»:

«Я с немецкими пограничниками, демократическими, установил такой хороший контакт, что если откуда-то прилетает наш человек и нужно было, чтобы никто не знал, что он сюда приехал, то я его забираю и веду через служебный вход, через контрольный пункт — без проверки. Только говорю: «Со мной!» — и всё... Хорошая работа была! И у московского аэрофлотовского руководства ко мне очень хорошее отношение было. Мне даже предлагалось другое место — в другом государстве. Приехал из Москвы генерал из Аэрофлота и, видя, как у меня хорошо дела идут, сказал: «Я обращусь в ЦК, чтобы вас перевели на нашу работу». Не знаю, если бы не ввод наших войск в Чехословакию в 1968 году, то я, наверное, и пошёл бы дальше по линии Аэрофлота...»

В Берлине существовало Представительство КГБ при МГБ ГДР (в разные годы оно называлось по-разному). В его состав входило несколько отделов, в которых проходили службу порядка трёхсот человек.

Года через два после приезда Ботяна в Германию Представительство возглавил генерал Иван Анисимович Фадейкин (1917–1979), очень толковый начальник и вообще легендарный человек. Судите сами: ровесник Алексея Николаевича и даже на полгода его младше, он, журналист по профессии, начал Великую Отечественную войну заместителем начальника политотдела стрелковой дивизии, а закончил в должности комдива. В 1949 году, после Военной академии имени М. В. Фрунзе, полковник Фадейкин был направлен в Высшую разведывательную школу Комитета информации, по окончании которой сначала служил во внешней разведке, а затем был переведён в военную контрразведку и возглавлял её — 3-е Управление КГБ при СМ СССР — с февраля 1963-го по февраль 1966 года, после чего был направлен в ГДР.

«Фадейкин — толковый мужик, жаль, что он так рано умер! — помнится, искренне сожалел Ботян. — У нас хорошие результаты были. И сама работа была интересная...»

Отделом, в котором он тогда служил, руководил Мариус Арамович Юзбашян^[107]. С Алексеем Николаевичем его сблизило, во-первых, то, что в 1944–1945 годах он также находился за линией фронта, был заместителем командира партизанского отряда. Точнее — оперативной группы. Потом работал в территориальных органах госбезопасности, после чего приехал в представительство и в 1967 году возглавил отдел. Во-вторых, Юзбашяна и Ботяна сдружило то, что оба они были просто отчаянными волейболистами.

«Мы как-то очень сильно сблизились благодаря спорту, — вспоминает Михаил Петрович. —

Волейбольную нашу команду возглавлял Мариус Арамович. Коллектив у нас был сильный, который, в том числе, участвовал и в соревнованиях с «друзьями», то есть с сотрудниками немецких спецслужб. Мы то в Дрезден ездили, то в Лейпциг, то здесь, в Берлине, время от времени играли. Было правило: каждую среду хоть умри, но... Если ты начальнику отдела говоришь, что не можешь пойти на волейбол, потому что занят по работе, то он говорил: «Как же ты планируешь свою работу, если знаешь, что в среду у нас волейбол?».

Говорят, что Юзбашян здорово «подыгрывал» Ботяну — не на волейбольной площадке, а в службе. Ну и что плохого? Думается, он был этого достоин. И вообще, о работе разведчика, особенно — о её результатах, судить очень сложно.

Герой Советского Союза Эвальд Григорьевич Козлов говорил так:

«В нашем деле задавать лишние вопросы было просто неприлично. И обстановка конспирации была жёсткая: когда ты приходишь в кабинет к своему другу-товарищу, то он обязательно закроет папку с документами, с которыми работал. Но всё воспринималось как должное...»

Это понятно: никто в нашей жизни не застрахован от предательства, от измены и вообще от каких-то чрезвычайных обстоятельств, вплоть до нелепой случайности.

Между тем чрезвычайные обстоятельства не заставили себя ждать.

Вот что писал в своих воспоминаниях Маркус Вольф:
«1968 год был отмечен в США, во Франции и в Федеративной республике кульминацией студенческих волнений и движений протеста...»

В начале 1968 года студенческие волнения в странах Запада приняли драматические формы. Это занимало

моё внимание гораздо сильнее, нежели события у наших восточных и западных соседей, поэтому я и осознал критическое обострение ситуации в Чехословакии относительно поздно.

Годом раньше, во время государственного визита шаха Реза Пехлеви в Западный Берлин, полицейским был убит западногерманский студент Бенно Онезорг^[108], что вызвало волну возмущений в тамошних университетах. Едва она спала, как весной 1968 года неонацист совершил покушение на одного из лидеров внепарламентской оппозиции Руди Дучке, и за этим последовали новые волнения.

Восстание студентов во Франции дошло до уличных боёв с полицией. Профсоюзы объявили забастовку солидарности, имевшую следствием массовое стачечное движение. Рабочие и студенты занимали предприятия.

Для целого поколения события 1968 года являются историческим рубежом. Протест против дальнейшей эскалации вьетнамской войны перерос в выступления против существующих властей. Движение протеста в Федеративной республике вылилось в политическое противоборство с целью воспрепятствовать принятию бундестагом чрезвычайных законов...»^{180}.

Примерно такую же оценку обстановки дал и Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Николаевич Зайцев, легендарный (ну никуда от этого слова не деться, ибо речь идёт именно о таких людях, так что даже повторим его в одном предложении дважды!) командир легендарной группы «Альфа»:

«То был год, когда в разделённом Вьетнаме американцы пытались любой ценой добиться коренного перелома в затянувшейся войне, используя всю мощь своей армии, включая напалм, — однако им это, как известно, не удалось.

То был год, когда буржуазную Европу охватили бурные события, названные студенческой революцией

1968 года, прокатившейся по многим странам. У всех на устах был «Красный май» в Париже, где бунтовала не только молодёжь, но поднялась на дыбы буквально вся Франция...»^{181}

Остаётся только удивляться тому, что именно в это время началась так называемая «Пражская весна» (или же «события в Чехословакии»), вызвавшая как по мановению дирижёрской палочки возмущение «прогрессивной общественности» в различных уголках земли. Тут же поугасли студенческие волнения, гораздо тише стали протесты против войны во Вьетнаме. Получился прямо-таки подарок судьбы — а может, прекрасно спланированная акция чьих-то спецслужб? Скорее всего, этого мы никогда не узнаем...

Не будем, однако, давать политических оценок — в данном случае это не наша задача, но постараемся очертить ту обстановку, на фоне которой пришлось действовать нашему герою. Представить такую картину помогут нам воспоминания свидетелей и участников событий.

«На первый взгляд всё происходившее в Чехословакии было правильно и даже где-то красиво, — вспоминает генерал-майор Ефим Гордеевич Чикулаев, который в 1968 году был капитаном, старшим оперуполномоченным особого отдела КГБ СССР по 19-й мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Группе советских войск в Германии. — В январе 1968 года первым секретарём ЦК Чехословацкой компартии стал Александр Дубчек, который объявил курс на решение экономических проблем. Потом чешское руководство перешло к либерализации в политическом плане: в частности, была декларирована свобода слова, которая вскоре вылилась в оголтелую критику КПЧ, требование роспуска органов безопасности и другие аналогичные решения. В общем, свобода была «односторонней» и имела очень чёткую антигосударственную,

антикоммунистическую направленность. Реально, это была идеологическая обработка населения. И вот на этой волне к власти в стране фактически пришли правые: в апреле было сформировано новое правительство во главе с Черником. Вскоре «либералы» начали переходить от слов к делу, и чем дальше — тем решительнее. Под разными предлогами из всех государственных органов, в том числе — из госбезопасности, органов внутренних дел, контрразведки — было уволено порядка 300 тысяч человек, в основном тех, которые смотрели на восток, то бишь на Москву. Был ликвидирован Чехословацкий союз молодёжи. А вскоре уже дошло до лозунгов: «Тащи на виселицу всех, кто сотрудничает с русскими!»...»

Руководитель восточногерманской разведки писал примерно то же самое:

«Прочитав первые речи Дубчека, я остолбенел. Провозглашение «нового курса» с целью осуществления демократических реформ выражало именно то, чего ждали многие в ГДР. Но очень скоро рядом с Дубчеком стали появляться новые имена, и эти люди выдвигали требования, шедшие гораздо дальше его призывов. Это, как и студенческие беспорядки, о которых сообщалось из Варшавы, напоминало ход событий в Венгрии в 1956 году»^{182}.

Генерал-майор Зайцев вспоминает о материалах, впоследствии оказавшихся в руках советской госбезопасности: «В документе «Запись для председателя правительства Черника» содержатся сведения о том, что министр внутренних дел Й. Павел и заведующий отделом ЦК КПЧ генерал Прхлик «подготовили проект создания руководящего центра, который должен взять всю государственную власть в свои руки во время политической напряжённости в стране». Там же говорилось и об осуществлении «превентивных мер безопасности, направленных против

выступления консервативных сил, включая создание трудовых лагерей». Иначе говоря, в стране проводилась скрытая, но вполне реальная подготовка к созданию концлагерей, куда должны были быть упрятаны все оппозиционные режиму «с человеческим лицом» силы»^{183}.

К чему это всё могло привести?

Подобный вопрос ещё весной 1968 года генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев задал командующему 38-й армией Прикарпатского военного округа генерал-полковнику Александру Михайловичу Майорову^[109].

«А, была не была!» — подумал командарм и, как сам он писал в своей книге, «выпалил то, что давно вертелось в голове»:

«В одно прекрасное утро, Леонид Ильич, под Чопом, Мукачево, Ужгородом могут быть выброшены 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии войск НАТО. А через всю Чехию и Словакию на максимальных скоростях пойдут к ним на соединение пятый и седьмой армейские корпуса США (а это 9—11 дивизий), первый и второй армейские корпуса ФРГ, это тоже 9—11 дивизий. Нам известно: манёвры войск НАТО намечены на начало сентября...

А в ночь перед выброской воздушных десантов будет сформировано марионеточное правительство Чехословакии. Оно объявит о нейтралитете, о выходе из Варшавского договора, обратится с просьбой к НАТО — защитить страну от советского вторжения...

Чехословакия может быть потеряна. Или большая война...»^{184}.

Это точка зрения военного профессионала. Советские военачальники умели думать стратегически.

Впрочем, и та и другая сторона хорошо помнили события 1956 года в Венгрии и не желали их повторения. При этом советская сторона не хотела повторения «первого действия» по тому «сценарию»:

народное возмущение, переходящее в кровавый мятеж, когда партийных работников, сотрудников службы безопасности, а порой и случайных граждан просто убивали на улице. Чехословацкую сторону весьма беспокоила возможность повторения «второго акта»: подавление мятежа и наведение порядка силой советского оружия.

Про действия чехов мы говорить не будем — отметим только, что они старались быть сдержанными и не лезть на рожон, чтобы не спровоцировать то самое «вторжение», а вот советская сторона начала принимать превентивные меры, чтобы не допустить вполне возможного, в перспективе, кровопролития.

В этой связи Алексею Ботяну пришлось вновь наведаться в Чехословакию, причём — совершенно неожиданно для себя самого...

«Весной нам стало известно — и наши товарищи об этом информировали, и по другим линиям информация шла, — что в Чехословакии процветает антисоветчина, — рассказывает Валентин Иванович. — Тогда ещё не был отработан механизм «цветных революций», но контрразведывательный аппарат у них стал антисоветским, полиция — то же самое, на ответственные посты в государстве потихонечку выдвигали людей, которые были против нашего блока... В общем, обстановка усложнялась. И тогда руководство наше — оно не с кондачка решало — поставило нам задачу: «Надо помочь». В мае наш отдел был поднят по тревоге, поступила команда: вылететь, находиться там и ждать распоряжений... Через день мы были в Берлине, где подхватили Ботяна, и на следующий день, через Мюнхен, выехали в Прагу на двух машинах с дипломатическими номерами. Ботян управлял одной из них. Он нужен был нам как человек, который знал язык,

знал регион. Прага была ещё не «фронтовая», но отношение к русским было не очень хорошее...»

Чем занимались в Праге Алексей Николаевич и его товарищи? Конкретного ответа на этот вопрос мы не получили — в том числе и от него, Ботян, помнится, от ответа аккуратно ушёл. Но можем сказать со стопроцентной уверенностью: никого не убивали, не похищали, ничего не взрывали — в общем, «ужастики» про КГБ рассказывать не надо. А то, что укрепили «агентурные позиции», так в этом нет никакого сомнения.

Вот и военный контрразведчик Ефим Гордеевич Чикулаев говорил, что у сотрудников советской госбезопасности была возможность приобретать (не поймите буквально, всё происходило только на идейной основе!) доверенных лиц из числа несправедливо уволенных сотрудников СТБ — чешской службы безопасности и других ведомств. Эти люди стояли на твёрдых социалистических позициях, реалистично оценивали происходящее, с ними было легко работать.

И вот ещё какая мысль прошла в одном из материалов, опубликованных в газете «Комсомольская правда» в те дни, когда вспоминалась 45-я годовщина чехословацких событий:

«Серьёзного кровопролития в Праге удалось избежать благодаря тому, что оружие чехословацкому «ополчению» не выдавалось до приказа. Советским разведчикам были известны адреса основных складов, и в ночь на 21 августа они были блокированы. В общей сложности было изъято несколько десятков тысяч единиц стрелкового оружия».

Возможно, именно за это нам следует поблагодарить Алексея Николаевича, Валентина Ивановича и их товарищей...

Всё же не исключаем, что кто-нибудь из читателей может заявить: «Спецслужбы социалистических стран

не имели права работать по своим союзникам!» Ответим ему словами Маркуса Вольфа, которого нам довелось спросить о возможности подобного варианта: «В принципе, не работали, но в некоторых ситуациях, как, например, в Чехословакии в 1968 году или в Польше в 1980–1981 годах, проводились отдельные мероприятия, чтобы знать, какая там обстановка»^{185}.

А вот — совершенно конкретный эпизод из тех напряжённейших дней, о котором Валентин Иванович рассказал впервые:

«Игра в шахматы — это у Ботяна такая страсть, такой азарт! У нас была традиция, когда мы ещё на Лубянке сидели: в обеденный перерыв играть в шахматы. Но играли у нас всего три-четыре человека, остальные собирались вокруг и то ли помогали, то ли «болели»... И как же они играли! Это же артисты были, особенно если играл Ботян! Азарт его переходил все черты, все границы, он просто забывал — где он, с кем и как! Один наш новый начальник, который потом стал генералом, тоже оказался страстный игрок. Как понимаете, с начальством все разговаривают на «вы» и с положенным уважением. Но когда они сходились за шахматной доской, Ботян забывал всё на свете. «Ну, ты! — кричал он. — Разве так ходят?! Гимно с брусникой!» (Это было его любимое выражение.) В общем, это было что-то! Вот и когда мы были в Чехословакии, наш командир тоже оказался большой и страстный любитель шахмат. Сидим в го-станице, ждём звонка, а командир с Ботяном играют в шахматы. И начинают обсуждать... Алексей Николаевич уже забывает, где он! Прага, «особый период», может быть, нас подслушивают, — а тут горячий спор и, конечно, мат идёт! Так они спорят, и в это время звонок. Надо ехать в посольство... Но они оба были настолько разгорячены, что Ботян предложил: «Давай возьмём шахматы в машину! Тут всего несколько фигур!» Он садится в

машину за руль, всё ещё спорит, больше глядя на доску, чем на дорогу, и — вот этого я никогда не забуду! — выезжает на встречную полосу! Там гудят, руками машут, пальцами у виска крутят... «Да пошёл ты, гимно с брусникой!» — кричит он в ответ. И не остановишь его — настолько увлекающаяся натура! А знаете, в той обстановке это как-то успокаивающе действовало...»

Валентин Иванович сказал, что их командировка — может, эта, а может, и следующая, потому как в одном и том же составе они побывали в Праге два раза, в мае и июне, и работали там очень активно, — завершилась для них довольно неожиданно. Руководство приказало срочно уезжать, немедленно покинуть Чехословакию.

Ну, надо так надо, поехали, как было решено, в Польшу.

«Доехали мы до Варшавы, — рассказывал об этом путешествии Ботян. — Я там стал искать и нашёл людей, которые у меня в партизанах были. Только набираю телефон одного из них, говорю: «Дзень добрый, Сташю!» — он меня тут же узнал! «Алексей, где ты?!» — «В торгпредстве». — «Немедленно приезжай ко мне!» Он забрал меня — поездили по Польше. Он нашёл тех товарищей, с которыми я работал во время войны... Мне там такой приём сделали!»

«Когда приехали в Варшаву, где нас ждали, Ботян говорит руководителю группы: «Разрешите, я позвоню?» — подтверждает Валентин Иванович. — Минут через сорок после того, как Ботян позвонил, приезжает машина, выходит полковник, говорит: «Мы уже наметили мероприятия, если время есть — поехали сначала в город Радом, это центр Радомского воеводства, а потом в город Илжу!» А мы ж ничего не знали о том, что Ботян воевал в тех самых краях, и тем более что он там делал! Вот до чего человек скромный был! Про него, оказывается, уже книга была издана в Польше, которая называлась «Партизан Алёша». Эту

книгу написал полковник Вислич, который был поручиком во время войны, в 1944-м, когда они познакомились... Когда мы с Алексеем Николаевичем были в городе Илжа, я своими глазами видел тот самый обелиск, где про Ботяна написано.

У этого памятника был организован торжественный митинг, и мне было очень приятно слышать, когда все, даже маленькие пионеры, обращались к нему: «Дорогой партизан Алёша!» И ветераны, обращаясь к нему, тоже говорили не «Алексей Николаевич», а «партизан Алёша». Прилипло это к нему звание!»

А ещё Валентин Иванович вспоминал, что когда они были в Праге, то побывали на том кладбище, где похоронены герои Сопrotивления. На одном из памятников были написаны по-русски слова, которые он запомнил на всю жизнь:

Ты спросишь — как не дрогнула рука?
Ты спросишь — как мы выстоять сумели?
Запомни! Крепким делает стрелка
Не сила рук, а благородство цели.

«Вот такие это были люди, у которых цель была», — говорит Валентин Иванович про то, к сожалению, стремительно и катастрофически уходящее теперь поколение, к которому принадлежал Ботян.

Как мы уже сказали, и мы, и чешская сторона боялись повторения венгерских событий 1956 года. Но не зря же говорят, что, во-первых, «история учит только тому, что она ничему не учит» и, во-вторых, «история плохо учит, зато строго спрашивает за невыученные уроки». Так, по свидетельству Вольфа («дяди Миши», как за глаза называли его советские коллеги), вскоре и

«чешские товарищи» постарались позабыть «венгерский урок».

«Ободряемые симпатией народа и Запада, соратники Дубчека оставили без внимания опыт прошлых десятилетий. Чувствуя, что Москва колеблется, а другие партнёры по Варшавскому договору занимают противоречивые позиции, они полагали, что эксперимент с выбором «третьего пути» представляет собой осуществимый альтернативный проект по сравнению со сталинизмом, и, по меньшей мере, некоторые из них ожидали от США ультимативного требования к Советскому Союзу об отказе от любого военного вмешательства во внутренние дела ЧССР. В переводе на чёткий язык политики это означало, что США должны были бы объявить Чехословакию такой же важной для себя областью, как и Западный Берлин. Те, кто питал такие надежды, полностью игнорировали реакцию США на события 17 июня 1953 года, на венгерскую осень 1956 года и на строительство стены в 1961 году»^{186}.

Не кажется ли вам, что опять получается нечто до боли знакомое? Кто-то ждал помощи в 1938 году, кто-то — в 1939-м... И все, как заклинание, одно твердили: «Запад нам поможет!» Как же, поможет, ждите! А ведь не поумнели и через 30 лет. Странно даже...

Свидетельствует генерал-майор Чикулаев: «По некоторым данным — может быть, оперативным, — был интересный разговор накануне нашего вторжения. Между «верхами» нашей стороны и «верхами» той стороны (не чехов, конечно) была достигнута договорённость, как ни странно, о том, чтобы Запад «не вникал» в наши внутренние дела — в дела нашего социалистического лагеря. Потом на них повлияло и то, что в течение четырёх часов мы Прагу взяли, а в течение суток контролировали уже практически всю Чехословакию. Поэтому они как стояли на границе, так и

оставались. Но стояли. Присутствие натовских войск на границе имело место быть...»

То есть существовала — теоретически, гипотетически, как угодно — угроза или возможность начала войны между двумя блоками.

Не допустить такой возможности старались политики, но, очевидно, гораздо большая роль в решении вопроса принадлежала всё-таки спецслужбам. Просто об этом громко говорить не принято. Спецслужбы, как мы знаем, контролировали обстановку задолго до начала событий.

Замечательный человек — генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов, который в 1968 году был заместителем руководителя военной контрразведки, а в 1970 году стал начальником Третьего управления КГБ СССР при СМ СССР, так писал в своей книге:

«Серьёзная политическая обстановка сложилась в Чехословацкой Социалистической Республике и дошла уже до крайнего предела — не исключалась попытка государственного переворота со всеми вытекающими из него негативными политическими последствиями. Чехословацкие события могли эхом пройтись по всем странам Варшавского договора.

Обстановка в Чехословакии ежедневно рассматривалась на всех уровнях высшего руководства с участием первых лиц министерств иностранных дел, обороны, КГБ СССР и некоторых других ведомств. В решении возникшей проблемы участвовали также высшие звенья руководства всех стран Варшавского договора и Штаба объединённых вооружённых сил стран — участниц этого договора.

В КГБ СССР был организован штаб во главе с генералом Семёном Кузьмичом Цвигуном^[110] и моим участием.

Переговоры с чехословацкой стороной и другие меры, в том числе по линии спецслужб, не привели к

ожидаемым результатам. Тогда высшим руководством СССР было принято тяжёлое, непопулярное в политическом плане решение, согласованное с правительствами стран — участниц Варшавского договора, о введении на территорию Чехословакии коалиционной группировки войск.

Для проведения спланированных мероприятий были командированы в Чехословакию по линии КГБ генералы Г. К. Цинев^[111] и В. В. Федорчук^[112] с группой оперативных сотрудников. Как известно, намеченная операция прошла с большими издержками, в сложных оперативных условиях, с накалом страстей в западноевропейском обществе и осложнением международных отношений»^[187].

(Уточним, что Иван Лаврентьевич Устинов, участник Великой Отечественной войны с первых её дней, встретил свой вековой юбилей 1 января 2020 года — и ушёл из жизни за месяц до Алексея Николаевича Ботяна, которого он знал...)

В начале этой операции Ботян вновь оказался в Чехословакии, правда, теперь уже не на машине с дипломатическими номерами.

«Вскоре после того, как наши войска вошли в Чехословакию, меня без ведома моего «официального» аэрофлотовского начальства забрали, и я туда поехал, — рассказывал Алексей Николаевич. — Меня тогда переодели в солдатскую форму, но тем людям, которые меня окружали, было сказано: имейте в виду, всё, что он прикажет, — выполняйте!»

...Один из тогдашних сотрудников Представительства честно нам сказал, что Ботян после такого переодевания выглядел очень смешно. Солдатскую гимнастёрку ему выдали первую попавшуюся, так что она оказалась Алексею Николаевичу ниже колен. Но ему было абсолютно плевать на то, как он выглядел, — этого «маленького

солдата» ждали очень большие дела. (Тот же сотрудник, который рассказал нам про гимнастёрку, сообщил также: «Он там нашёл склад с оружием! Никте не мог найти, а он — нашёл!» Хотя сам Ботян в разговоре с нами подобный факт отрицал. Но он много чего отрицал.)

«Приехали туда, — вспоминал о той поездке Алексей Николаевич. — Хорошо, что я знал чешский язык! Чехи перекрыли все дороги, все указатели были сняты, неизвестно, куда ехать. Ничего, разбирались! Хотя отношение к нам было враждебное, но я находил людей, которые понимали, за кем правда, ну и сотрудничали с нами. Я очень хороших людей находил, которые нам помогали! К тому же в Марианских Лазнях и Карловых Варах тогда отдыхали наши сотрудники, я ездил туда, мы всех забирали, эвакуировали... Честно скажу, сколько я там времени пробыл — не помню, но немало. И как меня тихо взяли, так же тихо и отпустили. Я возвратился в Германию, а моё место в Аэрофлоте оказалось занято. Что ж делать, нашли другое!»

Кстати, исключительно редкий случай, но, исходя из служебной необходимости, Алексей Николаевич прослужил в ГДР не пять положенных лет, а семь...

«Папа говорил, что когда начались все эти события, в Берлине было очень страшно, — вспоминает Ирина Алексеевна. — Оттуда на Прагу пошли танковые дивизии. В Берлине была брусчатка, а танки шли по ночам, шли мимо наших окон. К тому же мы жили на первом этаже — немцы кидали бутылки в окна, зная, что в этих домах русские жили. Мама даже опускала жалюзи, чтобы намертво закрыть окна, — она тогда одна оказалась, я в 1968 году в институт поступала...»

Вот она, нелёгкая жизнь жены разведчика! А многим в те времена казалось: за граница, все блага жизни.

События 1968 года можно долго описывать и по-разному оценивать. (В 1998 году в Карловых Варах мы

видели самодельные листовки примерно такого содержания: «1938 год — немцы; 1968 год — СССР; 1998 год — США». Штаты тогда намеревались разворачивать в прекрасной туристическо-курортной Чехии свою пресловутую систему ПРО. За это боролись сторонники Пражской весны, причём не только в Праге, но и в Москве? Получается, что именно за это — хотя по простоте своей душевной они того не понимали. Впрочем, как знать...) Но наш разговор не о «весне», а о судьбе человека, честно выполнявшего свой солдатский долг, верно служившего Родине, как это положено солдату, выполнявшему приказ. Поэтому заключим эту главу небольшим эпизодом, который нам рассказал Ефим Гордеевич Чикулаев:

«Наша дивизия, которая поначалу занимала центр Праги, потом была выведена на северную окраину чешской столицы... И вот наступил день 7 ноября — наш праздник всё-таки! Как всегда: кашеварня, каша с мясом. Наши сверхсрочники на бэтэрах мотанулись в Германию, закупили, ну, и мы праздновали... Вскоре к нам в лагерь пришло много молодёжи, студентов — как я понял из разговоров, это в основном были дети и внуки тех, кто пострадал от той «либеральной» публики... Поговорили они с нами, за столом посидели, по одному-другому стопарю пропустили, а потом радостно кричали: «Да здравствует Октябрьская революция!» и «Садись с нами пить чай!» — вместо «контрреволюционного» лозунга «Иван, иди домой!».

Примерно то же самое рассказывал нам и генерал армии Владимир Николаевич Лобов, последний советский начальник Генерального штаба, который в 1968 году был капитаном и командовал мотострелковым батальоном, также входившим в Прагу. После окончания самих «событий» очень многие чехи вели себя достаточно гостеприимно. Лобов вспоминает, как он также был приглашён на какую-то встречу с местным

населением, когда советских офицеров не только хорошо угощали, но и в конце вечера растащили на сувениры все их звёздочки и знаки.

Думается, комментарии здесь излишни: нормальным людям хочется просто нормально жить. Ещё Талейран^[113] говорил о том, что народ признает легитимным любое правительство, которое будет по-настоящему заботиться о народном благе... Но кто это помнит?

А нашим людям, которые не позволили тогда пролиться большой крови, — ещё раз огромное спасибо!

Глава шестнадцатая **СТАРШИЙ ТОВАРИЩ**

Итак, Алексей Николаевич Ботян возвратился в ГДР — до 1972 года. Он был, как мы сказали, одним из тех немногих сотрудников госбезопасности, для которого командировка в ГДР ввиду оперативной необходимости продолжалась целых семь лет. Из этого можно сделать однозначный вывод, что он являлся очень ценным сотрудником: известно ведь, что желающие съездить за рубеж тогда буквально «в очередь» стояли.

Но, к сожалению, о работе Алексея Николаевича в тот период рассказывать сложно. Зато обо всём остальном информации довольно много: нам посчастливилось встречаться с людьми почтенного возраста и в немалых чинах, которые в ту пору были молодыми офицерами госбезопасности, работали и жили рядом с Ботяном.

Рассказывает Михаил Петрович, бывший заместитель начальника Управления «С»: «В связи с вводом войск в Чехословакию меня срочно отозвали из отпуска, и я был распределён в Берлин, в Берлинский аппарат. Там, собственно, я и увидел впервые Алексея Николаевича — его тогда как раз в Чехословакию куда-то посылали. Запомнился он мне таким суетящимся, энергичным, непоседливым... А потом мы с ним в Германии года три параллельно работали. Честно скажу, что я тогда к нему особенно внимательно не присматривался. И фотографий у нас в разведке было мало: любителям сниматься говорили, что если вы хотите известности, то надо было в артисты идти. Но вот что очень запомнилось — так это Ботян на волейбольной площадке...»

Вот здесь мы просто должны остановиться, потому как на тему «Волейбол и Ботян»... нет, скорее «Ботян и

волейбол» следовало бы написать отдельную книгу. Но эту возможность мы предоставим тем, кто профессионально разбирается в спорте, а сами ограничимся свидетельствами очевидцев.

Помнится, когда мы работали над книгой «Подлинная история «Майора Вихря», Алексею Николаевичу было уже 96 лет, но он говорил нам так: «Я спортом до сих пор занимаюсь — играю не только в шахматы, но и в волейбол. Да, обязательно, по несколько раз в месяц. И мяч могу принять и отпасовать!»

Внучка Ботяна Елена доверительно рассказала нам такой случай, не столь давно перед тем произошедший на волейбольной площадке: «Дали там какой-то пас или подачу, и дедушка попытался её словить. Но в это время один его друг, такой большой «спецназёр», тоже нацелился на этот мяч. И в полёте, в каком-то таком пируэте, он валится назад, и вся эта масса падает на деда! Игра тут же остановилась... Молчание гробовое. Что же там с ним случилось?! Ничего, вылез, встрепенулся: «Чего стоите? Давайте дальше играть!».

Человека, о котором рассказала Елена, мы знаем. Это ветеран спецназа, мастер спорта СССР по самбо и много ещё по чему, из тех людей, которых обычно уважительно-боязливо именуют «шкаф». Чаше всего — за глаза, потому как такой массивный и здоровый. Ладно, как говорится, — проехали. Хотя даже представить такой момент, зная обоих действующих лиц, было страшно...

Вот что говорил про Ботяна-волейболиста этот самый «спецназёр», его большой друг, которого мы назовём Сергеем Александровичем:

«Никогда не чувствовалось, что он старик, он никогда не ныл на площадке, не говорил, что ему тяжело, или ещё чего — то есть всё было нормально! Он всегда нормально пасовал, принимал, иногда и

матерком пустить мог: мол, ты что мне не даёшь принимать, — когда его где-то подстраховывают. В этом деле, то есть в спорте, главное — открытость. Ты человека сразу видишь, он очень быстро раскрывает свои качества. У кого-то хитрости больше, у кого-то — бесшабашность. То есть всё натурально, не то, что человек хочет из себя показать, а он проявляет то, что в нём есть...»

«Даже когда я с ним познакомился, — рассказывает Михаил Петрович, — он был человек уже не молодой, но такой бравый. В особенности на волейбольной площадке. Были, как всегда, игроки посильнее, послабее. Одни играют, а другие сидят, ждут, когда их пустят или не пустят... Алексея Николаевича брали всегда! Не потому, что уровень его игры был выше всех — он, в соответствии со своим возрастом, играл, скажем так, неплохо, но ему никто не мог сказать «сядь, посиди!». Не потому, что боялись, — из уважения. Как-то все к нему относились с пониманием... Потом, с ним просто интересно было — он довольно заводной, на молодых он всегда так: «А ты чего здесь стоишь? Ты как мяч принял? Ты куда подал?» — и так далее... Хотя сам тут же мог испортить... Но это было у него такое немножко напускное, для того, мне так кажется, чтобы скрыть свою некоторую мягкость... Потом улыбнётся: «Ладно-ладно!» Дескать, живи! Или играй...»

«Мы с Ботяном и Юзбашяном лет пятнадцать на волейбол ходили, это наша команда была, — вспоминает Ростислав Михайлович. — На волейбольной площадке действительно человека очень видно. Вот, Ботян... У него же энергии было! Он был беспокойный такой, физически развит бесподобно... К тому же ему всегда надо было с кем-то поругаться! Он всегда искал виноватого: «Это ты виноват!» — «Алексей Николаевич, это же ты мячик не взял!» — «Нет-нет-нет, это он! Я бы взял его...» Ему нужно было вариться в этой каше, это

был человек коллектива. Общение с ним было всегда интересно, потому что это был живой человек, живчик. Он тебе 48 вопросов задаст и будет ждать ответа на все 49. Очень любил коллектив, ему нужен был коллектив. Даже если в шахматы играть, то один на один ему было неинтересно. А когда рядом стоят и ругаются — о, тут он может ругаться со всеми. Он обычно мне звонил: «Ты, сволочь, почему на волейбол не ходишь?» Один раз мой зять взял трубку, а он не разобрался... Нет, он не Тёркин, он был более сложный, хотя и гармошку приносил на волейбол. У нас была такая традиция: когда кто-то уезжал за границу, то после волейбола «виновник» приносил чего-то... А потом Ботян обязательно говорил: «У меня ещё самогон есть...» Он и после девяноста пяти ходил на волейбол! Мы его дразнили: «Алексей Николаевич, вы и в 40 лет на волейбол ходили и так же стояли в углу площадки...» Он — мне: «Я?! Да я тебе блок всю жизнь делал!» Вообще, я вам так скажу, что он был светлый человек. Но только если он был в соответствующем настроении, потому что он часто замыкался в себе — столько пережить!..»

«Друзья папы на волейболе очень его оберегали, — вспоминает Ирина Алексеевна. — В любом смысле, не только физически... Когда мамы не стало, ребята его прямо забирали из дома, насильно увозили, чтобы он не был в своих мыслях — ему было очень тяжело. Его и зрители поддерживали. Помню, давно уже было, ему кричали: «Ботян, давай! Ботян, давай!», а сын одного из его сослуживцев, тогда ещё маленький, спросил: «Мама, а что такое ботян?» Волейбол для него был не столько игрой, сколько кругом для общения...»

Всё-таки очень сложно писать о человеке, когда нельзя рассказывать о его главном занятии. А всё прочее... Вот ведь, так поглядишь — не жизнь у Алексея Николаевича в Восточной Германии была, а сплошной

праздник. Одним из «составляющих» этого «праздника» была рыбалка, о которой также ходят легенды.

«Рыбак он был сумасшедший! — рассказывает Ростислав Михайлович. — Наловит, а потом ходит и рыбу раздаёт. Он вообще добрый по натуре, не жадный!»

«Да, в нашей русской «колонии» он этим хорошо был известен, — соглашается Михаил Петрович. — У него там свои места были, на которых вообще-то нельзя ловить, но Алексею Николаевичу было можно. Потом наловит, звонит: «Выйди на минутку! Возьми пару карпов».

«Ловил он много, — говорит Ирина Алексеевна, — но не варварски, не сетями! На удочку, на спиннинг... Когда его спрашивали, где ловишь, на что? — он мне кулак показывал — только скажи! На подлёдный лов ездил, и мама с ним на подлёдный лов ездила! У него, когда он выезжал на рыбалку или охоту, всегда с собой были конфеты, кофе и шнапс. Потому что сидят они на озере, где рыбалка запрещена, — подходит егерь или кто: «Нельзя!» Тут папа с ним знакомится, разговаривает, угощает — причём всё это с очень большим уважением, как немцы любят... В конце концов егерь говорит: «Ну ладно, лови!» Сколько они ездили на озеро Хонеккера, там становились — это было запрещено, а у нас всё запросто! В ГДР рыбалка у него была с большой любовью. Если вечером рано освободился — всегда на рыбалку!»

Остановимся и сделаем маленькую паузу. Тут ведь дело не только в том, что человек по своему характеру к себе располагал, но и сказывался его высокий профессионализм. Разведчик должен входить в доверие, вызывать у людей симпатию и — чего греха таить, служба такая! — заставлять их в той или иной степени нарушать правила или, скажем так, ненадлежащим образом выполнять свои служебные обязанности. А как же иначе разведчик добывает секретную информацию и вербует агентов? Прежде всего, располагает к себе

интересующий его «объект», постепенно входит в доверие, а затем уже мастерски этим пользуется...

Вот и Ростислав Михайлович считает, что Ботян был, как он выразился, «рыбак очень хитрый»: «Он, когда ездил в ГДР на рыбалку, всегда брал с собой пистолет. А там же очень много дичи. Он едет — и косылю хлоп! Бросит в багажник. Немцы спросят, говорит: «Да машина сбила, я же не мог не взять!» Юзбашян ему: «Ещё раз пистолет возьмёшь!..» Он: «Я для самообороны! На всякий случай...».

С тем, что её папа был, скажем так, очень непрост, согласна и Ирина Алексеевна. Рассказала, что несколько лет назад, когда они были в Белоруссии, то ходили на рыбалку, и Алексей Николаевич поймал немного какой-то мелочи. А на обратном пути встретили мужичка, который нёс хороших карасиков или что-то подобное. Ботян сразу сориентировался, купил у него всю рыбу и потом с гордостью говорил, что это он сам поймал.

А вот ещё одна легенда, которую рассказывает Ирина Алексеевна: «У него был друг из Питера, тоже заядлый рыбак. И они поймали щуку, метра полтора, старую-пре-старую, которую привезли домой, просто чтобы показать. Она жила у нас в ванне дня четыре. Мама сказала: «Нет, я ничего с ней делать не буду», — и есть фотография, где они её выпускают. По Представительству в Берлине тогда ходила шутка: «Как, Ботян выпустил рыбу?! Такого быть не может!» Иногда — и даже часто! — мама объявляла забастовку, говорила: «Чистить рыбу не буду! Я на неё смотреть не могу!».

В общем, как кажется, всё было хорошо, легко и весело.

Но вот о чём стоит задуматься: если Алексея Николаевича «держали» в ГДР семь лет, свыше всяких сроков (и ведь понятно, что без всякого «блата»!), то, значит, работал он очень результативно. Если же при

этом о его работе нам ничего не известно, то, значит, и противник остался в полнейшем о ней неведении. Для разведчика — лучший вариант! Особенности этой профессии: как правило, известными становятся те разведчики, которые проваливаются по тем или иным причинам. А самые-самые лучшие даже награды свои надевать не имеют права...

Ирина Алексеевна говорит: «Там хорошая жизнь у них была! Конечно, работали много, очень много, но и отдыхать хорошо отдыхали. Друзья к нам часто приходили. Хорошо сочетали работу с отдыхом. Собирались на праздники всем коллективом... И вообще, они тогда ещё молодыми были!»

Впрочем, порой ведь и молодые ни работать, ни отдыхать не умеют.

В 1972 году командировка Ботяна в конце концов завершилась. Он считал, что должна завершиться и служба — всё-таки ему было уже 55 лет, армейских полковников в таком возрасте увольняли в запас.

Кстати, у кого-то в кадровых органах, где любят «блюсти букву закона», было желание отправить Ботяна на покой ещё раньше: в то время старались отправлять в запас сотрудников, не имевших соответствующего высшего образования, чтобы, так сказать, открывать дорогу молодым и образованным. А ведь те, которые были немолоды и не слишком образованы, в подавляющем своём большинстве прошли Великую Отечественную войну, имели уникальный боевой и оперативный опыт. Именно по этой причине, когда кадровики пытались «наложить лапу» на Ботяна, непосредственные руководители решительно вставали на его защиту и говорили, что лишиться такого ценного и опытного сотрудника никак нельзя! Они ведь и сами прошли в то же самое время «партизанскую академию», поэтому не только понимали оперативную ценность

Алексея Николаевича, но и горой стояли за «своего человека», фактически — боевого товарища.

Это определило и дальнейшую судьбу Ботяна.

Алексей Николаевич вспоминал: «Вернулся я сюда и сказал руководству, что мне пора на пенсию — мол, я оперативный работник, своё выслужил... «Куда тебе на пенсию? Пойдешь в 13-й отдел. Отдел боевой!» — отрезало руководство. Вот и проработал я здесь ещё длительное время».

«Он вернулся и работал в том подразделении, которое соответствовало его фронтовому, военному опыту, — уточняет Михаил Петрович. — В основном там был народ, прошедший партизанское движение...»

Довольно скоро на месте 13-го отдела «был организован отдел «В» ПГУ КГБ при СМ СССР, который в отличие от 13-го отдела имел более широкую организацию... В функции отдела кроме непосредственного проведения террористических актов входили сбор информации о военно-стратегических объектах НАТО, подготовка чрезвычайных планов, которые предусматривали диверсии в различных коммунальных службах, на транспорте, на объектах связи и управления в зарубежных странах в случае начала войны или возникновения кризиса, способного привести к войне...»[{188}](#).

Несколько позже по известным обстоятельствам, о которых рассказывать можно долго, а информацию теперь найти несложно, в Центре произошла очередная реорганизация.

«В 1976 году функции отдела «В» были возложены на 8-й отдел (прямые действия, диверсии) управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ... 8-му отделу подчинялась Группа специального назначения «Вымпел», созданная по решению Политбюро ЦК КПСС 19 августа 1981 г.»[{189}](#).

Кстати, просто умиляет оценка отдела «В», данная в книге «Первое управление» неизвестным бывшим генерал-майором Олегом Даниловичем Калугиным: «Одно из наиболее *shadowy* (это слово переводится как «тёмный», «смутный», «неясный», «мрачный». — А. Б.) подразделений КГБ — Отдел «В» — задачей которого была подготовка чрезвычайных планов террористических актов и диверсий на случай войны»^{190}.

Генерал-майор Дроздов, имевший ко всем этим подразделениям непосредственное отношение, был гораздо менее категоричен:

«Наше управление не решало каких-либо вопросов, связанных с террористической деятельностью. Всё, что опубликовано в последние годы за рубежом о причастности 8-го отдела Управления «С» к терроризму — не более чем свободный полёт фантазии авторов.

После окончания Великой Отечественной войны в течение ряда лет подразделения спецназначения бывшего IV Управления МГБ СССР, действовавшие в тылу противника и против оставшихся в живых бандитов и пособников нацистов, были свёрнуты.

8-й отдел Управления «С» сформировался к середине 1970-х годов из некоторых бывших сотрудников этих подразделений, был не чем иным, как информационной и научно-исследовательской разведывательной структурой, отслеживавшей оперативными средствами всё, что касалось сил специального назначения стран НАТО. Отдел, естественно, проводил подготовку спецрезервистов на случай возможных военных действий, как это делается в любом государстве»^{191}.

В общем, никакого «*shadowy*».

Ботян в этом подразделении занимался подбором «спецрезерва», то есть тех людей, которые во время «особого периода» должны были быть «призваны под

знамёна». (Сейчас эта система изменена коренным образом.)

Именно тогда он познакомился с Сергеем Александровичем:

«Я работал в Управлении кадров КГБ СССР, где курировал Первое главное управление, то есть разведку, по военной, чекистской и физической подготовке. Познакомились, близких контактов тогда не было. Он казался мне человеком незаметным. Не выпячивался, ничего такого... Были гораздо более яркие какие-то личности: те, кто, например, побывал во Вьетнаме, — тогда только закончилась вьетнамская война, они выступали, рассказывали... А он не рассказывал, и я к нему не подходил. Принцип у нас был один: не вылезай, если тебя не просят. Это потом уже я узнал, что он тот, тот и тот, — но не от него, от других: кое-что о нём рассказывали, в допустимых пределах, конечно...»

«Ботян прошёл очень серьёзное испытание — уже и в послевоенное время, — рассказывает Михаил Петрович. — Его дважды представляли к званию Героя Советского Союза, представляли даже и в третий раз в 1965 году, но документы на Политбюро поступили на день позже и снова не прошли... А такое испытание не каждый выдерживает достойно. Кто-то может начать ходить по кабинетам: да как так, да я такой! Иной может за поддержкой «в массы» обратиться. Но от него я никогда никаких разговоров на эту тему не слышал, хотя с 1968 года мы вместе очень много были. У Льва Толстого, по-моему, есть повесть: «Бог правду видит, да не скоро скажет». Вот так и у него получилось — сказали! Хорошо, что о нём вспомнили!»

«Мне кажется, для него Герой — это много больше, чем для других, — считает Ростислав Михайлович. — Когда человек совершает подвиг, а затем следует заслуженная награда, то это нормально, это

замечательно, так и должно быть! А он эту награду выстрадал...»

«Знали, что Ботян ветеран войны, но он сам об этом молчал как рыба — и мы ничего не знали о его боевых деяниях, — рассказывает Герой Советского Союза Эвальд Григорьевич Козлов. — Он никогда на эту тему не распространялся. Хотя мы и работали рядом восемь лет, но у каждого был свой участок работы, и по этому участку, как правило, в нашей системе конспирации ты докладываешь только своему непосредственному начальнику. Со своими товарищами-друзьями ты делишься только постольку, поскольку находишь нужным спросить: «Запятую нужно в этой фразе поставить или не нужно?» Так что об успехах или недостатках его работы в отделе ничего абсолютно не могу говорить. Единственное, что могу о нём сказать — что он был очень живой, жизнерадостный. Особенно эта жизнерадостность проявлялась в обеденный перерыв, когда играли в шахматы. Если он выигрывает, то это была граница его радости! Были ли у него друзья — не знаю, мне кажется, у него были ровные отношения со всеми. Вообще, мы как там, в отделе, жили? Вот, нет его на месте какой-то период — ну, думаешь, он, наверное, в командировке. А может быть, и в отпуске...»

Да, не прост был наш Алексей Николаевич, хотя так на него поглядишь: душа-человек, весь нараспашку и добротой аж светится! Однако профессия наложила на его характер серьёзнейший отпечаток.

Что там коллеги по службе! Родная дочь про Алексея Николаевича почти ничего не знала! Даже из того, что, кажется, вполне можно было бы рассказать...

«Кто он такой, я узнала, наверное, довольно поздно, — признаётся Ирина Алексеевна. — Потому что никогда дома это не оглашалось, не разговаривали на эту тему, — ну, работает папа и работает. Я знала, что он воевал — с Перминовым воевал, с Карасёвым — вот и

всё. День Победы для нас святой был праздник. Но он никогда ничего не говорил о том, что он сам у нас такой легендарный человек. Абсолютно! Не рассказывал не только потому, что он разведчик, — это черта характера у него такая, не выставлять себя напоказ. Он очень скромный был человек. И когда о нём стали писать в прессе — вот тогда мы и удивились. Ничего себе! Ну, впоследствии он немножко «прижился» к этому своему званию, а раньше — абсолютно ничего!»

Да, когда запреты были сняты, Алексей Николаевич уже не отказывается порой «погреться в лучах славы». Но этому было своё объяснение.

«Ему нужно было отдавать себя людям! — считает Ростислав Михайлович. — Он наслаждался тем, что его слушают, что на него смотрят. Нет, совсем не потому, чтобы он, что называется, «грелся в лучах славы», как-то там красовался. Нет, он сознавал, что он нужен, востребован! В таком почтенном возрасте это ведь дано далеко не каждому. Я был как-то на его выступлении — Ботян, стоя, рассказывал два часа. Какое уважение к аудитории! Зато все и слушали его, буквально раскрыв рот... Он был очень обаятельный человек».

Впрочем, Ботян и раньше иногда мог «kozyрнуть» своими боевыми заслугами, но в исключительных случаях и не для себя самого.

«Когда я заболел и лежал в госпитале, Михаил Петрович сказал, что приедет с Алексеем Николаевичем, — продолжает Ростислав Михайлович. — Лежу я в палате, читаю книжку, вдруг в коридоре какой-то шум, появляется Ботян — грудь в орденах, за ним медики обалделые... Говорю: «Алексей Николаевич, зачем весь этот шум?» — «Нехай знают, кто до тэбэ приходит!» Заботливый такой мужик был, переживающий...»

С ним полностью согласен и вышеназванный Михаил Петрович:

«После моей второй командировки мы встретились с Алексеем Николаевичем на каком-то приёме. Поговорили о жизни, о том о сём... Через несколько дней звонит: «Ты мне жаловался, что у тебя дачи нет? Так вот, есть дача!» И я, с его помощью, купил себе дачу. А это были те времена, когда на то, чтобы купить, допустим, кирпич, надо было записываться и ждать, когда открытку пришлют. Вскоре вдруг звонит Ботян: «Слушай, ты дачу купил? Тебе кирпич нужен? А то у меня открытка пришла, но мне он уже не нужен». Заметьте, не я звоню и спрашиваю, а он. Так мало того что он мне открытку передал, — мы с ним ездили куда-то в Подмоскowie, на завод, и он тоже грузил, а потом приехал со мной на дачу разгружать... Такое отношение — абсолютно бескорыстное, ведь по службе у нас пересечений не было, — не могло не располагать к нему».

Как ни банально это звучит, но жизнь шла своим чередом, всё менялось и, как теперь уже точно известно, отнюдь не к лучшему.

«События в Афганистане заставили нас создать в 1978–1980 годах и послать туда укомплектованные спецрезервистами внеструктурные подразделения типа «Зенита» и «Каскада». Встретившиеся там трудности доказали ошибочность принятого в 1950-е годы решения о прекращении деятельности частей специального назначения...»^[192]

В разговоре с нами Юрий Иванович Дроздов уточнил: «Фамилия Ботяна, когда мы готовили дополнительные «Каскады», ни разу не возникала: у него было достаточно работы здесь. Хорошей работы. И в его возрасте это было бы излишним...»

Впрочем, нам известно, что Алексей Николаевич выражал желание съездить «за речку»^[114], но эта инициатива, как видим, даже не рассматривалась руководством.

«На состоявшемся 19 августа 1981 года закрытом совместном заседании Совета Министров СССР и Политбюро ЦК КПСС высшее руководство страны приняло решение о создании в Комитете государственной безопасности СССР совершенно секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период». Его первым командиром стал участник штурма дворца Амина, Герой Советского Союза Эвальд Козлов, боевой капитан 1-го ранга из морских погранчастей КГБ. А потому назвали отряд «Вымпел», по ассоциации с адмиральским брейд-вымпелом на мачте. Официальное же наименование было скучное — Отдельный учебный центр КГБ СССР...

После того как решение о формировании «Вымпела» было принято окончательно, передавая мне бумаги, Юрий Владимирович Андропов сказал: «Ну вот, на! Работай, создавай! И чтоб равных им не было!»

Равных им действительно не было. И по степени готовности пойти на риск, и по степени оперативной выдумки, разведывательной находчивости. Они доказали своё право на существование и доказали право гордиться своей профессией и своими навыками. Главная особенность «Вымпела» состояла в том, что это была сила думающая, умеющая самостоятельно осмыслить любую задачу, принять правильное решение и воплотить его в жизнь...

Мы прекрасно знали, что наша боевая подготовка в некоторых случаях превосходит американскую по своей напряжённости, остроте и, можно даже сказать, по результативности. Хотя возможностей для этого у американцев было гораздо больше.

Сразу же после создания отряда начала формироваться и учебная база по нескольким направлениям. Необходимо было полностью проанализировать и обобщить богатейший опыт

диверсионной разведывательной деятельности на территории нашей страны во время Великой Отечественной войны и предшествовавших войн, опыт боевой подготовки наших военных, армейских подразделений специального назначения, опыт наших противников — американцев, израильтян, западных немцев...»[{193}](#)

Возможно, цитата несколько длинная, но это объясняется тем, что к подготовке отряда Алексей Николаевич Ботян имел самое непосредственное отношение.

Об этом рассказывает Сергей Александрович, который десять лет руководил КУОС (Курсы усовершенствования офицерского состава), вплоть до их «упразднения» в 1993 году:

«Ботян приезжал к нам на КУОС в роли посредника. Посредник — это, так сказать, представитель от головной организации, от заказчика. Он участвовал в учениях и занятиях, профессионально смотрел, как идёт процесс подготовки. При этом сам нередко мог что-то подсказать, посоветовать, научить... Вообще, на протяжении всех десяти лет, которые мы совместно в этой работе проводили, я получал от него только конкретные замечания и предложения, у нас было по-настоящему творческое сотрудничество. Обычно приезжали посредники помоложе — ведь проверяющим также приходилось переносить немалые физические нагрузки, но и Алексей Николаевич был у нас частым гостем».

Сергей Александрович вспоминает наиболее яркие моменты таких занятий:

«Был у нас марш, для слушателей. Зима, лыжи, полная боевая выкладка, практически все занятия проводились в ночное время. По ходу, уже перед самым выходом с маршрута, они должны были пять километров пронести раненого. Я с ними лично проводил занятия по

медицинской подготовке (заметим, что в числе нескольких высших образований у Сергея Александровича есть и медицинское. — А. Б.), по оказанию помощи, транспортировке, различные её виды: на палатке, на лыжах, и всё такое... Но практика показывала, что слушатели тоже умные. Зачем им кого-то тащить? Только перед самым концом маршрута они действительно несут своего товарища. Все улыбаются, всем всё понятно... Тогда было решено сделать следующее: на последнем этапе кладём борцовскую куклу, килограммов на 60–70, она уже сама не пойдёт, её надо транспортировать — правильно, грамотно, чтобы она не сваливалась, не мешала. И вот поступает радиограмма: «У вас появился тяжелораненый, нужно оказать помощь! Квадрат такой-то, такой-то, такой-то». Слушатели, повторю, народ умный и грамотный. Одна из групп посылает ответ: «Раненый умер. Мы его решили захоронить». Но и преподаватель соображающий, отвечает: «В связи с тем, что ему присвоили звание Героя Советского Союза, захоронение должно быть произведено на родине». Всё! Тем, кто хорошо слушал, грамотно сделал, тому транспортировать было легче. А тот, кто считал, ну что там такого, взвалю на плечи — ребята все здоровые, то пять километров проходили еле-еле, в мыле и в напряжении страшном. Докладывают: «Товарищ полковник, группа такая-то прибыла!» Говорю: «Всё, свободны!» Они бросают этого «раненого» на землю и с остервенением начинают избивать его ногами! Так в Японии снимают стресс, избивая палкой куклу начальника... Ботян всегда по достоинству оценивал подобную организацию занятий и докладывал, что всё проводится по-настоящему».

Сергей Александрович вдруг широко улыбается — такой хорошей, доброй улыбкой:

«Смешного на этих занятиях было много! Но это мы уже потом смеялись. Допустим, проходят дорогу...

Нужно ведь не просто рвануть через дорогу, а слушатель должен проверить, чиста ли она, не может ли его кто-то зафиксировать и прочее. А мы ещё старались поставить там, где наиболее удобные места для перехода, так называемые имитационные мины. И вот — занятие, и вдруг на обочине появляется грейдер. Он зацепляет мины, которые начинают взрываться с ужасным воем и свистом! Водитель, бедняга, бросает свой грейдер — и бежать! Мы ж работали не посреди полигона, а «вживую». Таких эпизодов достаточно много... Вот, шестые сутки проходят учения. Переходы, так называемые рейды, когда нужно из одной местности переместиться в другую, преодоление водной преграды, встреча с агентами и прочее, прочее... Целый комплекс мероприятий. И вот у слушателей задача: просчитать, сколько транспорта пройдёт по шоссе, что за виды транспорта, что перевозят и т. д. и т. п., и всё это описать. Ну и как нарочно на трассе останавливается машина, и к кустам, где сидит замаскированный слушатель, подходит водитель и начинает в эти кусты писать. Причём очень долго! Этот не выдерживает, поднимается и говорит: «Ну, сколько ж можно?!» Небритый, в маскхалате, с автоматом... Что могло быть с водителем? Да что угодно! Пришлось потом долго беседовать со слушателем: раз он тебя не видит, то всё, замри и терпи! Где гарантия, что «там» такого не будет?»

Наш собеседник объясняет, что Алексей Николаевич, выполняя обязанности посредника, должен был не только встречать группу по возвращении.

«Он осматривал места, изучал маршруты — фактически сам по ним проходил, определяя, чтобы была нормальная нагрузка на слушателей — чтобы им это запомнилось. Ведь хотя у нас и шла теоретическая подготовка, но важнее всего было именно закрепление практикой. Ботян оценивал, что это будет — имитация

или действительно боевая деятельность. Можно понять, что его партизанский опыт вызывал у слушателей большой интерес. Задавали самые неожиданные вопросы, например: «Алексей Николаевич, а как вы в лесу спали?» И тут Ботян объяснял, что нельзя, например, прислоняться головой к сосне или к ёлке, потому что потом от смолы волосы еле-еле отдираешь... Много полезного он давал слушателям! Не только как партизан и диверсант, но ещё и как человек, который любил, знал и понимал природу... Такой информации, что они от него получали, ни в одном учебнике не сыщешь! Для всех нас это был настоящий старший товарищ — в самом лучшем смысле этого понятия».

Глава семнадцатая **ОН УШЁЛ В РАЗВЕДКУ...**

Всякая служба — в смысле срока служения Отечеству, — даже самая добросовестная, результативная и продолжительная, когда-нибудь обязательно заканчивается, на что есть соответствующие законы и правила... Однако хотя Алексей Николаевич и вышел в отставку в 1984 году, но потом он ещё до 1986 (или, по другой версии, до 1989) года работал в Службе в качестве консультанта, а затем, уже до конца своих дней, оставался как бы под её «крылом», и она очень заботилась о своём прославленном ветеране, всячески его опекала и ему очень помогала.

Впрочем, это достаточно сложный вопрос, насколько реально ему была нужна какая-то помощь. Конечно, в вековом, скажем, возрасте без поддержки обходиться трудно — однако у Алексея Николаевича подобного возраста просто не чувствовалось. Хотя с каждым прожитым годом у него неизбежно прибавлялись, что называется, проблемы со здоровьем, но мы за всё время нашего почти десятилетнего общения ни разу не слышали, чтобы он на что-то пожаловался, заговорил вдруг о своём самочувствии или, что нередко делают люди в солидном возрасте, стал бы рассуждать о том, что, мол, пора помирать, жить уже надоело, да и незачем... Кажется даже, что он абсолютно не соотносил себя со своими годами. Кто-то из ветеранов Службы рассказывал, как однажды — в санатории, что ли? — он вместе с Ботяном оказался в компании людей, в возрасте немного за семьдесят. И что же? Пообщавшись с ними, послушав их разговоры, Алексей Николаевич через некоторое время заявил своему спутнику:

«Слушай, а чего мы здесь со стариками-то сидим? Пойдём к молодёжи!»

Он любил жизнь, он по-настоящему ценил каждый свой прожитый день. Всегда бодрый, всегда с улыбкой и шуткой. Так что, пожалуй, из всей той помощи, которую ему оказывали, он в первую очередь нуждался в общении, в людях, в своих друзьях и знакомых. Он, очевидно, лучше всех понимал прекрасные слова Антуана де Сент-Экзюпери про «роскошь человеческого общения» и, как кажется, эта «роскошь» была для него единственно необходимой из всех, так сказать, жизненных роскошей.

Среди тех, с кем он постоянно общался, был и генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, в прошлом — легендарный начальник легендарного Управления «С» (простите, но ни у Дроздова, ни у его Управления отобразить этот превосходный эпитет нельзя!), а на тот период также уже отставник, пенсионер, хотя и руководивший аналитическим агентством НАМАКОН. Помнится, Юрий Иванович нам говорил: «Во времена нашей службы больших и частых контактов у меня с ним не было по одной простой причине: на моих плечах лежало всё-таки... подразделений...»

Какая досада! Генерал назвал точное количество этих самых подразделений, входивших в состав его управления, но мы не расслышали, а переспросить постеснялись. Продолжаем его рассказ:

«Ботян — это интересная личность. Человек, который шёл на острейшие операции, чётко давая самому себе оценку происходящего в то время на том участке, где он работал в боевых условиях. Он давал себе трезвую оценку того, что с ним может произойти, того, что ожидает каждого, кто сталкивался с боевыми операциями. В связи с этим он умел: а) держать в руках лично себя самого; б) заряжать своей энергией других; в) использовать имеющиеся навыки, языковые знания,

физическую подготовку, свой опыт — в том числе службу в той же Польской армии, — в интересах выполнения задания. Это удивительнейшее умение, которое необходимо человеку, который находится на серьезнейшем и опасном участке работы».

Помнится, Юрий Иванович даже вздохнул:

«То, что нам пришлось по-настоящему узнать друг друга только после моего возвращения из Афганистана — ну, ничего не поделаешь, так складывается судьба. То, что мы познакомились, а потом опять встретились через добрых 15–17 лет, это тоже жизненная судьба, но, в любом случае, я знаю его как человека, который полностью и серьезно посвятил себя защите интересов Родины. И когда он приезжает ко мне — иногда с кем-нибудь вдвоём, иногда даже втроём — мы всегда посидим, поговорим, вытащим бутылку вина или водки, если надо — поздравим друг друга, выпьем, закусим, вспомним...

Было, кстати, как-то я немного приболел, он приезжает: «Слушай, Юрий Иванович, я привёз тебе самое лучшее что ни на есть лекарство!» — и достаёт бутылку самогона.

Когда идёт общение, застолье — он обязательно добавит какую-нибудь интереснейшую прибаутку, и, я думаю, это говорит о том, что старая гвардия ещё продолжает жить и трудиться!»

К сожалению, повторим вновь, что наша «старая гвардия» — фронтовики — уходит стремительно. Точнее даже, теперь уходит уже её арьергард — последние бойцы. Уже три года как нет Юрия Ивановича Дроздова, недавно не стало и Алексея Николаевича Ботяна.

Ну а тогда, когда мы встречались, работая над книгой «Подлинная история «Майора Вихря», оба они были полны сил, энергии и оптимизма.

«Нормально сейчас всё, — говорил тогда Ботян. — Вот только уже четвёртый год, как мой зубной техник

ушла из жизни... Но есть дочь, внучка, правнуки — жаловаться не могу!»

Всё так и было, однако ещё тогда, в первой нашей книге, мы не стали особенно касаться личной жизни Алексея Николаевича, подробно рассказывать о его семье и живописать то, как живётся ему в отставке. Это была, так сказать, «его территория», и к чему пускать туда посторонних? Да, он, что называется, жил на покое — но при этом, как мы сказали ранее, не был забыт не только родственниками и ближайшими друзьями, но и коллегами, давними уже своими сослуживцами, руководством Службы, был нужен, востребован, и стиль жизни у него оставался весьма даже активный. Думается, что этой информации вполне достаточно.

А то, что Ботян никоим образом не был забыт, подтверждается не только многочисленными публикациями о нём в прессе, но и прежде всего тем, что 9 мая 2007 года, в год его девяностолетия, Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ о присвоении Алексею Николаевичу звания Героя России. В конце концов, как принято говорить, «награда нашла героя».

Однако даже и на сей раз не всё было так просто, как бы того хотелось — точнее, как следовало бы. Нам рассказывали весьма уважаемые люди, что представление на присвоение звания Героя, приуроченное по времени к тому самому девяностолетию (известная практика — награда к юбилею!), своевременно пошло по длинным чиновничьим коридорам и многочисленным кабинетам, вот только, в конце концов, попало на стол какой-то дамы. Это была чиновница не то чтобы очень высокого ранга — но, скажем так, «необходимый пункт» на этом большом и сложном пути. Внимательно прочитав биографию Ботяна, дама безапелляционно заявила:

«Польским капралам звания Героя России не даём!» — и документы были возвращены.

(Эта версия, рассказанная нам, повторим, одним очень уважаемым человеком, в прошлом — работником кадровых органов Службы, представляется гораздо более убедительной, нежели тот некогда растиражированный прессой вариант, что именно по причине своего «капральства» Ботян не получил звания Героя Советского Союза за диверсию в Овруче, — но, думается, в тех обстоятельствах мы уже разобрались в соответствующей главе.)

Юрий Иванович Дроздов, узнавший об этом заявлении чиновной дамы, был возмущён и, используя свои старые связи, просто-напросто обратился на самый верх... Вроде бы после этого чиновница даже была вынуждена сменить место работы (есть сведения, что её даже выгнали оттуда), а представление было удовлетворено практически мгновенно. Так Алексей Николаевич был удостоен звания Героя России — пусть уже не к юбилею, но всё-таки в свой юбилейный год, к 62-й годовщине Великой Победы, для приближения которой он сделал очень даже немало.

В президентском указе № 614 от 9 мая 2007 года написано: «За мужество и героизм, проявленные в ходе операции по освобождению польского города Кракова и предотвращению уничтожения его немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., присвоить звание Героя Российской Федерации Ботяну Алексею Николаевичу, город Москва».

Говорить, что «вот, если бы раньше...» — это уже общие слова. Что есть, то есть, и ничего тут не исправишь.

Кстати, вспоминали Алексея Николаевича и польские товарищи — точнее, польские руководители. Он уже давно был награждён за свои подвиги в годы Великой

Отечественной войны серебряным знаком польского ордена Военной доблести (Virtuti Militari), а в последующем чуть было не получил ещё и льготу от польского правительства.

«Когда-то, уже довольно давно, — рассказывал нам Алексей Николаевич, — я был в польском посольстве, и там мне сказали, что все те граждане, которые были призваны в Польскую армию и воевали в 1939 году, получают пенсии от польского правительства. Примерно 25 долларов за квартал. Мне сказали: «Заполните анкету...» Отвечаю: «Я советский офицер и не могу от вас пенсию получать — мне стыдно будет!» Отказался!»

А теперь — о более серьёзном. После того как Алексей Николаевич стал человеком «открытым», с ним стали встречаться и работать журналисты, телевизионщики и даже деятели искусств. В результате Ботяна знали в лицо тысячи и тысячи человек, он стал по-настоящему известным, даже знаменитым — но, разумеется, без каких-либо симптомов «звёздной болезни». Всё такой же простой и доступный в общении, однако добавлять так и просящееся в этот перечень слово «скромный» мы не станем: всё-таки цену себе Алексей Николаевич знал и в любом обществе незаметным не оставался. Хотя, разумеется, и окружающие его сразу выделяли, везде и всегда люди буквально тянулись к нему, а потому он никогда не оставался «скромно сидеть в уголке».

8 февраля 2012 года — к 95-летию Алексея Николаевича — в знаменитой Московской Государственной картинной галерее народного художника СССР Александра Шилова, что расположена близ самого Кремля, был торжественно представлен его портрет, выполненный самим Александром Максовичем.

Мастер так рассказывал об этой своей работе:

«Руководитель пресс-бюро Службы внешней разведки Сергей Николаевич Иванов мне признался: «По

этому портрету мы Ботяна больше узнали, чем общаясь с ним». Он был удивлён, когда увидел портрет у меня в мастерской — мол, Алексей Николаевич представлен там таким жёстким. Я ответил, что когда вы с ним общаетесь, то вы смотрите на него, так сказать, непристально. А ведь задача портретиста — при абсолютном внешнем сходстве выразить внутренний мир человека и его характер. Даже если просто взять его «трудовую деятельность», то уже ясно, что это может быть только человек очень смелый, решительный и жёсткий. Мягкий человек, нерешительный, каким бы патриотом он ни был, не смог бы совершить того, что делал Ботян во время Великой Отечественной войны! Так что он очень жёсткий человек. У него в глазах столько всего... Именно эти черты я и пытался выразить, когда писал его портрет. Хотя Алексею Николаевичу идёт сейчас 97-й год, но эти качества в его характере сохранились до сих пор. Вроде с ним разговариваешь, он улыбается — но за человеком надо смотреть тогда, когда он не видит, что на него смотрят. И тогда понимаешь, что это — горный орёл, который в любой момент готов сорваться со скалы и броситься на свою жертву. Конечно, ради Родины, для того, чтобы принести ей пользу, а не просто показать, какой он решительный и смелый. Я убеждён, что и сейчас, несмотря на свой возраст, он так же прекрасно исполнит свой долг перед Родиной, как исполнял во время Великой Отечественной войны. А если будет нужно — он пожертвует собой ради Родины мгновенно. Его внутреннее состояние всё в глазах, во взгляде. Я его писал просто как горного орла — с вдохновением!»

«Его в обыденной жизни не отличишь, не заметишь, — рассуждал примерно тогда же Валентин Иванович. — Ну, идёт себе старичок — кто на него внимание обратит? А если бы знали, какой у него

сильный стержень внутри! Что это за человек удивительный!»

И ещё в одном очень прав народный художник. Однажды, когда мы в очередной раз разговаривали с Алексеем Николаевичем, он сказал так: «В жизни у меня было всё, и всё было нормально... Жизнь сложная была, но я на неё обижаться не могу. Я честным был, никого зря не обидел, никому не завидовал — это самое главное. Я никогда не терял веру: думал, что всё хорошо будет! Так и было. Сегодня у меня никакой перспективы жизненной нет, так что я спокойно могу участвовать в любых острых мероприятиях. Если нужно — готов уничтожить какого-нибудь негодяя, предателя. Рука у меня не дрогнет. Если придётся защищать Родину — я снова готов!»

И было ясно, что это вовсе не громкие и красивые слова — ведь, помимо всего, Алексей Николаевич, как мы знаем, и в столетнем возрасте стрелял без промаха, а его рассудительности и здравомыслию могли позавидовать и гораздо более молодые люди.

Через год, в конце 2013-го, издательство «Молодая гвардия» выпустила в своей популярной серии «Дело № ...» нашу книгу «Подлинная история «Майора Вихря» (книга была переиздана в 2019 году). Книга эта, кстати, получила очень высокую (и весьма необычную!) оценку руководства Службы внешней разведки: 10 февраля 2017 года, поздравляя Алексея Николаевича с его вековым юбилеем, директор СВР Сергей Евгеньевич Нарышкин вручил ему специально изготовленный подарочный вариант «Подлинной истории...».

Вроде бы Алексей Николаевич долгое время пребывал не удел, но так лишь кажется. Он не только давал интервью журналистам, встречался с ветеранами, выступал перед сотрудниками специальных подразделений и молодёжью в различных учебных заведениях, но и буквально до последнего времени

выезжал в различные регионы России — и на юг, и на север, где также встречался с сотрудниками спецслужб в территориальных управлениях, приезжал и в родную Белоруссию...

И всё-таки, рассказывая про все эти контакты, особенно следует выделить тему (и тут память услужливо вытаскивает из своих недр давнюю формулировку, которую мы, с соответствующей корректировкой, и используем) «Ботян и дети». Впрочем, из всей этой большой и многогранной темы — где он только ни бывал, перед какими ребятами ни выступал, с кем из них ни общался, каждый раз видел перед собой очень заинтересованные глаза, а затем его буквально засыпали вопросами! — мы выберем для своего рассказа лишь один аспект: Военно-патриотический центр «Вымпел».

Этот ВПЦ был создан четверть века назад бывшими сотрудниками специальных подразделений — в тесном контакте со своими действующими коллегами. Задачей центра являются организация и проведение лагерей, экспедиций, в ходе которых ребята проходят подготовку по специально адаптированным для них программам «Вымпела», «Альфы» и Президентского полка. Здесь ребятам даётся самое серьёзное военно-патриотическое и всякое иное необходимое для подрастающего поколения воспитание, получив которое, многие из них затем навсегда связывают свою судьбу со служением Отечеству.

В подробности вдаваться не будем, потому как рискуем увлечься и далеко отойти от темы нашего повествования. Но вот основатель и бессменный директор ВПЦ «Вымпел» Святослав Дмитриевич Омельченко, ветеран Кремлёвского полка и... много чего ещё, так объяснил нам суть работы по одному, например, из направлений деятельности Центра:

«Мы брали самые «изюминки» из программ подготовки всех этих элитных подразделений, на их основании сделали свою программу, которую назвали «Специальный комплексный тренинг», где один боец ничего не может сделать. Только групповое всё, только группой можно сделать».

Уже что-то понятно? Прекрасно! В общем, это не американские кинобоевики, на которых наш «официоз» теперь аккуратно воспитывает подрастающие поколения юных россиян — там-то всегда действует герой-одиночка, как правило, уже ушедший (или несправедливо выгнанный) со службы, — тогда как у нас всё решает слаженный боевой коллектив. На том и остановимся.

Ботян изначально был членом попечительского совета ВПЦ и принимал очень активное участие в его работе — буквально до самого последнего своего дня. Он был воистину безотказен: если его звали приехать в лагерь, в лес — он приезжал всегда, и ребята это очень ценили. Даже когда Алексей Николаевич стал ходить с палочкой — то есть ходить ему уже было не так-то легко, он всё равно стремился к ребятам. И курсанты Центра это видели и ценили гораздо больше каких-нибудь красивых и правильных слов, которые у нас чаще всего лежат в основе воспитательной работы. А он, как кажется, черпал в этом общении новые жизненные силы, словно бы подзаряжался юной энергией, так что контакты получались обоюдopoлезные. Не очень хорошо звучит, но реально — взаимовыгодные.

Как известно, лучшее воспитание происходит на основе личного примера. Ботян не разменивался на мелочи — типа как продемонстрировать сборку-разборку оружия, но зато всем, кто это видел, запомнилось, как он приехал в Учебный центр Президентского полка, где в то время проходили стрельбы из различных видов оружия, и юные воспитанники «Вымпела» в них также

участвовали. Можно понять, какое для ребят это было счастье!

Тогда Алексей Николаевич взял совершенно незнакомую ему американскую штурмовую винтовку М-16, сделал пристрелочный выстрел, промахнулся — и после этого, мгновенно и точно всё рассчитав, стал валить все поднимающиеся мишени, одну за другой. Потом он взял в руки пистолет Ярыгина — кстати, в первый раз выстрелив, увидел, что у него очень сильная отдача, — приноровился и опять-таки стрелял без промаха. После этого Ботян лёг за пулемёт — и, к восторгу детей, одной очередью сбил как мишень «пулемёт», так и «грудную» мишень. А ведь тогда ему уже было хорошо за девяносто!

Стоило видеть, какими восхищёнными глазами смотрели дети на этого удивительного... Нет, написать о нём «старик» рука не поднимается!

Потом все расселись у костра и Алексей Николаевич стал рассказывать о своих партизанских делах, о боевых товарищах, о дерзких операциях в тылу врага. Дети слушали его, боясь пропустить хотя бы слово! Про мобильные телефоны, любимое развлечение современного молодого человека, все позабыли напрочь... Хотя, разумеется, ребята уже были к этой встрече подготовлены, ждали её с интересом и нетерпением. Но встреча превзошла все ожидания! Этот легендарный человек, к ним приехавший, поразил их не только своим умением стрелять из различных видов оружия, но и своей живостью, и непосредственностью общения, и интересным, азартным рассказом. Он не рассказывал скучно, нудно — когда он говорил, то увлекался сам и зажигал своих слушателей.

Ранее мы не зря сказали об обоюдной пользе таких контактов. Ведь это не только Ботян заботился о своих юных друзьях — но и они проявляли воистину трогательную заботу о нём. Так, ещё когда он играл в

волейбол — а было это в общем-то сравнительно недавно, пожалуй, и десяти лет не прошло, — Омельченко с кем-то там договорился, чтобы в самом конце игры ребята зашли в спортивный зал. Курсанты по-тихому пришли, встали по стеночке, посмотрели, а когда игра закончилась, Святослав Дмитриевич объявил, что, мол, сегодня у нас новорождённый — и этим новорождённым был Ботян, которого ребята дружно поздравили. Алексей Николаевич был очень тронут таким вниманием, не скрывал своего искреннего волнения — ведь был он человеком весьма эмоциональным.

Ребята вручили Ботяну васильковый берет «Вымпела», и он обязательно и с искренней гордостью надевал его на встречи с ними или на торжественные мероприятия, проводимые ВПЦ. Это очень импонировало его юным друзьям и в чём-то даже их равняло, сближало. Вообще, как подсказывает опыт, чтобы дети тебе доверяли, нужно играть в их игры с той же серьёзностью, с какой это делают они. У Алексея Николаевича это вполне получалось, а потому для юных «вымпеловцев» он был действительно своим, очень близким человеком.

Впрочем, игры-то действительно были серьёзные, так что недаром Ботян видел в этих ребятах настоящий кадровый резерв Службы, а потому не раз говорил им, что Родину нужно не только любить, но и защищать, и что именно они — завтрашние защитники России...

Между тем годы постепенно брали своё. Когда возраст Ботяна уже приближался к вековому рубежу, медики запретили ему играть в волейбол. Ещё раньше его «отлучили» от велосипеда, не разрешили садиться за руль автомобиля. А вот шахматы — древнейшая игра, требующая остроты ума, внимательности, сообразительности и ещё целого ряда весьма серьёзных качеств — оставались с ним до самого конца его жизни.

Он играл — и выигрывал, причём даже у сильных шахматистов, имевших высокие спортивные разряды. Меньше чем за месяц до своего в общем-то внезапного ухода он приезжал на Остоженку, в Пресс-бюро Службы внешней разведки, и не только общался с его сотрудниками и гостями, но и успешно сыграл несколько шахматных партий с серьёзными игроками, искренне радуясь своим победам. Заметим, кстати, что «поддавков», когда кто-то намеренно пытался ему проигрывать, Ботян не терпел — он сразу это чувствовал и громко возмущался подобным неспортивным поведением.

...В августе 2019 года Алексей Николаевич оказался в госпитале, в реанимации: серьёзная проблема со здоровьем, да ещё в столь солидном возрасте, оставляла очень мало надежды на выздоровление. Но он, всему вопреки, вышел из больницы. Он ведь ещё там, на госпитальной койке, едва придя в себя, говорил, что ему обязательно нужно дожить до 75-летия Великой Победы. И собрав, кажется, в кулак всю свою волю, жил — активно, полной жизнью, общаясь с людьми, снова выступая перед молодёжью, вновь давая интервью...

Кстати, когда в ноябре 2019-го мы встретились с ним на одном вечере — нужно было видеть, какими восторженными, восхищёнными глазами, с какой улыбкой смотрел Ботян на молодую красивую женщину, исполнявшую «цыганочку»! Чувствовалось, что если бы не проблема с ногами, он сам пустился бы в пляс...

А потом, в свой следующий и, к сожалению, последний визит в Пресс-бюро СВР, в январе 2020-го, он записал видеообращение к молодёжи. Зачем? Неужели почувствовал приближающийся уход?

Тогда он сказал:

«Защитниками Родины вместо нас являются и будут они... И нужно, чтобы они всегда помнили, что Родина у нас одна и что её защищать нужно любыми средствами

— вплоть до того, что даже если и погибнуть надо будет, то на это надо решиться! Но я думаю, что никто в сегодняшнее время напасть на нас не посмеет, и зря они нам угрожают. Бояться нам нечего! Сегодня мы сильны — и в вооружённом смысле, и патриотически. Патриоты у нас всегда найдутся, в том числе и среди молодых ребят. Молодёжь у нас хорошая! Они также всегда будут готовы защищать Родину — в том числе и потому, что мы являемся для них примером. Я думаю, что так будет и в дальнейшем! Молодёжи надо знать, что Россия у нас одна, Родина у нас одна. И если надо — за неё нужно и жизнь отдать, но главное — нужно по-настоящему готовиться к тому, чтобы защищать Родину и на каждом месте делать своё дело для её укрепления. Так что молодым я желаю крепкого здоровья, успехов в учёбе и, главное, чтобы они всегда были на своём месте. А ещё — быть честными людьми. Мне кажется, что это в жизни самое главное».

...Нам ясно, что сам Алексей Николаевич Ботян в своей долгой жизни всегда оставался по-настоящему честным человеком и искренним, пламенным патриотом — ведь он всё-таки родился в России, в Российской империи.

В добром здравии он дожил до 75-летия освобождения от немецко-фашистских захватчиков польского Кракова — города, с историей которого навечно связано его имя. Но вскоре наступило резкое ухудшение здоровья.

10 февраля 2020 года Алексей Николаевич встречал своё 103-летие уже в госпитале, а 13 февраля его не стало...

Про лётчиков говорят, что они не умирают, а просто не возвращаются из полёта...

Думаем, почти то же самое можно сказать и про нашего друга Алексея Николаевича Ботяна: «Он не умер

— он ушёл в разведку...» Ушёл в разведку в тот мир, откуда, к сожалению, никто не возвращается. Ушёл, как и положено разведчику, впереди нас...

Хотя, как сказал на церемонии прощания с Алексеем Николаевичем в Москве, на Троекуровском кладбище, его ученик, президент Ассоциации Группы «Вымпел» Валерий Владимирович Попов: «Он не уйдёт никогда и вечно будет в наших сердцах и памяти».

Можно также добавить, что Алексей Николаевич Ботян навечно занял своё почётное место в истории нашей Родины, в истории Великой Отечественной войны и, разумеется, в истории наших отечественных спецслужб, которым верно и беззаветно служил с далёкого 1941 года и до конца своих дней — более восьмидесяти лет.

ОСНОВНЫЕ (ОТКРЫТЫЕ) ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. БОТЯНА

1917, 10 февраля — Алексей Ботян родился в крестьянской семье, в селе Чертовичи Виленской губернии Российской империи.

1921, 18 марта — подписан Рижский договор, по которому Западная Белоруссия отошла к Польше; в перспективе (по малолетству) Ботян становится польским гражданином.

1932-1935— учёба в педагогическом училище в городе Ново-грудок; затем — работа на родительской усадьбе.

1939, 14 февраля — призван на службу в Польскую армию.

Июнь — произведён в «подофицерский» чин капрала.

1 сентября — в первый день Второй мировой войны расчёт зенитного орудия, в котором служил Ботян, отражает воздушные налёты самолётов гитлеровских «люфтваффе» и сбивает немецкий бомбардировщик.

Сентябрь — октябрь — оказался в плену у войск Красной армии, бежал, возвратился в родные края.

Октябрь — зачислен на курсы советских учителей в городе Воложине.

2 ноября — Западная Белоруссия вошла в состав СССР — таким образом, Ботян стал полноправным советским гражданином.

1940, сентябрь — 1941, май — заведующий начальной школой в селе Ровковичи Воложинского района.

1941, май — зачислен в Высшую школу НКГБ СССР.

15 июля — зачислен в состав Особой группы при наркомате внутренних дел СССР.

Ноябрь — декабрь — участие в Московской битве — в рейдах по тылам противника.

1942 — проходил специальную подготовку к действиям за линией фронта.

1943, январь — март — в составе оперативной группы «Олимп» совершил 1500-километровый марш по немецким тылам.

23-29 июля — бой оперативной группы с превосходящими силами карателей.

13 сентября — подрыв гебитскомиссариата в Овруче.

1944, 3, 7-8 или 24 февраля — отличился при взятии станции Мацеев, после чего сумел вывезти за линию фронта раненого комиссара отряда М. И. Филоненко — будущего известного разведчика-нелегала.

4 апреля — опергруппа, преобразованная в партизанское соединение им. Александра Невского, вышла на территорию Польши. Ботян отличился в бою по обеспечению переправы через реку Западный Буг.

7—14 апреля — бои в окружении, прорыв из окружения. Ботяну присвоено звание «лейтенант».

8 мая — с группой партизан вышел в район Кракова.

14 мая — группа Ботяна, совместно с польскими партизанами, разгромила немецкий гарнизон в городе Илже.

1945, 18 января — взрыв Ягеллонского замка в Новом Сонме — крупного немецкого склада боеприпасов.

1947 — под именем Лео Дворжака направлен на нелегальную работу в Чехословакию с перспективой дальнейшего вывода в страны Запада.

1950 — женился на Галине Владимировне Фиксель, «волынской чешке», репатриантке из СССР.

1952 — окончил Высшую промышленную машиностроительную школу (конструкторское отделение).

1955, начало года — отозван из Чехословакии в Москву и уволен из органов безопасности.

Апрель — принят на работу метрдотелем в ресторан «Прага». *1957* — принят на службу в Первое главное управление КГБ при СМ СССР.

1965-1972 — работал в Представительстве КГБ СССР при МГБ ГДР, затем в Центральном аппарате внешней разведки.

1984 — в звании полковника вышел в отставку, однако продолжал работу в Службе в качестве консультанта.

1986 (по другой версии — в 1989) — ушёл на пенсию.

2007, 9 мая — Указом Президента РФ № 614 присвоено звание Героя Российской Федерации.

2012, 8 февраля — в Московской Государственной картинной галерее народного художника СССР Александра Шилова представлен портрет А. Н. Ботяна.

2020, 13 февраля — Алексей Николаевич скончался.

Полковник Алексей Николаевич Ботян был удостоен звания Героя Российской Федерации, награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени и орденом Мужества, двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени и Отечественной войны I степени, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности».

Похоронен на Аллее Героев Троекуровского кладбища в Москве.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

A. G. Omskiy

Педагог Алексей Ботян

***Встреча А. Гитлера с министром иностранных дел
Польши Ю. Бекком. Оберхоф, 1938 г.***

*Вопросы № 1-4
и 6-7
не подлежат
заполнению
в анкете
работника НКГБ*

73 425855

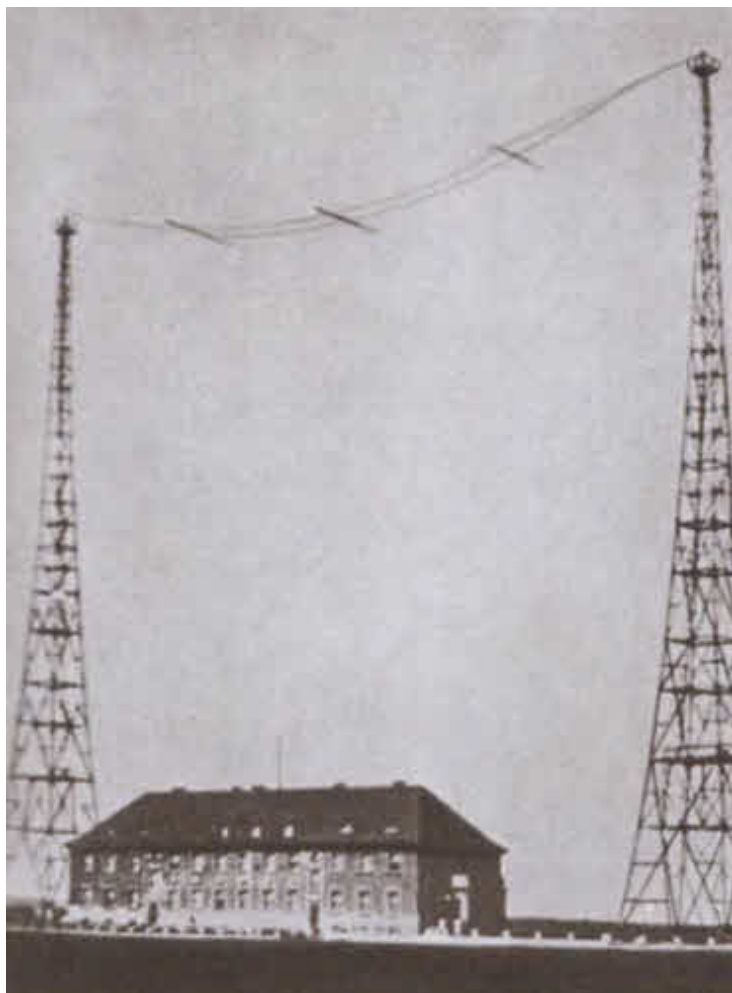
- 1) Прежде чем заполнить анкету — лично ознакомиться с вопросами данного ответа на них.
- 2) Ответы писать подробно, четко и борзко, прочеркивать не разрешается.
- 3) На вопросы, не предусмотренные той, вошедшие в существующее издание, входящие в анкету, должно быть ответлено в конце анкеты.
- 4) Анкета заполняется только ЛИЧНО.
- 5) В тексте ответов указываются ссылки на подтверждающие документы, таковые имеются.

АНКЕТА

СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ РАБОТНИКА НКГБ

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
<p>а) о себе:</p> <p>1. Фамилия, имя и отчество.</p>	<p style="font-size: 1.2em;">Боткин Алексей Николаевич</p>
<p>2. Когда и где менял фамилию, имя и отчество, перечислить их и указать причины изменения.</p>	<p style="font-size: 1.2em;">не изменял</p>
<p>3. Год, месяц и число рождения.</p>	<p style="font-size: 1.2em;">10 февраля 1917г.</p>
<p>4. Место рождения (село, деревня, город, район, область по их названию в год рождения). В скобках указывается место рождения по новому наименованию и административному делению.</p>	<p style="font-size: 1.2em;">БССР, Молодечинская обл. Волотинский р-н д. Тертово</p>
<p>5. Национальность, родной язык.</p>	<p style="font-size: 1.2em;">Белорусы, белорусский</p>
<p>6. Если ранее состоял в другом гражданстве или подданстве, указать в каком именно, когда принят в гражданство СССР и какими документами оформлено.</p>	<p style="font-size: 1.2em;">До присоединения Зап. Белорусии в состав Советского Союза имел польское подданство</p>

**Страница из анкеты специального назначения
работника НКГК А. Н. Ботяна. 30 июля 1945 г.**

Радиостанция в Глейвице

Подразделения Красной армии на марше.

Западная Белоруссия, сентябрь 1939 г.

Самолёты люфтваффе бомбят Варшаву. Сентябрь 1939 г.

Жители города Вильно читают один из первых приказов советской власти. Сентябрь 1939 г.

***Заседание Народного собрания Западной
Белоруссии. Октябрь 1939 г.***

Первый трактор на крестьянском поле.

Западная Белоруссия, 1940 г.

Лаврентий Павлович Берия

Павел Анато́льевич Судоплатов

Дом № 2. Вид со стороны Фуркасовского переулка.

Вторая половина 1930-х гг.

Сотрудник НКВД А. Н. Ботян

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года

Москва военная

Николай Архипович Прокопюк

Евгений Иванович Мирковский

Начальник Четвёртого управления НКВД — НКГБ СССР П. А. Судоплатов (в нижнем ряду первый слева) с командованием и бойцами ОМСБОН

Алексей Николаевич Ботян.

Октябрь 1941 г.

Виктор Александрович Карасёв

Сапёры минируют мост. 26 марта 1943 г.

Бойцы истребительно-диверсионной группы уходят на задание. Ноябрь 1941 г.

Партизаны готовят подрыв железнодорожного полотна

Немецкий патруль в зоне действия партизанских отрядов

Лжепартизанский отряд на Украине. 1943 г.

Краков. Почтовая открытка. 1944 г.

Кадр из фильма «Майор Вихрь». 1967 г.

Старинный Краков сегодня

***Алексей Николаевич Ботян, капитан
госбезопасности. 1950-е гг.***

Полковника. Н. Ботян

А. Н. Ботян — разведчик-нелегал

Советские танки на улицах Праги. 1968 г.

***Юрий Иванович Дроздов, начальник советской
нелегальной разведки в 1979-1991 годах***

Спецназ «Вымпел» — ученики и наследники Ботяна

***Президент России В. В. Путин поздравляет
А. Н. Ботяна с 90-летием и присвоением ему звания
Героя России***

И просто — поздравление от ветеранов

Алексей Николаевич в Кракове

***Город Илже. У памятника, на котором значится имя
«лейтенанта Алёши»***

В гостях у спецназа

В одном старом теперь уже фильме прозвучала песня с такими словами: «Неприметный как будто — Человек Настоящий». Это про него. Посмотрите!

Пресс-конференция в РИА «Новости», посвящённая выходу книги «Подлинная история «Майора Вихря»». Декабрь 2013 г.

Как мы сказали: «Ботян и дети». Что бы ни случилось, он приезжал к ним по первому зову

***В день векового юбилея. Директор СВР
С. Е. Нарышкин вручает А. Н. Ботяну книгу
«Подлинная история «Майора Вихря».***

10 февраля 2017 г.

***В мастерской А. М. Шилова: художник пишет
портрет А. Н. Ботяна***

***Последний раз у своих друзей в Пресс-бюро СВР
России***

***Они навсегда остаются с нами. В первом ряду:
Герой России Алексей Николаевич Ботян, Герой
России Алексей Михайлович Козлов, Герой
Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян***

Герой России, разведчик А. Н. Ботян.

Портрет работы художника Л. М. Шилова. 2011 г.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов В. С, Карпов В. Н. Тайные информаторы Кремля: Волленберг, Артузов и другие. М., 2001.

Бондаренко А. Ю. Подлинная история «Майора Вихря». М., 2014.

Бондаренко А. Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009.

Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985.

Вольф М. Игра на чужом поле: Тридцать лет во главе разведки. М., 1998.

Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 2005.

Дюков А. Р, Яковлев А. М. Забытый геноцид. «Волынская резня» 1943-1944 годов: Документы и исследования. М., 2008.

Зайцев Г. Н. Прага, август 1968-го // Спецназ России. 2008. Сентябрь.

Золотарь И. Ф. Дружья познаются в беде. М., 1973.

История Второй мировой войны. 1939-1945: В 12 т. М., 1974-1979. Т. 3, 4, 8, 10.

Линдер И. Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Диверсанты. Легенда Лубянки — Павел Судоплатов. М., 2008.

Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968: Свидетельства командарма. М., 1998.

Максимов А. Б. Разведка Великой Отечественной. М., 2010.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., 2010.

Мерфи Д. Что знал Сталин: Загадка плана «Барбаросса». М., 2009.

Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3, 4. Вторая мировая война: Исторический очерк.

Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. М., 2005.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: В 8 т. М., 1995, 2000, 2003, 2007, 2008.

ОСНАЗ. От Бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М., 2001.

Политический словарь. М., 1940.

Пожаров А. И. «Хрущёвская оттепель» и КГБ // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. I.

Попов А. Ю., Цветков А. И. Бог диверсий. Профессор Русского спецназа Илья Старинов. М., 2004.

Прибалтика и геополитика: Сборник документов (1935–1945). М., 2006.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975.

Санников Г. З. Большая охота: Участник событий рассказывает. М., 2008.

Север А. Спецназ КГБ. Гриф секретности снят! М., 2008.

Секреты польской политики 1935–1945: Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2010.

Смирнов Н. И. Секретный узел: Тайная война в Беларуси (1939–1941). Минск, 2010.

Судоплатов 77. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Судоплатов 77. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001.

Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. М., 2010.

Устинов И. Л. На рубеже исторических перемен: Воспоминания ветерана спецслужб. М., 2010.

Хёне Х. Чёрный орден СС: История охранных отрядов. М., 2003.

Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. М., 2011.

Энциклопедия секретных служб России. М., 2003.

INFO

Бондаренко А. Ю.
Б 81 Алексей Ботян / Александр
Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2020. —
311(9) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей:
сер. биогр.; вып. 1856).

ISBN 978-5-235-04403-6

УДК 94(47):355.404.92(092)
ББК 63.3(2)622.8

знак информационной продукции 16+

Бондаренко Александр Юльевич
АЛЕКСЕЙ БОТЯН

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *А. С. Козаченко*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 25.03.2020. Подписано в
печать 15.04.2020. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2008770.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес
издательства: 127055, Москва, Сущевская ул.,
21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail:
dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ можно на нашем сайте:

[http: //gva rd iya. ru/shop/](http://gvardiya.ru/shop/)

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1 или воспользоваться курьерской и почтовой службой доставки

Наши книги доступны всем регионам России!

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**С. Е. Михеенков
МОСКВА-41**

Эта книга трагична, потому что иной быть и не могла. 1941 год. После летних боев, тяжелых потерь — личного состава, вооружения и территорий — Красная армия остановилась на ближних подступах к Москве. Все. Дальше отступить было уже некуда. Историки, отечественные и зарубежные, до сих пор спорят и не могут прийти к общему согласию в понимании того, что же произошло на Московском рубеже, откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов. Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, все складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но все же по-прежнему была еще слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И почему так жестко Красная армия была остановлена в начале 1942 года на исходе контрнаступления? На все эти вопросы автор книги «Москва-41» отвечает, исследуя судьбы действующих лиц и героев одной из самых масштабных и грандиозных битв Великой Отечественной/Второй мировой войны. В книге впервые публикуются многие документы из различных архивов,

фондов и частных коллекций, ставших доступными только в последние годы.

С. Е. Михеенков

БЕРЛИН-45

Книга «Берлин-45» необычная. Дни и ночи последнего штурма показаны в ней через судьбы его участников — солдат и генералов, командиров корпусов и рядовых разведчиков, танкистов, пехотинцев. Некоторые герои книги прошли войну от западных границ Советского Союза до Москвы, а затем через Смоленщину, Белгородчину, Донбасс, Белоруссию и Польшу до Берлина. Судьбы героев показаны на фоне сложного времени. Автор вводит в оборот многие малоизвестные и неизвестные широкому читателю документы, которые во многом по-новому позволяют взглянуть на нашу историю, загроможденную в прежние годы завалами идеологием, мифов и откровенной лжи. Среди героев — генерал Иван Рослый, танкист полковник Амазасп Бабаджанян, разведчик Григорий Булатов, гвардии певица Лидия Русланова, которая в мае сорок пятого дала свой знаменитый победный концерт на ступеньках поверженного Рейхстага. Впервые развернуто показана картина тыла и обеспечения войск 1-го Белорусского фронта — через судьбу генерала Н. А. Антипенко, талантливого организатора и бесстрашного воина.

В. С. Антонов

ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ

Документальный рассказ о выдающемся советском разведчике-профессионале, имя которого в 1920—1930-е годы было окружено легендами в чекистской среде. В разведке прошел путь от нелегального оперативного сотрудника и резидента за кордоном до создателя и руководителя самостоятельного специального

нелегального подразделения, активно действовавшего практически по всему миру. Его деятельность всегда сопровождалась повышенным уровнем секретности. Достаточно сказать, что впервые материалы о проведенных им уникальных разведывательных операциях появились в отечественной и зарубежной литературе лишь в начале 1990-х годов, то есть спустя почти 50 лет после его смерти.

А. Ю. Бондаренко

ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ

Настоящая книга — это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ России, а также — о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в различное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- З. Прилепин «ЕСЕНИН»
- В. Молодяков «ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ»
- В. Бондаренко «СВЯТЫЕ СТАРЦЫ»
- Н. Борисов «ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ»
- Н. Петрова «НАХИМОВ»
- А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»
- Л. Млечин «ВОЖДИ СССР»
- В. Антонов «ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ»
- Л. Никифорова, М. Кизилев «АЙН РЭНД»
- Е. Погорелая «ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК»
- К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»
- А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

Александр Бонадренко

Военный журналист, писатель, историк, автор ряда художественных и публицистических книг. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе — премии СВР России, премии Александра Невского, премии ФСБ России (в составе авторского коллектива).

Полковник внешней разведки Алексей Николаевич Ботян (1917-2020) был удостоен звания Героя России в 2007 году — за подвиги, совершённые во время Второй мировой войны, в которую он вступил 1 сентября 1939 года. В

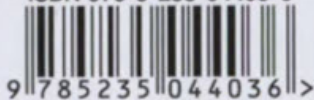
Великую Отечественную он воевал в составе оперативной группы НКВД «Олимп», участвовал во многих операциях против гитлеровских войск и бандитского подполья на Западной Украине, взорвал Овручский гебитскомиссариат в 1943-м и спасал от разрушения Краков в 1945-м. Его трижды представляли к званию Героя Советского Союза. После войны Ботян находился на нелегальной работе за рубежом, выполнял специальные задания разведки, принимал участие в подготовке Группы специального назначения «Вымпел».

Александр Бондаренко

Военный журналист, писатель, историк, автор ряда художественных и публицистических книг. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе — премии СВР России, премии Александра Невского, премии ФСБ России (в составе авторского коллектива).

ISBN 978-5-235-04403-6

9 785235 044036 >

Полковник внешней разведки Алексей Николаевич Ботян (1917—2020) был удостоен звания Героя России в 2007 году — за подвиги, совершённые во время Второй мировой войны, в которую он вступил 1 сентября 1939 года. В Великую Отечественную он воевал в составе оперативной группы НКВД «Олимп», участвовал во многих операциях против гитлеровских войск и бандитского подполья на Западной Украине, взорвал Овручский гебитскомиссариат в 1943-м и спасал от разрушения Краков в 1945-м. Его трижды представляли к званию Героя Советского Союза. После войны Ботян находился на нелегальной работе за рубежом, выполнял специальные задания разведки, принимал участие в подготовке Группы специального назначения «Вымпел».

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

notes

Примечания

1

Документы, опубликованные без указания источника, предоставлены автору Архивом Службы внешней разведки. *(Здесь и далее — примечания автора.)*

Точнее, там ошибочно написано «Виленского уезда Виленской губернии», но в статье «Вилейка» говорится, что Молодечно входит в данный уезд. Не всё так просто!

3

«Во всей Польше на 3 миллиона белорусов было всего несколько белорусских школ, в которых учились только 2 тысячи белорусских детей. Больше половины населения [Западной] Белоруссии было неграмотно» (Политический словарь. М., 1940. С. 195).

4

Быстро! *(нем.)*.

5

Господин офицер! *(нем.)*.

Франц Викентьевич Кушель (1895–1968) — штабс-капитан Русской императорской армии, затем — офицер Польской армии, после 1939 года недолго пробыл в советском плену, затем жил в Минске; с 1941 года на службе у немцев, в конце войны — командир дивизии СС «Беларусь». Умер в США.

Кубе Вильгельм Рихард Пауль (1887-1943) —
группенфюрер СС, генерал-комиссар генерального
округа Белоруссия (1941-1943).

8

Лесные заросли, непроходимый лес.

Алексей Алексеевич Игнатьев, граф (1877-1954) — участник Русско-японской войны, военный агент (атташе) России во Франции в 1912-1917 годах, полковник; при Временном правительстве — генерал-майор; перешёл на сторону советской власти, генерал-лейтенант (1943).

Артур Христианович Артузов (Фраучи) (1891-1937) — руководитель советской внешней разведки в 1931-1935 годах.

11

Польский министр иностранных дел.

Иосиф (Юзеф) Пилсудский (1867–1935) — польский государственный и военный деятель; премьер-министр в 1926–1928 и 1930 годах. Первый маршал Польши и начальник Польского государства.

Официальные титулы Пилсудского.

14

ОКХ — от *нем.* ОКН (Oberkommando des Heeres) — главнокомандование сухопутных сил вермахта.

15

Между прочим, кстати (*фр.*).

См. Политический словарь, выпущенный именно в то время. Подтверждается это и выступлением британского премьера Чемберлена в палате общин 31 марта 1939 года. Однако некоторые современные источники почему-то указывают дату подписания польско-британского договора как 25 августа 1939 года.

Орлами именовались знамёна армии императора Наполеона I.

Джордж Натаниел Керзон, 1-й маркиз Керзон Кедлстонский (1859–1925) — видный английский публицист, путешественник и государственный деятель. Вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), лидер палаты лордов (1916–1925), лорд-председатель Совета (1916–1919, 1924).

19

Современный немецкий историк.

Миклош Хорти (1868–1957) — фашистский диктатор Венгрии, контр-адмирал.

21

Местные (зап. — укр. сленг).

Nachtigall — «Соловей»; батальон, сформированный из членов ОУН — Организации украинских националистов. Не входя в состав вермахта, получал полное довольствие по немецким военным нормам и носил форму военнослужащих германской армии с отличительной жёлто-голубой («жовто-блакитной») полосой на погонах. Имел двойное — немецкое и украинское — командование.

Мерфи Д. Что знал Сталин: Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 61.

Там же. С. 55.

НКГБ СССР — Народный комиссариат государственной безопасности СССР; существовал в феврале — июле 1941 года, после чего его подразделения вновь вошли в состав НКВД СССР; затем — с апреля 1943-го по март 1946 года, когда был переименован в Министерство государственной безопасности СССР.

В настоящее время — Лубянская площадь и улица Большая Лубянка.

Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) — разведчик-нелегал, впоследствии — один из руководителей советской внешней разведки, генерал-лейтенант; во время Великой Отечественной войны — начальник Четвёртого управления НКВД СССР. В 1953 году был репрессирован, осуждён на 15 лет и полностью отбыл наказание. Реабилитирован в 1992 году.

Позволяем себе чуть-чуть уточнить цитату, потому как в оригинале написано «первого разведывательного управления НКГБ — НКВД», что может ввести читателя в заблуждение; можно решить, что в составе НКГБ — НКВД было несколько «номерных» разведывательных управлений.

Яков Исаакович Серебрянский (1892-1956) — разведчик-нелегал, полковник. Арестован и приговорён к расстрелу в 1941 году; арестован «по делу Берии» в 1953 году, скончался в тюрьме, на допросе.

Наум Исаакович Эйтингон (1899-1981) — сотрудник внешней разведки, генерал-майор, с июля 1941 года — заместитель начальника Особой группы НКВД СССР по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу врага. В октябре 1951 года арестован по «делу о сионистском заговоре в МГБ»; с марта 1953 года — заместитель начальника 9-го отдела МВД СССР. 21 июля 1953 года арестован по «делу Берии». Освобождён в марте 1964 года. Посмертно реабилитирован в 1992 году.

Зоя Ивановна Рыбкина (Воскресенская; 1907-1992) — сотрудник ИНО ОГПУ с 1929 года; в послевоенные годы возглавляла немецкий отдел внешней разведки; полковник; известная писательница, лауреат Государственной премии СССР.

Станислав Алексеевич Ваупшасов (1899-1976) — в 1920-1925 годах находился на нелегальной работе в Западной Белоруссии, в 1937-1939 годах в Испании — по линии военной разведки; с 1939 года — во внешней разведке. С конца 1941 года — командир отряда особого назначения, командир партизанского соединения. Герой Советского Союза, полковник.

Николай Иванович Кузнецов (1911-1944) — советский разведчик, Герой Советского Союза.

Вильям Генрихович Фишер (Рудольф Иванович Абель;
1903–1971) — разведчик-нелегал, полковник.

Африка де Лас Эрас (1909–1988) — член компартии Испании, участница гражданской войны; в 1939 году вывезена в СССР. После Великой Отечественной войны — на нелегальной работе за границей. Полковник.

Вячеслав Васильевич Гриднев (1898-1991) —
командир 1-го полка ОМСБОН, с августа 1942 года —
командир бригады; генерал-майор.

Михаил Фёдорович Орлов (1903–1983) — командир ОМСБОН до августа 1942 года; полковник.

Евгений Иванович Мирковский (1904–1992) — Герой Советского Союза, полковник, командир отряда имени Ф. Э. Дзержинского.

Буквой «К» в данном сообщении был обозначен Виктор Александрович Карасёв — запомним это имя!

Виктор Семёнович Абакумов (1908–1954) — начальник Управления особых отделов НКВД СССР (1941–1943), начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, замнаркома обороны СССР (1943–1946); генерал-полковник (1945).

Иван Иванович Ильичёв (1905–1983) — с августа 1942 года исполняющий обязанности начальника, с августа 1944 года — начальник Главного разведывательного управления Красной армии; генерал-лейтенант.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984) — начальник Центрального штаба партизанского движения (1942–1944); генерал-лейтенант (1943).

Борис Лаврентьевич Галушкин (1919-1944) — младший лейтенант, командир спецотряда «Артур»; Герой Советского Союза (посмертно).

Юрий Антонович Колесников (1922-2013) — советский разведчик, писатель, полковник государственной безопасности, Герой Российской Федерации (1995).

Кирилл Прокофьевич Орловский (1895–1968) — в ВЧК с 1918 года; в 1936–1937 годах выполнял задания внешней разведки в Испании; в 1942–1943 годах командовал отрядом особого назначения «Соколы» на территории Белоруссии. Звание Героя Советского Союза присвоено в 1943 году. В 1944 году вышел в отставку по ранению, работал председателем колхоза, который под его руководством стал одним из лучших в стране.

*Николай Тарасович Приходько (1920–1943) — связной
Николая Кузнецова; Герой Советского Союза.*

Татьяна Савельевна Мариненко (1920–1942) — школьная учительница; разведчица и связная партизанской бригады «Неуловимые». По полученным ею разведданным партизанами был проведён ряд успешных боевых операций; ценная информация передавалась командованию Красной армии. Была захвачена гитлеровцами и после зверских пыток расстреляна.

Фраза В. И. Ленина «Дальний Восток далеко, но край это нашенский» некогда была очень популярна.

Илья Григорьевич Старинов (1900–2000) — легендарный диверсант, участник многих войн, «профессор спецназа». Полковник, неоднократно, но безрезультатно представлялся к званию Героя Советского Союза и генеральскому чину.

ПУН — Провод украинских националистов,
«правительство ОУН в эмиграции».

Евгений (Евген) Михайлович Коновалец (1891-1938) — полковник армии Украинской Народной Республики; создатель и руководитель ОУН.

Бригада из галичан, входившая в состав австро-венгерской армии в Первую мировую войну.

VI Управление Главного управления имперской безопасности (РСХА) — внешняя разведка Германии.

Не очень уважительное прозвище
западноукраинских националистов.

Служба безопасности.

Владислав Сикорский (1881-1943) — генерал брони, премьер-министр правительства Польши в изгнании (с 1939); погиб в авиационной катастрофе 4 июля 1943 года.

Дюнкерк — город на северном побережье Франции, откуда 26 мая — 4 июня 1940 года происходила спешная эвакуация в Англию разгромленных частей французских, английских и бельгийских войск.

«Армия Андерса» — условное название формирований вооружённых сил Польской Республики, созданных в 1941 году на территории СССР по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании из польских граждан, находившихся на территории СССР.

59

Один из лидеров Консервативной партии
Великобритании.

Франклин Делано Рузвельт (1882-1945) — 32-й президент США (с 1933 года).

61

Заместитель госсекретаря США.

Джозеф (Юзеф) Ретингер (1888–1960) — польский и английский политик, основатель Совета Европы. Один из инициаторов первого собрания Бильдербергского клуба.

Орфография подлинника сохранена. Документ, хранящийся в Архиве Службы внешней разведки, написан от руки на тетрадном листе в линейку.

Анкета выполнена на стандартном бланке, с ярко выраженными особенностями в написании букв «н», «д», «к» и некоторых конечных гласных.

Боёвка (бойовка) — отряд боевиков, «низовое подразделение».

Чета — взвод.

Курень — батальон.

Украинский штаб партизанского движения.

«Ещё Польша не погибла».

Один из неофициальных девизов Польши — XIX век.

Станислав Миколайчик (1901-1966) — премьер-министр правительства Польши в изгнании в 1943-1944 годах.

Текст отпечатан на пишущей машинке; сохранены некоторые особенности орфографии подлинника.

Фольксдойче — немцы, жившие вне пределов Германии.

Так в тексте.

Оперативно-чекистской группы.

Всеволод Николаевич Меркулов (1895–1953) — генерал армии; нарком (министр) госбезопасности в 1941, 1943–1946 годах.

Андрей Андреевич Власов (1901-1946) — генерал-лейтенант РККА, командующий 2-й ударной армией; попал в плен и перешёл на сторону противника в июле 1942 года.

Анна Фёдоровна Камаева (1918-1998) — радистка партизанского отряда; с 1944 года на нелегальной работе.

Кавычки в оригинале непонятны, ибо общение с «сильными мира сего» всегда считается высокой честью. По крайней мере, сами «сильные», так называемая политическая элита, абсолютно уверены, что общение с ними может кого-то возвысить и осчастливить.

Пляцувка — сильные отряды самообороны, создаваемые из жителей нескольких сёл.

81

Кавалерийский эскадрон.

Разведорган.

СД — оперативная служба внутренней разведки и контрразведки.

14-я пехотная дивизия СС «Галиция» («Галичина»). Сформирована в апреле 1943 года на Украине (около тридцати тысяч украинских добровольцев); проходила подготовку в Германии. В 1944 году действовала на советской территории.

Прочитать невозможно.

86

Указан только первый инициал.

Так в тексте. Очевидно — «компания», то есть рота.

Так в тексте.

ПЗП — «Польски Звензек Повстанчи» — подпольная организация.

Генрих Гиммлер — рейхсфюрер СС.

91

Фамилия агента из текста удалена.

Подпольных отрядов.

Генерал-Губернаторство — немецкое название оккупированной Польши.

5-я танковая дивизия СС «Викинг».

То есть запасная дивизия.

Отметка на полях: «213-я».

Разведрота.

Эрнст Кальтенбруннер (1903–1946) — обергруппенфюрер СС, шеф Главного имперского управления безопасности. Казнен по приговору Нюрнбергского международного трибунала.

Альфред Йодль (1890–1946) — начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКХ). Разделил судьбу генерал-губернатора Франка и Кальтенбруннера.

100

Унтер-офицерский чин в войсках СС.

101

Речь идёт о борьбе против АК.

Евгений Степанович Березняк (1914-2013) — ветеран Великой Отечественной войны, сотрудник военной разведки. Герой Украины (2001).

Правильнее было бы «справлялись», потому как это были совершенно разные структуры.

Точнее — Первое главное управление МГБ СССР и ГРУ Министерства Вооружённых сил СССР.

Школа фабрично-заводского ученичества в СССР — аналог ремесленного или профессионально-технического училища.

Иван Александрович Серов (1905-1990) — председатель КГБ при Совете министров СССР в 1954-1958 годах.

Мариус Арамович Юзбашян (1924-1993) — генерал-лейтенант. В 1972-1978 годах — заместитель начальника Управления «С»; в 1978-1988 годах — председатель КГБ Армянской ССР. Убит в Ереване 21 июля.

Бенно Онезорг (1940–1967) — немецкий студент, пацифист. Присутствовал в качестве зрителя на демонстрации против визита главы Ирана шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в Западный Берлин и ФРГ. Во время разгона демонстрации был смертельно ранен западноберлинским полицейским, которого впоследствии суд оправдал «за недостаточностью улик». Это убийство стало одной из причин активизации немецкой молодёжи, раскола немецкого общества и радикализации студенческого движения в стране.

Александр Михайлович Майоров (1920–2008) — генерал армии (1977); в 1968–1972 годах командующий Центральной группой войск, дислоцированной в Чехословакии.

Семён Кузьмич Цвигун (1917-1982) — генерал армии, первый заместитель председателя КГБ СССР.

Георгий Карпович Цинев (1907-1996) — генерал армии, первый заместитель председателя КГБ СССР.

Виталий Васильевич Федорчук (1918–2008) — генерал армии; начальник Третьего управления КГБ СССР в 1967–1970 годах.

Шарль Морис Талейран-Перигор (1754-1838) — французский дипломат и государственный деятель.

114

Имеется в виду пограничная Амударья, то есть в Афганистан.

comments

Комментарии

1

Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 253.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 2: Великий перелом. С. 691.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990.
Т. 1. С. 63.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 75.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Тайные информаторы Кремля: Волленберг, Артузов и другие. М., 2001. С. 168.

Секреты польской политики 1935–1945.
Рассекреченные документы Службы внешней разведки
Российской Федерации. М., 2010. С. 19.

Политический словарь. М., 1940. С. 155, 156.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., 2010. С. 13.

9

Там же. С. 15.

Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 70.

11

Там же.

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1974.
Т. 3. С. 13.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., 2010. С. 39.

Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 82.

Там же. С. 83.

Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 72.

Политический словарь. С. 195.

Мартиросян А. Б. 200 мифов о Великой Отечественной. Кн. 1. На пути к мировой войне. М., 2008. С. 407.

Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МТБ СССР. М., 2010. С. 10.

Дюков А. Р., Яковлев А. М. Забытый геноцид. «Волынская резня» 1943-1944 годов. Документы и исследования. М., 2008. С. 71, 72.

Хёне Х. Чёрный орден СС: История охранных отрядов. М., 2003. С. 267.

Там же. С. 268.

Дюков А. Р., Яковлев А. М. Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов: Документы и исследования. М., 2008. С. 74, 75.

Мерфи Д. Что знал Сталин: Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 61.

25

Там же.

Политический словарь. С. 195.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Накануне. Кн. 1. С. 74, 75.

Там же. С. 81.

Там же. С. 167, 168.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001. С. 14.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 149.

Там же.

Энциклопедия секретных служб России. М., 2003. С. 368.

Судоплатов П. Л. Разведка и Кремль. С. 149, 150.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. С. 218, 219.

ОСНАЗ. От Бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М., 2001. С. 5.

Политический словарь. С. 427.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 149, 150.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000. Т. 2. Кн. 2. Начало. С. 163.

Север А. Спецназ КГБ: Гриф секретности снят! М., 2008. С 363.

Максимов А. Б. Разведка Великой Отечественной. М., 2010. С. 288.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000. Т. 2. Кн. 2. Начало. С. 549.

Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. М., 2005. С. 223.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000. Т. 2. Кн. 2. Начало. С. 369.

Там же. С. 568.

Информационный бюллетень Ассоциации историков
Второй мировой войны. 2003. № 8 (Публ.
Ю. А. Никифорова).

История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 106, 107.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. С. 322, 323.

OCHA3. C. 59.

Максимов А. Б. Указ. соч. С. 288.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2003. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». С. 40.

OCHA3. C. 52.

Мягков М. Ю. Указ. соч. С. 238.

Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 11, 12.

Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940. С. 419.

OCHA3. C. 39.

Теория и практика западноукраинского
национализма... С. 10.

Санников Г. З. Большая охота: Участник событий рассказывает. М., 2008. С. 61.

59

Там же.

Семёнов Ю. С. Альтернатива. М., 1977. Кн. 3. Третья карта. С. 62.

Санников Г. З. Указ. соч. С. 60, 61.

Теория и практика западноукраинского
национализма... С. 10.

Санников Г. З. Указ. соч. С. 71.

Там же. С. 71, 72.

Дюков А. Р., Яковлев А. М. Указ. соч. С. 76, 77.

Санников Г. З. Указ. соч. С. 73.

Теория и практика западноукраинского
национализма... С. 57.

Дюков А. Р, Яковлев А. М. Указ. соч. С. 81-83.

69

Там же.

Мягков М. Ю. Указ. соч. С. 328.

Прибалтика и геополитика: Сб. документов (1935–1945). М., 2006. С. 241, 242.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 256.

OCHA3. C. 51.

Дюков А. Р, Яковлев А. М. Указ. соч. С. 88.

OCHA3. C. 61.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». С. 255.

Попов А. Ю., Цветков А. И. Бог диверсий: Профессор Русского спецназа Илья Старинов. М., 2004. С. 226.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 404, 405.

OCHA3. C. 99, 100.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». С. 600.

81

OCHA3. C. 99, 100.

Энциклопедия секретных служб России. С. 368.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». С. 457, 458.

Линдер И. Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Диверсанты: Легенда Лубянки — Павел Судоплатов. М., 2008. С. 720.

Теория и практика западноукраинского
национализма... С. 58.

Дюков А. Р, Яковлев А. М. Указ. соч. С. 88.

Там же. С. 36, 37.

Там же. С. 38, 39.

Там же. С. 40.

Там же. С. 29.

Там же. С. 104.

Там же. С. 105.

Там же. С. 110-112.

Великая Отечественная война 1941-1945:
Энциклопедия. М., 1985. С. 60.

OCHA3. C. 59.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. С. 526.

Там же. С. 521.

Энциклопедия секретных служб России. С. 368.

Линдер И, Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Указ. соч. С. 721.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. С. 929.

Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Давыдов Д. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 43.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Указ. соч. С. 168.

Там же. С. 173.

Там же. С. 175.

Линдер И. Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Указ. соч. С. 721.

OCHA3. C. 100.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. С. 399.

Там же. С. 431.

Великая Отечественная война 1941-1945. С. 60.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. С. 601, 602.

Санников Г. З. Указ. соч. С. 76.

Теория и практика западноукраинского
национализма... С. 57.

Санников Г. З. Указ. соч. С. 76.

Секреты польской политики 1935–1945 гг. С. 448.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. С. 465.

116

Там же. С. 673.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2007. Т. 5. Кн. 1. Вперёд на Запад. С. 283.

119

Там же. 599, 600.

120

Там же. 608, 609.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 470, 471.

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1977.
Т. 8. С.176.

Золотарь И. Ф. Друзья познаются в беде. М., 1973. С. 7.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2007. Т. 5. Кн. 1. Вперёд на Запад. С. 426, 427.

Золотарь И. Ф. Указ. соч. С. 25.

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1977.
Т. 8. С.197.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2007. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены. С. 830.

Дюков А. Р, Яковлев А. М. Указ. соч. С. 54, 55.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 38.

Линдер И. Б., Чуркин С. А., Абин Н. Н. Указ. соч. С. 728.

Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. М., 2011. С. 243.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 560, 561.

Там же. С. 563.

Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. М., 2011. С. 242, 243.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 44.

Золотарь И. Ф. Указ. соч. С. 145.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 102, 103.

Там же. С. 103.

Великая Отечественная война 1941-1945. С. 120.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 591, 592.

Прибалтика и геополитика: Сб. документов (1935-1945). М., 2006. С. 337-339.

Смирнов Н. И. Секретный узел: Тайная война в Беларуси (1939–1941). Минск, 2010. С. 238.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 151.

Золотарь И. Ф. Указ. соч. С. 11, 12

145

Там же. С. 17.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 595.

Великая Отечественная война 1941-1945. С. 121.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 595.

Золотарь И. Ф. Указ. соч. С. 33, 34.

150

Там же. С. 347.

Великая Отечественная война 1941-1945. С. 130.

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1979.
Т. 10. С. 78.

Семёнов Ю. С. Альтернатива. М., 1977. Кн. 3. Майор «Вихрь». С. 412.

Там же. С. 415.

155

Там же.

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1979.
Т. 10. С. 58.

Золотарь И. Ф. Указ. соч. С. 297.

158

Там же.

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1979.
Т. 10. С. 78.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 299, 300.

Великая Отечественная война 1941-1945. С. 60.

Золотарь И. Ф. Указ. соч. С. 411.

163

OCHA3. C. 47.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 523, 524.

Лота В. И. В XXI веке — майор «Вихрь» // Родина.
2012. № 10. С. 72.

Энциклопедия секретных служб России. С. 368.

Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 614.

168

Там же. С. 615.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 280.

170

Там же.

171

Там же. С. 281.

Энциклопедия секретных служб России. С. 368.

Пожаров А. И. «Хрущёвская оттепель» и КГБ // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. I. С. 180.

Энциклопедия секретных служб России. С. 368.

Пожаров А. И. Указ. соч. С. 180, 181.

Энциклопедия секретных служб России. С. 368.

Там же. С. 259.

Вольф М. Игра на чужом поле: Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 45.

Бондаренко А. Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 84.

Вольф М. Указ. соч. С. 169, 170.

Зайцев Г. Н. Прага, август 1968-го // Спецназ России.
2008. Сентябрь.

Вольф М. Указ. соч. С. 171.

Зайцев Г. Н. Указ. соч.

Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968: Свидетельства командарма. М., 1998. С. 193.

Бондаренко А. Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009. С. 87.

Вольф М. Указ. соч. С. 178.

УСТИНОВ И. Л. На рубеже исторических перемен: Воспоминания ветерана спецслужб. М., 2010. С. 116, 117.

Энциклопедия секретных служб России. С. 369.

Там же. С. 369, 370.

Kalugin O. The First Directorate. New York, 1994. P. 131.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён: Записки начальника нелегальной разведки. М., 2005. С. 161, 162.

Там же. С. 162.

Дроздов Ю. И. Указ. соч. С. 163, 164.